

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Russia in the Lives of Foreigners

Sergey Kashtanov, an Outstanding
Historiographer of the Middle Ages

A Diary of a Ural Landowner's Serf:
the Multiple Aspects of a Source

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2310-757X (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

2015 №1

<http://qr.urfu.ru>

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. По решению редакции часть статей переводится с иностранного языка на русский, часть – с русского на английский. Основанием является возможность расширения читательской аудитории. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Более полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. The Editorial Board may decide to translate an article from a foreign language into Russian or from Russian into English which is explained by the need to reach a wider reading public. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания E43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Adress: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); **Section Editors:** *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* — Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); **Reviews Section Editor:** Prof. **Maria Litovskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU), Dr **Dmitry Spiridonov**; **Executive Secretary Associate:** Dr **Rustam Ganiyev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Dr **Sergey Nefedov** (Russia, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* — проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* — проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: доц. **Р. Т. Ганиев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сизтл, Университет Восточного Вашингтона); к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); д. и. н. **С. А. Нефедов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгемма); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Russia in the Destinies of Foreign Nationals [in English, in Russian] 7	Russia in the Destinies of Foreign Nationals [in English, in Russian] 7
---	---

Scientia et vita

<i>Maureen Perrie</i> . From Poetry to Peasantry: My Early Adventures in Russian Studies [in English, in Russian] 19	<i>Maureen Perrie</i> . From Poetry to Peasantry: My Early Adventures in Russian Studies [in English, in Russian] 19
---	---

Problema voluminis

Иностранцы в России

Foreigners in Russia

<i>Сергей Черников</i> . Российский генералитет 1730–1741 гг.: численность, национальный и социальный состав, тенденции развития 39	<i>Sergey Chernikov</i> . Russian Generals between 1730 and 1741: Numbers, National and Social Background, Trends 39
<i>Francine-Dominique Liechtenhan</i> . Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters Des Grossen . . . 59	<i>Francine-Dominique Liechtenhan</i> . Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters Des Grossen . . . 59
<i>Клаус Штайнке</i> . Записки Августа фон Коцебу о Тобольске начала XIX в.: к восприятию Сибири немцами. 71	<i>Klaus Steinke</i> . Tobolsk in August von Kotzebue's Sketches: On the Perception of Siberia by Germans 71
<i>Татьяна Илюшечкина</i> . «Описание Сибири» в круге интересов российской и европейской дипломатической элиты конца XVII – начала XVIII в. 83	<i>Tatiana Ilyushechkina</i> . <i>A Description of Siberia</i> in the Circle of Interests of the Russian and European Diplomatic Elite (Late 17 th – Early 18 th Centuries) 83
<i>Андрей Келлер</i> . Литерный поезд «Северный экспресс»: между миром и войной (1884–1914) 109	<i>Andrey Keller</i> . The Nord Express Special Train: Between Peace and War (1884–1914). 109
Россия: образы и стереотипы	Russia: Images and Stereotypes
<i>Елена Березович, Юлия Кривошчапова</i> . Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков: Человек. Культура. Политика и экономика 129	<i>Elena Berezovich, Iulia Krivoshchapova</i> . The Image of Moscow in the Mirror of the Russian and Foreign Languages: Man. Culture. Politics and Economy. 129

<i>Валерий Мароши.</i> Зверинцы и зоосады в русской литературе XIX – начала XX в.: между раем и адом 153	<i>Valery Maroshi.</i> Menageries and Zoos in the Russian Literature of the 19 th and Early 20 th Centuries: between Heaven and Hell 153
--	--

Disputatio

<i>Нежа Зайц.</i> Слово и изображение в христианской эмблематике животных. 177	<i>Neža Zajc.</i> Word and Image in Christian Animal Emblems. 177
<i>Игорь Лоцилов.</i> «Меж тем вверху звезда сияет...»: Заболоцкий и «мироведение» 192	<i>Igor Loshchilov.</i> «Mezh tem vverhu zvezda siyaet...» [“Meanwhile, the top star shines”...]: Zabolotsky and <i>Mirovedenie</i> 192
<i>Olga Turysheva.</i> With Truth or with Christ? Lars von Trier’s Dialogue with Fyodor Dostoevsky. 203	<i>Olga Turysheva.</i> With Truth or with Christ? Lars von Trier’s Dialogue with Fyodor Dostoevsky. 203
<i>Рина Лapidус.</i> Метаморфозы еврейской мистики в «Белой гвардии» Михаила Булгакова . . 213	<i>Rina Lapidus.</i> The Transformation of Jewish Mysticism in Mikhail Bulgakov’s <i>The White Guard</i> . . . 213

Heritage Nomina et scholae

<i>Lyubov’ Stolyarova, Svetlana Koroleva.</i> Sergey Kashtanov: Historiographer of the Russian and European Middle Ages. 225	<i>Lyubov’ Stolyarova, Svetlana Koroleva.</i> Sergey Kashtanov: Historiographer of the Russian and European Middle Ages. 225
--	--

Dialogus

<i>Людмила Дашкевич, Марина Ларионова, Евгений Неклюдов, Ирина Шалина.</i> Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых 255	<i>Lyudmila Dashkevich, Marina Larionova, Yevgeny Neklyudov, Irina Shalina.</i> Everyday Life of a Provincial Estate: A Diary of a Servant of the Ural Landowners Golubtsov. 255
--	--

Critica

<i>Сергей Красильников, Иван Кузнецов.</i> О новой версии российской истории 277	<i>Sergey Krasilnikov, Ivan Kuznetsov.</i> On a New Version of Russian History 277
Сокращения 288	Abbreviations 288

VOX REDACTORIS

DOI: 10.15826/QR.2015.1.076

RUSSIA IN THE DESTINIES OF FOREIGN NATIONALS

One year ago, launching *Quaestio Rossica* journal, we offered our foreign colleagues to describe the reasons for their professional engagement to Russia — its history and culture, language and literature, that is, the aspects that can be seen as the embodiment of national identity and that in the end are the ones that remain in the collective memory of mankind. This appeal to the representatives of different cultures and various scientific traditions contained a great deal of self-reflection for the project, and at the same time served as a kind of antidepressant, turning attention towards the country and its importance for the world, especially at the intersection of kaleidoscopic diversity of opinions. In the research discourse Russia appears as a country with ‘unpredictable past’, a country in which ideological poles can be switched to opposites during a lifespan of a single generation, as if turning the globe over, transforming day into night. Quite excitingly, personal life stories that were told to the journal by the research community, related to and sometimes caused by the study of Russia, proved a promising genre to form a body of historical sources, revealing the perception of the country with difficult and often tragic history, as well as the dramatic fate of its people.

By offering *Scientia et vita* section in *Quaestio Rossica*, we were able to touch upon the personal destinies and experiences of our colleagues in Humanitarian guild, and to make an attempt at understanding what makes them climb the Mont Blanc of Russian language, seek their way through the maze of Russian history, empathize with the tragedy of Russian intelligentsia and find new interpretations for numerous Russian literature oeuvres. Now we can say that the idea was a success; in the course of a year we have printed in original language and translated into Russian the essays of Slavists from the US, England, Germany, and Finland. We are sincerely grateful to them for their honest, correct, friendly, and understanding accounts of Russian life and for their commitment to the issues of past and present Russia. These stories themselves possess the quality of historical sources, revealing various aspects of the development of Russia’s image in humanitarian thought.

This year we will continue publishing memoirs of foreign researchers, starting with a masterly written and original memoir of the British historian, Professor Maureen Perry of the University of Birmingham. The unequivocal sincerity of her story about the scientific search and selection of the research topic is indeed inspirational. An intriguing title of her memoirs “From Poetry to Peasantry: My Early Adventures in Russian Studies” is a brilliant match with the liveliness of her story and the remarkable details of her narrative. A shift in Professor Perry’s scientific interests from the

poetry of Russian Silver Age to the history of Russian peasantry are much akin Tolstoy's contemplations on the 'peasant roots' of Russian 'civilization'.

In *Quaestio Rossica* we combine problem-oriented topics, outlined by the editorial board for each issue, with the more freely organized scientific research materials on a wider variety of deserving topics in humanities. The main theme of the current issue, defined in *Problema voluminis* Section, is ***Foreigners in Russia***.

This topic is by no means new; it has long existed in proper historical and in wider humanistic thinking. Fundamental oppositions seem to form the basis of this tradition. The dichotomy between 'native' (us) — 'alien' (others) is of paramount importance to every culture; it resurjects with varying degrees of awareness both in everyday practices and in theoretical discussions. The brightest and most famous metaphor for this dichotomy may well be Gulliver — the eternal wanderer, who learned on his own the fragility and relativity of traditional worldview ideas, on the one hand, and the existence of certain 'real' values, on the other hand (having in mind his last "Voyage to the Country of the Houyhnhnms"). For Russian social thought and historiography, the topic of foreigners in Russia not in the least includes the reflection on the European, Asian or Eurasian character of the country and the people. Actuality of these reflections remains stable for several centuries and aggravates in times of crisis, because it is determined not so much by a retrospective interest as by the painful search for perspective. In this sense, one can only agree with the famous Russian historian Boris Mironov, who noted that "the existing images of Russia suggest fundamentally different scenarios for the development of our country."¹

In this context, not in the least afraid of being accused of banality, we are raising this subject once again, and are ready to address it in the future, having in mind, among other aspects, various plot twists that are not researched enough in the framework of the mentioned discourse. One of the good examples of these under-researched aspects is the question of the foreigners with Asian origins that were historically appearing in Russia under all sorts of historical circumstances and that have left accounts of their life as residents. This may be suggested as one of the future topics.

In this issue, however, we offer articles that are dedicated to European nationals of the 17th–19th centuries who at some point of their lives found themselves as Russian residents. The articles research the diversity of their activities, their impressions of Russian life in the capital and in the provinces, of the events that they have witnessed and the people that they have met. One of the most prolific German authors of the 19th century, August von Kotzebue, created a unique historical account — "*Notes on the Town of Tobolsk*" — that reveal the unique character of that old Siberian

¹ Mironov, B. N. (2010). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [The Wealth of the Population and the Revolutions in Imperial Russia: the 18th – Early 20th Centuries] (p. 13–14). Moscow : Novy'j Hronograf.

town. In the article by Klaus Steinke, an acclaimed Slavist from the University of Erlangen, Germany, von Kotzebue is appraised as the pioneer in creating the image of Tobolsk and Siberia. The objective description of Russian hospitality and the friendliness of town residents by the German playwright, along with his deeply contrasting accounts of the outrageous arbitrariness of Russian officials, proved extremely useful to the German cultural and business circles of the time.

Tatiana Ilyushechkina, the Research Fellow at the Library of the Siberian Branch of RAS, proposes in her article an original approach towards the revealing of territorial interests of Russian and European diplomatic elite at the turn of the 18th century. Her analysis of the data on the owners and readership of the “*Description of Siberia*” — late 17th century historical manuscript — lead to the portrayal of a number of characters, connected by their common interest to distant Siberia.

Professor Francine-Dominique Liechtenhan (Université Paris IV — Sorbonne) in her article “*Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters Des Grossen*”, written on the basis of the original archival research, portrays in great detail a controversial character of Henry La Vie, an adventurist of the epoch of Peter the Great.

The grand goal of Peter the Great — the creation of a professional Russian army - was a shared burden of responsibility on the shoulders of foreign military experts that were actively recruited by the Russian government at the time. Russian military historian Sergei Chernikov (Lipetsk State Technical University) analyzes the dynamics and the social origins of those foreigners among the highest ranks of the Russian army between 1730–1741. Noting that even if, as in the days of Peter I, more than one third of high ranking officers were foreigners, the author successfully argues on the basis of documentary sources that foreign generals, who entered the service between 1730 and 1741, as a rule, all had European military experience and were mainly assigned to the field forces and land militia. The Russian government apparently sought to use the foreigners’ professional knowledge on the field, while senior positions of strategic nature were occupied by natives from the Russian nobility.

The combination of commercial interest and striving at the unification of the European states are explored in the article by Andrey Keller of the Ural Federal University, Yekaterinburg. The research outlines the establishing of the ‘Northern Express’ railroad route, which, like its more famous counterpart Orient Express, served as a major travel route between the European states, fulfilling the purpose of promoting closer cultural and economic ties. However, except this mundane and rather humane function, existence of the functioning railroad paradoxically ascertained governments in their ability to fast acquire military advantage provided they had adequate alertness. Northern Express was no exception.

In this issue of *Quaestio Rossica*, continuing the series of publications on the topic ***Russia: Images and Stereotypes***, we present the second part of the linguistic research by Elena Berezovich and Iulia Krivoshchapova

of Ural Federal University, Yekaterinburg, on the image of Moscow in the mirror of Russian and foreign languages. The first part of the research dealt with 'geographical' dimensions of the concept, while the second part considers the meanings of Moscow that are associated with personal, cultural, political, and economic dimensions. Foreign-language context in combination with the data drawn from Russian dialects provide a unique polysemantic picture of the perception of 'center' and ambivalent attitude of the Russian-speaking population toward Moscow.

The next article on the same topic illustrates the formation of the concepts of the zoo (zoo park and zoo garden) in Russian literature. Valery Maroshi of the Novosibirsk State Pedagogical University, addressing the origins of the zoo phenomenon, sums up various connotations of the concept in literature; they range from idealization, compared to paradise bliss, to equaling the zoos to hell-like tortures paralleled to human suffering.

The second part of *Quaestio Rossica* journal (*Disputatio* Section) is dominated by articles based on comparative research. Medievalist Neža Zajc (Ljubljana, Institute of Cultural History SAN) in her article studied symbolic meanings of depictions of animals in verbal and visual Christian art. The research involves iconographic images, book miniatures, and ornamental animal motifs of the Byzantine and East Slavic traditions that appear to designate the idea of the divine creation and help overcome the weakness of one's soul.

Profound philosophical meanings of the poetry of Zabolotsky, a famous Russian poet of the mid-20th century, in relation to philosophical views of the "Mirovedeniye" Society, dating back to the end of the 1920s, are uncovered in the article by Novosibirsk philologist Igor Loshchilov (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences).

Imaginative language of modern cinematographer Lars von Trier quite unexpectedly and dialectically reformulates ideas about the search for truth and unconditional Christian forgiveness from the works of Fyodor Dostoyevsky. A reflection on the subject of Professor Olga Turysheva from Yekaterinburg (Ural Federal University) brings new facets to the interpretation of the famous director's filmography. English translation of this work, we believe, will contribute to the international discussion of this topic.

The section concludes with an article by Professor Rina Lapidus (Bar-Ilan University, Tel Aviv) on the elements of Jewish mystic beliefs, originating in the Old Testament, that were used for the creation of a number of images in Mikhail Bulgakov's "The White Guard" novel. Comprehensive referral to those origins gives the researcher an ability to reveal not merely the author's apprehending the canon, but also the artistic freedom of the writer in developing this imagery.

Heritage. Nomina et Scholae Section publishes the last part of an essay on the prominent modern medievalist, archivist and paleographer S. M. Kashtanov, whose research is truly epoch-making and brilliantly establishing the scientific leadership in Russian Medieval Studies.

Dialogus Section of *Quaestio Rossica* continues to promote the discussion of interesting publishing projects that aim at uncovering and introducing new historical sources into scientific circulation. This issue of QR brings to the attention of the international research community a manuscript of a Diary, written by the servant of the Golubtsov family, the Urals land and plant owners at the end of the 19th century, and published in 2014. During the discussion of the project the research fellows of the Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of RAS, together with the manuscript's publisher, philologist Marina Larionova, address multiple scientific issues ranging from everyday life to class structure of the society and the historical psychology of the time.

Critica Section analyzes a textbook by B. Yu. Kagarliczkij and V. N. Sergeev on the microsystem analysis of the history of Russia (Moscow, 2014). Sergey Krasilnikov and Ivan Kuznetsov, professors from the University of Novosibirsk, thoroughly deconstruct a complex structure of the textbook, paying special attention to the controversial allegations that seek to reanimate the historical concept of M. Pokrovskiy. According to the reviewers, 'proclaimed attempt to give an objective picture of the events in the key of 'economic determinism' "predictably leads to the same one-dimensionality" (as in the works of Pokrovskiy). The textbook, as the reviewers believe, is supposed to introduce students to different approaches and concepts that exist in this respect, and not dwell on the 'half-answers' about preserving 'elements of socialism' in the economy.

Editorial Board

Translated by Anna Dergacheva

Год назад, основывая новый журнал *Quaestio Rossica*, мы предложили зарубежным коллегам обрисовать причины, по которым они стали профессионально заниматься Россией, ее историей и культурой, языком и литературой, то есть тем, что является воплощением национальной идентичности и остается в памяти человечества. Обращение к мнению людей другой культуры и иной научной традиции содержит в себе зерно рефлексии и одновременно является своего рода антидепрессантом, позволяющим почувствовать внимание к стране, ее значение для окружающего мира, особенно на пересечении разнообразных и разноаспектных взглядов. В исследовательском дискурсе Россия – страна с «непредсказуемым прошлым», страна, в которой в течение жизни одного поколения могут произойти головокружительные изменения вроде смены идеологических полюсов. Описание жизненных коллизий, связанных и обусловленных в какой-то мере изучением России, оказывается перспективным для формирования фонда исторических источников, раскрывающих проблему восприятия страны с непростой, трагической историей, драматическими судьбами людей.

Открыв рубрику *Scientia et vita*, мы получили возможность прикоснуться к личным судьбам и переживаниям коллег по гуманитарному цеху, постараться понять, что заставляет взбираться на Монблан русского языка, пробираться в лабиринтах и хитросплетениях русской истории, сопереживать трагедии российской интеллигенции и стараться найти новые интерпретации произведений российской словесности. Сейчас уже можно сказать, что замысел удался: в течение года оказались напечатаны на языке оригинала и в переводе на русский эссе русистов из США, Англии, Германии, Финляндии. Мы искренне благодарны им за честные, корректные, доброжелательные, вдумчивые слова о российской жизни и приверженность проблемам прошлого и настоящего России. Эти рассказы сами по себе имеют статус исторических источников, раскрывающих проблему движения образа России в мировой гуманитарной мысли.

В этом году мы продолжаем публиковать воспоминания зарубежных исследователей, помещая в первом номере очень лиричные и оригинальные записки английского историка, профессора *Морин Перри* (Университет Бирмингема). Привлекает особая искренность рассказа о научном поиске и выборе исследовательской темы. Интригующее название ее воспоминаний «From Poetry to Peasantry: My Early Adventures in Russian Studies» («От поэтики литературы к истории крестьянства: мои ранние приключения в области русистики») вполне соответствует живости повествования, наполненного замечательными деталями. Изменение ее интересов от увлечения поэзией Серебряного века к истории российского крестьянства сродни толстовским размышлениям о крестьянской почве российской цивилизации.

В журнале *Quaestio Rossica* публикуются не только статьи, посвященные проблемам, инициированным редколлегий, но и материалы научных исследований в области гуманитарных наук на любые достойные внимания темы. Ведущая тема (рубрика *Problema voluminis*), к которой мы привлекаем внимание в этом номере, – ***Иностранцы в России.***

Тема эта не нова и имеет долгую традицию как в конкретно-историческом, так и в общегуманитарном осмыслении. В ее основе лежат мотивы фундаментального характера. Дискурс «свой – чужой/другой» имеет непреходящее значение для любой культуры и возникает с разной степенью осознанности ежемоментно и в повседневных практиках, и в теоретических дискуссиях. Самой яркой и известной его метафорой является образ Гулливера – вечного странника, на собственном опыте познавшего, с одной стороны, зыбкость и относительность привычных представлений об окружающем мире, а с другой – существование неких подлинных ценностей (если вспомнить его последнее путешествие в страну гуингнмов). Для русской общественной мысли и историописания тема иностранцев в России – это не в последнюю очередь материал для размышления о европей-

ском, азиатском или евразийском характере страны и народа. Злободневность этих размышлений остается устойчивой на протяжении нескольких столетий, обостряясь в кризисные периоды, поскольку определяется не столько ретроспективным интересом, сколько мучительным поиском перспективы. В этом смысле нам приходится согласиться с известным российским историком Борисом Мироновым, заметившим, что «существующие образы России утверждают принципиально различные сценарии развития нашей страны»¹. В силу сказанного, нисколько не опасаясь быть обвиненными в банальности, мы вновь обратились к этой проблеме и намерены обращаться к ней впредь, имея в виду, кроме прочего, различные сюжетные повороты, которые в рамках названного дискурса попросту недостаточно разработаны даже на эмпирическом уровне. Например, такого рода темой может стать вопрос иностранцев из азиатских стран, попадавших в Россию по разным обстоятельствам и так или иначе оставивших свои впечатления о стране пребывания. Но это – дело будущего.

Пока же в номере представлены статьи, посвященные европейским подданным, оказавшимся в России, их разнообразной деятельности, их впечатлениям о русской жизни, о столицах и провинции, о событиях, свидетелями которых они стали, о людях, с которыми они встречались. Один из самых плодовитых немецких авторов начала XIX в. Август фон Коцебу создал уникальный исторический документ – записки о городе Тобольске, которые открывают немецкому читателю своеобразный облик сибирского города. В статье известного русиста из Германии профессора *Клауса Штайнке* (Университет Эрланген) Коцебу оценивается как первопроходец в создании образа Тобольска и Сибири. Объективные оценки немецкого драматурга о русском гостеприимстве, благожелательности населения резко контрастировали описанию произвола российской власти и были очень перспективны для немецких культурных и экономических кругов.

В статье научного сотрудника Библиотеки Сибирского отделения РАН *Татьяны Илюшечкиной* предлагается оригинальный подход к раскрытию территориальных интересов российской и европейской дипломатической элиты рубежа XVII–XVIII вв. Анализ информации о владельцах и читателях «Описания Сибири» – памятника исторического характера конца XVII в. – представляет целую галерею образов современников, связанных дружескими и родственными отношениями, для которых связующей нитью стал интерес к далекой Сибири. В статье французского профессора *Франсин-Доминик Лиштенан* (Университет Париж 4 – Сорбонна) «Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters Des Grossen», написанной на основании архивных изысканий, рисуется противоречивый облик Анри Лави, человека авантюрного склада эпохи Петра Великого.

¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый Хронограф, 2010. С. 13–14.

Великая цель Петра – создание профессиональной российской армии – ложилась грузом ответственности на плечи иностранных военных специалистов, активно привлекаемых российским правительством на службу. Российский историк военных структур *Сергей Черников* (Липецкий государственный технический университет) анализирует динамику и социальное происхождение иностранцев среди генералитета российской армии 1730–1741 гг. Отмечая, что его состав по-прежнему (как и во времена Петра) более чем на треть был иностранным, автор на основании документальных источников доказывает, что иноземные генералы, поступившие на службу в 1730–1741 гг., как правило, имели европейский военный опыт и в основном направлялись в полевую армию и ландмилицию. Российское правительство стремилось использовать в первую очередь их профессиональные знания, тогда как высшие должности стратегического характера занимали выходцы из русской знати.

Проект, воплотивший в себе коммерческий интерес и гуманные идеи объединения европейских государств, рассматривается в статье екатеринбургского историка *Андрея Келлера* (Уральский федеральный университет) об организации на железной дороге маршрута «Северный экспресс», который, будучи средством передвижения людей между европейскими государствами, подобно «Восточному экспрессу», способствовал установлению более тесных культурных и экономических связей. Однако парадоксальным образом железная дорога могла становиться «мотором войны», позволяя правительствам при соответствующей подготовке получать военное преимущество.

В этом номере *Quaestio Rossica*, продолжая публикацию статей на тему «**Россия: образы и стереотипы**», представляем вторую часть лингвистических исследований *Елены Березович* и *Юлии Кривошановой* (Уральский федеральный университет) об образе Москвы в зеркале русского и иностранных языков. В первой части рассматривались «географические» грани образа, вторая часть обращается к смыслам понятия, связанным с человеком и культурой, политикой и экономикой. Иноязычный контекст в соединении с информацией, предоставляемой диалектами русского языка, дает уникальную полисемантическую картину восприятия центра и амбивалентного отношения русскоязычного населения к Москве.

Следующая статья этой тематики раскрывает формирование образа зоопарка/зоосада в отечественной литературе. Исследователь из Сибири *Валерий Мароши* (Новосибирский государственный педагогический университет), обращаясь к истокам феномена зоопарка, суммирует различные коннотации этого образа в словесности: от его идеализации и соотнесения с райской благодатью – до сравнения с человеческой тюрьмой и аллюзий на муки ада.

Во второй части журнала *Quaestio Rossica* (раздел *Disputatio*) преобладают исследования, использующие приемы компаративистики. В статье исследователя-медиевиста из Словении *Нежи Зайц*

(Любляна, Институт истории культуры САН) сопоставляются символические смыслы изображения животных в христианском искусстве словесного и изобразительного ряда. Привлекаются иконографические изображения, книжные миниатюры и орнаментальные животные мотивы византийской и восточнославянской традиций, которые символизируют идею божественного творения и преодоления душевной слабости. Глубокие философские смыслы поэзии Заболоцкого в сопоставлении с мировоззренческими представлениями общества «мироведения», относящиеся к концу 1920-х гг., представлены в статье филолога из Новосибирска *Игоря Лоцилова* (Институт филологии Сибирского отделения РАН). Образный язык современного кинотворца Ларса фон Триера неожиданно диалектически продолжает идеи поиска правды и христианского всепрощения, заключенные в высказываниях Федора Достоевского. Размышления на эту тему профессора из Екатеринбурга *Ольги Турышевой* (Уральский федеральный университет) дают новые оттенки в трактовке фильмографии знаменитого режиссера. Перевод на английский язык, как мы полагаем, будет способствовать возникновению дискуссии киноведов.

Завершает рубрику статья израильского профессора *Рины Лапидус* (Тель-Авив, Университет Бар-Илан) об элементах еврейской мистики ветхозаветного происхождения, сыгравших роль в формировании ряда образов романа М. Булгакова «Белая гвардия». Обращение к оригиналам дает возможность исследователю выявить не только следование, но и творческую свободу писателя при работе с этим пластом представлений. Национальный опыт Рины Лапидус и ее родственные связи с прототипом героя романа, ставшего основой для изображения Мессии, придают исследованию свою долю оригинальности.

В рубрике *Heritage. Nomina et scholae* завершается очерк о выдающемся современном историке-медиевисте, археографе и палеографе С. М. Каштанове, чьи исследования по-настоящему эпохальны и блестяще подтверждают авторитет научного лидерства в российской исторической медиевистике. Информативный биографический очерк, написанный учениками профессора, обладает при этом качеством историографического обзора.

В журнале *Quaestio Rossica* продолжается обсуждение интересных издательских проектов, основанных на открытии и введении в научный оборот новых исторических источников (рубрика *Dialogus*). В этот раз речь идет о рукописи дневника конца XIX в., написанного слугой уральских помещиков и заводовладельцев Голубцовых и изданного в 2014 г. Множество научных проблем – от бытового уклада до сословного устройства общества и национально-сословной исторической психологии – затрагивают при обсуждении проекта научные сотрудники Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор УрФУ и автор публикации доцент *Марина Ларионова*.

В разделе *Critica* подвергается анализу учебное пособие Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева по миросистемному анализу истории России (М., 2014). Профессора из Новосибирского университета *Сергей Красильников* и *Иван Кузнецов* подробно раскрывают сложный характер пособия, особенно внимательно останавливаясь на спорных утверждениях авторов, реанимирующих историческую концепцию М. Покровского. По мнению рецензентов, заявленная попытка дать объективную картину событий в ключе «экономического детерминизма» «предсказуемо приводит к той же одномерности». Учебное пособие, как полагают авторы, должно в большей степени вводить студентов в суть многообразия существующих подходов и концепций, а не останавливаться на «полуответах» о сохранении в экономике «элементов социализма».

Редколлегия

Scientia
et vita

2

DESCRIPTION SIGNALEMENT

Profession } STUDENT	Wife Femme
Place and date of birth } St. ANDREWS	
Lieu et date de naissance } 20.3.1946	
Country of Residence } SCOTLAND	
Pays de Résidence } SCOTLAND	
Height } 5 ft 3 in.	ft in.
Colour of eyes } GREY	
Colour of hair } LIGHT BROWN	
Special peculiarities } 	

CHILDREN ENFANTS

Name Nom	Date of birth Date de naissance	Sex Sexe

Usual signature of bearer
Signature titulaire: Maureen P. Perrie

Usual signature of wife
Signature de la Femme: _____

3

Bearer
Titulaire

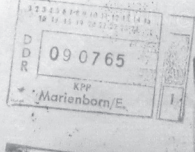
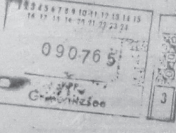
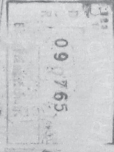

Wife
Femme

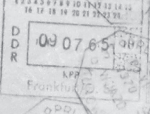

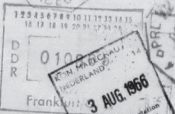
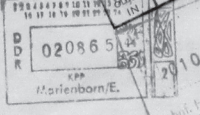
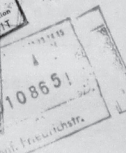
6

VISAS

7

VISAS

Maureen Perrie
Passport for Travelling Abroad (1960s)

DOI: 10.15826/qr.2015.1.077
УДК 94(47+57) (091) + 81:39 +
+ 316.343:63-051“653”

Maureen Perrie

FROM POETRY TO PEASANTRY: MY EARLY ADVENTURES IN RUSSIAN STUDIES

The Editorial Board of the journal is rightly proud that it managed to persuade Professor Maureen Perrie, the eminent British historian of Russia, to write this memoir, intriguingly entitled ‘From Poetry to Peasantry: my Early Adventures in Russian Studies’. The memoir is written with such candour, and in such a lively and entertaining style, that its appeal will extend beyond specialists in the humanities. The reader is presented with a portrait of an entire generation, with its insights and its delusions, its loyalty to its parents’ moral code and its aspiration towards new visions of humanity. Maureen Perrie’s remarkable memory for detail enables her to create a complex and dynamic picture of the attitude of British society towards Russia, of cultural interactions and the cruel political prejudice that played such a pernicious role. At the same time we have a valuable account of her youthful enthusiasms, heartfelt experiences and the role of personal relationships in her development as a historian. The author followed a complex path, beginning with an interest in Russian literature and the Symbolists (her favourite poet was Alexander Blok), and leading on to research on the Russian peasantry, pretenderism and the Russian monarchy. This trajectory provides evidence of her inquiring mind and her desire to get to the very heart of a phenomenon – because a true understanding of Russia involves first and foremost an understanding of the patriarchal mindset, the peasant world, popular utopias and the cruelty of the regime towards its own people. Maureen Perrie has brilliantly succeeded in her task. Her publications make a major contribution to international Russian Studies; and this autobiographical essay, which is so revealing of the author’s personality, provides entertaining and moving reading for all lovers of Russian culture.

Keywords: Maureen Perrie; memoirs about Russia; University of Edinburgh; University of Birmingham; history of the Russian peasantry; CREES.

I was born in March 1946, which makes me one of the first “baby-boomers” – the children conceived in the immediate aftermath of the Second World War, when demobilised soldiers began to return home. As a consequence of being a baby-boomer, I grew up in the shadow of the Cold War.

For the first decade of my life, which was spent in provincial Scotland, the events of the Cold War made little impact on me. The earliest world

events that I can recall were those at the end of 1956: the Soviet incursion into Hungary to suppress the popular uprising there; and the Suez crisis, when Britain and France invaded Egypt to regain control of the Suez Canal. From coverage in the UK media, I learned that the Russians were definitely the “bad guys” in Hungary; but it was not so clear that we British were the “good guys” in Suez. Nikita Khrushchev’s secret speech, earlier in 1956, with its criticisms of Stalin, had escaped my notice; but the launch of the first Soviet sputnik, in 1957, attracted widespread attention and created a positive image of the USSR as a land at the forefront of scientific progress. I was much more interested, however, in the *Doctor Zhivago* affair of 1958, when Boris Pasternak’s novel was published in the West, in defiance of the authorities in the USSR, and Pasternak was obliged to refuse the Nobel Prize for Literature. In following the *Zhivago* affair, I realised for the first time that literature could have political significance, and be a political tool.

I did not read *Doctor Zhivago* until a few years later (probably when the English translation first appeared in paperback, in 1961), and I remember being somewhat disappointed by its literary qualities, and confused by the complicated plot. The historical background, however, with its broad panorama of war and revolution, fascinated me, and made me aware for the first time of the drama of Russian history. I had read that Pasternak’s novel was an attempt to create a 20th-century *War and Peace*: with the fearlessness of youth, I embarked on Tolstoy’s great novel (in the translation by Louise and Aylmer Maude), and was pleasantly surprised to find it so readable and enthralling (part of me is still in love with Prince Andrei). After *War and Peace*, I read *Anna Karenina*, but my proto-feminist teenage self was disappointed by the plot, which so closely resembled that of the women’s magazine stories I had already come to despise. From Tolstoy, I moved on to Dostoevskii. I admired *Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov*, but it was to the themes of *The Possessed* (“Besy”) that I was later most frequently to return, when I became interested in the history of the Russian revolutionary movement.

The most significant event in my relationship with Russia came in 1960, when I began to learn the Russian language. At that time, Scottish secondary schools offered French as a first modern foreign language, together with Latin for the most able. These languages were taught from the first year of secondary education (when pupils were 12 years old); a second foreign language – usually German – was offered in the third year. In the late 1950s, however, when the Khrushchev “Thaw” seemed to offer a relaxation in the Cold War, with increased opportunities for both cultural relations and commercial trade between East and West, the Scottish Education Department decided that Russian was the language of the future, and set up a one-year course for teachers of classical languages (Latin and Greek – the languages of the past) who were willing to convert themselves into teachers of Russian. In 1960 my school – we were living at the time in the town of Ayr, on the estuary of the River Clyde, south-west of Glasgow – acquired the services of one of the graduates of this conversion course. My year-group was the first to be offered the opportunity to learn Russian as an alternative to German as

a second foreign language; and I was an enthusiastic volunteer. Our teacher was a kindly man, but he taught Russian as if it were a dead language, like Latin, with much emphasis on rote-learning of noun declensions and verb conjugations. As a result, I obtained a good grasp of Russian grammar, but I have never acquired the fluency in oral communication that a more imaginative approach to the early stages of language-learning might have produced.

My parents, who were socially and politically conservative, and regular church-goers (my mother was a school teacher, and my father a bank clerk), were proud of their clever daughter. They fully supported my decision to study this difficult and exotic “language of the future”, in spite of the fact that many of their friends and neighbours believed that the only British people who would want to learn Russian would be Communists, and hence potential traitors. In fact my political views (such as they were) were of a vague “New Left” kind. I regarded the Soviet Union as a still fundamentally unreformed Stalinist system of state capitalism, very far short of the democratic socialism that I hoped soon to see established throughout the world.

In 1963 I started university in St Andrews. St Andrews is a small seaside town on the east coast of Scotland, mainly famous for its golf courses. It does, however, have a medieval university, the oldest in Scotland; in the UK, only Oxford and Cambridge are older (for some reason, British people consider that universities founded in the middle ages are particularly prestigious). Because St Andrews was such a small place, with strictly supervised halls of residence for female students, my parents reluctantly agreed to let me go to university a year earlier than usual. Moreover, I had been born in St Andrews, and we still had relatives in the area who they hoped would keep an eye on me.

English literature had been my best subject at school, and I hoped to specialise in it at university. The Scottish system of higher education is more broadly based than that in England: degree courses last for four years, and students specialise in their chosen “Honours” subject only in the third year. In the 1960s the teaching of Russian was beginning to expand in Scotland at university level, as well as in schools; and in my first year at St Andrews the university had a Russian Department for the first time, with only one lecturer: Harvey Pitcher, an enthusiastic young specialist on Chekhov. I soon discovered that I was much more interested in Russian literature than I was in English; but even though the St Andrews Russian Department expanded in my second year, with the appointment of two new lecturers, it was not yet possible to take an Honours degree there in Russian. So, after two years at St Andrews, I transferred to the University of Edinburgh, which was then the only Scottish university to offer a single-subject Honours degree in Russian Language and Literature. By then I was in any case beginning to find St Andrews a somewhat claustrophobic environment, and welcomed the opportunity to explore the more varied attractions of the Scottish capital.

In the Russian Department at Edinburgh, language and literature were taught to the senior students by Dr Militsa Eduardovna Greene (1912–1998), a charming Russian émigrée, known universally to her students as

“Doc Greene.”¹ All of her teaching was conducted through the medium of Russian: she lectured in Russian, and we students had to write our essays in Russian, and speak only Russian in her seminars. Doc Greene’s approach to literature was heavily influenced by the Russian formalist school (our Bible was Wellek and Warren’s *Theory of Literature* [Wellek, Warren]); we students often grumbled about this, but when I later came to specialise in history, I found that my training in the close-reading of a literary text could be very fruitfully transferred to the study of historical documents. The Honours syllabus at Edinburgh had a compulsory course on Russian history, focussing on the 19th and 20th centuries; there was also a compulsory course on Old Russian Language, with associated texts, including Avvakum, Afanasii Nikitin and the *Slovo o polku Igoreve*, which our teacher, Professor Dennis Ward (1924–2008), had translated [Ward]. I greatly resented the requirement to take this Old Russian course, which I regarded as completely “irrelevant”. In later years, however, when I began to work on early modern Russian history, I was to be very grateful for the grounding in Old Russian that Dennis Ward’s course had given me.

In the spring of 1967 it was time for me to think about my future after graduation. I was a good student, and Doc Greene suggested that I stay on in Edinburgh as a postgraduate, to do research for a PhD on Russian “Silver Age” poetry. “We can find you a minor Symbolist!”, she promised. I had enjoyed studying Silver Age poetry, and was particularly fond of Blok – but I knew that I did not want to devote the next few years of my life to the archive of a minor Symbolist. I briefly considered applying for a Master’s course on the Sociology of Literature (then a fashionable new subject) – perhaps as a reaction against the diet of formalism that we had been force-fed by Doc Greene; but in the end I applied for and obtained a place to do research on Russian history at the Centre for Russian and East European Studies (CREES) at the University of Birmingham. Doc Greene was horrified: “They are all Communists there!”, she warned me. But I was not afraid of Communists; more importantly, CREES offered me a studentship in political science, funded by the Social Science Research Council.² In the autumn of 1967, I set off for Birmingham – and have been there ever since.

CREES had been established in 1963 as a result of the recommendations of the Hayter Committee on Area Studies,³ which had proposed the creation of specialist research centres dedicated to the study of a number of areas of the world which were identified as being of strategic importance for Britain’s national interests: Asia, Africa, Russia and Eastern Europe. The new centres’ approach was to be multi-disciplinary, including language study, but not dominated by it, as the more traditional “language and literature” departments had been. There was to be generous funding for the centres for at least

¹ This was actually a sign of respect: we referred to all our other teachers by their first names.

² In 1983 the name of this research council was changed to the Economic and Social Research Council, during the premiership of Margaret Thatcher, who did not believe that there was any such thing as a “science” of society.

³ A Sub-Committee of the University Grants Committee, chaired by Sir William Hayter, a former UK ambassador to Moscow.

ten years. So I benefitted at postgraduate level, as I had earlier at both secondary-school and undergraduate level, from government policies designed to promote Russian Studies in the UK. Only two years later I was to benefit from the unprecedented expansion of British higher education following the Robbins Report of 1963, when I was appointed to a Lectureship in Russian History at CREES, at the tender age of 23, and without a completed PhD thesis.

When I had applied to CREES for postgraduate study, my proposed thesis topic was the role of the intelligentsia in the Socialist-Revolutionary (SR) Party. I had always been interested in the SRs, partly because of my belief that socialism had to be democratic, and that the SRs' performance in the election to the Constituent Assembly of January 1918 gave them a much greater claim to legitimacy than the Bolsheviks. The phenomenon of the revolutionary intelligentsia, from the time of the populists (*narodniki*) of the 19th century onwards, also fascinated me (not least, I must admit, because I had developed a somewhat romanticised image of myself as a potential *intelligentka* of the Russian type, seeking self-fulfilment through political service to the "broad masses"). The political sociologist David Lane, then a lecturer at CREES, was completing a monograph, based on his Oxford PhD thesis, on the social composition, structure and activity of the Russian Social-Democratic Party around the time of the 1905 revolution [Lane]; and he had agreed to supervise my proposed similar study of the SRs. But by the time I arrived in Birmingham, David had left. His replacement, Teodor Shanin, expressed a willingness to supervise my research on the SRs. "But why are you interested in the intelligentsia?", he asked. "The intelligentsia in the SR Party is not interesting. What is interesting about the SRs is the peasantry." And so I discovered Peasant Studies.

Peasant Studies was a comparatively new area of research in the 1960s. After the Second World War, peasants had come to assume "contemporary relevance" for both scholars and politicians. The Chinese communist revolution suggested that it was no isolated anomaly that the first socialist revolution, in Russia in 1917, had occurred in a predominantly peasant society, rather than in the developed capitalist world, as classic 19th-century Marxists had assumed. And the anti-imperialist movements of de-colonisation that were taking place in what was then called the "third world" were also rooted in predominantly peasant societies.

New approaches to conceptualising the economics of the peasant household had led to the rediscovery of the works of the Russian agronomist Alexander Chayanov (1888–1937); and Professor R.E.F. (Bob) Smith of CREES (1922–2010) had co-edited (with Basile Kerblay and Daniel Thorner of the Sorbonne) an English translation of Chayanov's major works, which was published in 1966 [Chayanov]. Chayanov's work, which had been banned in the Soviet Union after 1930, was thus made available for the first time to a broader readership of non-Russianists. Chayanov's writings influenced Bob Smith's own research into medieval Russian agriculture, as was most evident in his monograph on *Peasant Farming in Muscovy* [Smith]; and Chayanov's argument that peasant farmers operated to a different economic

rationale from capitalists was developed further by Teodor Shanin, in his 1969 CREES PhD thesis,⁴ in which he argued that peasant solidarity against outsiders was more important than social differentiation within the peasantry. Chayanov's views, with their critique of the traditional Marxist view of the peasantry as petty-bourgeois, were to be very influential and controversial in the new academic field of Peasant Studies, which included interdisciplinary research on contemporary "developing societies" as well as on the history of medieval Europe.⁵

For several years, from 1964 onwards, Bob Smith organised an annual two-day seminar in Birmingham on "Peasant and Farmer in Europe", which brought together specialists on the medieval and modern history of both Eastern and Western Europe. Bob was also a member of the Editorial Board of *Past and Present*, the pre-eminent British journal of social history, many of whose founders had been members of the Communist Party Historians' Group. One of my first scholarly articles, on the role of the peasantry in the Russian revolution of 1905, was to be published in *Past and Present* [Perrie, 1972b]. It was based on a paper that I had presented to the "Peasant and Farmer" seminar the previous year.

In 1968, Moshe (Misha) Lewin (1921–2010) joined the teaching staff of CREES. Like Teodor Shanin, Misha had an East European Jewish background; like Teodor, he had lived in exile in the USSR during the war, and had subsequently emigrated to Israel. In the year he came to Birmingham, Misha published a monograph entitled *Russian Peasants and Soviet Power* [Lewin], which was based on his PhD thesis from the Sorbonne, completed in 1964. It provided a devastating critique of Bolshevik agrarian policy in the 1920s, culminating in the dekulakisation campaign of the winter of 1929–1930. Teodor and Misha were the most exotic academics I had ever met. They were both charismatic figures, inspirational, energetic and enthusiastic. They were contrasting physical types: Teodor was tall and broad-shouldered, Misha was short and stocky. They made a slightly comical pair as they walked together around the campus, debating passionately in an incomprehensible shared language (probably a mixture of Polish, Russian, Yiddish and Hebrew); both of them also spoke fluent but idiosyncratic English. Teodor left Birmingham a couple of years after my arrival in CREES; soon afterwards, he was appointed Professor of Sociology at the University of Manchester.⁶ Misha remained at CREES until 1978, when he moved to the United States. Throughout the ten years he spent in Birmingham, Misha was my closest colleague and mentor: it was largely as a result of his patronage that I was appointed to my teaching post in 1969. Although his own research was on the Soviet period, Misha believed that one could only understand the Soviet Union by placing it in the longer-term context of Russian history; he fully encouraged me when I began to think about work-

⁴ Published as *The Awkward Class* [Shanin].

⁵ Lively debates between the Marxists and the Chayanovites took place on the pages of the *Journal of Peasant Studies*, founded in 1973.

⁶ Much later he was to be the founding rector of the Moscow School of Economic and Social Sciences (*Moskovskaya vy'sshaya shkola social'ny'h i e'konomicheskikh nauk*).

ing on the early modern period and exploring continuities from the 16th to the 20th centuries.

My research on the SRs had come to focus on the ideas of Viktor Chernov, the party leader. Unlike Lenin and the Russian Marxists, who viewed the mass of the peasantry as “petty-bourgeois” because they owned their means of production, Chernov argued that the majority of the peasants were “workers” (*trudyashiesya*), just like the urban and rural proletariat. It followed that the mass of the peasantry were potential allies of the workers, and shared with them an interest in carrying out a revolution that would go further than a “bourgeois-democratic” revolution, carry out the “socialisation (*socializaciya*)” of the land, and prepare the way for the transition to socialism. It was not of course possible at that time for a Westerner to undertake research trips to Russia to study the early history of the SR Party. Nor was it necessary: the SR Party leadership had been in emigration in Western Europe before 1917, and its main publications were held in Western libraries, including the British Museum in London (now the British Library).⁷

My first visits to Russia were for one-month summer language courses in Moscow, when I was still an undergraduate. Apart from the language classes (which were useful, and well taught) these involved a “cultural programme”. This usually included a long weekend excursion to Leningrad, and day-trips to Vladimir, Suzdal’ and Zagorsk (Sergiev Posad). As well as these primarily tourist expeditions, we were taken to visit factories and Pioneer camps, and attended receptions at the “House of Friendship” (*Dom druzhby’ s narodami zarubezhnyh stran*), where we acquired official “friends” who offered to show us the sights of the capital. We were under no illusions about the motives of our new “friends”, but often went around with them anyway, for the sake of practising our spoken Russian.

In those days our visits to Russia were always undertaken by rail, which required three days’ travel from Edinburgh to Moscow. These train journeys were very educational in themselves, and brought home to us the realities of the division of Europe by the Iron Curtain. We were struck by the contrast between the bright lights of West Berlin and the drabness of the East; and we were infuriated by the numbers of armed border guards who kept coming through the carriages demanding that we fill in endless customs forms and currency declarations. As we travelled across the flat and featureless Central European Plain, we understood the Russians’ constant fears of invasion from the west; at Brest-Litovsk we shivered on the platform in the middle of the night while our carriages were lifted on to new wheels for the wider-gauge Soviet track. Once inside the Soviet Union, we enjoyed the constant supply of hot tea from the samovar in the corridor of the train, and breakfasted in a dining-car that served only fried eggs (*yaichnicza*).

In 1968 CREES established a student exchange with the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages in Moscow (*Moskovskij gosudarstvenny’j*

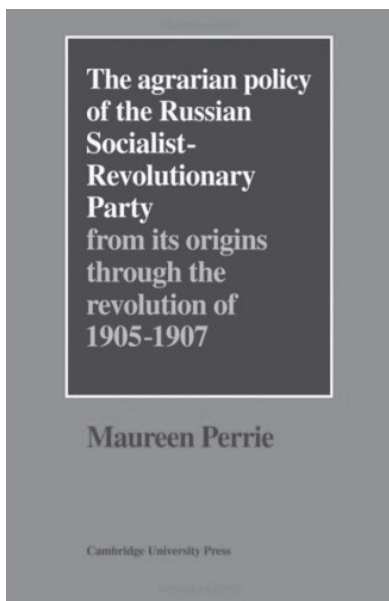
⁷ The first person to use the Party’s archive for the period, held at the International Institute for Social History in Amsterdam, was the German historian Manfred Hildermeier. See [Hildermeier].

pedagogicheskij institut imeni Morisa Tereza), popularly known as *Inyaz*. In the summer of 1970, as a junior lecturer, I accompanied a group of CREES students attending a one-month language course at *Inyaz*. For the first time, I acquired a reader's ticket to the Lenin Library, claiming (with only a slight degree of dishonesty) that my research topic was the "peasant movement (крестьянское движение)" in the 1905 revolution. Like other foreigners, I was allocated to the legendary First Reading Room (*Pervy'j chital'ny'j zal*),

where youthful Western PhD students in jeans and tee-shirts worked alongside venerable Soviet Academicians in formal three-piece suits. To the great credit of the library staff, they were just as helpful and respectful to the young foreign *aspiranty* as they were to the aged *akademiki*.

By the early 1970s my work on the SRs was coming to an end,⁸ and I needed to decide on a new topic of research. In my work on the SRs, I had often considered the issue of the continuity between the peasant unrest in the revolutions of 1905 and 1917, on the one hand, and earlier popular uprisings in Russia, on the other.⁹ The SRs themselves were interested in the Razin and Pugachev rebellions (as were the Bakuninists before them), and I began to investigate

these events. I read K.V. Chistov's brilliant book on "popular socio-utopian legends" [Чистов], and learned from it about the distinctively Russian "pretender phenomenon" (*samozvanchestvo*) and the *mentalité* of "popular monarchism" associated with it. It was Chistov's book that inspired me to do research on the Time of Troubles of the early 17th century;¹⁰ and I have continued to work on related issues ever since.

Редколлегия журнала по праву гордится тем, что ей удалось заинтересовать выдающегося английского профессора истории России Морин Перри предложением написать воспоминания, интригующе озаглавленные «От поэтики литературы к истории крестьянства: мои ранние

⁸ My main publications on the SRs were [Perrie, 1972a; Perrie, 1976]. See also [Perrie, 1982a]; also in German [Perrie, 1982b].

⁹ The American historian Paul Avrich had followed a similar intellectual trajectory: after working on the 20th-century Russian anarchists, he published an excellent book on earlier Russian revolts [Avrich].

¹⁰ My main publication on this theme is [Perrie, 1995].

приключения в области русистики». Воспоминания написаны с таким доверительным чувством, настолько живо и занимательно, что должны привлечь внимание не только специалистов в сфере гуманитарной науки. Перед читателем возникает портрет целого поколения с его проницательностью и заблуждениями, верностью родительской морали и устремлением к новым горизонтам человечности. Удивительная память Морин Перри на детали позволяет воспроизвести объемную и динамичную картину отношения британского общества к России, культурных взаимодействий и политической античеловеческой ангажированности, играющей губительную роль. Вместе с тем перед нами драгоценные страницы, описывающие увлечения юности, тонкие переживания, роль человеческих взаимоотношений в формировании историка. Проделанный автором непростой путь, начавшийся с интереса к русской литературе и младосимволистам (любимый поэт – А. Блок) и приведший к изучению русского крестьянства, самозванчества и российской монархии, свидетельствует о пылкости ума и стремлении проникнуть в самую глубь явления, потому что действительно понять Россию – это, в первую очередь, понять патриархальное сознание, крестьянский мир, народные утопии и жестокость режима к своему народу. Это блестяще удалось Морин Перри. Ее работы являются важной страницей мировой русистики, а ее биографические заметки, раскрывающие личность автора, представляют замечательное и эмоциональное чтение для всех любящих русскую культуру.

Ключевые слова: Морин Перри, мемуары о России, университет Эдинбурга, университет Бирмингема, история русского крестьянства, CREES.

Я родилась в марте 1946 г. и была одним из первых «бэби-бумеров» – детей, зачатых сразу после Второй мировой войны, когда демобилизованные солдаты начали возвращаться домой. Принадлежа к поколению бэби-бума, я росла в тени «холодной войны».

Первые десять лет своей жизни я провела в шотландской провинции, и в то время события «холодной войны» мало меня касались. Самые ранние воспоминания о мировых событиях относятся к концу 1956 г.: это вход советских войск в Венгрию для подавления народного восстания и Суэцкий кризис, который произошел, когда Великобритания и Франция вторглись на территорию Египта, чтобы восстановить контроль над Суэцким каналом. Из британских СМИ я узнала, что русские в Венгрии определенно вели себя как «злодеи»; но то, что мы, британцы, вели себя как «герои» в Суэце, было не столь очевидно. Я не знала о тайной речи Никиты Хрущева в начале 1956 г., в которой он критиковал Сталина; но запуск первого советского спутника в 1957 г. привлек широкое внимание и создал положительный образ СССР как страны, находящейся в авангарде научного прогресса. Однако меня намного больше заинтересовала ситуация вокруг «Доктора Живаго» в 1958 г., когда наперекор советским властям роман Бориса Пастернака был опубликован на Западе и автор был вынужден отказаться от Нобелевской

премии по литературе. После этого я впервые поняла, что литература может иметь политическое значение и быть инструментом политики.

Я прочитала «Доктора Живаго» лишь несколько лет спустя (наверное, в 1961 г., когда вышел английский перевод в мягкой обложке); помню, что меня слегка разочаровали литературные качества этой книги и я запуталась в ее замысловатом сюжете. Но я была зачарована историческим фоном, широкой панорамой войны и революции; тогда я впервые поняла всю драматичность истории России. Я прочитала, что роман Пастернака был попыткой создать «Войну и мир» XX в. С бесстрашием, присущим юности, я взялась за великое произведение Толстого (в переводе Луизы и Эйлмера Мод) и была приятно удивлена тем, что этот роман так легко читается и настолько увлекателен (какая-то часть меня все еще влюблена в князя Андрея). После «Войны и мира» я прочитала «Анну Каренину», но подрастающая во мне феминистка была разочарована сюжетом, так сильно напомилавшим рассказы в женских журналах, к которым я уже относилась с презрением. После Толстого я принялась за Достоевского. Я была восхищена «Преступлением и наказанием» и «Братьями Карамазовыми», но именно к темам «Бесов» я чаще всего обращалась в дальнейшем, когда заинтересовалась историей русского революционного движения.

Самое важное событие в моих отношениях с Россией произошло в 1960 г., когда я начала учить русский язык. В то время в шотландских средних школах в качестве первого современного иностранного языка предлагался французский; самые способные ученики занимались еще и латынью. Эти языки преподавались с первого года средней школы (с 12 лет); на третьем году обучения появлялся второй иностранный язык, обычно немецкий. Но в конце 1950-х хрущевская «оттепель» принесла ослабление напряженности в «холодной войне»; увеличились возможности для культурных и экономических связей между Востоком и Западом, и Министерство образования Шотландии решило, что русский – это язык будущего. Был учрежден годичный курс для преподавателей классических языков (латыни и греческого – языков прошлого), желающих перепрофилироваться в учителей русского. В 1960 г. один из выпускников этого курса оказался в моей школе (тогда мы жили в городе Эре, который находится в устье реки Клайд, к юго-западу от Глазго). Мои сверстники первыми получили возможность учить русский в качестве второго иностранного языка вместо немецкого, и я с энтузиазмом вызвалась этим заниматься. Наш учитель был добродушным человеком, но он преподавал русский как мертвый язык, подобно латыни, уделяя много внимания зубрежке склонений и спряжений. В результате я хорошо усвоила русскую грамматику, но до сих пор не научилась говорить так бегло, как могла бы при более творческом подходе на начальном этапе изучения языка.

Мои родители, консервативные в социальном и политическом отношении и регулярно посещавшие церковь (моя мать была учительницей в школе, а отец – клерком в банке), гордились своей ум-

ной дочерью. Они полностью поддерживали мое решение учить этот сложный и экзотический «язык будущего», хотя многие их друзья и соседи думали, что единственные британцы, которым может хотеться учить русский, – коммунисты, а следовательно, потенциальные изменники. На самом деле мои политические взгляды (если они у меня вообще были) можно было отнести скорее к направлению «новых левых». Я считала Советский Союз сталинистской системой государственного капитализма, которая все еще сильно нуждается в реформах и очень отличается от демократического социализма, который, как я надеялась, скоро должен установиться по всему миру.

В 1963 г. я поступила в университет в Сент-Эндрюсе. Сент-Эндрюс – приморский городок на восточном берегу Шотландии, больше всего известный своими курсами по гольфу. Но в этом городке есть средневековый университет, старейший в Шотландии; во всем Соединенном Королевстве старше него только Оксфорд и Кембридж (почему-то британцы считают, что университеты, основанные в Средневековье, особенно престижны). Мои родители нехотя согласились отпустить меня в университет на год раньше обычного, потому что Сент-Эндрюс – город маленький и потому что за общежитиями для студенток там строго следят. К тому же я родилась в Сент-Эндрюсе, и в округе у нас все еще были родственники, которые, как надеялись мои родители, могли за мной присматривать.

В школе мне лучше всего давалась английская литература, и я надеялась изучать этот предмет в университете. Шотландская система высшего образования основана на более широких принципах, чем английская: обучение длится четыре года, и только на третьем году студенты проходят предметы по специализации, которую они выбрали для диплома с отличием. В 1960-х изучение русского языка в Шотландии начало распространяться не только в школах, но и на университетском уровне. Ко времени моей учебы на первом курсе в Сент-Эндрюсе в университете только-только появилась кафедра русского языка; на ней был единственный преподаватель – Харви Питчер, увлеченный молодой специалист по Чехову. Скоро я поняла, что русская литература интересует меня намного больше, чем английская; но, хотя во второй год моего обучения кафедра русского языка Сент-Эндрюсского университета расширилась, пополнившись двумя новыми преподавателями, там еще нельзя было получить диплом с отличием в области русского языка. Поэтому после двух лет в Сент-Эндрюсе я перевелась в Эдинбургский университет: тогда он был единственным учебным заведением в Шотландии, где можно было получить диплом с отличием только по русскому языку и литературе. К тому времени Сент-Эндрюс начал казаться мне довольно замкнутым местом, так что я радовалась возможности исследовать более разнообразные возможности шотландской столицы.

На русском отделении Эдинбургского университета язык и литературу у студентов старших курсов вела доктор Милица Эдуардовна Грин (1912–1998), очаровательная русская эмигрантка, которую все

ее студенты называли «док Грин»¹¹. Она всегда преподавала, обращаясь к русскому языку: она читала лекции по-русски, и нам, студентам, приходилось писать эссе по-русски и говорить только по-русски на ее семинарах. Подход «док» Грин к литературе испытал сильное влияние русской формальной школы (нашей библией была «Теория литературы» Уэллека и Уоррена [Wellek, Warren]). Мы, студенты, часто ворчали по этому поводу, но, когда позднее я занялась историей, оказалось, что мои навыки внимательного чтения художественного текста можно очень плодотворно применить к изучению исторических документов. В Эдинбургском университете в программу для тех, кто претендовал на диплом с отличием, входил обязательный курс по истории России, в котором особое внимание обращалось на историю XIX и XX вв. Также был обязательный курс по древнерусскому языку: мы читали тексты на древнерусском, в том числе произведения протопопа Аввакума, Афанасия Никитина и «Слово о полку Игореве», которое перевел наш преподаватель, профессор Деннис Уорд (1924–2008) [Ward]. Я изо всех сил возмущалась тем, что мы должны были проходить этот курс, который я считала совершенно «бесполезным». Но впоследствии, занявшись историей России раннего Нового времени, я была очень благодарна Деннису Уорду за основы древнерусского языка, которые мне дал его предмет.

Весной 1967 г. пришло время задуматься о моем будущем после окончания университета. Я была хорошей студенткой, и «док» Грин предложила мне поступить в аспирантуру в Эдинбурге и писать диссертацию по русской поэзии Серебряного века. Она пообещала: «Мы можем найти тебе младосимволиста!» Мне нравилась поэзия Серебряного века, особенно Блок, но я не хотела посвятить следующие несколько лет своей жизни наследию одного из младосимволистов. Какое-то время я думала о том, чтобы поступить в магистратуру по социологии литературы (в то время это новое направление было в моде); возможно, это была реакция на строгую «диету», на которой нас держала Грин. Но в конце концов я подала заявление и поступила в Центр российских и восточноевропейских исследований (Centre for Russian and East European Studies – CREES) в Бирмингемском университете; там я собиралась изучать историю России. «Док» Грин была в ужасе. «Они там все коммунисты!» – предостерегала она меня. Но я не боялась коммунистов. Важнее для меня было другое: CREES давал мне стипендию по политологии, которую предоставлял Исследовательский совет по социальным наукам¹². Осенью 1967 г. я отправилась в Бирмингем – и с тех пор живу там.

¹¹ На самом деле это было знаком уважения: всех остальных преподавателей мы называли по именам.

¹² В 1983 г. его переименовали в Исследовательский совет по экономике и обществу. Это произошло во времена Маргарет Тэтчер, которая не верила, что «науки» об обществе вообще существуют.

CREES был основан в 1963 г. благодаря рекомендациям Комитета по региональным исследованиям имени Уильяма Хейтера¹³. Этот комитет предложил создать специализированные исследовательские центры, посвященные изучению некоторых регионов, считавшихся стратегически важными для национальных интересов Британии: Азии, Африки, России и Восточной Европы. Новые центры должны были использовать междисциплинарный подход; в этот подход входило и изучение языков, но ему не отводилась ведущая роль, как на более традиционных факультетах «языка и литературы». Центры должны были щедро финансироваться, по меньшей мере в течение 10 лет. Так в аспирантуре (а ранее в средней школе и будучи студенткой) я извлекла пользу из государственной политики по продвижению русистики в Великобритании. Всего два года спустя я смогла воспользоваться беспрецедентным расширением британского высшего образования, которое последовало за докладом Роббинса в 1963 г. Меня назначили лектором по истории России в CREES, когда мне было только 23 года и я еще не закончила свою докторскую (PhD) диссертацию.

Когда я подавала заявление в аспирантуру CREES, предполагаемая тема моей диссертации была связана с ролью интеллигенции в Партии социалистов-революционеров (эсеров). Я всегда интересовалась эсерами. Мне казалось, что социализм должен быть демократическим и что результаты выборов в Учредительное собрание в январе 1918 г. давали эсерам намного больше оснований для легитимности, чем большевикам. Меня также увлекал феномен революционной интеллигенции, начиная с народников XIX в. (должна признаться, не в последнюю очередь потому, что я создала слегка романтизированный образ самой себя: я представляла себя русской интеллигенткой, которая пытается реализоваться в политическом служении «широким массам»). Специалист по политической социологии Дэвид Лэйн, который в то время был лектором в CREES, завершал монографию о социальном составе, структуре и деятельности Российской социал-демократической партии периода революции 1905 г. [Lane]; эта монография была основана на его оксфордской докторской (PhD) диссертации. Лэйн согласился руководить моим предполагаемым исследованием эсеров, которое имело сходную направленность. Но когда я приехала в Бирмингем, Дэвида уже там не было. Пришедший ему на смену Теодор Шанин выразил готовность руководить моей работой на тему эсеров. «Но почему вас интересует интеллигенция? – спросил он. – Интеллигенция в партии эсеров – это неинтересная тема. Другое дело – крестьянство». Так я открыла для себя крестьяноведение.

Крестьяноведение было сравнительно новой областью исследования в 1960-е гг. После Второй мировой войны тема крестьянства приобрела «актуальность» как для ученых, так и для политиков. Китайская коммунистическая революция навела на мысль о том, что первая

¹³ Это подразделение Комитета по распределению субсидий университетам; его возглавлял сэр Уильям Хейтер, бывший посол Великобритании в Москве.

социалистическая революция, случившаяся в 1917 г. в России, не была изолированным и аномальным явлением и что она произошла преимущественно в крестьянском обществе, а не в развитом капиталистическом мире, как предполагали классики марксизма в XIX в. В основе антиимпериалистических движений, связанных с деколонизацией и происходивших в «третьем мире» (по терминологии того времени), также лежали преимущественно крестьянские общества.

Благодаря новым подходам к осмыслению экономики крестьянского хозяйства были заново открыты работы русского агронома Александра Чаянова (1888–1937). Профессор Р. Э. Ф. (Боб) Смит из CREES (1922–2010) в 1966 г. издал (совместно с Базилем Керблеем и Даниэлем Торнером из Сорбонны) английский перевод основных работ Чаянова [Chaunov]. Таким образом, труды Чаянова, запрещенные после 1930 г. в Советском Союзе, впервые стали доступны широкому кругу нерусистов. Книги Чаянова повлияли на исследование земледелия в средневековой России, которое проводил сам Боб Смит; особенно это заметно в его монографии о крестьянском хозяйстве в Московском государстве [Smith]. Теодор Шанин развил суждение Чаянова о том, что за трудом крестьян стоит иная экономическая предпосылка, чем за работой капиталистов. В своей докторской (PhD) диссертации, защищенной в CREES в 1969 г.¹⁴, Шанин утверждал, что сплоченность крестьян перед лицом чужаков была важнее, чем социальное расслоение внутри крестьянства. Взгляды Чаянова и его критика традиционного марксистского подхода к крестьянству как к мелкой буржуазии оказали большое влияние на новую область науки – крестьяноведение – и вызвали в ней много споров. Крестьяноведение включало в себя междисциплинарное исследование как современных «развивающихся обществ», так и истории средневековой Европы¹⁵.

С 1964 г. в течение нескольких лет подряд Боб Смит был организатором ежегодного двухдневного семинара «Крестьянин и фермер в Европе» в Бирмингеме. На этот семинар съезжались специалисты по истории Средних веков и Нового времени Восточной и Западной Европы. Также Боб входил в редакцию *Past and Present* («Прошлое и настоящее»), выдающегося британского журнала по социальной истории; многие из его основателей принадлежали к группе историков Коммунистической партии. Одна из моих первых научных статей о роли крестьянства в русской революции 1905 г. была опубликована в «Прошлом и настоящем» [Perrie, 1972b]. В основу этой статьи лег доклад, с которым я выступила на семинаре «Крестьянин и фермер» за год до того.

В 1968 г. к преподавательскому составу CREES присоединился Моше (Миша) Левин (1921–2010). Как и Теодор Шанин, Миша был евреем из Восточной Европы; как и Теодор, во время войны он жил в ссылке в СССР, а затем эмигрировал в Израиль. В тот год, когда Миша приехал

¹⁴ Она была опубликована под названием «Неудобный класс» (*The Awkward Class*) [Shanin].

¹⁵ Оживленная дискуссия между марксистами и чаяновцами проходила на страницах *Journal of Peasant Studies* («Журнал по крестьяноведению»), который был основан в 1973 г.

в Бирмингем, он опубликовал монографию под названием «Russian Peasants and Soviet Power» («Русское крестьянство и советская власть») [Lewin]; она была основана на докторской (PhD) диссертации, которую он защитил в Сорбонне в 1964 г. Монография содержала сокрушительную критику аграрной политики большевиков в 1920-е гг., кульминацией которой стала кампания по раскулачиванию зимой 1929/30 г. Теодор и Миша были самыми необычными профессорами, которых я когда-либо встречала: оба харизматичные, воодушевляющие, энергичные, полные энтузиазма люди. При этом внешне они были полной противоположностью друг другу: Теодор – высокий и широкоплечий, Миша – низкий и коренастый. Вдвоем они выглядели слегка комично, когда прогуливались по кампусу, страстно что-то обсуждая на непонятном общем языке (возможно, это была смесь польского, русского, идиша и иврита). Они оба также хорошо, правда своеобразно, говорили по-английски. Теодор уехал из Бирмингема через пару лет после моего поступления в CREES; вскоре после этого в Манчестерском университете его назначили профессором социологии¹⁶. Миша остался в CREES до своего отъезда в Америку в 1978 г. На протяжении десяти лет, которые Миша провел в Бирмингеме, он был моим ближайшим коллегой и наставником; я получила должность преподавателя в 1969 г. во многом благодаря его покровительству. Миша хотя и занимался советским периодом, но считал, что единственный способ понять Советский Союз – поместить его в более продолжительный контекст истории России. Он полностью поддержал меня, когда я задумалась о том, чтобы работать над темой по Новому времени и изучать преемственные явления, прослеживаемые с XVI по XX в.

В центре моего исследования эсеров были идеи лидера партии – Виктора Чернова. В отличие от Ленина и русских марксистов (они считали крестьянскую массу «мелкой буржуазией», потому что крестьяне владеют средствами производства), Чернов утверждал, что большинство крестьян принадлежат к трудящимся, точно так же как городской и сельский пролетариат. Из этого следовало, что крестьянская масса – это потенциальные союзники рабочих, разделяющие их стремление к революции, которая будет не просто «буржуазно-демократической», которая проведет социализацию земли и подготовит путь для перехода к социализму. Конечно, в то время жители Запада не могли ездить в командировки в Россию, чтобы изучать раннюю историю партии эсеров. Но в этом не было необходимости: до 1917 г. руководство партии находилось в эмиграции в Западной Европе, и основные работы эсеров хранились в западных библиотеках, в том числе в Британском музее в Лондоне (ныне в Британской библиотеке)¹⁷.

¹⁶ Гораздо позже он стал основателем и ректором Московской высшей школы социальных и экономических наук.

¹⁷ Немецкий историк Манфред Хильдермайер первым использовал архив партии эсеров за этот период, который хранится в Международном институте социальной истории в Амстердаме. См.: [Hildermeier].

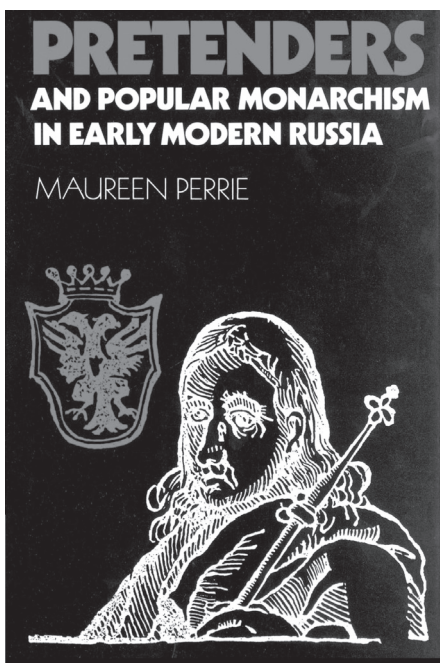
Моими первыми поездками в Россию были одномесячные летние курсы языка в Москве, в которых я принимала участие, будучи еще студенткой. Помимо занятий по русскому языку (они были полезными, и их хорошо вели) эти курсы включали в себя «культурную программу». В нее обычно входила длинная экскурсия в Ленинград на выходные, а также однодневные поездки во Владимир, Суздаль и Загорск (Сергиев Посад). Кроме этих преимущественно туристических маршрутов, нас возили на заводы и в пионерские лагеря. Мы также посещали приемы в Доме дружбы с народами зарубежных стран и заводили там официальных «друзей», которые предлагали показать нам достопримечательности столицы. Мы не питали иллюзий насчет мотивов наших новых «друзей», но все равно часто общались с ними, чтобы попрактиковаться в разговорном языке.

В те времена мы всегда ездили в Россию на поезде; дорога из Эдинбурга в Москву занимала три дня. Эти путешествия были очень интересны сами по себе и помогали нам понять те реалии, которые существовали в Европе, разделенной «железным занавесом». Нас поражал контраст между яркими огнями Западного Берлина и тусклостью Восточного; и нас выводило из себя число вооруженных пограничников, которые обходили вагоны, требуя заполнить бесконечные таможенные формуляры и валютные декларации. Проезжая по плоской и однообразной Восточно-Европейской равнине, мы понимали, почему русские всегда боялись вторжения с Запада; мы дрожали, стоя посреди ночи на платформе в Брест-Литовске, пока наши вагоны ставили на новые колеса, подходящие для более широкой советской колеи. Когда мы въехали на территорию Советского Союза, у нас появился неиссякаемый запас горячего чая из самовара в коридоре поезда, и мы завтракали в вагоне-ресторане, в котором была только яичница.

В 1968 г. CREES организовал студенческий обмен с Московским государственным педагогическим институтом иностранных языков имени Мориса Тореза, широко известным как Иняз. Летом 1970 г. в качестве младшего преподавателя я сопровождала группу студентов CREES, которые посещали одномесячный языковой курс в Инязе. Я впервые получила читательский билет в Библиотеку имени Ленина, сказав (и в этом была лишь небольшая доля лжи), что тема моего исследования – «крестьянское движение» в революции 1905 г. Как и других иностранцев, меня определили в легендарный Первый читальный зал; там молодые западные аспиранты в джинсах и футболках работали бок о бок с почтенными советскими академиками в официальных костюмах. К большой чести сотрудников библиотеки, они относились с одинаковой предупредительностью и уважением как к пожилым академикам, так и к молодым аспирантам из-за границы.

К началу 1970-х моя работа по эсерам подходила к концу¹⁸, и мне нужно было выбирать новую тему для исследования. Изучая эсеров, я часто обращала внимание на связь между крестьянскими волне-

¹⁸ Моими основными публикациями о эсерах были [Perrie, 1972a; Perrie, 1976]. См. также [Perrie, 1982a]; также на немецком [Perrie, 1982b].

ниями во время революций 1905 и 1917 гг., с одной стороны, и более ранними народными восстаниями в России, с другой¹⁹. Сами эсеры интересовались Разинским и Пугачевским восстаниями (как и бакунинцы до них), и я начала исследовать эти события. Я прочитала блестящую книгу К. В. Чистова о «народных социально-утопических легендах» [Чистов], из которой узнала о характерном для России «самозванчестве» и связанном с ним мышлении «народного монархизма». Именно книга Чистова вдохновила меня на изучение Смутного времени начала XVII в.²⁰, и с тех пор я продолжаю работать над вопросами, связанными с этой темой.

Список литературы

- Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
- Avrich P.* Russian Rebels 1600–1800. London : Allen Lane, 1973. 309 p.
- A. V. Chayanov* on the Theory of Peasant Economy / ed. by D. Thorner, B. Kerblay, R. E. F. Smith. Homewood, Ill. : Richard D. Irwin, 1966.
- Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Rußlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln ; Wien : Böhlau, 1978. 460 p.
- Lane D.* The Roots of Russian Communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898–1907. Assen : Van Gorcum, 1969. 240 p.
- Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. London : Allen and Unwin, 1968. 539 p.
- Perrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist-Revolutionary Party before 1917 // Soviet Studies. 1972a. Vol. 24. No. 2 (Oct.). P. 223–250.
- Perrie M.* The Russian Peasant Movement of 1905–1907: its Social Composition and Revolutionary Significance // Past and Present. 1972b. No. 57 (Nov.). P. 123–155.
- Perrie M.* The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party; from its Origins through the Revolution of 1905–1907. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
- Perrie M.* Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe / ed. by W. J. Mommsen, G. Hirschfeld. London : Macmillan, 1982a. P. 63–79.
- Perrie M.* Politischer und ökonomischer Terror als taktische Waffen der russischen Sozialrevolutionären Partei vor 1914 // Sozialprotest, Gewalt, Terror: Gewaltenwendung durch politische und gesellschaftliche Randgruppen im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von W. J. Mommsen, G. Hirschfeld. Stuttgart : Klett-Cotta, 1982b. P. 80–99.

¹⁹ Американский историк Пол Аврич следовал по схожей траектории мысли: изучив русских анархистов XX в., он издал великолепную книгу о более ранних русских бунтах [Avrich].

²⁰ Моя главная публикация на эту тему: [Perrie, 1995].

- Perrie M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. XVII, 269 p.
- Shanin T. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford : Clarendon Press, 1972. XVII, 253 p.
- Smith R. E. F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. XII, 289 p.
- Ward D. Slovo o polku Igoreve: the Tale of the Host of Igor // *Forum for Modern Language Studies*. 1966. Vol. 2. Iss. 2 (April). P. 160–174.
- Wellek R., Warren A. *Theory of Literature*. 3rd edn. Harmondsworth : Penguin Books, 1963 (1st edn 1949). 374 p.

References

- Avrich P. (1973). *Russian Rebels 1600–1800*. London: Allen Lane.
- Chistov K. V. (1967). *Russkie narodny'e social'no-utopicheskie legendy' XVII–XIX vv.* [Russian national socio-utopian legends of 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
- Hildermeier M. (1978). *Die Sozialrevolutionäre Partei Rußlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)*. Köln; Wien: Böhlau.
- Lane D. (1969). *The Roots of Russian Communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898–1907*. Assen: Van Gorcum.
- Lewin M. (1968). *Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization*. London: Allen and Unwin.
- Perrie M. (1972a). The Social Composition and Structure of the Socialist-Revolutionary Party before 1917, *Soviet Studies*, 24, 2 (Oct.), 223–250.
- Perrie M. (1972b). The Russian Peasant Movement of 1905–1907: its Social Composition and Revolutionary Significance, *Past and Present*, 57 (Nov.), 123–155.
- Perrie M. (1976). *The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party: from its Origins through the Revolution of 1905–1907*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Perrie M. (1982a) Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914. In Mommsen W. J. & Hirschfeld G. (Eds.). *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe* (pp. 63–79). London: Macmillan.
- Perrie M. (1982b). Politischer und ökonomischer Terror als taktische Waffen der russischen Sozialrevolutionären Partei vor 1914. In Mommsen W. J. & Hirschfeld G. (Eds.). *Sozialprotest, Gewalt, Terror: Gewaltenwendung durch politische und gesellschaftliche Randgruppen im 19. und 20. Jahrhundert* (pp. 80–99). Stuttgart: Klett-Coita.
- Perrie M. (1995). *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanin T. (1972). *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Clarendon Press.
- Smith R. E. F. (1977). *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thorner D., Kerblay B. & Smith R. E. F. (1966). *B. V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin.
- Ward D. (1966). Slovo o polku Igoreve: the Tale of the Host of Igor, *Forum for Modern Language Studies*, 2, 2 (April), 160–174.
- Wellek R. & Warren A. (1963). *Theory of Literature*. 3rd edn. Harmondsworth: Penguin Books (1st edn 1949).

Translated by Elena Galitsyna

The article was submitted on 30.01.2015

Морин Перри
 профессор
 Университет Бирмингема,
 Бирмингем, Великобритания
 m.p.perrie@bham.ac.uk

Maureen Perrie
 Professor
 University of Birmingham,
 Birmingham, UK
 m.p.perrie@bham.ac.uk

Problema voluminis

Foreigners in Russia

Russia: Images and Stereotypes

Problema voluminis

Иностранцы в России
Россия: образы и стереотипы

FOREIGNERS IN RUSSIA

DOI: 10.15826/qr.2015.1.078
УДК 355.081(470) (091) + 316.343

Сергей Черников

РОССИЙСКИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ 1730–1741 гг.: ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ¹

Sergey Chernikov

RUSSIAN GENERALS BETWEEN 1730 AND 1741: NUMBERS, NATIONAL AND SOCIAL BACKGROUND, TRENDS

Referring to a vast number of archival and published sources, the author analyzes the social structure and development tendencies of the Russian General Officers between 1730 and 1741. The growth in the numbers of generals under Anna Ioannovna had ceased in the period in question. As opposed to the five previous years, the numbers of generals between 1730 and 1741 were directly conditioned by whether the army was involved in military activities. After the confirmation of the new staff in 1731, the number of generals decreased reaching 104–108 persons, while during the Russo-Turkish and Swedish wars, it increased to 113–129 persons. The structure of the general officers' staff between 1730 and 1741 reflected the overall changes in the armed forces of the time. The number of generals in the field army was decreasing, while it remained unchanged in the military units financed by sources other than chevage (artillery, engineer corps, land militia, defence forces). According to the general data, between 1730 and 1738, 60 to 63 percent of the generals were Russian nationals, and 37 to 40 percent non-Russian nationals. Consequently, after Anna Ioannovna was enthroned, there were no significant changes in the general officers' national structure. It was only at the very end of the period that due to a mass resignation of Russian generals, the numbers of foreign general officers grew: in 1739 they accounted for 42 percent, and between 1740 and 1741 – for 45–46 percent. In the field army, the growth of the number of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00011(a).

non-Russian nationals continued with 35 percent in 1725, 42–45 percent in 1726–1730, and as many as 51–70 percent in 1739–1741. Foreign general officers prevailed, as previously, in the artillery and engineer corps with Russian generals employed in the military administration. The land militia forces were commanded by non-Russian generals. According to the general data between 1730 and 1741, equally to the preceding five years, the majority of foreign generals were from Germany (43 to 45 percent). Having started under Peter I, the incorporation of the Baltic nobility into Russian elite continued, while the numbers of Baltic Germans among the generals considerably increased (from 10 to 28 percent). Non-Russian generals taking service between 1730 and 1741, as a rule, had military experience and were assigned to the field army and land militia. The renewal of the command of the artillery, engineer and defence forces, as well as the military administration was mainly carried out by means of promoting the officers that were already serving in the Russian military forces. The development of the social structure of the Russian part of general officers remained unaltered. The amount of the traditional elite decreased from 40–43 percent in 1730–1731 to 34–35 percent in 1740–1741. After three decades since the start of the military reforms of Peter the Great, representatives of the Moscow nobility were promoted to generals in chief and accounted to the majority of such positions. It was only the senior rank of field marshals that was made up of the nobility. Overall, the development of the general officials' corps between 1730 and 1741 followed the general pattern of the development of Russian military forces initiated under Peter the Great, and the changes of the beginning of Anna Ioannovna's reign were the result of the internal policy that was formulated by the reformer-tsar's associates between 1725 and 1727.

Keywords: general officers; ruling elite; army; military service; national composition; social composition.

В статье на основании широкого круга архивных и опубликованных источников анализируются состав, социальная структура и динамика российского генералитета 1730–1741 гг. Расширение генеральского корпуса, которое наблюдалось в 1725–1730 гг., при Анне Иоанновне прекратилось. В отличие от предшествующих пяти лет, численность генералитета 1730–1741 гг. напрямую зависела от того, вела ли армия боевые действия. После утверждения в 1731 г. нового штата число генералов снизилось до 104–108 человек, а в период турецкой и шведской войн вновь увеличилось до 113–129 лиц. Структура генералитета 1730–1741 гг. отражала общие изменения в вооруженных силах того времени. Доля генералитета при полевой армии снижалась. В тех же частях, которые финансировались из источников вне подушной подати (артиллерия, инженерный корпус, ландмилиция, гарнизонные войска), такой тенденции не наблюдалось. По общим данным, среди генералов 1730–1738 гг. насчитывалось 60–63 %

русских и 37–40 % иноземцев, что соответствовало показателям 1725–1730 гг. Таким образом, после восшествия на престол Анны Иоанновны резких изменений в национальном составе генералитета не произошло. Лишь в самом конце периода из-за массовых отставок русских генералов доля иноземцев выросла: в 1739 г. – 42 %, а в 1740–1741 гг. – 45–46 %. В полевой армии рост числа иноземцев продолжился: в 1725 г. – 35 %, в 1726–1730 гг. – 42–45 %, в 1730–1738 гг. – 46–50 %, в 1739–1741 гг. – 51–70 %. В артиллерии, инженерном корпусе, как и ранее, доминировали иноземные генералы, а в военной администрации – русские. Командование ландмилиции в основном состояло из иноземцев. По общим данным в 1730–1741 гг. (как и в предшествующие пять лет) среди иноземцев преобладали выходцы из Германии – 43–45 %. Начавшаяся еще при Петре I инкорпорация представителей прибалтийского дворянства в состав российской элиты продолжилась, а доля остзейцев в генералитете существенно выросла – с 10 до 28 %. Иноземные генералы, поступившие на службу в 1730–1741 гг., как правило, имели европейский военный опыт и в основном направлялись в полевую армию и ландмилицию. Обновление командования артиллерийских, инженерных, гарнизонных частей и военной администрации осуществлялось в первую очередь за счет повышения в чинах тех, кто уже находился на российской службе. Динамика социальной структуры русской части генералитета осталась прежней. Доля традиционной элиты снизилась с 40–43 % в 1730–1731 гг. до 34–35 % в 1740–1741 гг. Спустя три десятилетия после начала петровских военных реформ представители московского дворянства достигли чина генерал-аншефа и составили в нем большинство. Аристократическим остался лишь старший – фельдмаршальский – класс. В целом эволюция генеральского корпуса 1730–1741 гг. подчинялась общей логике развития вооруженных сил России, заложенной еще при Петре Великом, а перемены начала аннинского царствования во многом стали следствием того внутривластного курса, который был сформулирован ближайшим окружением царя-реформатора в 1725–1727 гг.

Ключевые слова: генералитет, правящая элита, армия, служба, национальный состав, социальный состав.

Эволюция командного состава российских вооруженных сил в эпоху становления и развития регулярной армии неизменно привлекает внимание историков. Но в отличие от офицерского корпуса этого времени, подробно изученного в работах М. Д. Рабиновича и Г. В. Калашникова [Рабинович; Калашников], генералитет 1730–1741 гг. ранее не становился предметом специального исследования. В литературе до сих пор отсутствуют полные данные о его составе, социальной структуре и динамике. Вследствие этого

выводы историков об эволюции генералитета (как и правящей элиты в целом) базируются на неполных и отрывочных сведениях, а тщательный анализ проблемы зачастую подменяется поверхностными рассуждениями о «бироновщине» и «засилии иноземцев»². Представленная работа, основанная на широком круге архивных и опубликованных источников³, призвана восполнить указанный пробел.

Численность генералитета и распределение по видам службы

По моим подсчетам, общая численность российской элиты, носившей в 1730–1741 гг. армейские генеральские чины, составляла 266 человек⁴. Ежегодные показатели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность генералитета (1730–1741 гг.)

Год	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740А	1740Б	1740АЛ	1741
Число лиц	120	118	108	104	110	113	115	115	122	126	126	115	111	129

В этой и последующих таблицах заглавными буквами после 1740 г. обозначены: время царствования Анны Иоанновны (1740А), периоды регентства Э.-И. Бирона (1740Б) и Анны Леопольдовны (1740АЛ).

² Крупными вехами на пути осмысления аннинской эпохи (как и периода «дворцовых переворотов» в целом) в последнее время стали фундаментальные работы: [Анисимов; Каменский; Курукин; Петрухинцев, 2001; Петрухинцев, 2014].

³ В работе использовалась пополняемая биографическая база данных по правящей элите 1725–1762 гг. (к настоящему времени содержит более 100 тыс. записей). Основные источники: [РГАДА, ф. 16, оп. 1, кн. 20 (ч. 1–9), 36, 38, 81, 101, 134 (ч. 1–5), 135, 140, 141, 168 (ч. 7), 223; ф. 20, оп. 1, кн. 16 (ч. 1–2), 20, 21 (ч. 1–2), 50 (ч. 1–3), 61, 70–73, 75, 79 (ч. 1–2), 151, 219 (ч. 1); ф. 188, оп. 1, кн. 1389; ф. 199, портф. 240, д. 15–16; ф. 210, оп. 21, кн. 1087; оп. 22, кн. 209; ф. 248, кн. 21, 33, 46, 380, 387, 391, 394, 413, 421, 424, 428, 432, 437, 439, 440, 442, 455, 464, 467, 528, 605, 606, 608, 634, 633, 689, 768, 985, 1088, 1090, 1097, 1107, 1109, 1110, 1121, 1142, 1155, 1353, 1899–1905, 1933–1942, 1947, 1950–1952, 6416, 8122 (ч. 1–3); ф. 286, оп. 1, кн. 7, 9, 14, 17, 19, 32, 38, 39, 45, 49, 61, 63, 74, 75, 82, 84, 93, 106, 108, 117, 119, 122, 125, 131, 133, 139, 143, 145, 148, 160, 167, 170, 181, 182, 208, 215, 216, 222, 228, 231, 238, 239, 245, 260, 262, 271, 273, 310, 331, 418 (ч. 1–2), 419, 421, 424 (ч. 1–2), 438–440, 442, 446; оп. 2, кн. 6; ф. 350, оп. 3, кн. 1; РГВИА, ф. 489, оп. 1, кн. 7006, 7007, 7010, 7122, 7134, 7339, 7386–7388, 7391, 7395; ф. 490, оп. 2, кн. 6–8, 11, 13, 19–21, 25, 28, 33–35, 37, 38, 40–42, 44, 45, 47, 50–53, 55, 56, 58; оп. 3, кн. 1, 4, 45, 46, 205–210; ф. 846, оп. 16, д. 81 (ч. 2); Сб. РИО, т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101, 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146; СА, т. 2–5].

⁴ Под термином «генералитет» в работе понимается группа лиц, носивших армейские чины 1–5 классов Табели о рангах. Отставники и генералы, находившиеся «не у дел», при подсчетах не учитывались.

С конца царствования Петра Великого до 1728–1729 гг. российский генералитет вырос в два раза – с 61 до 125–124 человек⁵. В 1730–1741 гг. столь резких изменений уже не наблюдалось. За первые четыре года правления Анны Иоанновны (1730–1733 гг.) количество генералов уменьшилось со 120 до 104 человек. Это объясняется тем, что в октябре 1731 г. была принята новая воинская Табель, по которой штатный состав армейского генералитета сократился с 38 до 26 лиц. Кроме того, в указанное время Россия не вела активных боевых действий (напряженность сохранялась только в Закавказье, где размещался Низовой корпус). Дальнейшие события, а именно участие России в войнах за польское наследство 1733–1735 гг. и русско-турецкой 1735–1739 гг., привели к росту генералитета. В 1739 – начале 1740 г. он насчитывал 126 человек. Сразу по завершении войны с Турцией численность генералов вследствие отставок вновь снизилась – до 115–111 лиц (конец 1740 г.), а вступление России в войну со Швецией привело к обратному эффекту – 129 лиц (1741 г.). В целом обладатели генеральских чинов составляли 49–55 % от численности элиты 1730–1741 гг.

Очевидно, что развитие генеральского корпуса аннинского времени значительно отличалось от предшествующего периода: резкий рост в 1725–1730 гг. и сравнительно умеренные колебания в 1730–1741 гг. Но различия были не только количественными. Как было показано в моих предыдущих работах, двукратный рост генералитета при Екатерине I и Петре II был вызван целым рядом причин: ускоренной ротацией кадров в полевой армии, появлением значительной группы генералов, состоявших на статской службе, формированием новой чиновной иерархии на основе Табели о рангах, регламентацией состава различных управленческих структур (высшего армейского командования, руководства центральных и местных органов власти, двора). Напротив, динамика 1730–1741 гг. объяснялась причинами военного характера: число генералов в период войн росло, а в мирное время сокращалось.

Вполне ожидаемо, что интенсивность чиновпроизводства в 1730–1741 гг. была гораздо ниже, нежели в 1725–1730 гг.: в среднем за год 19 пожалований против 35. В общей сложности за неполные 12 лет правления Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича состоялось 232 пожалования генеральских чинов⁶.

Теперь обратимся к структуре генералитета 1730–1741 гг. и рассмотрим, как он распределялся по видам службы (табл. 2).

⁵ Здесь и далее по статье сведения о генералитете 1725–1730 гг. заимствованы из моей более ранней работы [Черников, 2013а]. Отдельные незначительные расхождения с ранее опубликованными цифровыми данными по 1725–1730 гг. объясняются расширением биографической базы. Все ранее сделанные выводы подтверждаются. См. также: [Черников, 2013б; 2014а; 2014б].

⁶ Без учета тех случаев, когда при пожаловании представитель генералитета получал полную отставку («от службы и от дел»). В 1730 г. состоялось 34 пожалования, в 1731 г. – 13, в 1732 г. – 9, в 1733 г. – 6, в 1734 г. – 18, в 1735 г. – 7, в 1736 г. – 10, в 1737 г. – 28, в 1738 г. – 13, в 1739 г. – 23, в 1740 г. – 51, в 1741 г. – 20. Повышения 1740 г. распределялись следующим образом: при Анне Иоанновне – 29, при Бироне – 15, при Анне Леопольдовне – 7.

Таблица 2

Численность генералитета по видам службы, лиц

№ п/п	Виды службы и их сочетание	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740А	1740Б	1740АЛ	1741	r
1	Военная сухопутная	51	53	50	54	61	61	59	64	73	77	68	68	69	72	0,60
2	Сочетание военной сухопутной и других видов службы	22	22	21	12	14	15	20	22	22	20	26	16	11	29	0,79
3	Сочетание военной сухопутной и статской службы	16	20	21	12	13	15	20	22	22	20	25	14	9	26	0,70
4	Придворная	7	4	4	3	3	3	2	1	2	2	2	2	2	0	-
5	Дипломатическая	1	1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	2	2	1	-
6	Морская	2	1	1	0	1	1	1	1	2	2	1	2	2	0	-
7	Сочетание морской и статской службы	0	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	-
8	Статская и сочетание статской с другими «невоенными» видами службы	37	37	31	33	30	33	32	27	23	23	28	25	25	27	-
9	Статская	35	36	31	32	29	31	30	26	23	23	28	25	25	26	-
	Итого	120	118	108	104	110	113	115	115	122	126	126	115	111	129	1,00

Показатели по группе 2 включают в себя данные по группе 3, а по группе 8 – данные по группе 9. Здесь и в последующих таблицах r – коэффициент линейной корреляции (внесены только значимые коэффициенты, $p < 0,05$).

Коэффициенты корреляции, приведенные в последнем столбце, показывают, что основное влияние на общую динамику генеральских чинов оказывали военнотружущие (группа 1; $r = 0,60$), а также лица, сочетавшие военную службу с другими видами деятельности (группы 2–3; $r = 0,70–0,79$).

Проанализируем изменения в среде военнотружущих (группа 1). При Петре II эту категорию составляли 58–69 человек, а уже в начале правления Анны Иоанновны она сократилась до 50–54 человек. Подчеркнем, что в 1730–1741 гг. численность этой группы (в отличие от 1725–1730 гг.) напрямую зависела от того, вела ли армия боевые действия. Самые низкие показатели относятся к мирным 1730–1733 гг., а наиболее высокие – к военным 1734–1741 гг. (до 73–77 человек). Временное снижение произошло только в 1740 г., между турецкой и шведской войнами. Описанная динамика была свойственна как для иноземной, так и для русской части генералитета. Количество генералов, сочетавших военную с другими видами службы (группа 2), выросло: при Петре II их было 9–14 человек, а в 1730–1741 гг. – 11–29.

Генералитет, состоявший при гражданских делах (группа 8), постепенно сокращался: в 1728–1731 гг. – 34–38, а в 1740–1741 гг. – 25–28 человек⁷. Но даже к концу изучаемого периода «гражданские служащие» продолжали составлять существенную часть военных чинов. Поскольку снижение численности генералов, задействованных в гражданской сфере, началось уже в 1732 г., то выявленная тенденция не была связана с известным указом 14 ноября 1735 г. о «статских повышениях» [Сб. РИО, т. 130, с. 265–266; т. 138, с. 392; СА, т. 4, с. 338]. Также обратим внимание, что уменьшение группы 8 произошло в первую очередь за счет русских (в 1730–1731 гг. – 28–29, в 1740–1741 гг. – 19–21 человек), а генералы-иноземцы вообще редко привлекались к невоенным видам деятельности (1730–1731 гг. – 8–9, 1740–1741 гг. – 6–8 человек). Еще одним важным процессом в 1730–1741 гг. стало сокращение числа придворных в генеральских рангах (группа 4).

Также интересны данные, характеризующие мобильность генералитета. За 1725–1730 гг. около 70 % генеральского корпуса ни разу не сменили профиль службы (военный или гражданский). При Анне Иоанновне и Иоанне Антоновиче эта тенденция сохранилась: в 1730–1735 гг. таких было 69 %, а в 1736–1741 гг. – 66 %. На армейской службе постоянно находилось по периодам соответственно – 39, 37 и 44 %, на гражданской – 31, 32 и 23 % генералов. Вполне предсказуемо, что рост «армейской» части генералитета за счет «гражданской» совпал с военным временем.

В табл. 3 показана динамика шести основных групп, состоявших на армейской службе (группы 1–2 из табл. 2).

⁷ Между численностью генералитета на военной службе (группа 1) и у гражданских дел (группа 8) прослеживается устойчивая обратная взаимосвязь: коэффициент корреляции между рядами данных равен (–0,89).

Таблица 3

Численность генералитета по типам военной службы, лиц

№ п/п	Тип военной службы	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740 А	1740 Б	1740 АЛ	1741	r
1	Полевая армия и гвардия	42	39	30	30	33	33	34	42	43	43	39	33	28	43	0,68
2	Артиллерия и инженерный корпус	12	12	12	11	14	15	17	17	16	16	13	12	13	15	0,55
3	Ландмилиция	0	3	3	3	3	2	4	6	5	4	3	4	4	6	0,63
4	Административные структуры военного профиля	22	22	23	19	19	19	23	19	26	24	24	20	20	30	0,71
5	Команданты и гарнизонная служба	15	19	19	15	16	16	12	14	15	19	22	17	17	23	-
6	Другие	9	8	6	5	7	7	9	8	10	13	13	12	12	13	0,83
	Итого	73	75	71	66	75	76	79	86	95	97	94	84	80	101	1,00

Как видим, эволюция генеральского корпуса отражала общие изменения в структуре сухопутных сил. Уже в первые годы после смерти Петра Великого была поставлена задача сокращения военных расходов и облегчения положения помещичьих крестьян, за счет подушной подати и рекрутской повинности с которых финансировалась и комплектовалась полевая армия. К проведению реформы правительство смогло приступить лишь после создания Военной сухопутной комиссии 1730–1732 гг. Как известно, поставленные цели так и не были достигнуты. Вместе с тем общий рост военных расходов удалось сдерживать, а незначительное сокращение полевой армии было компенсировано созданием более дешевых ландмилицких и гарнизонных частей [Петрухинцев, 2001, с. 71–73, 136–137, 139, 180–184; Петрухинцев, 2014, с. 17–20, 205, 995]. Эту же тенденцию можно проследить в структуре генералитета: его доля и численность при полевой армии снижалась, а в частях и военных структурах, которые финансировались за счет иных источников (вне подушной подати), – увеличивалась или оставалась неизменной.

В полевой армии с 27 мая 1728 г. вплоть до принятия воинского штата 1731 г. действовала петровская Табель 1720 г. со штатной численностью генералитета в 38 человек. По указу 31 мая 1731 г. (как и в 1726 г.) было принято решение о ликвидации бригадирских вакансий в армии и их сохранении в гарнизонных частях⁸. Аннинский штат был окончательно утвержден 28 октября 1731 г. и предусматривал наличие 26 представителей генералитета [ПСЗ-I, т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 171–172, 177–178]. Жалованье русским и иноземцам предполагалось платить равное⁹.

Также изменились источники финансирования генералитета Низового корпуса. Со времени образования корпуса при Петре I полевые полки в Закавказье состояли «сверх табельного числа» и не входили в армейский штат. Но поскольку в полевой армии наблюдался постоянный некомплект офицеров и нижних чинов¹⁰, а часть военных находилась в «домовых отпусках», то по указу 13 ноября 1724 г. сэкономленные средства регулярно направлялись на жалованье сверхштатным генералам (включая Низовой корпус) [Сб. РИО, т. 56, с. 331–332, 334; т. 84, с. 154, 509; т. 101, с. 55, 256; РГАДА, ф. 248, кн. 437, л. 15, 172–174.]. С 1727 г. часть генералов, служивших в Персии (например, В. В. Долгоруков, В. Я. Левашов), помимо основного жалованья стали получать «прибавочные суммы» из «гилянских доходов» [Сб. РИО, т. 63, с. 8–9, 65–66, 134; РГАДА, ф. 248, кн. 437, л. 167 об.]. По указу 11 ноября 1731 г. в связи с принятием аннинского штата генералитет Низового корпуса был полностью исключен из окладной армейской суммы и переведен на доходы с персидских провинций [Сб. РИО, т. 101, с. 14, 402; РГАДА, ф. 248, кн. 437,

⁸ «Бригадирам при полевой армии впредь не быть, но при гарнизонном штате оной бригадирской чин оставляется» [ПСЗ-I, т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 55–56].

⁹ По резолюции императрицы от 14 июля 1731 г. [ПСЗ-I, т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 165].

¹⁰ Данные о некомплекте офицерского корпуса в 1725–1745 гг. см.: [Калашников, с. 49–50].

л. 234, 253 об., 609; кн. 440, л. 2]. В это время при корпусе состояло шесть генералов: генерал-аншеф В. Я. Левашов, генерал-майоры П. де Бриньи, Е. И. Фаминцын, А. Б. Бутурлин, Д. Ф. Еропкин, а также отправленный к ним «в прибавку» генерал-лейтенант О.-Г. Дуглас [Сб. РИО, т. 104, с. 14–15]. После того как Низовой корпус был выведен из Персии в Россию (1732–1735 гг.), полки, включая генералитет, финансировались уже из Штатс-конторы¹¹.

Сопоставим ежегодную численность полевого генералитета до и после принятия штата 1731 г. Показатели мирных 1725–1731 гг. (37–45 лиц¹²) были выше, чем в 1732–1736 гг. (30–34 лиц), и это с учетом, что с марта 1734 г. армия перешла на штаты военного времени [ПСЗ-I, т. 9, № 6472, с. 194]. Своей максимальной численности (42–43 человека) генералитет достиг только в 1737–1739 и 1741 гг. (второй период турецкой и начало шведской войны). Еще более наглядны следующие данные. Доля генералитета, состоявшего при полевой армии и гвардии, в общей массе армейских генералов 1725–1731 гг. составляла 52–63 %, а в 1732–1741 гг. снизилась до 41–45 % (с колебаниями от 49 % в 1737 г. до 35–39 % в конце 1740 г.).

Отметим еще одну важную тенденцию – изменение национального состава командования. Так, в 1725 г. иностранцами являлись 35 % генералов полевой армии, в 1726–1730 гг. – 42–45 %, в 1730–1738 гг. – 46–50 %, а в 1739–1741 гг. более половины – 51–70%¹³. Как видим, кадровая политика Анны Иоанновны во многом была продолжением курса прежних правительств, а влияние генералов-иностранцев стало укрепляться уже при Екатерине I и Петре II.

Артиллерия, инженерный корпус, ландмилиция, военная администрация, нерегулярные и гарнизонные части, в отличие от полевой армии, содержались не за счет подушной подати, а из других источников [Петрухинцев, 2001, с. 107–108]. Поэтому здесь прослеживаются иные тенденции.

Так, в артиллерийском и инженерном корпусе (по ежегодным данным) в 1725–1730 гг. служило от 9 до 12 генералов, а в 1730–1741 гг. – уже 11–17. Доля этой группы в армейском генералитете незначительно выросла: с 12–16 до 14–22 % соответственно. Всего в 1730–1741 гг. при артиллерийской и инженерной части числилось 25 генералов. Доля русских, как и раньше, была невелика (по ежегодным данным, от 0 до 23 %).

Важным шагом аннинского царствования стало расширение ландмилиции – более дешевого (сравнительно с полевой армией) вида вооруженных сил, который комплектовался и содержался за счет однодворцев [Петрухинцев, 2001, с. 120–131; Петрухинцев, 2014, с. 227, 232; Байов, с. 17–19]. По инициативе Б.-Х. Миниха 19 марта 1736 г. был утвержден

¹¹ Судя по сенатским материалам, ежегодная переписка Военной коллегии о присылке из Штатс-конторы «сумм» на содержание выведенного Персидского корпуса продолжалась вплоть до 1742 г. [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 440, л. 356, 357–358, 362, 424, 435–437 об., 439 об., 441, 444–445 об., 448–449 об.].

¹² Показатель 1728 г. (52 человека) не характерен для этого периода.

¹³ По данным Г. В. Калашникова, значительный рост иностранцев в армии после окончания русско-турецкой войны отмечался и среди офицеров [Калашников, с. 51–52].

особый штат Украинского ландмилицкого корпуса. При корпусе числилось 5 генералов, получавших жалованье из особой «ландмилицкой суммы». Если офицерские чины ландмилиции считались младше армейских, то генеральские рассматривались как равные [Сб. РИО, т. 104, с. 71; ПСЗ-I, т. 8, № 5903, с. 586–587; т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 213–214, 217, 225–226, 229]. В общей сложности за весь период (1731–1741 гг.) при ландмилиции служило 14 человек (3–7 % от общего числа армейских генералов; 2–6 человек ежегодно). Большинство из них – иноземцы.

Количество генералов в военных административных структурах также увеличилось. В 1725–1730 гг. их было 13–16, а в 1730–1741 гг. – уже 19–30 человек. В процентном выражении от общего числа армейских генералов эта группа в 1725–1727 гг. составляла 20–25 %, в 1728–1730 гг. – 17–21 %, а в 1730–1741 гг. – 22–32 %. Как и ранее, большая часть администраторов 1730–1741 гг. имела русское происхождение – 55–78 %.

Теперь обратимся к руководству гарнизонных частей. По Табели 28 октября 1731 г. обер-комендантами и комендантами должны были стать 16 генералов (5 генерал-майоров и 11 бригадиров)¹⁴. Для сравнения: штат 17 августа 1725 г. предполагал 13 подобных вакансий (все бригадирские) [ПСЗ-I, т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 43–44]. В действительности в 1730–1741 гг. на комендантских должностях и в гарнизонных частях (по ежегодным данным) служило от 12 до 23 генералов (15–27 % армейского генералитета). Национальный состав этой группы изменился. Если в 1725–1734 гг. большинство комендантов (53–74 %) были русскими, то в 1735–1741 гг. их доля снизилась до 41–53 %. В общей сложности за весь период (1730–1741 гг.) на комендантских должностях служило 52 генерала.

Интересны перемены и в последней – шестой – группе (в табл. 3 она обозначена как «другие»). В 1725–1730 гг. она составляла 2–6 % от числа армейских генералов, а в 1730–1741 гг. – уже 8–15 % (в абсолютном выражении 2–4 и 5–13 человек соответственно). Сюда отнесены генерал-адъютанты ЕИВ, кавалергарды (1730–1731 гг.), руководство смоленской шляхты. Все перечисленные подгруппы уже существовали в предшествующий период (1725–1730 гг.), но были не столь многочисленны. Новой подгруппой стал генералитет нерегулярных полков, созданных в период русско-турецкой войны. Так, при слободских полках служили бригадиры А. Дунин, А. Л. Лесовицкий, при гусарских полках – К. А. Кантемир (волошский полк), И. Стоянов (сербский), при войске Донском – И. М. Краснощеков, И. Фролов.

Национальный состав генеральского корпуса

По общим данным, в 1730–1741 гг. из 266 генералов 157 (59 %) были русскими, а 109 (41 %) – иноземцами. Для сравнения, в 1725–1730 гг. доля иноземцев была ниже – 34 %.

¹⁴ Численность по Табели 28 октября 1731 г. [см.: ПСЗ-I, т. 43, ч. 1, отд. 1, с. 179]. По высочайше утвержденному мнению Сената от 14 июля 1731 г. – 5 генерал-майоров и 10 бригадиров [Там же, с. 68–71].

В динамике национальная структура генералитета выглядела следующим образом. В 1730–1738 гг. соотношение русских (60–63 %) и иноземцев (37–40 %) было стабильным. Те же показатели наблюдались в 1725–1730 гг. Следовательно, каких-либо резких перемен в кадровой политике после прихода к власти Анны Иоанновны не произошло. Рост иноземцев начался лишь десятилетие спустя: в 1739 г. – 42 %, а в 1740–1741 гг. – 45–46 %. Причина заключалась в отставке непропорционально большого числа русских генералов в 1738–1741 гг.¹⁵ Так, среди 28 человек, отправленных в это время в полную отставку, было 7 иноземцев (25 %) и 21 русский генерал (75 %).

Генералы-иноземцы

Проанализируем состав иноземцев подробнее. Для этого выделим пять групп в зависимости от времени начала службы и места рождения¹⁶.

В первую группу отнесены иноземцы «старого выезда» – те, кто родился в России или поступил на русскую службу до 1689 г., а также их потомки – 22 человека (21 %)¹⁷. Представители второй группы родились за рубежом и начали служить в России в 1689–1699 гг. – 8 человек (8 %)¹⁸. Самая значительная – третья – группа генералов 1730–1741 гг. перешла на русскую службу в первой четверти XVIII в. – 47 лиц (45 %)¹⁹. В 1725–1730 гг. (четвертая группа) на службу поступили

¹⁵ Подробно практика чинопроизводства и отставок в российском генералитете 1730–1741 гг. будет рассмотрена в отдельной работе.

¹⁶ Точное время поступления на службу неизвестно для трех человек: К.-Г. Левенвольде, Г.-А. и И.-Г. Менгены (все из Прибалтики); для двух человек неизвестны время поступления на службу и место рождения: Демарин, М. И. Липхер.

¹⁷ Это Ф. Н. Балк, П. Ф. Балк-Полев, А. В. Беер, И. Л. и Л. Л. Блюментросты, А. Р. Брюс, Ф. Я. Буларт, И. Д. Бухгольц, П. А. Гассениус, А. П. Девиц, В. В. Делдин, Н. Л. Клячковский, Ю. Ф. Лесли, А. Я. Лицкин, Т. И. и Я. М. Трейдены, Е. И. Фаминцын, В. Ю. и В. В. Ферморы, И. Шван, А. Т. Юнгер, В. В. Якоби. Об особенностях группировки иноземцев на «старый» и «новый выезд» см.: [Черников, 2013а, с. 136].

¹⁸ Это уроженцы *Германии* (5) – М. М. Витвер (1697), Г. Гейн (1698), Г.-В. Геннин (1697), И. И. Кобер (1696), Л. Л. Шток (1696); *Швейцарии* (1) – П. Б. Лефорт (1694), *Швеции* (1) – У. О. Сперрейтер (1694), *Польши* (1) – П. И. Ягужинский.

¹⁹ Это выходцы из *Германии* (17) – И. И. Альбрехт (1706), Г.-И. Бон (1708), И.-Б. Вейсбах (1707), Т.-Г. Венедиер (1707), И.-Г. Гарбер (1710), Л. И. Гартунг (1713), Х.-Л. Гейденрейх (1707), Л.-Г. Гессен-Гомбургский (1723), К. И. Гохмут (1704), Х.-Т. Киндерман (1715), И.-Л. Люберас (1709), Э.-С. Манштейн (1704), Б.-Х. Миних (1721), Б.-Х. Фридрици (1716), Ф. Центаров (1710), Ф. И. Штофель (1708), Э.-И. Эйлерс (1703); *Прибалтики* (11) – К. Бирон, В. Бриммер (1708), Х.-В. Виттен (1718), И.-Х. Кейзерлинг (1717), Ф. Левен, Ю. Г. Ливен (1717), Г.-Г. Розен (1703), О.-Ф. Розен (1704), И.-Г. Ропп, Б.-Э. Траутфеттер (1724), В.-Г. Фелькерзам (1710); *Франции* (5) – А. и П. де Бриньи (оба 1717), И. Я. Дюпре (1703), А. Клапье де Колонг (1712), А. Кулон (1707); *Польши* (2) – Б. И. Незабитовский (1719), Х. Урбанович (1724); *Швеции* (2) – О.-Г. Дуглас (1717), И.-Б. Кампенаузен (1711); *Италии* и *Адриатического региона* (2) – А. де Брильи (1701), И. Стоянов (1723); *Голландии* (1) – А. И. Брунц (1702); *Ирландии* (1) – П. П. Ласси (1700); *Швейцарии* (1) – А. Я. Трезини (1703); *Грузии* (1) – Г. Л. Дадиани (не позднее 1718). Точное место рождения неизвестно еще для четырех человек – А. Беренса (1702), И. Гампфа (1707), А. А. Поникуа (1716), М. Фукса.

6 генералов (6 %) ²⁰. Непосредственно в 1730–1741 гг. (пятая группа) на службу был принят 21 генерал (20 %) ²¹.

Сравним эти данные с показателями предшествующего периода. Доля генералов, поступивших на службу в первой четверти XVIII в., почти не изменилась: в 1725–1730 гг. – 49 %, а в 1730–1741 гг. – 45 %. То же самое можно сказать об иноземцах «старого выезда» – 24 и 21 %. Напротив, доля тех, кто служил в России с 1689–1699 гг., существенно сократилась – 20 и 8 % соответственно.

Обобщим данные за 1689–1741 гг. (2–5 группы). В составе генералитета 1725–1730 гг. было 19 уроженцев Германии (45 %). В 1730–1741 гг. немцы сохранили свое лидирующее положение (34 человека, 43 %). Число остзейцев резко выросло: в 1725–1730 гг. их было четверо (10 %), а в 1730–1741 гг. – уже 22 человека (28 %). Половина остзейцев (11 из 22) поступили на русскую службу еще при Петре Великом. Суммарно Германия и Прибалтика дали более $\frac{2}{3}$ иностранцев в российском генералитете 1730–1741 гг. Представителей остальных регионов было существенно меньше: пять генералов из Франции (6 %), четыре – из Польши (5 %), по три – из Ирландии и Швеции (по 4 %), по два – из Грузии, Италии и Адриатики, Швейцарии (3 %), по одному – из Шотландии, Молдавии и Голландии (по 1 %). Подавляющее большинство генералов, приехавших в Россию в 1730–1741 гг., имели военный опыт и ранее служили в европейских армиях ²².

Как генералы-иноземцы распределялись по видам службы (в зависимости от времени ее начала)? Самые существенные изменения произошли в полевой армии. Так, в генералитете 1725–1730 гг. около 60 % иноземцев начинали свою службу в 1700–1725 гг. При Анне Иоанновне и Иоанне Антоновиче доля генералитета «петровского призыва» 1700–1725 гг. снизилась до 42 %, а значительную часть командования полевой армии составили генералы, принятые на службу непосредственно в 1730–1741 гг. (27 %). В ландмилиции доля «новичков» была еще выше – 44 % («петровский призыв» – 22 %). В остальных видах вооруженных сил ситуация была схожа с предшествующим периодом. Так, среди артиллеристов и инженеров 78 % иноземцев служили

²⁰ Это уроженцы *Германии* (2) – Г.-Н. Брадке (1729), Ф.-Б. Шверин (1727); *Грузии* (1) – Б. В. Грузинский (1729); *Польши* (1) – Ф. Даревский (1726); *Прибалтики* (1) – Г.-Ю. Икскуль (1729); *Шотландии* (1) – Д. Кейт (1728).

²¹ Это выходцы из *Германии* (10) – Л.-А. Бисмарк (1732), А.-У. Брауншвейгский (1733), Р. К. Вейдель (1731), Г.-К. Вейсбах (1736), П.-А. Голштейн-бек (1734), У.-Ф. Левендаль (1736), А.-Ф. Теттау (1730), И.-Б. Фишер (1734), К.-Л. Шпигель (1732), Г.-А. Штокман (1732); *Прибалтики* (7) – Г. Бирон (1730), К.-М. Бирон (1732?), П. Бирон (1733), Э.-И. Бутлер (1735), Б.-Х. Вильдеман (1732), О.-И. Майдель (1736), Ю.-Г. Радинг (1736); *Ирландии* (2) – Ю. Ю. Броун (1731), Г. П. Ласси (1731); *Молдавии и Валахии* (1) – К. А. Кантемир (1738). *Неизвестно место рождения* одного человека – Декаласа (1738).

²² Так, например, Л.-А. Бисмарк служил в Пруссии, П.-А. Голштейн-бек – в Пруссии и Гессен-Касселе, У.-Ф. Левендаль – в Польше, Саксонии, Дании, Австрии и Генуе, А.-Ф. Теттау – в Пруссии и Гессен-Касселе, К.-Л. Шпигель – в Гессен-Касселе и Гессен-Дармштадте, Г.-А. Штокман – в Ганновере, Голштейне и Швеции, Г. Бирон – в Польше, К.-М. Бирон и Э.-И. Бутлер – в Польше и Саксонии, О.-И. Майдель – в Швеции, Ю.-Г. Радинг – в Голландии, Пфальце и Гессен-Касселе, Ю. Ю. Броун – в Пфальце, Р. К. Вейдель – в Испании, Г.-К. Вейсбах – в Польше, Декалас – в Австрии.

в России с 1689–1725 гг. (хотя доля поступивших на службу после 1700 г. существенно увеличилась). В военной администрации «петровские иноземцы» также доминировали (61 % генералов служили с 1700–1725 гг.). В гарнизонной службе 52 % иноземцев были старо-выезжими, а 38 % прибыли в Россию в 1700–1725 гг. Таким образом, пополнение генералитета 1730–1741 гг. новыми людьми из-за рубежа затрагивало в первую очередь полевую армию и ландмилицию. Ротация высшего командного состава в артиллерии, инженерном корпусе, военной администрации и гарнизонных частях в основном происходила за счет «внутренних резервов» – повышения в чинах тех, кто уже находился на русской службе.

Национальная структура иноземного генералитета (сравнительно с 1725–1730 гг.) изменилась менее значительно. В полевой армии 38 % иноземцев были уроженцами Германии (в 1725–1730 гг. – 34 %), при артиллерии и в инженерном деле – 56 % (54 %), в военной администрации – 52 % (58 %), при ландмилиции – 56 %. В гарнизонных частях немцев было лишь 14 % (22 %). Остзейцы в основном служили при полевой армии – 23 % (в 1725–1730 гг. – 10 %) и в ландмилиции – 22 %. Французы проходили службу артиллеристами и инженерами (22 %), в военной администрации (13 %) или в гарнизонных частях (14 %). Иноземцы «старого выезда» преобладали среди комендантов (52 %), а в полевой армии они были третьими по численности (15 %), уступая лишь немцам и остзейцам.

Генералитет русского происхождения

Теперь обратимся к русской части генералитета – 157 человек из 128 фамилий. Подавляющее большинство генералов начинали свою службу при Петре I или в более раннее время. Лишь трое поступили на службу после 1725 г.: В. А. Лопухин, Н. И. и П. И. Стрешневы (все в 1727 г.)²³. Выделим среди русских генералов четыре группы в зависимости от происхождения²⁴. К **первой** (аристократической) отнесены 22 лица из 12 родов²⁵. Во **вторую** группу включены фамилии, представители которых вошли в Думу в 1613–1689 гг. (34 лица из 24 родов²⁶). В **третью** группу вошли фамилии московского дворян-

²³ Неизвестно время начала службы еще для трех человек: А. Дунина, И. Фролова, И. А. Шипова.

²⁴ Общие принципы классификации см.: [Черников, 2007, с. 373–379].

²⁵ А. Б. и П. И. Бутурлины, А. П. и И. М. Волынские, кн. М. М. старший Голицын, И. М. Головин, кн. В. В. Долгоруков, кн. В. А. и Ю. А. Репнины, В. Ф., В. С., П. С. и С. А. Салтыковы, кн. И. Ю., Н. Ю. и Ю. Ю. Трубецкие, кн. В. А. и Г. А. Урусовы, кн. П. Б. Черкасский, В. П. Шереметев, кн. М. Ю. и О. И. Щербатовы.

²⁶ А. М. и С. Ф. Апраксины, кн. А. Т., И. Ф. и М. М. Барятинские, Д. Ф. Еропкин, А. К. Зыков, И. П., Л. В. и П. В. Измайловы, И. С. и С. Ю. Карауловы, М. И. Леонтьев, В. А. и Ф. А. Лопухины, М. А. Матюшкин, С. Г. Нарышкин, Д. И. Павлов, А. И. и И. В. Панины, Ф. А. Полибин, А. М. Потемкин, П. К. Пушкин, В. М. Ртищев, Н. И. и П. И. Стрешневы, С. И. Сукин, М. А. Сухотин, Д. И. Титов, С. Т. Хлопов, М. С. Хрущев, кн. А. И. Шаховской, Д. А. и Ф. А. Шепелевы.

ства, не достигшие к 1689 г. думных чинов (94 человека из 85 фамилий²⁷). К **четвертой** группе отнесены недворяне (7 человек из 7 фамилий²⁸). Наибольшее представительство в генералитете имели Салтыковы (4 человека), а также Измайловы, кн. Трубецкие, кн. Барятинские, Козловы (по 3 человека).

Динамика социальной структуры русского генералитета отражена в табл. 4.

Таблица 4

Происхождение русской части генералитета 1730–1741, лиц (%)

Группа	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740А	1740Б	1740АЛ	1741
I	14 (19)	11 (15)	11 (17)	11 (17)	11 (17)	12 (18)	12 (16)	12 (17)	12 (16)	11 (15)	9 (13)	8 (13)	8 (13)	10 (14)
II	18 (24)	18 (25)	17 (26)	18 (29)	20 (30)	19 (28)	17 (23)	16 (23)	17 (23)	16 (22)	15 (22)	14 (23)	13 (21)	14 (20)
III	41 (55)	43 (60)	37 (57)	34 (54)	34 (52)	36 (53)	43 (59)	41 (59)	42 (57)	42 (58)	41 (59)	35 (56)	35 (57)	42 (59)
IV	1 (1)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	1 (2)	1 (1)	1 (1)	1 (1)	3 (4)	4 (5)	4 (6)	5 (8)	5 (8)	5 (7)
I-IV	74	72	65	63	66	68	73	70	74	73	69	62	61	71
I-II	32 (43)	29 (40)	28 (43)	29 (46)	31 (47)	31 (46)	29 (40)	28 (40)	29 (39)	27 (37)	24 (35)	22 (35)	21 (34)	24 (34)

Как видим, представительство «думных фамилий» (I–II группы) продолжало снижаться. В 1729–1730 гг. удельный вес традиционной элиты составлял 43–44 %, а в 1740–1741 гг. – уже 34–35 %. Кратковременный рост показателей наблюдался лишь в 1733–1735 гг. (46–47 %). Интересно, что доля московского дворянства за 1730–1741 гг.

²⁷ П. Д. Аксаков, В. С. Аракчеев, А. П. Арсеньев, И. И. Бахметев, И. Г. Безобразов, И. И. Бибииков, И. В. Болгин, В. С. Борзово, А. А. Броневский, С. С. Буженинов, П. П. Воейков, М. Я. Волков, И. М. Вырубов, кн. В. М. Вяземский, Д. Г. Голенищев-Кутузов, И. М. и С. Т. Грековы, П. В. Григоров, В. М. Гурьев, И. И. Дмитриев-Мамонов, С. Н. Друмант (его отцом был рейтарский полковник Н. П. Друмант, крестившийся в православие и пожалованный в чины стряпчего, а затем стольника), А. Н. Дубасов, А. Н. и Ф. Н. Елагины, Г. Д. Есипов, А. С. Жилин, А. Г. Загряжский, В. И. Заезерский, П. И. Засецкий, И. И. Захаров, С. Л. Игнатъев, И. К. Ильин, И. Г. Карташов, А. Г. Киселев, А. С. Козинский, И. Ф., Н. А. и Ф. И. Козловы, И. Л. Кокошкин, П. М. Колокольцов, Т. А. Коробов, Р. М. Кошелев, Н. С. Кречетников, кн. Я. Н. Кропоткин, И. И. Кропотов, Н. Н. Кудрявцев, П. И. Лачинов, В. Я. Левашов, А. Д. Лукин, Я. К. Лярский, И. А. Маслов, кн. С. Ф. Мещерский, М. О. Молчанов, П. И. Мошков, А. А. Мякинин, Г. Я. и Ф. В. Наумовы, В. В. Нейбуш («из дворян»; его отец выехал из Пруссии, принял православие и служил полковником при Алексее Михайловиче), А. И. Немцов, Д. Ю. и М. С. Опочинины, Я. Г. Островский, Е. И. Пашков, А. К. Петров-Солово, Д. Л. Порецкий, В. И. Порошин, А. И. и Н. И. Румянцевы, И. Т. Сафонов, П. Г. Свечин, С. В. Секиотов, У. А. Сенявин, Б. Г. Скорняков-Писарев, Л. Я. Соймонов, И. В. Стрекалов, А. М. Сухарев, А. И. Тараканов, И. М. Тургенев, И. С. Унковский, А. И. Ушаков, И. А. Фамендин, М. И. Философов, П. В. Чебышев, Ф. Г. Чекин, Д. Г. Чернцов, А. И. и Г. П. Чернышевы, А. Г. Шамордин, Т. А. Шатилов, И. А. и П. М. Шиповы, И. М. Шувалов, И. Ф. Юрлов, кн. Г. Д. Юсупов.

²⁸ С. А. Алабердеев, А. Дунин, И. М. Краснощеков, А. Л. Лесовицкий, И. С. Савельев, А. Ф. Томилов, И. Фролов.

практически не изменилась: 55–60 % в начале и 56–59 % в конце периода. В течение же предшествующих 30 лет она неуклонно росла: в 1700–1701 гг. – 11–20 %, в 1724–1725 гг. – 45–46 %, в 1729–1730 гг. – 54–56 %. Новым явлением для 1730-х гг. стало увеличение числа недворян в генералитете (к 1740–1741 гг. – 6–8 %). Более половины из них – представители казачества, которые командовали нерегулярными армейскими частями.

По моим подсчетам, 66 % русского генералитета 1725–1730 гг. (73 человека) начинали свою карьеру в думных или московских чинах. В 1730–1741 гг. их доля значительно снизилась – 45 % (70 человек). По ежегодным данным, обладатели старых чинов в 1725 г. составляли 76 % русского генералитета, в 1730 г. – 60–61 %, в 1739 г. – 44 %, а в 1740–1741 гг. (из-за массовых отставок) этот показатель резко упал до 27–30 %. В первой половине елизаветинского царствования с политической сцены сойдут последние представители этого слоя.

Чиновная структура генеральского корпуса

Рассмотрим состав генералитета по классам Табели о рангах (табл. 5).

Таблица 5

Структура генералитета 1730–1741 гг. по классам Табели о рангах, лиц

Класс	1730	1731	1732	1733	1734	1735	1736	1737	1738	1739	1740А	1740Б	1740АЛ	1741
1	3	2	2	2	2	2	3	3	3	3	2	2	3	3
2	13	11	8	8	8	9	8	7	8	8	12	10	7	10
3	20	18	18	18	21	21	20	22	20	19	19	20	21	25
4	44	45	41	40	38	37	39	40	40	41	45	44	45	48
5	40	42	39	36	41	44	45	43	51	55	48	39	35	43
Итого	120	118	108	104	110	113	115	115	122	126	126	115	111	129

Если в течение года (периода) какое-либо лицо последовательно или одновременно носило несколько чинов разного ранга, то при подсчетах учитывался старший.

В 1730–1741 гг. высшие армейские чины (генерал-фельдмаршала и генералиссимуса) носили шесть человек: трое русских и трое иноземцев. Если аннинское царствование начиналось с доминирования на военном олимпе русских фельдмаршалов (все трое – аристократы), то с 1736 г. большинство в этом ранге составляли иностранцы.

Во втором классе в 1730–1741 гг. в общей сложности служило 26 лиц. На протяжении почти всего этого периода (1730–1738 гг., конец 1740–1741 гг.) здесь преобладали русские. По сравнению с 1725–1730 гг.

социальный состав генерал-аншефов стал более пестрым. Наряду с традиционной элитой (I–II группы) здесь служили выходцы из московского дворянства (М. Я. Волков, И. И. Дмитриев-Мамонов, В. Я. Левашов, А. И. Румянцев, А. И. Ушаков, Г. П. Чернышев, Г. Д. Юсупов). Если при Екатерине I и Петре II московское дворянство не поднималось по карьерной лестнице выше генерал-лейтенанта, то при Анне Иоанновне из этой среды происходила уже половина русских генерал-аншефов (7 из 14), а по ежегодным данным – 50–80 %. Особенно высокой доля московских дворян была в 1739–1741 гг. – 71–80 %.

В ранге генерал-лейтенанта в 1730–1741 гг. служило 64 человека (38 русских и 26 иноземцев), генерал-майора – 127 (62 русских и 65 иноземцев), бригадира – 137 (95 русских, 42 иноземца).

* * *

Обобщим сказанное. Период адаптации российской элиты к чиновной структуре Табели о рангах в начале правления Анны Иоанновны завершился, а расширение генеральского корпуса, которое наблюдалось в предшествующие пять лет, прекратилось. После принятия армейского штата 1731 г. численность генералитета уже напрямую зависела от того, вела ли армия боевые действия, а его структура отражала общие изменения в вооруженных силах. Так, доля генералов при полевой армии снизилась; в артиллерии же, инженерном корпусе, ландмилиции и в гарнизонных частях такой тенденции не наблюдалось.

В национальном составе генералитета резких изменений после восшествия на престол Анны Иоанновны не произошло (60–63 % русских и 37–40 % иноземцев). Лишь в самом конце периода (1739–1741 гг.) из-за массовых отставок русских генералов выросла доля иноземцев.

В полевой армии неуклонный рост числа иноземцев, начавшийся в 1725–1730 гг., продолжился, а к 1739–1741 гг. их доля составила 51–70 %. В артиллерии, инженерном корпусе, как и ранее, доминировали иноземные генералы, а в военной администрации – русские. Командование ландмилиции в основном состояло из иноземцев. Основой иноземного генералитета оставались выходцы из Германии. Важнейшим процессом в 1730–1741 гг. стала начавшаяся еще при Петре Великом инкорпорация представителей прибалтийского дворянства в состав российской элиты, а доля остзейцев в генералитете при Анне Иоанновне выросла с 10 до 28 %. Таким образом, влияние уроженцев протестантских регионов на европеизацию российской армии оставалось решающим. Иностранцы генералы, поступившие на службу в 1730–1741 гг., чаще всего направлялись в полевую армию и ландмилицию.

Динамика социальной структуры русской части генералитета была прежней. Доля традиционной элиты снижалась, а представители московского дворянства достигли чина генерал-аншефа, составив в нем большинство. Аристократическим остался лишь старший, фельдмаршальский класс.

В целом эволюция генеральского корпуса 1730–1741 гг. подчинялась общей логике развития вооруженных сил России, заложенной еще при Петре Великом, а перемены начала аннинского царствования во многом стали следствием того внутривластного курса, который был сформулирован ближайшим окружением царя-реформатора в 1725–1727 гг. Интернациональный состав российского генералитета 1730–1741 гг., его пополнение иностранцами и выходцами из присоединенного в начале века остзейского региона отражали установки петровского времени на заимствование европейского военного опыта.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994. 496 с.
- Байов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Т. 1. СПб. : Тип. Н. Я. Стойковой, 1906. 556+192 с.
- СА – Сенатский архив. Т. 2–5 : [Журналы и определения Правительствующего Сената за 1732, 1735, 1737–1743 гг.]. СПб. : Тип. Прав. Сената, 1889–1892.
- Калашиников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: дис. ... к. и. н. СПб., 1999. 295 с.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М. : Изд-во РГГУ, 1999. 575 с.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь» : Очерки истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань : НРИИД, 2003. 570 с.
- Петрухинцев Н. Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М. : РОССПЭН, 2014. 1063 с.
- Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб. : Алетейя, 2001. 352 с.
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб. : Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1830.
- Рабинович М. Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М. : Наука, 1973. С. 133–171.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 16 (Разряд XVI : Внутреннее управление); Ф. 20 (Разряд XX : Дела военные); Ф. 188 (Рукописное собрание ЦГАДА); Ф. 199 (Портфели Г.-Ф. Миллера); Ф. 210 (Разрядный приказ); Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 286 (Герольдмейстерская контора); Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки).
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489 (Формулярные списки); Ф. 490 (Офицерские сказки); Ф. 846 (Коллекция Военно-ученого архива).
- Сб. РИО – Сборник императорского русского исторического общества. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146 : [Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг.]. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1898–1915 ; Т. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101 : [Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг.]. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1886–1898.
- Черников С. В.* «На убылые места... выбирать обществом»: к вопросу о причинах «шляхетского движения» начала 1730 г. // Cahiers du Monde russe. 2014a. Vol. 55. № 1–2. P. 71–117.
- Черников С. В.* Правящая элита России 1725–1730 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014b. № 12. С. 30–38.
- Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб. : Наука, 2007. С. 366–386.

Черников С. В. Российский генералитет 1725–1730 гг.: численность, национальный и социальный состав // *Quaestio Rossica*. 2013а. № 1. С. 128–143.

Черников С. В. Чины государева двора в составе правящей элиты 1725–1730 гг. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 3. М.: Изд-во МГУ, 2013б. С. 226–231.

References

Anisimov, E. V. (1994). *Rossiya bez Petra: 1725–1740* [Russia without Peter: 1725–1740]. Saint Petersburg: Lenizdat.

Bajov, A. K. (1906). *Russkaya armiya v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny'* [The Russian army during the reign of Empress Anna Ioannovna]. (Vol. 1). Saint Petersburg.

Chernikov, S. V. (2014). «Na uby'ly'e mesta... vy'birat' obshhestvom»: k voprosu o prichinah «shlyahetskogo dvizheniya» nachala 1730 g. [«Na uby'ly'e mesta... vy'birat' obshhestvom»: on the issue of reasons for the noble movement of the early 1730s]. *Cahiers du Monde russe*, 55, 1–2, 71–117.

Chernikov, S. V. (2014). Pravyashhaya e'lita Rossii 1725–1730 godov: chislennost', social'ny'j sostav, osnovny'e tendencii razvitiya [The ruling elite of Russia in 1725–1730: population, social structure, the main development trends]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12, 30–38.

Chernikov, S. V. (2007). Rossijskaya e'lita e'pohi reform Petra Velikogo: sostav i social'naya struktura [The Russian elite of the period of reforms of Peter the Great: personnel and social structure]. In *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka* (pp. 366–386). Saint Petersburg: Nauka.

Chernikov, S. V. (2013a). Rossijskij generalitet 1725–1730 gg.: chislennost', nacional'ny'j i social'ny'j sostav [The Russian General Staff in 1725–1730: Personnel, Ethnic and Social Structure]. *Quaestio Rossica*, 1, 128–143.

Chernikov, S. V. (2013b). Chiny gosudareva dvora v sostave pravyashhej e'lity' 1725–1730 gg. [Ranks of the Tsar's court in the structure of the ruling elite, 1725–1730]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya* (Iss. 3, pp. 226–231). Moscow.

Kalashnikov, G. V. (1999). *Oficerskij korpus russkoj armii v 1725–1745 gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [The officer corps of the Russian army in 1725–1745]. (Dissertation). Saint Petersburg.

Kamenskij, A. B. (1999). *Ot Petra I do Pavla I. Reformy' v Rossii XVIII veka: opyt celostnogo analiza* [From Peter to Paul I. Reform in 18th c. Russia: the experience of holistic analysis]. Moscow.

Kurukin, I. V. (2003). *E'poha «dvorskih bur'» : Ocherki istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725–1762 gg.* [The era of “Court storms”: essays on the Russian history after Peter I, 1725–1762]. Ryazan.

Petruhincev, N. N. (2014). *Vnutrennyaya politika Anny' Ioannovny' (1730–1740)* [Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740)]. Moscow: ROSSPE'N.

Petruhincev, N. N. (2001). *Carstvovanie Anny' Ioannovny': formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by' armii i flota, 1730–1735 g.* [The reign of Anna Ioannovna: shaping the internal policy and the fate of the army and Navy, 1730–1735]. Saint Petersburg: Aletejya.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. (1830). Saint Petersburg.

Rabinovich, M. D. (1973). Social'noe proishozhdenie i imushhestvennoe polozhenie oficerov reguljarnoj russkoj armii v konce Severnoj vojny' [Social origin and property status of officers of the regular Russian army at the end of the Great Northern War]. In *Rossiya v period reform Petra I* (pp. 133–171). Moscow: Nauka.

Rossijskij gosudarstvenny'j arhiv drevnih aktov [Russian state archive of old acts]. Stocks 16, 20, 188, 199, 210, 248, 286, 350.

Rossijskij gosudarstvenny'j voenno-istoricheskij arhiv, St. Peterburg. [Russian state military-historical archive]. Stocks 489, 490, 846.

Senatskij arhiv: Zhurnaly' i opredeleniya Pravitel'stvuyushhego Senata za 1732, 1735, 1737–1743 gg. [Senate archive: Magazines and ruling of the directing Senate in 1732, 1735, 1737–1743 yrs]. (Vol. 2–5). (1889–1892). Saint Petersburg.

Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Bumagi Kabineta ministrov imperatricy Anny' Ioannovny', 1731–1740 gg. [Papers of the Cabinet of Ministers of the

Empress Anna Ioannovna, 1731–1740]. (1898–1915). (Vols. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146). Yuriev.

Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Protokoly', zhurnaly' i ukazy' Verhovnogo tajnogo soveta, 1726–1730 gg. [Protocols, magazines and decrees of the Supreme privy Council, 1726–1730]. (1886–1898). (Vols. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101). Saint Petersburg.

The article was submitted on 15.01.2015

Сергей Васильевич Черников,

к. и. н., доцент,
Липецкий государственный
технический университет,
Липецк, Россия
zserg72@gmail.com

Sergey Chernikov, Dr.,

Associate Professor,
Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, Russia
zserg72@gmail.com

DOI: 10.15826/qr.2015.1.079

УДК 94(470)“16/18”

+ 94(44)“16/18” +

272/273 + 271.2

Francine-Dominique Liechtenhan

HENRY LA VIE, SPION, KONSUL UND VEREHRER PETERS DES GROSSEN

Henry La Vie, marine commissioner and consul of France in Saint Petersburg in the 1710s–1720s, left an exceptional correspondence in Russia at the time of Peter the Great. He was involved in the establishment of diplomatic and economic relations between France and Russia, but, for no apparent reason, Versailles did not trust him. Many of his clever suggestions were not accepted by the Regent. Responsible for a small French community in Saint Petersburg, he studied the relationship between Catholicism and Orthodoxy, and condemned the harmful role of Jesuits.

After the suspicious death of Alexei Petrovich, La Vie made a lot of speculations about the future of Russia and the change of international relations, particularly in the North. Versailles was not able to duly appreciate the letters of La Vie at their real value; his debts were an easy pretext to remove him from his important position. He disappeared in Russia and died probably in the late 1730s. His best letters from Russia should be selected and prepared for a publication.

Keywords: Henry La Vie, the time of Peter the Great, relations between France and Russia, Catholicism and Orthodoxy.

Анри Лави, служивший уполномоченным по морским делам и консулом Франции в Санкт-Петербурге в период между 1710–1720-ми гг., является автором значительного числа писем, датируемых эпохой Петра Великого. Он участвовал в установлении дипломатических и экономических отношений между Францией и Россией, однако не пользовался доверием Версаля, поэтому многие его рациональные предложения не находили поддержки у регента. Возглавляя небольшое французское сообщество в Санкт-Петербурге, он изучал отношения между католицизмом и православием и говорил о губительном влиянии иезуитства. После загадочной смерти Алексея Петровича Лави много рассуждал о будущем России и изменениях в международных отношениях, особенно на севере. Версаль не признал важности писем ла Ви и под предлогом долгов сместил его с высокой должности. След его теряется в России, где он умер, предположительно, в 1730-х гг. Его лучшие письма заслуживают публикации.

Ключевые слова: Анри Лави; эпоха Петра Великого; отношения между Францией и Россией; католицизм и православие.

„In Abwesenheit des Zaren sind die Nachrichten undurchschaubar, aber die verschiedenen Parteien lassen es sich nicht nehmen, sich über die jetzige Konjunktur zu äussern“, dieser Satz, der wiederholt in der Korrespondenz des französischen Konsuls La Vie vorkommt, ist für die Meinung des Autors bezeichnend. Er bewunderte den Zaren, seinen Helden, blieb jedoch oft widersprüchlich in seinen Überlegungen zur russischen Außenpolitik. Er sah sie vor allem durch das Guckloch der politischen, wirtschaftlichen und religiösen Beziehungen zum Westen; hin und wieder ergötzte er sich an Skandalgeschichten, Klatsch, aber zog aus ihnen wichtige Schlüsse. Es fehlte ihm nicht an diplomatischem Spitzengefühl.

Der erste Vertreter Frankreichs in Petersburg

Henry La Vie wurde 1678 in Bordeaux als Sohn eines protestantischen Händlers britischer Abstammung geboren [Mézin, Rjéoutski; Augereau; AE, B1, 983 (1720–1724), fol. 51–52 (Brief vom 10. Mai 1720 an den Regenten)]. Die ganze Familie liess sich 1685 zum Katholizismus bekehren. La Vie war ein Abenteurer, arbeitete zeitweilig für die französische Krone, musste jedoch, total verschuldet, mehrere Male das Land verlassen. 1710, floh er nach Venedig, wo er den baron Urbich, den Representanten des Zaren, kennenlernte. Er trat in dessen Dienste und folgte ihm als Sekretär nach Regensburg und Wien. Ein Jahr später findet man ihn in Hamburg, wo er sich dem französischen Konsul Abensur näherte und in eine Spionagegeschichte verwickelt wurde. Er übergab ihm mehrere Texte über Frankreichs Interesse, einen direkten Handel mit Russland zu betreiben. In der Zeit wurden die Waren – aus Russland Rohmaterialien, aus Frankreich Luxusgüter und manufakturierte Produkte – ausschließlich mittels britischer oder holländischer Frachtkompanien verschickt, was mit zusätzlichen Kosten verbunden war. La Vie setzte sich schon in seinen frühesten Schriften für einen direkten, bilateralen Handel ein (Berichte vom 19. Juli 1712, aus Hamburg [AN, Marine, B7, 15, fol. 163]; vom 7. November 1712, „Négociations entre l'empereur et le tsar. Moyens d'attirer le tsar vers la France <Traité de commerce éventuel>“ [B7, 16, fol. 201–203 B7, 18, fol. 47–59; vom 4. April 1713, „Projet de traité de commerce avec la Moscovie“ [B7, 18, fol. 47–59]). Wir finden ihn 1713 in London wieder, wo er an der Gründung einer Grossrussischen Handelskompanie beteiligt war. Diesmal schaffte er es, das Interesse Pontchartrains zu wecken; der französische Marineminister träumte seit langem davon, dass die wenigen französischen Händler in Russland die gleichen Privilegien wie die Briten oder Holländer geniessen dürften. Ende des Jahres entstand eine „Compagnie de Saint-Pétersbourg“ deren Grundkapital sich über die 500 000 £ erhob. Eine wichtige Summe, die La Vie zum Teil selbst investierte; woher er das Geld hatte, ist unklar, vielleicht hatte er Familiengüter in England verkauft. Vier erste Schiffe sollten von Rouen aus diesen Handel ins Rollen bringen (Bericht vom

23. November 1713 aus Rouen [AN, AE, B1, 982, fol. 19–23]). La Vie verlangte als Belohnung die Stelle des französischen Konsuls in Archangelsk; damals war die Stadt noch der wichtigste Hafen Russlands. Wenig später wollte er den Petersburger Posten, der allerdings noch gegründet werden musste, denn Frankreich hatte keine Representation in Russland. La Vie war also von Peters Willen, aus der Stadt den ersten Hafen seines Reiches zu machen, wohl informiert (Brief vom 9. April 1713 [AN, AE, B1, 982, fol. 1–4]). Auch wenn Pontchartrain ihn sehr unterstützte, war Versailles diesem Abenteurer gegenüber misstrauisch, und das Kabinet von diesen französisch-russischen Projekten wenig überzeugt. La Vie wurde schliesslich zum Marinekommissar in Petersburg ernannt und erhielt eine Pauschalsumme von 18 000 £, allerdings ohne regelmässigen Lohn. Er musste also für sich selbst aufkommen und mit den mageren Zolleinnahmen auskommen. Frau und Kinder blieben in Bordeaux. Die Wahl dieses undurchsichtigen Mannes, die Bedingungen, die ihm auferlegt wurden, zeugen wie wenig man von einer diplomatischen Beziehung mit Russland überzeugt war. Frankreich war mit dem spanischen Erbfolgekrieg beschäftigt, sein Hauptaugenmerk lag auf Österreich und Grossbritannien [Bély, S. 525 sq.]. Der Osten Europas war in der Logik der „Barrière de l’Est“, der Ostbarrière, festgefahren, die vorsah, dass Polen, Schweden und die Pforte, Frankreichs Verbündete, die barbarischen Moskoviter in Schranken halten sollten und vor allem eine Annäherung zwischen Wien und Petersburg verhindern sollten. Dass man nach dem Sieg von Poltava und nach den ersten Reformen Peters „nicht mehr mit Moscovitern, sondern mit Russen“ zu tun hatte, daran dachte das Cabinet nicht (Brief vom 6. November 1716 aus Pétersburg an Jean d’Estrées (1666–1718, Theologe, Diplomat un Staatsrat) [AN, AE, B1, 982, fol. 146–148]). La Vie zahlte Briefe an seine Vorgesetzten versuchen verzweifelt dieses Vorurteil zu bekämpfen und die Fortschritte Russlands darzustellen. Bezeichnend ist, dass Versailles den Tod Ludwig XIV. an alle Höfe vermittelte, aber den Zaren vergass; Schafirov wurde beauftragt, dessen Unwillen in neutralen Worten auszudrücken. Völlig eingeschüchtert sah sich La Vie genötigt, keine Trauerkleider anzuziehen bevor die Notification in Petersburg eintraf (Brief vom 20. Oktober 1715 an den Conte de Toulouse) (Louis Alexandre de Bourbon, natürlicher Sohn Ludwig XIV., mit fünf Jahren Admiral der französischen Flotte, später Chef des Marinerares) [AN, AE, B1, 982, fol. 70–71]).

Die Instruktionen des Aussenministeriums waren entsprechend karg. La Vie sollte den Handel zwischen Russen, Briten und Holländern bespitzeln, deren Quantität und Qualität ermessen und vor allem die Importtarife und die Verkaufstarife der Spirituosen herausbekommen. Versailles roch immerhin einen guten Absatzmarkt für Frankreichs Weine. La Vie sollte auch den Wechselkurs zwischen Rubel und britischer oder holländischer Währung studieren. Seine wichtigste Aufgabe war es jedoch, sich um die in Russland ansässigen Franzosen zu kümmern; um 1714 konnte man sie auf ein paar Händler und hugenotische Emigranten

reduzieren; nach Peters Paris-Aufenthalt (1717) sollte die kleine Kolonie auf etwa tausend Köpfe wachsen, die sich alles andere als durch gutes Benehmen zur Schau stellten. In La Vies Korrespondenz findet man unzählige Korruptionsfälle, Mordgeschichten und andere sittliche Skandale. Die Originalfassung der Instruktionen ist nicht unterzeichnet, es geht sehr wahrscheinlich um Pontchartrain, denn es heisst weiter, in Anbetracht, dass „die Person“, die nach Petersburg geschickt würde, „zu Höherem fähig sei“, könne sie die Persönlichkeit, „le génie“, des Zaren studieren, sowie den Charakter seines Nachfolgers, Alexey Petrovitchs. La Vie hatte auch die Aufgabe, Menchikov und die wichtigsten Minister und Generäle zu beobachten. Er sollte auch die Interessen des russischen Hofes, dessen Bezug zu anderen Staaten untersuchen. Wichtig schien auch, dass er die russische Expansionspolitik, die sich gegen die Verbündeten Frankreichs richtete, einschätzen könne. Dazu kamen die klassischen Untersuchungen, wie die Einnahmen der Krone, die Zahl der Rekruten, die Rolle des Klerus, usw [Rambaud].

La Vie hat im Rahmen seiner Möglichkeiten sein Bestes getan; aber er hatte keine Akkreditierung und einen unwichtigen Status (Brief vom 22. Februar 1715 [AN, AE, B1, 982, fol. 40–41]). Er konnte also nur bedingt die Hofaffären verfolgen. Weit mehr beengend war noch, dass er keine Chiffren bekam, um geheime Mitteilungen zu schicken. Seine gesammte Korrespondenz, immerhin ein paar hundert Briefe, konnte also von der russischen Zensur gelesen werden. Er bemühte sich um so mehr um einen neutralen Stil. Seine Stellung blieb ambivalent: ohne Akkreditierung war er eine Privatperson, und trotzdem war er von seiner Regierung offiziell beauftragt worden, in Russland zu weilen. 1720 klagte er, keine Garden als Begleitung zu haben und immer weniger offizielle Einladungen zu bekommen; sei das nicht ein mangelnder Respekt gegenüber Ludwig? Der russische Hof würde seine missliche Lage falsch interpretieren und durch seine Person Frankreich nicht gebührend achten (Brief vom 19. August 1720 an Dubois [AN, AE, B1, 982, fol. 67–70]). Polyglott – er lernte sogar ein bisschen russisch – schaffte er es trotzdem, gewisse Persönlichkeiten näher kennenzulernen; er befreundete sich mit dem Leibarzt Areskin und pflegte regelmässigen Kontakt zu Shafirov, Golovkin, Matveev, Petr A. Tolstoj, Savva Raguzhinskij aber auch zum Hanoveraner Weber und Jean Lefort, einem Neffen François' und Vertrauten Menchikovs. Obwohl schwer verschuldet, zögerte La Vie nicht, den russischen Ministeriumsmitgliedern Geld für Informationen in die Tasche zu stecken. Vor Peters enttäuschender Frankreichfahrt konnte er den Zaren mehrere Male sehen und sogar mit ihm sprechen (Brief an Pontchartrain vom 7. Februar 1715 [AN, Marine, B7, 25, fol. 180]). Er blieb zehn Jahre lang im Amt, wurde im November 1717 sogar Konsul, musste aber noch zwei Jahre auf die notwendigen Chiffren warten. La Vie schrieb eine grosse Anzahl Memoiren über den russischen Handel; seine Korrespondenz, die im Archiv des französischen Aussenministeriums und im pariser Staatsarchiv aufgehoben ist, ist reich an Informationen über das damalige Russland.

Erste diplomatische Schritte

La Vie kam also am 13. Januar 1714 in Petersburg an, ziemlich genau vier Monate vor dem Utrechter Friedenskongress. Unser Marinekommissar stellte sogleich einen Bezug zwischen dem Nordischen Krieg und dem spanischen Erbfolgekrieg her. Könnte Peter nicht den Kampf mit dem natürlichen Alliierten Frankreichs, also Schweden, momentan aufgeben, um Druck auf Österreich auszuüben? Wie wärs auch, wenn Russland die Bourbonische Erbfolge in Madrid anerkennen würde? Beide Fragen ernteten das Missverständnis seiner russischen Gesprächspartner, vor allem Schafirovs; das siegreiche Russland würde den Kampfplatz nicht verlassen, um seinen österreichischen Verbündeten zu bekriegen. Was Spanien betraf, war der Austausch von Diplomaten in Betracht zu ziehen, doch sollte Madrid zuerst die Notifikation der Ernennung des Bourbonen nach Russland schicken und die Beziehungen unilateral ankurbeln. Russland war nicht bereit, sich direkt in diesen Konflikt einzumischen (Brief an Huxelles vom 19. August, 1715 [AN, Marine, B7, 27, fol. 4]). In Frankreich lauschte man auf La Vies Worte, das Kabinet hegte schon länger den Gedanken, eine eventuelle Vermittlerrolle im Nordischen Krieg zu übernehmen, um Druck auf Österreich auszuüben. Doch wurde mehrere Jahre lang nichts unternommen; als Frankreich die Mediation im Norden übernahm, war die spanische Erbfolge längst abgeklärt. Sobald es La Vie nur möglich war, bespitzelte er die österreichischen Vertreter, vor allem Pleyer; verärgert notierte er, dass er bei Festessen meistens gegenüber dem Zaren sass und somit in Russland eine privilegierte Rolle spielte. Mardefeld war ihm ebenso ein Dorn im Auge und er zweifelte sehr an eine dauernde preussisch-russische Beziehung, und schon gar nicht in Kombination zu Frankreich. La Vie sah die Spannungen zwischen Regenten und Zaren voraus. Peters Reise nach Frankreich im Sommer 1717 war kein politischer Treffer; Kardinal Dubois zog eine englische Allianz vor, und es kam nur ein belangloser Wirtschaftsvertrag zu Stande. Seinen einzigen wichtigen Erfolg erkor Peter in der Akademie; er wurde zum ausserordentlichen Mitglied ernannt und konnte einen reellen Austausch mit der französischen Institution herstellen, auch wenn die Petersburger Akademie nicht nach deren Modell aufgebaut wurde [Demeulenaere-Douyère]. La Vie hatte sich sehr eingesetzt, um die Kontakte mit dem Abt Bignon, dem Begründer der königlichen Bibliothek, der heutigen französischen Nationalbibliothek, und anderen Akademiemitgliedern herzustellen; in dieser Zeit hat er sich auch Huyssen genähert und dessen Korrespondenz mit der Akademie sehr gefördert [Liechtenhan, 2010]. Auch nach Peters Rückkehr, unterstützte der frischernannte Konsul den wissenschaftlichen Austausch; so kümmert er sich um ein Zebra, das nach Russland verfrachtet werden sollte, oder um den Versand tibetanischer Manuskripte, die in Frankreich übersetzt werden mussten. Es fragt sich, ob La Vie diese wissenschaftliche Seite des internationalen Austauschs wirklich voll verstand und auszunutzen versuchte, oder ob er nur der Konjunktur folgte.

Religiöse Intrigen

La Vie musste sich um seine katholischen Glaubensbrüder kümmern und kam mit den Jesuiten in Kontakt. Er war ein überzeugter Anhänger von Peters Toleranzpolitik (Brief vom 1. April 1715 aus Petersburg [AN, Marine, B7, 26, fol. 69–83]), zeigte sich aber diesem Orden gegenüber besonders misstrauisch. Er beobachtete dessen Machenschaften in der unmittelbaren Umgebung des Zaren. Laut Matveev würden die Anhänger Loyolas sich immer wieder in die russischen Staatsgeschäfte einmischen und hätten einen starken Einfluss auf die nähere Umgebung Peters (Brief vom 27. Mai 1717 an Huxelles [AN, AE, B1, 982, fol. 185–186]). Verärgert schrieb er mehrere Male, dass sie wegen ihrer Treue zum Heiligen Stuhl Peters Frankreichfahrt sabotiert hätten. In Paris war der Zar mit den romabtrünnigen Jansenisten, insbesondere mit dem Kardinal de Noailles in Kontakt gekommen; man munkelte, dass der russische Monarch sich zu deren Religion bekehren wolle. Dieser verstand schnell, dass die Brüder noch immer von einer Vereinigung der Ostkirche mit Rom träumten und seinen Namen zu Propagandazwecken missbrauchen würden [Pleyer; Mémoires; Liechtenhan, 2011]. Er wimmelte sie sarkastisch ab, er sei Soldat und habe sich nicht um religiöse Fragen zu kümmern. La Vie sah in Österreich den politischen Feind der französisch-russischen Annäherung. Er vermutete hinter den Intrigen der Jesuiten die Hand des Kaisers, der Frankreich isolieren wolle, weil es Distanz zum Papst genommen hatte und „heretische Allianzen“, etwa mit England oder Preußen, unterzeichnen könne. La Vie beobachtete auch mit viel Misstrauen deren rege Tätigkeit in China; die Missionen würden der katholischen Kirche in Russland ein Vermögen kosten. Sie habe anderes zu tun, so zum Beispiel den vielen Franzosen zu helfen, die dem Ruf Peters, sich in Russland niederzusetzen, gefolgt waren und elend gescheitert waren. La Vie warnte jedoch das Kabinet, die Vertreibung der Jesuiten als politischen Akt Peters gegen den Kaiser zu deuten; er schrieb es dem persönlichen Überdruß des Zaren zu. Er untersuchte den Ukas sprachlich und bewies, dass er im Gegenteil sehr vorsichtig und mit diplomatischem Takt geschrieben worden war (Brief La Vies an Dubois vom 4 (16) mai 1719 [SIRIO, Bd. 15, S. 27]).

Überlegungen zur Thronfolgefrage

Für La Vie waren die religiösen Fragen die Achillesferse Russlands. Peter war sein Held, er hatte Russland geschaffen; aber wie lange konnte diese neuentstandene Nation überleben? Die Landbevölkerung war jederzeit zu Aufständen bereit, die entweder von „obskuren und betrunkenen Priestern“ oder infolge der schweren Steuerlast entfacht wurden. Das Volk verstand den ewigdauernden Krieg nicht und noch weniger die Reformen des Zaren. Am Hof und in der Regierung waren Zwistigkeiten nicht selten und La Vie nennt klar Dolgoruki, président des Senats, als Anführer verschiedener

Verschwörungen gegen Menchikov (Brief an Huxelles vom 11. Februar 1715 [AN, AE, B1, 982, fol. 40–41]). Diesen Aufkömmling nannte er den „Sockel des Imperiums“, weil er den Wandel Russlands verkörperte. Peter konnte auf ihn zählen, weil dieser Arrivist ohne ihn nie den höchsten Rang der Gesellschaft erreicht hätte und längst den Hofintrigen erlegen wäre.

Peter soll die Flucht Alexeys ausschliesslich Menchikov zugeschrieben haben; es soll ein Protestakt gegen dessen ehemaligen Erzieher gewesen sein. Als der Tsarevitch in Neapel weilte, soll dieser gesagt haben, dass er nur zurückkomme, wenn Menchikov verbannt würde. Zu spat habe der Zar begriffen, dass es ein abgekartertes Spiel gegen ihn selbst war. Alexeys Aufenthalt in Wien wird ausgiebig kommentiert. Mit Genugtuung teilte der frischernannte Konsul mit, dass Peter „ressentiments“ gegen den Kaiser habe, weil er seinem Sohn in Wien „seine protection“ genehmigt hätte. Er würde sich bei nächster Gelegenheit rächen. Menchikov habe darauf geantwortet, dass die österreichische Armee sehr siegreich gegen die Türken gewesen sei und dass erneute Spannungen mit dem Wiener Hof gefährlich seien. Er habe ihn auch an den Verwandtschaftsgrad zwischen Kaiser und russischem Prinzen erinnert (dank dessen Ehe mit einer Prinzessin von Braunschweig-Wolfenbüttel), der die Haltung Wiens erklären würde. La Vie anerkannte also eine gewisse Intelligenz und Klarsichtigkeit Menchikovs. Wütend habe der Zar seinen Schützling gegen die Wand gestossen und soll geschrien haben: „Ihr gehört also zu seinen Partisanen“ (Brief vom 14. Dezember 1717 an Huxelles [AN, AE, B1, 982, fol. 222–223]). Weinend habe Menchikov ihn darauf um Verzeihung gebeten!

In mehreren Briefen geht La Vie auf Russlands juristisches System ein. Es gäbe niemanden, der die Justiz verwalten würde. In diesem Punkt verurteilte der Franzose den Zaren. Wie konnte er Adelige, sogar aus Boyarengeschlecht stammende Männer durch einfache Offiziere richten lassen, die das Zivilrecht nicht kannten und meistens kaum lesen und schreiben konnten? Petersburg wäre daran eine unheilvolle, melancholische Stadt, zu werden, wegen der vielen Anschuldigungen und Prozessen um Alexey, die wie eine öffentliche allgemeine Ansteckung grassieren würden (Brief vom 1. Januar 1720 an Huxelles [AN, AE, B1, 983, fol. 34]). Alleine der „Heilige Name“ des Zaren würde so viel Angst einflössen, dass jeder seinen Groll verschweigen und ihm heuchlerisch huldigen würde. Der Zar habe somit seine Eliten gegen sich aufgebracht. Die „Majestät“ seines Imperiums sei am zerbröckeln; schon 1718, war La Vie überzeugt, der Prinz wolle das Werk seines Vaters zerstören. Die vielen Ausländer, die in russischen Diensten standen und Schlüsselstellungen am Hof und in der Regierung hatten, glaubten, dass Peters Tod Ihren Untergang bedeuten würde, denn das Volk, das im Elend siechte, würde sich sofort an ihnen rächen. Der Konsul berichtete von zahlreichen Selbstmorden in den russischen und ausländischen Eliten (Brief vom 20. Oktober 1719 an den Regenten, Marine [B7, 39, fol. 173]). Wer würde sich, unter diesen Umständen, um den letzten Willen des Zaren kümmern und Peter Petrovitch, seinen fünfjährigen Sohn aus zweiter Ehe, gegen

den Erbfolger Alexey verteidigen, der viele Anhänger hatte und zweifellos vom Kaiser unterstützt würde? Für La Vie, stürzte sich Peter mitsamt seines Landes durch diese Alexey-Geschichte in den Abgrund (Brief vom 21. Februar 1718 an Huxelles [AN, AE, B1, 982, fol. 231]). Die Rückkehr des Thronfolgers kündigte eine neue Terrorwelle an; der Zar suchte mit allen Mitteln die Organisatoren seiner Flucht. Komplizen sollten durch Tortur zum sprechen gebracht werden. Alle befürchteten, dass der junge Mann in ein Kloster gesteckt werden würde, was den keimenden Bürgerkrieg nur verschieben würde (Brief vom 23. Dezember 1718 an Huxelles [AN, AE, B1, 982, fol. 271–272]). Es gab nur eine schwache Hoffnung: die Garde. Vor allem das Preobrajenski-Regiment würde dem Zaren bis zuletzt zur Seite stehen.

La Vie stellte einen Bezug zwischen der Geschichte des Tsarevitschs und den politischen Beziehungen zum Kaiserreich. Er hegte an Alexeys Mord, auch wenn er ab und zu von Krankheit sprach, keinen Zweifel, verurteilte ihn jedoch nicht; für ihn waren sowohl Pleyer (ab 1718 Resident) als auch die Jesuiten indirekt schuld daran. Freudig leitete La Vie die wildesten Gerüchte weiter; der Wiener Hof habe ein Protestschreiben gegen Tolstoj verfasst. Dieser sei der Urheber von Alexeys Österreich-Aufenthalt und habe sogar vom Kaiser Geld für den Aufenthalt bekommen. Er sei aber beleidigend gewesen, indem er Colloredo jeglichen Kontakt zum Prinzen untersagte hätte. Der Kaiser soll seinen Unmut, seinen Verwandten nicht sehen zu dürfen, kaum verborgen haben. Tolstoj soll unverschämt geworden sein, als die Wiener Behörden die Abreise vertagten; er habe sogar mit einem militärischen Eingriff des Zaren gedroht! La Vie blieb diesen Interpretationen gegenüber realistisch; der Zar brauche Frieden mit Österreich, ein Grund mehr Alexey von der politischen Szene zu schieben (Briefe vom 31. Januar 1718 [AN, AE, B1, 982, fol. 224–225] und 4. März 1718 an Huxelles, Marine [B7, 35, fol. 102]). Er erzählte noch viel unglaublichere Geschichten; Peter wolle seinen Sohn zu Patriarchen erheben. Pragmatisch kommentierte La Vie, der Zar müsse ihn in diesem Fall Vater nennen und ihm die Hand küssen, eine Unterwerfung des Staates gegenüber der Kirche, die nicht denkbar war [Ibid.]. Der Tod Alexeys war also eine Frage der Staatsraison, es ging um die Sicherheit des Zaren und seines Werkes; man könne nur die bewundernswerte Haltung des Monarchen loben.

Das Ende einer Dynastie?

Der Skandal isolierte jedoch Peter. La Vie beobachtete, dass der Zar sich seltener in der Öffentlichkeit zeigte und vermehrt die Quellen von Olmütz besuchte. Niemand würde es jetzt wagen, ihm die Gefahren seiner Politik zu erläutern; selbst Menchikov würde solchen Fragen aus dem Weg gehen. Die Minister würden alle Peter ihre Karriere verdanken und würden ihm immer Recht geben (Brief vom 22. September 1719 [AN, Marine, B7,

39, fol. 125]). Angst und Fatalismus seien des ersten russischen Kaisers tägliches Los; er würde psychosomatisch einer Krankheit zum Opfer fallen (Brief an Dubois vom 26. September 1718 [AN, AE, B1, 982, fol. 252]). Vermehrt ging La Vie in den letzten Jahren auf die Nachfolge Peters und deren Folgen auf die russische Aussenpolitik ein. Schon im Juli 1719 wurde von einer eventuellen Ehe zwischen dessen zehnjährigen Tochter Elisabeth und Ludwig XV geredet. La Vie schenkte dieser Nachricht keinen Glauben. Wichtiger schien ihm die Hochzeit des älteren Kindes, Anna, mit einem Holsteiner. Er erwähnte sie oft als potentielle Nachfolgerin ihres Vaters, was bedeuten würde, dass die russische Krone nach der Hochzeit automatisch in deutsche Hände geraten würde. Dem französischen Vertreter kam es nicht in den Sinn, dass eine Frau die Regierungsgeschäfte erledigen könne, da die Frauen in Frankreich von der Thronfolge ausgeschlossen waren. Er sah Anna entweder als Regentin bis zur Volljährigkeit ihres (noch nicht geborenen) Sohnes oder als Vertreterin der Romanovs, allerdings unter der Vormundschaft ihres zukünftigen Gatten. Jedenfalls würde dies eine Annäherung mit Schweden bedeuten, dessen Erbe ebenso ein Holsteiner war, was Frankreichs Position im Norden gefährden konnte. Die andere Variante war eine Nachfolge durch den Enkelsohn des Zaren, Peter Alexeevitch, ein Braunschweiger mütterlicherseits, was eine Annäherung zwischen Russland und Österreich nach sich ziehen würde. Das Kind wurde von Peter abgöttisch geliebt, da es schon früh militärische Begabung zeigte. Eine Gefahr mehr für Versailles! La Vies geopolitisch-strategische Analysen werden Ende 1718 immer interessanter. Er kommentierte diese unzähligen Gerüchte als die Krise im Norden sich wieder zuspitzte. Peter weigerte sich am Braunschweiger Kongress teilzunehmen und zog es vor den militärischen Druck auf Schweden zu verstärken (Brief La Vies vom 1. Januar 1720 [AN, AE, B1 983, fol. 3–4]). Der Konsul beschrieb seitenlang, welche Bataillone freigestellt wurden und wie sogar Hilfstruppen schon im Anmarsch seien (Brief La Vies ans Kabinet vom 11. Januar 1720 [AN, AE, B1, 983, fol. 10] und vom 24. Januar 1720 [fol. 13–15]). Es war, schrieb La Vie nachdrücklich, höchste Zeit, dass Frankreich die Vermittlerrolle übernahm. Die Lage schien ihm umso brenzlicher, dass ja in Wien die Erbfolge auch nicht klar bestimmt war (Brief vom 11. Januar 1720 an den Regenten [AN, AE, B1, 983, fol. 6–7]). Kurfürsten konnten die Nachfolge für sich beanspruchen und das Reich destabilisieren. Dessen Nachbarn konnten militärisch eingreifen und sich Territorien aneignen. Um die Ruhe in Europe zu wahren, musste der Regent endlich reagieren!

La Vie konnte sich nicht enthalten, Peters neue Kriegsvorbereitungen darzustellen; er wollte sensationelle Berichte verschicken, um seine eigene Stelle zu wahren und in der Karriere weiter zu kommen (Brief ans Ministerium vom 8. Februar 1720 [AN, AE, B1, 983, fol. 17]). Er insistierte, Peter wolle vor allem seine eigenen Eroberungen sichern (Brief vom 27. Mai 1720 an den Marinerat [AN, AE, B1, 983, fol. 62–63]); falsche Friedensberichte würden ihn nicht irreführen. Peter handle mit Umsicht um nicht betrogen zu werden (Brief vom 27. Dezember 1720 an den

Marinerat [AN, AE, B1, 983, fol. 95] und 3. März 1721 [AN, AE, B1, 983, fol. 101]). Der Konsul zeigte sich überzeugt, dass der Zar alles daransetzen würde, einen Holsteiner in Stockholm auf den Thron zu erheben und in diesem Sinne konnte er auf Karl VI. zählen. Der Kaiser hatte von Russlands Siegen profitiert, um die Schweden aus den deutschen Territorien zu vertreiben. Ein deutscher Prinz stellte eine Garantie für diese territorialen Errungenschaften dar. Für La Vie hatte der Kaiser allen Grund, sich vor der Präsenz des englischen Königs in Deutschland (dank der Verbindung zu Hanover) zu fürchten, ebenso vor dem Aufstieg Preußens, die beide nach Petersburg blickten; er habe also grösstes Interesse sich mit dem Zaren zu verbinden und Ehen zwischen Russen und Deutschen zu fördern (Brief vom 27. Mai 1720 an den Marinerat [AN, AE, B1, 983, fol. 62–63]).

Nicht weniger umsichtig kommentierte er die Vermittlung Frankreichs im Nordischen Krieg; Gerüchten zufolge, habe Versailles beschlossen, den Zaren mit Vorschlägen zu „amüsieren“, d.h. ihn abzulenken, um seine Beziehung zu Stockholm zu betrüben, aber auch um Zeit zu gewinnen. Alles solle darangesetzt werden, die russische Deutschlandpolitik durch die Präsenz des Vermittlers Campredon zu schwächen. Allerdings war Versailles immer noch nicht bereit, mit Russland diplomatische Beziehungen zu knüpfen oder eine Allianz zu schließen. La Vie verstand schnell, dass der Zar seine Nachfolge als Politikum in die Wagschale legte. Wenn man seiner Logik folgt, konnte Peter kaum einen Erben ernennen, denn er hätte seine Position auf dem europäischen Schauplatz verloren. Eine Theorie, die nicht uninteressant ist. Brauchte er wirklich die Vermittlung Ludwigs, dessen Neigung zu Schweden bekannt war? Russen und Schweden konnten ohne weiteres direkt zu einem Abkommen finden. Auch in Stockholm war die Nachfolge unsicher, und es kam eigentlich nur ein Holsteiner in Frage. Sollte Anna ein Familienmitglied heiraten und eine entsprechende Aussteuer bekommen (es ging um 2 Millionen Rubel) würde Russland einen direkten Zugang zur schwedischen Regierung bekommen und auf diese mittels der Rückeroberung der Städte Bremen und Werden einen kolossalen Druck ausüben. Der Kongress von Nystadt war somit für La Vie ein Scherz, der zu keinen (für Schweden und Frankreich) befriedigenden Lösungen führen könne, da der Zar in einer absoluten Machtstellung war (Brief vom 3. März 1721 an den Marinerat [AN, AE, B1, 983, fol. 101–102]). Mit diesen Spekulationen sah der kleine, ungeübte Konsul, die ganze Aussenpolitik Russlands im XVIII. Jahrhundert voraus.

Der Undank Versailles

La Vie hatte sich allerdings mit seinen vielen, zum Teil widersprüchlichen Spekulationen über eine mögliche französische Vermittlung selbst eine Grube gegraben. Als der Geschäftsträger Campredon in Petersburg auftauchte, sah er im Konsul einen gefährlichen Rivalen; er beschuldigte den schwer verschuldeten La Vie ein englischer Spion zu sein, schlimmer noch, ein gefährlicher Calvinist! Er hielt ihm seinen freizügigen

Lebenswandel vor; sein Haus war mehr oder weniger als Spielgrube und Bordell bekannt (Brief Campredons ans Ministerium vom 19. Juli 1723 [AN, AE, B1, 983, fol. 167]). Am 4. Januar 1722 wurde la Vie befohlen, nach Frankreich zurückzukehren [Mézin, S. XXXI]. Zwei Jahre später weilte er immer noch in Petersburg. Um die Ehre Frankreichs zu wahren, versprach das Kabinett seine Schulden, immerhin 40 000 £, zu bezahlen. Nichts geschah, und Campredon musste zur Tasche greifen (er lieh ihm 2000 £), während La Vie sich weiter verschuldete. Anfang 1726 verschwand unser Mann; es wurde gemunkelt, er sei als Privatlehrer untergekommen. Er soll 1738 gestorben sein, aber wir haben keine handfesten Beweise zu seinem weiteren Schickal.

Список литературы

Лиштенан Ф.-Д. «Если Папа считает себя непогрешимым, то он, должно быть, глупец, а если не считает, то мошенник» (Петр Великий) / пер. с фр. И. Д. Гузевич, Д. Ю. Гузевича // Культурные инициативы Петра Великого: материалы II Междунар. конгресса петровских городов, Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. СПб.: Европейский дом, 2011. С. 58–62.

Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году / пер. Н. П. Таньшиной // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8 / отв. ред. П. П. Черкасов. М.: Наука, 2008. С. 9–30.

Bély L. L'Art de la paix en Europe, naissance de la diplomatie moderne, XVIe–XVIIIe siècles. Paris: PUF, 2007. P. 525 sq.

Demeulenaere-Douyère C. L'Académie des Sciences de Paris; un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIIIe–XIXe siècles) // Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe–XXe siècles). Moscou: Olma Media Group, 2010. P. 87–105.

Liechtenhan F.-D. L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie // Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie (XVIIIe–XXe siècles). Moscou: Olma Media Group, 2010. P. 127–140.

Mémoires intéressantes envoyés [sic] par des missionnaires catholiques de Moscou au Pape sur les espérances de la prochaine réunion de l'Église russe à l'Église catholique // Monuments historiques de Russie. Monuments relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fedor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples, par Augustin Theiner. Rome: Imprimerie du Vatican, 1859. P. 409 sq.

Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792. Paris: Archives nationales, 2009.

Mézin A., Rjéoutski V. Les Français en Russie au siècle des Lumières. Ferney-Voltaire, Centre international d'Etude du XVIIIe siècle, 2011. Vol. 2. P. 483–486.

Pleyer O. Allerunterthänigste relation von dem jetzigen moscowitischen Regierungswesen, 1710 // Russland unter Peter dem Grossen / ed. by E. Herrmann. Leipzig, 1872. S. 133–135.

Rambaud A. Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France // Mémoire pour servir à l'Instruction de... allant à Pétersbourg, 2 février 1714. Paris: Alcan, 1890. Vol. 1. P. 132–134.

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1964. Bd. 2. S. 226–227.

References

Bély, L. (2007). *L'Art de la paix en Europe, naissance de la diplomatie moderne, XVIe–XVIIIe siècles*. Paris: PUF.

Demeulenaere-Douyère, C. (2010). *L'Académie des Sciences de Paris; un lieu privilégié des échanges scientifiques entre la France et la Russie (XVIIIe–XIXe siècles)*.

In *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie* (XVIIIe–XXe siècles) (pp. 87–105). Moscou: Olma Media Group.

Liechtenhan, F.-D. (2010). L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie. In *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie* (XVIIIe–XXe siècles) (pp. 127–140). Moscou: Olma Media Group.

Lishtenan, F.-D. (Guzevich, I. D. & Guzevich, D. Yu., transl.). (2011). «Esli Papa schitaet sebya nepogreshimy'm, to on, dolzhno by't', glupecz, a esli ne schitaet, to moshennik» (Petr Velikij) [If the Pope considers himself infallible, he must be a dolt, and if he does not, he must be a swindler]. In *Kul'turny'e iniciativy' Petra Velikogo : materialy' II Mezhdunarodnogo kongressa petrovskih gorodov* (pp. 58–62). Saint Petersburg: Evropejskij dom.

Mémoires intéressantes envoyés [sic] par des missionnaires catholiques de Moscou au Pape sur les espérances de la prochaine réunion de l'Église russe à l'Église catholique. (1859). In *Monuments historiques de Russie. Monuments relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Fedor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples, par Augustin Theiner*. Rome: Imprimerie du Vatican.

Mézin, A. (2009). *Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792*. Paris: Archives nationales.

Mézin, A. & Rjéoutski, V. (2011). *Les Français en Russie au siècle des Lumières* (Vol. 2, pp. 483–486). Ferney-Voltaire, Centre international d'Etude du XVIIIe siècle.

Ozhero, K. (Tyan'shina, N. P., transl.). (2008). Uchrezhdenie pervogo konsul'stva Francii v Sankt-Peterburge v 1717 godu [Establishment of the first consulate of France in Saint Petersburg in 1717]. In P. P. Cherkasov (Ed.). *Rossiya i Franciya. XVIII–XX veka*. (Iss. 8, pp. 9–30). Moscow: Nauka.

Pleyer, O. (1872). Allerunterthänigste relation von dem jetzigen moscowitischen Regierungswesen, 1710. In E. Herrmann (Hrsg.) *Russland unter Peter dem Grossen* (pp. 133–135). Leipzig.

Rimbaud, A. (1890). Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. In *Mémoire pour servir à l'Instruction de... allant à Pétersbourg, 2 février 1714* (Vol. 1, pp. 132–134). Paris: Alcan.

Wittram, R. (1964). *Peter I. Czar und Kaiser* (Bd. 2, pp. 226–227). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.

The article was submitted on 12.05.2014

Франсин-Доминик Лиштенан
профессор,
Университет Париж-Сорбонна,
Национальный центр научных
исследований,
Париж, Франция
liechtenhan@sfr.fr

Francine-Dominique Liechtenhan
Professor,
Paris-Sorbonne University;
French National Centre for
Scientific Research,
Paris, France
liechtenhan@sfr.fr

DOI: 10.15826/qr.2015.1.080

УДК 94(571):94(430) (091)

Клаус Штайнке

**ЗАПИСКИ АВГУСТА ФОН КОЦЕБУ
О ТОБОЛЬСКЕ НАЧАЛА XIX В.:
К ВОСПРИЯТИЮ СИБИРИ НЕМЦАМИ**

Klaus Steinke

**TOBOLSK IN AUGUST VON KOTZEBUE'S SKETCHES:
ON THE PERCEPTION OF SIBERIA BY GERMANS**

The article considers a unique historical document – notes on the town of Tobolsk of the famous German writer and dramatist August von Kotzebue. Written in the early 19th century, the notes reflect the peculiar character of Tobolsk; the author describes its nature, society, local elite that he became acquainted with during his two-week stay in the Siberian town. The author points out that the book enjoyed success with the public which was unusual for this modest work, and was published repeatedly in the 19th and 20th centuries. Kotzebue's work is compared with some later works of the literature of captives and travelers. The author of the article extensively quotes the source and analyzes its artistic and informational value. Additionally, he reveals the interest of the German society towards the remote region of Siberia conditioned by its fanciful nature, climatic anomalies, exoticism of its everyday life, on the one hand, and a desire to improve the cultural, and, potentially, economic contacts between the two countries on the other. According to the author, Kotzebue was the first to discover the image of Tobolsk and Siberia. His objective account of Russian hospitality and the goodwill of the population contrasted sharply with his description of the arbitrary rule of the Russian authorities and had a significant potential for the German cultural and economic circles. The article makes a professional review of the life of Kotzebue in German and Russian historiography; it also describes the position of the writer as to his condition of an exile and makes a description of his relationships with the locals, which adds to the already known biography of the playwright.

Keywords: August von Kotzebue; Tobolsk at the 19th century, Siberia; memoirs, banishment in Siberia

Предметом рассмотрения в данной статье является уникальный исторический документ – записки о городе Тобольске известного немецкого писателя и драматурга Августа фон Коцебу. Заметки, написанные в начале XIX в., открывают своеобразный облик Тобольска, автор описывает природу, общество, местную элиту, с которой он познакомился за 14 дней своего пребывания в сибирском городе. Отмечается небывалый для такого скромного сочинения успех книги, неоднократно переизданной в XIX

и XX вв. Сочинение Коцебу сопоставляется с другими, более поздними произведениями «литературы пленных» и путешественников. Подробное цитирование источника сопровождается анализом художественных и информационных достоинств текста. Выявляется интерес немецкого общества к далекой Сибири, обусловленный причудливой природой, климатическими аномалиями, бытовой экзотикой, с одной стороны, и желанием продолжить и совершенствовать культурные, а возможно, в перспективе экономические контакты между двумя странами – с другой. Коцебу оценивается как первооткрыватель образа Tobolska и Сибири. Его объективные оценки русского гостеприимства, благожелательности населения резко контрастировали описанию произвола российской власти и были очень перспективны для немецких культурных и экономических кругов. Статья предлагает профессиональный обзор изучения судьбы Коцебу в немецкой и российской историографии; выявление позиции писателя к своему положению как ссыльного и описание взаимоотношений с местными жителями дают дополнительные штрихи к известной биографии драматурга.

Ключевые слова: Август фон Коцебу, Tobolsk, Сибирь начала XIX в., ссылка в Сибирь, мемуары.

Немецкий писатель и драматург Август фон Коцебу (August Friedrich Ferdinand von Kotzebue) (1761–1819) в качестве ссыльного провел в 1800 г. около сорока дней в Tobolske, прежде чем отправиться к пункту

своего назначения – в Курган. Будучи одним из самых разносторонних и продуктивных немецких авторов XIX в., он, тем не менее, в настоящее время почти забыт в театральных кругах, несмотря на то, что им написано более двухсот пьес. При жизни он, однако, был знаменит и почитаем, прежде всего как драматург, не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Его пьесы производили сильное впечатление на публику и переводились на многие языки. Ставили их не только на его родине, но и в России, Англии, Франции и странах

Юго-Восточной Европы. Даже великий Гёте обращался к его творчеству как директор театра в Веймаре, где 87 его пьес игрались в общей сложности 600 раз. Произведения Коцебу неоднократно печатались.

Нельзя забывать и о его значении для развития русского театра того времени. Его пьесы, поставленные сначала в Москве и Санкт-Петербурге, а затем в других городах империи, в том числе и в Tobolske, потеснили доминировавший до тех пор французский репертуар¹. В наше время они, однако, больше не ставятся и малоизвестны даже специалистам², поэтому следует хотя бы в нескольких словах предста-

¹ Немецкий славист G. Giesemann провел подробное исследование (1971) литературного восприятия Коцебу в России, проанализировав его значительное влияние на русский театр и полемику русских писателей с его творчеством [Giesemann].

² Российскими исследователями подробно прописан петербургский период жизни и творчества Августа Коцебу. См. работы о театральной деятельности немецкого автора: [Мельникова, 2004; Мельникова, 2012]. – Прим. ред.

вить его весьма яркую и живую биографию, прежде всего чтобы лучше понять подоплеку его многомесячного пребывания в Сибири и значительный публицистический отклик на этот факт [см.: Giesemann, S. 169].

Август Фридрих Фердинанд фон³ Коцебу родился 3 мая 1761 г. в Веймаре, тогда крупнейшем центре немецкой культуры, в семье крупного чиновника при местном княжеском дворе. Уже в 16 лет он изучал юриспруденцию в университетах Дуйсбурга и Йены, а в 1780 г. получил высшее образование. Затем он открыл адвокатскую практику в своем родном городе и здесь же вскоре обратился главным образом к театру. Однако «Sein Witz und seine Spottlust trugen dem Zwanzigjährigen erste ärgerliche Reaktionen ein»⁴, – пишет Ханс Шуман [Schumann, S. 6] в своем предисловии к новому изданию путевых заметок Коцебу «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens: Als Verbannter in Sibirien»⁵. Вероятно, поэтому ему и пришлось снова покинуть Веймар. Оттуда он направился в Санкт-Петербург, где был принят в Немецкий театр, писал пьесы и сам участвовал в их постановках. При Екатерине Великой он быстро сделал карьеру и в 1783 г. был назначен на должность судебного асессора в Ревале (Таллине), где продолжал заниматься театром. С 1790 г., когда умерла его первая жена, он начал заметно терять популярность и после едкой пьесы «Doktor Bahrdt» лишился благосклонности литературной сцены [Schumann, S. 15].

После второй женитьбы в 1794 г. он прожил три года в своем имении близ Нарвы. В этот период он написал много успешных пьес и в 1798 г. получил за это руководящую должность в венском Бургтеатре, от которой вскоре отказался, потому что разногласия с актерами отбили у него охоту к работе. Коцебу решил снова поехать в Россию, в Санкт-Петербург, чтобы увидеться со своими сыновьями от первого брака, которые воспитывались в кадетском корпусе. Он отправился в путь вопреки предостережениям о нестабильном положении, царившем при Павле I, который был настолько нежеланным наследником Екатерины, что в 1801 г. его убили. Поэтому в аресте Коцебу сразу по прибытии в Россию, несмотря на сопроводительное письмо и паспорт, было мало удивительного, хоть сам Коцебу этого совсем не ожидал. Непосредственно с границы ему пришлось начать свое вынужденное путешествие в Сибирь, о котором будет подробнее рассказано ниже. К счастью, его ссылка вскоре была отменена, и он смог наконец-то с четырехмесячным опозданием прибыть в Санкт-Петербург.

Несмотря на получение руководства тамошним театром и другие уступки со стороны царя, который хотел таким образом загладить несправедливость по отношению к Коцебу, тот в 1802 г. уехал в Берлин, а в 1805 г. – в Кёнигсберг. В этих городах он также работал для театра

³ Российское служилое дворянство он получил в 1785 г., став президентом губернского магистрата Эстонской губернии

⁴ «Его юмор и остроумие приносили двадцатилетнему юноше первые неприятные реакции». – Здесь и далее перевод цитат – автора статьи. – *Прим. ред.*

⁵ «Самый странный год моей жизни: как ссыльный в Сибири».

и был издателем литературных журналов. После поражения Наполеона, с которым он вел ожесточенную публицистическую войну, в 1817 г. Коцебу стал русским генеральным консулом в Пруссии. Более того, при Александре I он взял на себя обязанность как «литературный корреспондент» тайно докладывать о культурной и политической жизни на Западе, из-за чего в нем вскоре заподозрили русского шпиона. В связи с этим опубликованные выдержки из украденных у него записок вызвали скандал. Эти серьезные обвинения в адрес Коцебу, однако, опровергаются: «Tatsächlich bestand das Verbrechen Kotzebues in nichts anderem als darin, daß er die politischen Anschauungen seiner Gegner nicht teilte – Grund genug, ihn der größten Untaten zu bezichtigen»⁶ [Benz, S. 76]. В этой напряженной атмосфере 23 марта 1819 г. он был убит фанатичным студентом теологии Карлом Сандом в Маннхайме. Непосредственным мотивом этого преступления были критическая позиция Коцебу к либеральным идеям студенчества того времени и его язвительные насмешки над их искаженным национализмом⁷.

Таким образом, Август фон Коцебу в свое время был известной личностью, поэтому его заметки о ссылке в Сибирь нашли широкий общественный отклик и стали «бестселлером» [Schumann, S. 6]. Эта книга была впервые издана уже в 1801 г., т. е. всего через несколько месяцев после его освобождения⁸, и уже в 1803 г. появилась в переработанной редакции⁹. С тех пор она публиковалась неоднократно, последним следует назвать издание 1989 г.¹⁰, выпущенное известным швейцарским издательством Manesse [Kotzebue]. Это произведение в жанре путевых заметок, несомненно, имело значительный продолжительный отклик¹¹ и оказало большое влияние на представление западных современников о России и Сибири. По сей день интерес к этому произведению не угас, если учесть, что даже в двадцатом веке оно было переиздано несколько раз (в том числе в 1918, 1958, 1989 гг.).

По содержанию книгу с первого взгляда, несомненно, можно отнести к жанру «литературы пленных и ссыльных», которая в России развила

⁶ «На самом деле преступление Коцебу заключалось ни в чем ином, как в том, что он не разделял политических взглядов своих противников – причина достаточная для того, чтобы обвинить его в тяжелейших преступлениях».

⁷ См. подробнее: [Заиченко]. Также см.: [Чебышев]. – *Прим. ред.*

⁸ Это не удивительно, поскольку во время ссылки он мог делать объемные записи и таким образом ускорить последующую публикацию книги.

⁹ Во второе издание не вошло «Краткое описание Михайловского дворца» и «Приложение о Mémoires secrets sur la Russie» – полемика с творчеством французского писателя Шарля Франсуа Филибера Массона [Schumann, S. 29].

¹⁰ На русском языке книга воспоминаний Коцебу в последнее время переиздавалась по крайней мере в 2001 г.: Коцебу, А. фон. Достопамятный год моей жизни : воспоминания / послесл. Г. Ратгауз. М. : Аграф, 2001. 314 с. – *Прим. ред.*

¹¹ Публицистический отклик на его ссылку не утихал до конца XIX в., когда С. Н. Мамеев в 1894 г. издал документы о пребывании Коцебу в Тобольске [Мамеев]. Кроме того, в 1891 г. этот случай был еще раз рассмотрен в журнале *Hamburgischer Correspondent* («Гамбургский корреспондент») [Giesemann, S. 170]. Перевод самих заметок на русский, выполненный В. Кряжевым, появился уже в 1806 г. [Достопамятный год], а в 1873 г. он был переиздан [см.: Giesemann, S. 172].

собственную традицию от протопопа Аввакума до Евгении Гинзбург и Александра Солженицына и в которой описывается жизнь в сибирской ссылке или в местных лагерях. Сейчас примеры этого жанра есть и в Германии. К ним относится довольно известный, основанный на фактах роман Йозефа Мартина Бауэра «Soweit die Füße tragen» («Пока шагают ноги») (1955)¹², дважды экранизированный (1963 и 2001 гг.). В нем описывается бегство Клеменса Форелла из советского лагеря для военнопленных. В 1949 г. ему удалось бежать от Берингова пролива на Кавказ, где он пересек персидскую границу. Эта история основана на реальных событиях, как и рассказ Августа фон Коцебу. Еще один автор, которого следует упомянуть в данном контексте, это, конечно, Хайнц Гюнтер Конзалик¹³, многочисленные романы которого, по единогласному мнению литературной критики, относятся к массовой литературе. Непосредственно о Сибири повествуют романы «Die Verdammten der Taiga» («Проклятые тайгой»), «Ninotschka, die Herrin der Taiga» («Ниночка – хозяйка тайги»), «Liebesnächte in der Taiga» («Ночи любви в тайге»), «Der Himmel über Kasachstan» («В небо через Казахстан») и др. По его романам о войне «Der Arzt von Stalingrad» («Врач из Сталинграда») (1958) и «Liebesnächte in der Taiga» (1967) были сняты фильмы. При сравнении его с Коцебу вырисовываются любопытные параллели. Конзалик тоже не воспринимается литературоведами всерьез как писатель, но имеет небывалый успех у публики на родине и за ее пределами. При жизни его 154 романа были переведены на 26 языков, было продано более 85 миллионов экземпляров его книг.

Если сравнить немецкие и русские произведения этого жанра, становятся очевидны специфические различия между ними. Немецкие ссыльные или военнопленные являются и остаются чужими в стране, ни языка, ни культуры, ни истории которой они не знают. Они находятся в совершенно чужом для них мире, в определенном смысле на другой «планете». Поэтому то, что их окружает, новые условия жизни они видят иначе, чем русские ссыльные, более острым взглядом. Соответственно некоторые их наблюдения точнее, но некоторые вещи они не понимают и не могут правильно оценить. При этом им обычно непонятны причины их приговора. В Сибири Коцебу постоянно, но безуспешно старается узнать истинную причину своей ссылки. Он находится в ситуации, известной нам по романам Франца Кафки, герои которого тоже пытаются понять свое положение, но вновь и вновь оказываются перед закрытой дверью и, не получая ясного ответа на насущный вопрос, могут только догадываться. Вопреки всем стараниям настоящая причина ареста и ссылки Коцебу в Сибирь останется скрытой от него и позже. В конечном счете до сих пор существуют

¹² Очевидно, речь в нем идет о действительно существовавшем бывшем офицере вермахта Корнелиусе Росте (1922–1983), с которым писатель познакомился в Мюнхене.

¹³ Х. Г. Конзалик родился 28 мая 1921 г. в Кельне и умер 2 октября 1999 г. в Зальцбурге. С 1939 г. он работал в гестапо, во время Второй мировой войны был военным корреспондентом во Франции и затем солдатом на Восточном фронте и получил тяжелое ранение в России.

только предположения о подоплеке этого дела¹⁴. В связи с этим некоторые авторы поначалу вообще подвергали сомнению тот факт, что Коцебу был в ссылке и в Тобольске, поскольку якобы достоверных документов, подтверждающих это, нет¹⁵.

Коцебу – не первый немец, попавший в Сибирь и рассказавший об этом. Незадолго до него там побывали такие крупные исследователи, как Герхард Фридрих Мюллер (1703–1783) и Петер Симон Паллас (1741–1811), детально об этом написавшие. Но их научные произведения не достигли такого уровня известности и такой широкой публики, как история страданий арестованного и сосланного Коцебу. Конечно, его четырехмесячное пребывание в Сибири было относительно коротким, и у него не было научных амбиций в отношении своих заметок. Что касается внешних обстоятельств, ему, несомненно, повезло, потому что он был там в летние месяцы, т. е. в сравнительно приятное время года для Сибири, и относился, по собственному признанию, к привилегированной четвертой категории¹⁶ сосланных в Сибирь. Между тем его описание этой части Российской империи лишь в малой степени соответствует привычным для немецкой общественности представлениям о ней как об экзотическом, одновременно опасном и бескультурном крае, которые до сих пор распространены на Западе [Habeck, S. 161]. Одно упоминание слова «Сибирь» по сей день вызывает у многих ужас. Однако Коцебу занимают совсем другие проблемы, и для него на первом плане стоит не описание Сибири, а особые обстоятельства его ссылки, благодаря которым он там оказался, и его душевное состояние. Тем не менее его заметки содержат массу интересных для немецкого читателя деталей о стране и ее людях, сопровождавших его в ссылке.

Удивительно в его рассказе прежде всего то, что он выражается очень сдержанно и почти без критических нот, т. е. сознательно оберегает от любой критики того, по чьему приказу он был сослан в ссылку. «Viel auffälliger ist das positive Bild, das er, dem der Kaiser doch wahrlich übel mitgespielt hatte, von Paul zeichnet; fast überschwenglich rühmt er seine Gerechtigkeit und schiebt alle bösen Taten auf die elende Bürokratie. Es ist anzunehmen, daß Kotzebue das nicht ohne kluge Berechnung tat»¹⁷, – считает по этому поводу Х. Шуман [Schumann,

¹⁴ Более убедительно, чем гипотеза о подозрении Коцебу в якобинстве, звучит предположение о том, что на его примере хотели попросту дать наглядный урок и отпугнуть любых бунтовщиков от въезда в Россию [Giesemann, S. 170].

¹⁵ Этот пункт был, однако, окончательно разъяснен после публикации Мамеева (1894).

¹⁶ К первой категории сосланных в Сибирь относились приговоренные судом тяжкие преступники, которых посылали на принудительные работы в кандалах и пешком. Вторую категорию составляли осужденные за более легкие преступления на поселение в Сибири; третью – ссыльные без каких-либо других ограничений; а четвертую, к которой причислял себя Коцебу, – сосланные туда без приговора по приказу монарха [Kotzebue, S. 238].

¹⁷ «Намного заметнее изображенный им положительный образ Павла, хотя император и сыграл с ним действительно злую шутку; почти экзальтированно славит он его справедливость и приписывает все дурные поступки презренной бюрократии. Следует предполагать, что Коцебу делал это не без умного расчета».

S. 27]. В целом заметки «lebendig und frisch geschrieben, aber voll Eigenlob, Coquettiren mit seinen Gefühlen, Einmischung mystischer Geschichten und Hervorhebung politischer Anschauungen»¹⁸, – пишет об этом произведении Людвиг Гейгер [Geiger, S. 772], тем самым объясняя еще одну причину столь широкого его распространения. Даже в наши дни это захватывающее, яркое и проникновенное произведение не потеряло своей притягательности для читателя, иначе бы Х. Шуман не переиздал его в 1989 г. «Кокетство с чувствами», конечно, вызвано и литературной модой того времени: сентиментализм хотя и прошел свой зенит, но путевые романы и романы в письмах по-прежнему находились под его влиянием.

В своих вплетенных в путевые заметки политических замечаниях Коцебу критикует прежде всего революционные идеи, антимоноархические и демократические движения. Конечно, это делалось не только с тем намерением, чтобы не усугублять без нужды свое положение¹⁹. Несомненно, Коцебу писал так из внутренних убеждений, как покажет позже его критика либеральных идей студенческого движения. К тому же он не хотел, выражаясь современным языком, дополнительно портить имидж России, который и без того в Западной Европе складывался в то время не лучшим образом. Его убежденная приверженность по отношению к России, на службе которой он состоял долгое время, позднее выражалась в статьях для немецких журналов и во время его работы «литературным корреспондентом» на царя Александра I. Как решительный противник Наполеона и революции, он видел правильный путь в надежное будущее в «святом альянсе» империй. Прежде всего он полемизировал против широко распространенного мнения о том, что Россия займет место Наполеона и будет стремиться к гегемонии в Европе. Он неоднократно пытался опровергнуть неверные замечания о России в своем журнале *Literarisches Wochenblatt* [Benz, S. 78].

Несмотря на растущую критику в адрес Коцебу, которую обостряли его политические убеждения, история его ссылки очень быстро пробудила общий интерес. И здесь мы сосредоточимся на его замечаниях о Тобольске.

Они занимают центральное место в заметках, потому что Тобольск был первым городом, в котором он остановился на более или менее долгое время, где мог собрать и переработать основательные впечатления. Кроме того, Тобольск был той остановкой, где должна была решиться его дальнейшая судьба. Так что Коцебу приближается к этому городу с особенно тревожным предчувствием. К своему глубокому разочарованию, он скоро узнает, однако, что ему нельзя здесь остаться, что он должен ехать в удаленный от больших дорог город Курган.

¹⁸ «Написаны живо и свежо, но полны самовосхваления, кокетства с чувствами, примесей мистических историй и подчеркивания политических взглядов».

¹⁹ Кстати, немного позже Александр фон Гумбольдт из политических соображений не написал собственного рассказа о своей поездке в Сибирь, потому что ему бы пришлось воздерживаться от любой критики социальных условий [Beck, S. 9]. Таким образом, рассказы о Сибири в XIX в. были далеко не беспроблемны для их авторов.

Тем не менее губернатор Григорий Григорьевич Кошелев разрешил ему провести в Тобольске несколько дней и отдохнуть, прежде чем отправиться дальше к пункту назначения.

Очевидно, что у Коцебу нет ясного представления об истинном значении Тобольска для Сибири и России, которое подается лишь косвенно – например, в описании яркой рыночной жизни. Так, на «базаре» он находит не только отечественные, но и многочисленные импортные товары – из Европы и Китая. Кроме того, в многонациональном городе много ссыльных и заключенных. Все это, конечно, не удивительно, потому что Тобольск в то время был столицей Сибири и, соответственно, ее административным, экономическим и духовным центром. В непосредственной близости от современного Тобольска предводитель казаков Ермак одержал решающую победу над ханом Кучумом и тем самым утвердил господство России в Сибири. В 1587 г. здесь было основано первое укрепленное поселение, а затем построен единственный в Сибири кремль. Это поселение постоянно отстраивалось, и все важные пути из Европы на север, восток и юг Сибири до Тихого океана и Китая шли тогда через этот город. С XVIII по XIX в. Тобольск, как столица региона, был одновременно резиденцией генерал-губернатора, который отвечал в том числе за распределение заключенных и ссыльных. Поэтому Коцебу должен был прибыть сюда и отметить, как это делали многие до и после него – как, например, протопоп Аввакум и Радищев, декабристы и Достоевский. Все это демонстрирует значение Тобольска как политического и духовного центра новой территории на востоке, где в 1705 г. был основан первый театр.

На первом плане описания поездки Коцебу стоят, однако, не исторические и прочие факты о Сибири, а знакомство со ссыльными разных общественных слоев и национальностей, чьи образы и режим содержания которых он рисует довольно подробно и детально. Эпизоды выдержаны в стиле того времени. Коцебу был не сторонним наблюдателем, а чувствительным путником, который внимательно описывает настроения и рассказывает читателю о своем собственном мире чувств. Показательна в этом смысле сцена въезда в Тобольскую губернию. Едва оказавшись на этой территории, он встречает старика, который живет здесь вот уже больше тридцати лет, из-за чего тронулся рассудком. Он просит у Коцебу, совершенно незнакомого человека, письмо от своей семьи в Ревале. Этот случай, конечно, сразу напоминает Коцебу его собственную судьбу и толкуется как дурное предзнаменование. Описывая этот момент, он пытается донести до читателя прежде всего свое собственное состояние духа, выразить свои тревожные ожидания перед прибытием в Тобольск. Этот эпизод настолько хорошо вписывается в эмоциональный контекст «сентиментального путешествия» в традиции Л. Стерна, что можно усомниться в его достоверности. Конечно, Коцебу не только «кокетничал» с чувствами, но действительно был полон отчаяния, тем более что причина его ссылки по-прежнему оставалась ему неизвестна. Это не мешало ему как

Вид на Тобольск. Гравюра XVIII в. Частное собрание

внимательному наблюдателю сообщать читателю свои впечатления от страны и ее населения. Первое впечатление о Тобольске он получает сидя в лодке, потому что из-за сильного наводнения в город было не добраться по суше. С реки ему открывается живописная панорама города на крутом берегу Иртыша с многочисленными церквями, кремлем и губернаторским дворцом на возвышенности. Эту живописную общую картину нарушают только развалины сгоревшего дворца.

Губернатор Тобольска описывается как очень симпатичный, отзывчивый и образованный человек, который, в отличие от его прежнего, совершенно необразованного сопровождающего и охранника, надворного советника Щекатихина, говорит по-французски. Эта встреча оказывается приятной неожиданностью для них обоих: для губернатора, который знал писателя Коцебу, но понятия не имел, что он и доставленный к нему ссыльный – это одно лицо; и для Коцебу, обнаружившего, что губернатор не только знал о нем как о писателе, но и читал его произведения: «...und, die Wahrheit zu gestehn, mir selbst war es höchst unerwartet, in einem so entfernten, rauhen Erdwinkel so viele Bekannte, ja, ich darf sagen, so viele teilnehmende Freunde zu finden» [Kotzebue, S. 213]²⁰. Конечно, это было неожиданностью и для немецкого читателя, который, как и Коцебу, изначально имеет о далекой Сибири совершенно другие представления и не ожидает найти здесь разнообразной и живой культурной сцены, которая к тому же почти не уступает немецкой. Образованным кругам в Тобольске Коцебу, следовательно, был известен, а его пьесы, как он скоро выяснил, уже давно шли в местном театре. Вообще, общественная жизнь здесь кажется очень насыщенной. Кроме театра есть казино, где в числе прочего проводятся балы-маскарады, в которых Коцебу, однако, участия не принимает. Эти мероприятия устраиваются по преимуществу многочисленными ссыльными, которые могут довольно свободно передвигаться и образуют общность, объединенную

²⁰ «...и, признаться, для меня самого было в высшей степени неожиданностью на таком далеком, суровом клочке земли найти так много знакомых, да и, могу сказать, так много участливых друзей».

культурными интересами. Новость о прибытии Коцебу молниеносно распространилась среди них, и они тут же засвидетельствовали ему, известному и популярному писателю, свое почтение. Хоть он и утверждает, что это внимание было ему обременительно, он все же чувствует себя вполне польщенным.

Рассказы о его экскурсиях по окрестностям не отличаются детальностью. Из них читатель узнает только, что окрестности эти составляют бесконечные леса и речное русло со скалами – и все очень живописно. Значительно подробнее описан город, который своими широкими и прямыми улицами производит благоприятное впечатление. Коцебу подчеркнуто хвалит чистоту выстеленных досками тротуаров. Кроме многочисленных деревянных домов в городе есть и несколько солидных каменных зданий, которые свидетельствуют о наличии состоятельного среднего слоя. Центр города образует пестрый рынок со своей многонациональной клиентурой. Особенно поражают Коцебу рыбные ряды и их богатый, преимущественно из окрестных водоемов ассортимент. В целом от этих зарисовок у читателя создается вполне положительное впечатление от города и его населения.

Только при описании климатических условий Коцебу затрагивает менее приятные аспекты, такие как невыносимая жара и комары летом, что было испытано им самим, и суровый холод зимой, при котором замерзает даже ртуть. Однако он находит во всем этом и позитивную сторону: «Übrigens ist dieses rauhe Klima ist sehr gesund. Mein Arzt kannte nur zwei herrschende Krankheiten die sich leicht vermeiden lassen. Die eine ist die Lustseuche; die andere sind häufige Erkältungsfieber»²¹. В отвратительном климате заключается и причина скудной растительности. Здесь нет фруктовых деревьев, только крушина, желтая акация и березы. Кроме этого он обнаруживает в саду губернатора кусты смородины и крыжовника, капусту и огурцы. Зато это благоприятные условия для выращивания злаков, особенно гречихи, которая дает богатый урожай на плодородном черноземе. Эту землю не надо удобрять, что, по его словам, приводит в деревнях к значительным проблемам, потому что крестьяне из лени оставляют навоз лежать в хлевах, пока там не станет настолько невыносимо, что они в конце концов сносят дома и уезжают дальше. Описание флоры не отличается ни точностью, ни полнотой, и Коцебу предстает перед читателем как «дилетант в ботанике».

В том, что заметки Коцебу были и остаются весьма популярными, заслуга не только самой истории, но и писательского таланта автора. Он знает, как захватить читателя своей волнующей историей и одновременно создать обширную и реалистичную панораму природы, климата, условий жизни в Сибири и населяющих ее людей. В этом отношении его воспоминания внесли большой вклад в объективизацию образа Сибири у немецкого читателя – возможно, даже больший, чем

²¹ «Впрочем, этот жесткий климат очень здоровый. Мой врач знал только две распространенные болезни, которых можно легко избежать. Одна – дурная болезнь, другая – частая простудная лихорадка».

научные работы, которые не достигли широкой публики. Хотя издатель и характеризует это произведение как «потрясающий документ о произволе в царстве», в чем он, конечно, прав, особенно в отношении правления Павла I, но при этом Коцебу все же рисует очень детальную картину. Поразительно, что, несмотря на свое трудное положение, он не опускается до жалобных песен, а довольно трезво представляет условия жизни и подчеркивает в первую очередь гостеприимство и готовность помочь среди местных жителей, которые совсем не относятся к нему, ссылке, как к преступнику или прокаженному. Наверняка его тесные связи с Россией уберегли его от того, чтобы своим произведением укрепить общую современную неприязнь к ней. Особое стремление Коцебу к разумному изображению российской действительности подчеркивает относительно его последующей журналистской деятельности исследователь: «...nichts unter diesen Nachrichten <die Rußland betreffen>, aber ist der Art, daß es die Absicht verriete, Rußland einen besonderen kulturellen oder politischen Einfluß in Deutschland einzuräumen. Vielmehr bemühen sich diese Nachrichten Kotzebues, eine Reihe von zeitgenössischen deutschen Vorurteilen über Rußland zu beseitigen...»²² [Benz, S. 71]. Коцебу можно назвать не только хорошим примером объективизации образа Сибири у немцев, но и активным первопроходцем в разумном развитии немецко-российского культурного обмена.

Список литературы

Достопамятный год жизни Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда, писано им самим, переведено с немецкого В. Кражевым. В 2-х ч. М., 1806; 2-е изд. М, 1816.

Заиченко О. В. Август фон Коцебу: история политического убийства // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 177–191.

Мамеев С. Н. Документы, относящиеся к ссылке Августа Коцебу в Сибирь в 1800 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1894. Вып. 2. С. 1–10.

Мельникова С. И. Август Коцебу в Санкт-Петербурге. Линии судьбы немецкого драматурга [Электронный ресурс] // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7 / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Т. А. Шрадер]. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 364 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-208-1/978-5-88431-208-1_02.pdf.

Мельникова С. И. Август фон Коцебу в России: К проблеме русско-немецких театральных связей: дис. ... д-ра искусствоведения [Электронный ресурс]. СПб., 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/avgust-fon-kotsebu-v-rossii-k-probleme-russko-nemetskikh-teatralnykh-svyazei>.

Чебышев А. А. Драма в Мангейме. (К биографии Коцебу) // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 40–81.

Beck H. Einführung // Alexander von Humboldts Reise durchs Baltikum nach Rußland und Sibirien 1829. Stuttgart, 1984.

Benz E. Franz von Baader und Kotzebue. Das Rußlandbild der Restaurationszeit // Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse Jg. 1959. № 2. S. 61–99.

Geiger L. Kotzebue, A. v. K. // Allgemeine Deutsche Biographie. 1882. Bd. 16. S. 772–780.

Giesemann G. Kotzebue in Rußland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte. Frankfurt a. M., 1971.

²² «...но ни одно из этих сообщений <касающихся России> не выказывает намерения приписать России особое культурное или политическое влияние на Германию. В гораздо большей степени эти сообщения Коцебу стараются устранить ряд современных немецких предрассудков о России...»

Habeck J. O. Kulturlandschaft Sibirien [Electronic resource] // Jahrbuch des Max-Planck-Instituts. 2005. S. 161–166. URL: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398>.

Kotzebue A. von. Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Als Verbannter in Sibirien / Hrsg., Einf. H. Schumann. Zürich : Manesse Verlag, 1989.

Schumann H. Einführung // Kotzebue A. von. Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Als Verbannter in Sibirien. Zürich : Manesse Verlag, 1989.

References

Beck, H. (1984). Einführung. In *Alexander von Humboldts Reise durchs Baltikum nach Rußland und Sibirien 1829*. Stuttgart.

Benz, E. (1959). Franz von Baader und Kotzebue. Das Rußlandbild der Restaurationszeit. *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse Jg., 2*, 61–99.

Cheby'shev, A. A. (1913). Drama v Mangejme. (K biografii Kocebu) [Drama in Mannheim. (On the biography of Kotzebue)]. *Golos minivshego*, 2, 40–81.

Dostopamyatny'j god zhizni Avgusta Kocebu, ili zatochenie ego v Sibir' I vozvrashhenie ottuda [A Memorable year of August Kotzebue's life, or imprisonment in Siberia and his return from there]. (1806; 2nd ed. 1816). (Part 1–2). Moscow.

Geiger, L. (1882). Kotzebue, A. v. K. In *Allgemeine Deutsche Biographie* (Bd. 16, pp. 772–780).

Giesemann, G. (1971). *Kotzebue in Rußland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte*. Frankfurt a. M.

Habeck, J. O. (2005). Kulturlandschaft Sibirien. In *Jahrbuch des Max-Planck-Instituts*. S. 161–166. Retrieved from: <http://www.mpg.de/863491/forschungsSchwerpunkt1?c=166398>.

Kotzebue, A. von. (1989). *Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Als Verbannter in Sibirien*. Zürich: Manesse Verlag.

Mameev, S. N. (1894). Dokumenty', otnosyashiesya k ssyl'ke Avgusta Kocebu v Sibir' v 1880 godu [Documents related to August Kotzebue's exile to Siberia in 1800]. In *Ezhegodnik Tobol'skago gubernskago muzeya* (Vol. 2, pp. 1–10).

Mel'nikova, S. I. (2004). *Avgust fon Kocebu v Rossii: K probleme russko-nemeczkikh teatral'ny'h svyazej: diss. ... d-ra iskusstvovedeniya* [August von Kotzebue in Russia: On the problem of Russian-German theater relations]. (Dissertation). Saint Petersburg. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/avgust-fon-kotsebu-v-rossii-k-probleme-russko-nemeczkikh-teatralnykh-svyazei>.

Mel'nikova, S. I. (2012). Avgust Kocebu v Sankt-Peterburge. Linii sud'by' nemeczkogo dramaturga [August Kotzebue in Saint Petersburg. Destiny lines of a German playwright]. In Shrader T. A. (Ed.). *Nemcy' v Sankt-Peterburge. Bibliograficheskij aspekt. XVIII–XX vv.* (Vol. 7). Saint Petersburg. Retrieved from: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-208-1/978-5-88431-208-1_02.pdf.

Schumann, H. (1989). Einführung. In Kotzebue, A. von. *Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Als Verbannter in Sibirien*. Zürich: Manesse Verlag.

Zaichenko, O. V. (2013). Avgust fon Kocebu: istoriya politicheskogo ubijstva [August von Kotzebue: A story of political assassination]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2, 177–191.

The article was submitted on 03.02.2015

Клаус Штайнке,

д. и. н., профессор,
Университет Эрлангена –
Нюрнберга,
Эрланген, Германия
klaus-steinke@web.de

Klaus Steinke, Dr.

Professor,
University of Erlangen-Nuremberg,
Erlangen, Germany
klaus-steinke@web.de

DOI: 10.15826/qr.2015.1.081

УДК 94(571) (0.032) +

+ 327.82:316.344.42

Татьяна Илюшечкина

**«ОПИСАНИЕ СИБИРИ» В КРУГЕ ИНТЕРЕСОВ
РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТЫ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII В.**

Tatiana Ilyushechkina

**A DESCRIPTION OF SIBERIA IN THE CIRCLE OF INTERESTS
OF THE RUSSIAN AND EUROPEAN DIPLOMATIC ELITE
(LATE 17th – EARLY 18th CENTURIES)**

The article studies the private and business connections of the owners of *A Description of Siberia* manuscripts along with historical figures whose names are mentioned in the articles comprising the manuscript or are hidden behind anonymous texts. Among the owners of the manuscript, there is J. G. Sparwenfeld (Sweden), Patrick and Theodore Gordon (Scotland), E. G. von Bergen (Germany), Friedrich I and his son Friedrich III (Electors of Brandenburg), prince D. M. Golitsyn. N. Witsen (Holland) stands out in the list as his role in the literary history of *A Description of Siberia* is unique. He owned the only known and presently missing Russian manuscript of the original or a copy that was very close to the original historical story *On the Conquest of Siberia by Yermak* that only two copies of which have survived, i.e. its Dutch translation in the *Noord en Oost Tartarye* (Amsterdam, 1705) and as an introductory historical narrative from *A Description of Siberia*. Taking into account the fact that it was N. Witsen, burgomaster of Amsterdam, who compiled and published *Noord en Oost Tartarye* it may be concluded that it is with this historical figure that one may connect the first publication of the historical story of Yermak's conquest of Siberia that took place in Holland, and not in Russia, and not in the original language but in its translation into the Dutch language, and long before the latest known version of the manuscript came into existence. It is noteworthy that the earliest and the largest of all the manuscripts that left Russia, the one belonging to Sparwenfeld is almost completely identical to the ones belonging to Golitsyn and the Gordons that never left the country. Likewise, one may connect the separate copy of *A Description of Siberia* from the library of the Elector of Brandenburg and the German version of the manuscript created by a translator. It only became possible to characterize the peculiar architectonics of the manuscripts after

the author studied all the articles of the literary context of *A Description of Siberia* which transpired after a substantial textological analysis of the copies of *A Description of Siberia* and the traditional analysis of editorial and typological differences which made the analysis comprehensive and objective.

The article describes the *literary environment* as a component of the literary history of *A Description of Siberia*. It is represented by the ones who ordered, compiled and owned the manuscripts and thus determined the choice of articles for their copies thereof, and historical figures mentioned in various articles of the collection. As it transpires, all of them belong to the diplomatic elite of Russia and in some cases to the country's high officials. The local character of the owners of the manuscripts and the people mentioned in their contents determined the absence of *A Description of Siberia* from the Russian handwritten tradition.

Keywords: *A Description of Siberia*; handwritten collections of 17th–18th centuries; E. G. von Bergen; J. G. Sparwenfeld; T. Gordon; D. M. Golitsyn.

Рассматриваются личные и служебные связи владельцев рукописей «Описания Сибири» и исторических деятелей, чьи имена встречаются в статьях, входящих в состав этих рукописей, либо скрываются за анонимными текстами. Среди владельцев – швед Ю. Г. Спарвенфельд, шотландцы Патрик и Теодор Гордоны, немец Э. Г. фон Берген, курфюрсты Бранденбурга Фридрих Вильгельм I и его сын Фридрих III, князь Д. М. Голицын. Особое место в перечне занимает имя голландца Н. Витсена, роль которого в литературной истории «Описания Сибири» уникальна. Ему принадлежал единственный из известных, к сожалению, утраченный русский список первоначального либо близкого к первоначальному текста исторического повествования «О взятии Сибири Ермаком», до настоящего времени сохранившегося лишь в двух версиях – в голландском переводе в книге «Noord en Oost Tartarye» (Amsterdam, 1705) и в качестве начальной исторической повести из «Описания Сибири». Учитывая, что составителем и издателем «Северной и Восточной Тартарии» является бургомистр Амстердама Н. Витсен, получается, что с именем этого европейского деятеля связано первое издание исторической повести о походе Ермака в Сибирь, состоявшееся не в России, а в Голландии, не на языке оригинала, а в переводе на нидерландский, причем прежде, чем сложился самый поздний из известных нам русских списков произведения. Единство круга владельцев интересующих нас рукописей координируется особенностью архитектуры принадлежавших им сборников с «Описанием Сибири». Замечено, что в самом раннем и самом объемном «уехавшем» из России спарвенфельдовском кодексе почти полностью отражается состав голицынского и гордоновского сборников, никогда не покидавших пределов страны. Подобным же образом оказались связанными отдельный список «Описания Сибири» из библиотеки бранденбургского курфюрста и созданная переводчиком немецкая версия этого сочинения. Специфическая архитектура рукописей

стала очевидной лишь в результате детального изучения всех без исключения статей из литературного окружения «Описания Сибири», что обнаружилось после достаточно подробного текстологического анализа списков «Описания Сибири» и традиционного выявления редакционных, вариативных и видовых их различий. Правильная последовательность звеньев этой «обратной» цепочки – от исходного к заключительному (текст «Описания Сибири» – его литературное окружение в сборниках (иные сочинения) – литературная среда, сформировавшая сборники (имена)) – доказывает обоснованность комплексного подхода к исследованию любого произведения в составе сборника, поскольку делает заключение об исследуемом сочинении максимально полным и объективным.

В статье показана *литературная среда* как одна из составляющих литературной истории «Описания Сибири». Она представлена *заказчиками-составителями-владельцами* сборников, определившими выбор конкретных статей для принадлежавших им рукописей, и *историческими деятелями*, упоминаемыми в разных статьях сборников и стоящими за текстами. Как оказалось, все установленные имена относятся к дипломатической элите России, а в ряде случаев – и к высшим лицам государства. Локальность круга владельцев рукописных книг и персоналий из их содержания обусловили достаточно малую распространенность «Описания Сибири» в рукописной традиции.

Ключевые слова: «Описание Сибири», рукописные сборники XVII–XVIII вв., Э. Г. фон Берген, Ю. Г. Спарвенфельд, Т. Гордон, Д. М. Голицын.

В рукописную традицию одного из малоизученных произведений русской литературы последней трети XVII в. «Описание Новых земель, сиречь Сибирского царства, и Московского государства», с 1900-х гг. известного в исторической науке как «Описание Сибири» [Сибирские летописи, с. XXXVIII, 367–397; Иконников, с. 1303], а с 1930-х приписываемого подьячему Посольского приказа Никифору Венюкову [Андреев А. И., с. 29], входят сборники с указанным сочинением и отдельные списки из российских и европейских хранилищ. Сочинение состоит из исторического повествования о походе Ермака в Сибирь и географического описания сухопутных и водных дорог из Москвы в Китай через Сибирь. Созданный во второй половине XVII в. в московском дипломатическом ведомстве, памятник получил большую известность у иностранных читателей, чем у соотечественников.

В конце XVII – начале XVIII столетия списки «Описания Сибири» оказались в книжных собраниях Швеции, Голландии, Бранденбурга-Пруссии. Их владельцами были Ю. Г. Спарвенфельд, Н. Витсен, бранденбургский курфюрст и представитель его администрации Э. Г. фон Берген. Только два сборника всегда оставались в России. Да и то один из них был связан с семьей известного шотландца Патри-

ка Гордона, сподвижника Петра I. Второй принадлежал известному «верховнику» князю Д. М. Голицыну.

На этапе формирования сборников, в составе которых переписывалось «Описание Сибири», и создания отдельных списков памятника велика была роль владельцев рукописей, объединенных близкими профессиональными и достаточно схожими читательскими интересами. С их именами мы связываем существование литературной среды, обусловившей происхождение и первоначальную принадлежность рукописей.

В конце XVII в. сразу три рукописи с «Описанием Сибири» оказались связаны с Бранденбургом-Пруссией и одним человеком – немцем Эрнстом Готтлибом фон Бергеном (1649–1722), который с 1680 по 1713 г. был тайным секретарем и переводчиком двух курфюрстов: Бранденбургско-Прусского государства, 5-го герцога Пруссии Фридриха Вильгельма I (1620–1688) и его сына Фридриха III (1657–1713), курфюрста Бранденбургского и 6-го герцога Пруссии, в 1701 г. удостоенного титула первого короля в Пруссии под именем Фридриха I.

Одна из трех рукописей – отдельный русский список *последней четверти XVII в.* «Описания Сибири» *Krakow Uniwersytet Jagielloński, Biblioteka Jagiellońska, Krakow, Polen, Ms.Slav.Fol. 23* – происходит из Посольского приказа, однако известна в составе библиотеки курфюрста бранденбургского. Этот список был скопирован в сборник *ОР РНБ, Санкт-Петербург, ОЛДП. Q.64 конца XVII – начала XVIII в.*, принадлежавший близкому помощнику курфюрста Э. Г. фон Бергену, с последующим переводом русского произведения на немецкий язык *Staatsbibliothek – zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz, Deutschland, Ms. Germ. Qu. 231, не позднее августа 1697 г.*

Переложение «Описания Сибири» на немецкий язык было сделано Э. Г. фон Бергеном для барона Эбергарда Христофа Бальтазара фон Данкельмана (1643–1722), с 1695 по 1697 г. премьер-министра Бранденбурга и обер-президента Пруссии. В августе 1697 г. по приказу Э. фон Данкельмана немецкая рукопись «Описания Сибири», полностью поименованная как «*Eigentliche und richtige Beschreibung Nova земля oder des Neuen Landes und Königreichs Siberien. Wie solches unter Iwan Wasiliowicz, Tzaren und Großfürsten aller Reußen, Botmäßigkeit gekommen. Nebst der Situation aller nordöstlichen Tartern, Mungalen, Bogoitzen, Duczertzen, Giläken, Tubiner, Koldommer, Daurer, Tangutiner, Kirgisen, Lopianen, Mrastzer, Jakutiner Sibirer, Kolmacken, Kalmücken, Ostiakten, Samojuden, Baskiren, Czeremissen Mordwinen. Auß einem zur Churfürste Bibliothek gehörigen sclavonischen Manuscript in die teutsche Sprach übergetragen. Durch E. G. v. B.*» (Ms. Germ. Qu. 231, Titelblatt), была передана в библиотеку курфюрста, о чем есть запись на верхнем форзацном листе, выполненная железистыми коричневыми чернилами немецкой скорописью конца XVII в. и датированная 1697 г.: «Auff

Befehl Sr. Exc. Des Herrn von Danckelmans zur Churfurstl. Bibliothec gegeben im Augusto 1697»¹.

Из трех названных рукописей особый интерес представляет состав сборника ОЛДП. Q.64, две другие являются отдельными списками сочинения. Помимо двух больших произведений «Описания Сибири» и «Описания Китайского государства» в этом сборнике сохранились оригиналы частных писем², текст прощальной речи, прозвучавшей в день погребения адмирала Ф. Я. Лефорта 11 марта 1699 г., копия Константинопольского мирного договора 1700 г., рабочие материалы к тексту заключенного между Россией и Бранденбургом в 1697 г. дружественного договора, стихи и т. п.

Сборник Э. Г. фон Бергена – единственный среди исследуемых составленный европейцем из русскоязычных сочинений. При очевидной пестроте содержания сборника все его статьи связывали владельца рукописи Э. Г. фон Бергена с Россией и Посольским приказом, так как авторами, переводчиками и переписчиками вошедших в состав сборника текстов были имевшие самое непосредственное отношение к русскому дипломатическому ведомству исторические деятели: Н. Г. Спафарий, отец и сын Вiniusy, предполагаемый автор «Описания Сибири» Н. Венюков, М. Р. Ларионов и его сын Петр, только что завершивший карьеру начальника Посольского приказа думный дьяк Е. И. Украинцев, дьяк И. П. Чередеев и др.

До вступления в должность тайного секретаря и переводчика курфюрста в 1670–1678 гг. Э. Г. фон Берген проживал в России в семье «самого заслуженного генерала русских войск» и сподвижника Петра I шотландца Патрика Гордона (1635–1699) в качестве гувернера его старших сыновей Джона и Джеймса [Gordon, S. 454; Гордон, 1891, с. 12]. С этой семьей связан сборник *ОР РНБ, Санкт-Петербург, Q.IV.79 конца XVII в.* с полным русским списком «Описания Сибири». Записи на листах рукописи свидетельствуют о принадлежности книги младшему сыну Патрика – Теодору (Федору) Гордону (1681–1736?)³ [о нем см.: Брикнер, с. 87, 96, 116, 119, 121; Федосов, 2005, с. 232; Федосов, 2014, с. 16].

Находилась ли эта рукопись в библиотеке Патрика⁴ и досталась младшему сыну по наследству, или же она относилась к числу собственных приобретений Теодора – не ясно. В записях на листах рукописи, помимо фамилии владельца, упоминается имя сына Гордона; кроме того, прапорщик Бутырского полка (в 1697 г.), которым

¹ Текст записи опубликован: [Bolte, S. 429].

² Все письма подлинные, они имеют следы стибов и склейки, адреса на русском и немецком языках, на некоторых письмах сохранились фрагменты печатей из красного сургуча.

³ На нижнем поле л. 1 и 56 сборника Q.IV.79 коричневыми железистыми чернилами скорописью конца XVII – начала XVIII в.: «Из книг Федора Гордона» и «Федор Гордон».

⁴ По мнению Д. Г. Федосова, П. Гордон с молодых лет увлекался собиранием книг и создал «внушительную библиотеку из нескольких сотен томов» [Федосов, 2014, с. 476–477].

командовал П. Гордон, а затем полковник Киевского драгунского полка (на июнь 1712 г.) Теодор (Федор) Гордон [Гузевич, с. 143]⁵ отмечен исследователями как человек, славившийся своей образованностью, занимавшийся коллекционированием книг и обладавший хорошей библиотекой [Книга Большому чертежу, с. 20–21], что дает основание связать происхождение и бытование сборника Q.IV.79 с его читательскими вкусами. В данном небольшом сборнике они проявились в обращении к княжеским родословным росписям и двум сочинениям историко-географического характера: «Книга Большому чертежу» и «Описание Сибири».

Книжным собирательством занимался не только полковник Киевского полка Т. Гордон, но и хорошо знакомый с ним киевский воевода (с 1707 г.) и киевский губернатор (1711–1718) Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737) [Там же]. Именно в Киеве было положено начало знаменитой библиотеке «верховника», самому ценному ее разделу – древнерусскому [Книга Большому чертежу, с. 20; Крючкова, 2009, с. 20; Крючкова, 2012, с. 20]. Создание интересующего нас сборника *конца XVII – 10-х гг. XVIII в. ОР РНБ, Санкт-Петербург*, F. XVII. 19, отразившего не только читательские, но и профессиональные интересы Д. М. Голицына⁶, исследователи связывают с происхождением принадлежавшей Т. Гордону рукописи Q.IV.79 и с городом, объединившим их владельцев, – Киевом [Книга Большому чертежу, с. 20]. На служебную деятельность владельца рукописи F.XVII.19 именно в этом регионе указывает состав принадлежавшего ему сборника, в частности материалы по Малороссии, связанные с состоявшейся в феврале – марте 1669 г. Глуховской радой (описание рады и переговоров в Глухове; глуховские статьи; челобитная мещан г. Нежина; челобитная мещан г. Киева; присяга гетмана Д. И. Многогрешного).

Служба Д. М. Голицына чрезвычайным послом в Константинополь в период 1701–1704 гг., предшествовавший киевскому, стала поводом для появления в сборнике копий документов по истории русско-крымских отношений начала 1680-х гг. (шертная грамота крымского хана Мурад-Гирея от 2 января 1681 г. об условиях заключения мира между Русским государством, Турцией и Крымским ханством; Бахчисарайский мирный договор 1681 г.; грамота турецкого султана Магомета IV от 22 марта 1681 г. о заключении мира между Русским государством и Турцией на 20 лет) и русско-турецких отношений 1670–1710-х гг. (несколько документов, сопровождавших посольство А. Поросукова в Турцию в 1677–1678 гг.; копии объединяемых именами Петра I и Ахмеда III русско-турецких дипломатических документов 1709–1710-х гг.).

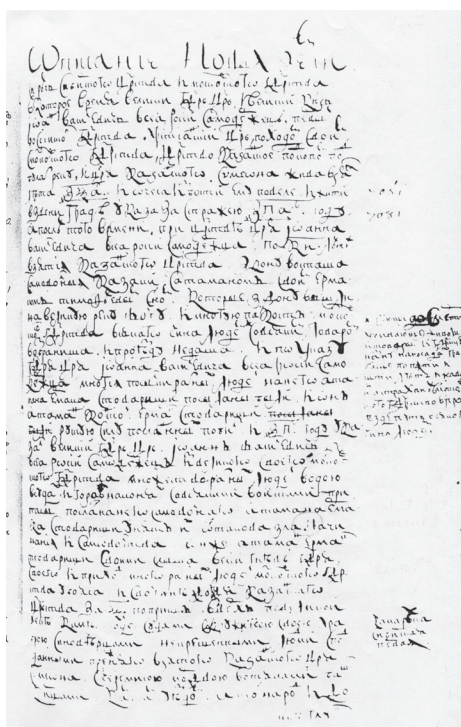
⁵ Д. Ю. Гузевич приводит данные о том, что Федор Гордон упоминается здравствующим полковником в разных источниках под 1717, 1719–1721 гг. и является единственным Гордоном – современником Петра Великого и Лефорта, который мог умереть в Москве в чине полковника.

⁶ О соответствии подбора книг для личной библиотеки «практическим потребностям и целям» ее владельца Д. М. Голицына писал Н. В. Голицын [Луппов, с. 222].

Поездка Д. М. Голицына в 1704–1706 гг. «с полками» в Польшу и Саксонию «на вспоможение польскому королю противу шведов» [Бантыш-Каменский, 1897, с. 178–179; Крючкова, 2012, с. 19–20] вызвала интерес дипломата к более раннему польскому вопросу, отражением которого в сборнике можно считать фрагмент статейного списка русских посланников И. А. Желябужского и С. М. Протопопова в Польшу (включает описание событий 30 мая – 17 июня 1681 г.).

Статьи на данные темы составляют существенную часть контекста «Описания Сибири» в принадлежавшей Д. М. Голицыну рукописи. Наличие в сборнике большого количества копий, представляющих указанные и некоторые иные дипломатические документы, говорит об особых возможностях составителя сборника, в частности о доступе к материалам Посольского приказа, в том числе в черновых редакциях, для переписывания [Илюшечкина, 2003, с. 175–202].

Одним из многочисленных друзей шотландца П. Гордона был шведский дипломат и ученый Юхан Габриэль Спарвенфельд (1655–1727) [Гордон, 2009, с. 51, 132, 281]. Он приехал в Россию в апреле 1684 г. в составе шведского посольства⁷; в отличие от своих коллег, отправившихся домой уже в июне того же года, оставался в Москве для изучения русского языка и возвратился в Швецию лишь в июне 1687 г. Именно ему принадлежал самый ранний из рассматриваемых русский по происхождению и шведский по месту хранения сборник 1680-х гг. *Västerås Stadsbibliotek, Schweden, Ad 10*⁸.

Вестеросский кодекс (АД 10), первая страница «Описания новая земли, сиречь Сибирского царства» (Библиотека гимназии в Вестеросе)

⁷ Шведская дипломатическая миссия во главе с великими и полномочными послами Конрадом Гюлленшерной, Ионасом Клинкштеттом и Отто Стакельбергом пребывала в Москве с 28 апреля по 2 июня 1684 г. для ратификации российской стороной Кардисского мира 1661 г. и Плюского дополнительного договора 1666 г. и урегулирования ряда иных спорных вопросов. Ю. Г. Спарвенфельд служил ассистентом главного посла миссии [Бантыш-Каменский, 1902, с. 200–201; Русско-шведские, с. 588–589; Похлебкин, с. 218–219; Биргегорд, 1997, с. 280–285].

⁸ О принадлежности шведского кодекса Ad 10 Ю. Г. Спарвенфельду сообщается уже в первых кратких сведениях о сборнике [О некоторых славянских рукописях, с. 121–129], самое полное обоснование этого факта принадлежит [Dahl].

Сборник объемный, на 1877 страницах рукописного текста объединены статьи, разносторонне характеризующие Русское государство последней трети XVII в. [Черепнин, с. 472–477]: внешнеполитические взаимоотношения России (например, упоминавшийся выше в составе сборника F.XVII.19 фрагмент статейного списка русских посланников И. А. Желябужского и С. М. Протопопова в Польше с описанием событий 30 мая – 17 июня 1681 г. и целый ряд иных дипломатических документов, повторяющихся и в голицынской, и в спарвенфельдовской рукописях); внутреннее состояние страны (челобитная московских стрельцов, солдат, гостей, посадских людей и ямщиков 1682 г., не позднее 6 июня, и др.); политическую систему государства («Чин и поставление на великое княжество Росийскаго государства сиречь на царство помазание сице бывает царем» и т. д.); историю («Кроника... о Руси» Феодосия Софоновича в редакции 1672 г.; княжеские родословные и др.); географию современной шведу России («Книга Большому чертежу» в редакции 1679 г., «Описание Сибири», «Описания чертежа Сибири», составленного в 1667 г. при тобольском воеводе П. И. Годунове).

В сборнике нашлось место и для русских версий некоторых европейских литературных памятников. Речь идет о «Проблемате» Псевдо-Аристотеля, составленных византийским монахом Максимом Планудой «Книге, глаголемой Езоп» и «Житии Езопа баснословия», нескольких повестях из сборника «Римские деяния». Наличие их свидетельствовало об органичном присутствии в литературном контексте России переводных произведений Западной Европы. Вместе с тем списки произведений И. Г. Грегори «Малая прохладная комедия об Иосифе» и «Жалобная комедия об Адаме и Еве» и С. Полоцкого «Комидия притчи о блудном сыне» в составе того же сборника говорят о том, что Ю. Г. Спарвенфельд проявил большое внимание не только к русским переводам европейских сочинений, но и к оригинальным пьесам начального периода русского театра.

«Уехавший» в Швецию русский рукописный сборник свидетельствует о большом интересе шведского лингвиста Ю. Г. Спарвенфельда и шведского общества в целом к России 1680-х гг. В его составе отражены почти полностью два других сборника с «Описанием Сибири» (F.XVII.19 и Q.IV.79), Россию никогда не покидавших.

История создания этой уникальной рукописи неясна: была ли она составлена по заказу своего будущего владельца в соответствии с его личным выбором статей, переписана ли им самим, либо сборник ему был просто подарен. Первое предположение рассматривается нами в качестве вероятного для пребывания иностранца в Москве. Второе обосновывается утверждениями исследователей о наличии в кодексе статей, переписанных рукой Ю. Г. Спарвенфельда [Dahl; Давидссон, с. 361–362]. Третье предположение связывается с тем фактом, также отмеченным в научной литературе, что этот сборник далеко не единственный из числа привезенных шведским ученым из Москвы. Так, например, рукопись Ad 11 имеет две записи о «пожаловании» ее шведу в

1686 г. А. А. Матвеевым (сыном боярина А. С. Матвеева), стольником царя Петра Алексеевича, «благодетелем и приятелем» иностранца [Черепнин, с. 477–478]. Возможно, не только Ad 11, но и Ad 10 оказался в Швеции с благословения или при участии А. А. Матвеева.

В Голландии в руках известного собирателя древностей, в том числе поступивших в его коллекцию непосредственно из Сибири, Николааса Витсена (1641–1717), возможно, уже в 1660-е гг. оказался список, представляющий собой первоначальный текст исторической части «Описания Сибири», условно называемой исследователями повестью «О взятии Сибири Ермаком»⁹.

Этот список был переведен на голландский язык и опубликован во втором издании книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» в 1705 г.¹⁰ [Witsen, S. 736–742]. Публикация была современна всем русским спискам «Описания Сибири» и переводу произведения на немецкий язык. Уникальность данного факта в том, что на момент появления голландского издания исторического повествования «О взятии Сибири Ермаком» не все русские сборники с «Описанием Сибири» полностью сложились.

Такова «внешняя» составляющая литературной среды, в которой сформировались сборники с «Описанием Сибири» и отдельные списки сочинения. «Внутренняя» часть литературной среды связана с содержанием сборников. Речь идет об исторических деятелях, упоминаемых в разных статьях сборников и стоящих за анонимными текстами. Это авторы оригинальных русских сочинений, переводчики, участники описываемых в произведениях исторических событий и кратких информационных сообщений, адресаты и адресанты частной корреспонденции, представители ряда дипломатических миссий, итоговые документы которых скопированы переписчиками рукописей, и др.

К упоминаемым в сборнике именам тянутся «ниточки» от владельцев рукописей. Если присмотреться ко всем персоналиям вниматель-

Николаас Витсен

⁹ Условное название «О взятии Сибири Ермаком» для исторического повествования о походе Ермака в Сибирь было введено Е. И. Дергачевой-Скоп [Летописи сибирские, с. 225].

¹⁰ По свидетельству С. В. Бахрушина, отдельные фрагменты «Описания Сибири» были использованы Н. Витсеном уже в первом издании его труда «Noord en Oost Tartarye» 1692 г. [Бахрушин, с. 182, 186–187].

нее и постараться увидеть их в контексте их ближайшего окружения – родственников, коллег, знакомых, – то картина получится более детальной и выразительной, хотя и мозаичной. Представим пунктирно лишь некоторые из возможных линий, не претендуя на исчерпывающую исследовательскую полноту.

Будущий владелец сборника Ad 10 Юхан Габриэль Спарвенфельд вместе с прибывшим в Россию во главе с К. Гюлленшерной шведским посольством находился в Москве с апреля 1684 г. С московской стороны главным действующим лицом продолжавшихся со 2 по 22 мая двусторонних переговоров был ближний боярин, князь В. В. Голицын¹¹, родственник владельца интересующего нас сборника F.XVII.19 Д. М. Голицына. Среди иных русских участников переговорного процесса со шведами известен дьяк Е. И. Украинцев, имя которого в контексте «Описания Сибири» связывается с принадлежавшим немцу Э. Г. фон Бергену сборником ОЛДП Q.64, в частности с находящимся в его составе списком Константинопольского мирного договора 1700 г. и др.

Для изучения русского языка и русского общества – более основательного, чем это было возможно в дни работы посольства, – шведский лингвист добился получения королевской стипендии и оставался в России до февраля 1687 г. В Москве Ю. Г. Спарвенфельд имел обширный круг знакомств [Биргегорд, 1979, с. 112; Биргегорд, 1982, с. 152], персональный состав которого в исторической литературе пока что представлен явно не в полном объеме. Однако ряд имен убедительно «работает» на нашу тему. Так, например, представителя шведской дипломатической миссии Ю. Г. Спарвенфельда русскому и польскому языку в Москве обучал переводчик Посольского приказа с 1667 г. Стахий Гадзаловский (Гадзяловский) [Биргегорд, 1979, с. 112; Биргегорд, 1982, с. 152; Белоброва; Коваленко, Николаев], автор русского перевода польского издания 1683 г. «Алкоран Махметов» Иоаникия Галытовского, известного по спарвенфельдовскому Ad 10 и голицынскому F.XVII.19 спискам [Илюшечкина, 2003], и один из предполагаемых авторов прозаической похвалы Богу и царю, продолжающейся двадцатью «гербовыми» виршами конца XVII в. в шведском кодексе Ad 10 [Илюшечкина, 2014].

В Москве в распоряжении шведа оказался принадлежавший С. Гадзаловскому рукописный латино-славянский словарь объемом около 30 000 статей, ставший одним из главных источников Большого славяно-латинского словаря («Lexicon Slavonicum») самого Ю. Г. Спарвенфельда. Заметим, что ни одна из этих двух важнейших лексикографических работ XVII в. не имеет прямого отношения к литературному окружению «Описания Сибири» в сборниках. Однако весьма значимой частью контекста интересующего нас сочинения является имя Епифания Славинецкого – главы участвовавших в книжной справе переводчиков московского Печатного двора и

¹¹ Должность начальника Посольского приказа В. В. Голицын занимал с 17 мая 1682 г. по 6 сентября 1689 г.

автора не дошедшего до нас в оригинале латино-славянского словаря, одна из многочисленных копий которого от С. Гадзаловского попала к шведскому лингвисту. Его перевод с латинского на русский язык введения к географическому Атласу мира голландцев отца и сына Блау «Введение в Космографию и ея части» среди рукописей, объединенных «Описанием Сибири», читается на страницах только спарвенфельдовской. Это сочинение в переводе Е. Славинецкого является первым в русской письменности XVII в. и одним из двух¹² вообще известных в России XVII в. изложением учения Коперника, обосновавшего гелиоцентрическую картину мира [Райнов, с. 418–455; Райков, с. 117–132]. Полагаем, именно новизной и важностью содержания объясняются и некоторые иные факты из истории самого «Введения» и интересующего нас списка в частности. Текст Атласа был переведен на русский язык всего через 10 лет (в 1655–1657 гг.) после окончания его издания в 1636–1645 гг. Из полного состава четырех томов Атласа, русский перевод каждого из которых известен лишь в черновом и беловом списках, только «Введение» имеет некую рукописную традицию, хотя и исчисляемую весьма малым количеством списков. Заметим, среди известных перечней этих списков копия Ad 10 вообще не значится.

Упомянутый выше кодекс Ad 11 был подарен Ю. Г. Спарвенфельду А. А. Матвеевым, о чем свидетельствуют сохранившиеся записи, расшифрованные сотрудниками Вестеросской библиотеки и Л. В. Черепниным: «Сия книга родословна и степенна Иоанна Гаврила Иванова Спарвенфелта жалование *благодетеля и приятеля* (выделено мной. – Т. И.) А[ндрея] А[ртемоновича], с[ына] б[оярина] и с[толника] ц[аря] П[етра] А[лексеевича], в Москве лета 1686, 22 авриля». Вторая запись на сборнике Ad 11, выполненная в виде скрепы либо самим новым владельцем рукописи, либо кем-то иным от его лица, так же однозначно подтверждает и источник появления книги, и доброе расположение дарителя к своему шведскому знакомому: «Сия книга Иоанна Гаврила Спарвенфелта... жалование Андрея Артемоновича ко мне в царствующем граде Москве лета от воплощения бога слова 1686...» [Черепнин, с. 477].

Сын боярина-западника Артамона Сергеевича Матвеева, главы Посольского приказа в 1671–1676 гг., в доме которого, как известно, воспитывалась будущая царица и мать Петра I Н. К. Нарышкина, А. А. Матвеев (1666–1728), «пожалованный званием комнатного стольника на 8-м году от роду» [Богословский, 2005, с. 18], получил прекрасное домашнее воспитание со стороны матери Е. Г. Гамильтон, шотландки по происхождению, и своего наставника – молдавского грека Н. Г. Спафария [Михайловский, с. 15; Бушкович, с. 49]. Имя Н. Г. Спафария, переводчика Посольского приказа с 14 декабря 1671 г. [Михайловский, с. 5], а позже – российского дипломата и ученого,

¹² Вторым сочинением на ту же тему стал русский перевод «Селенографии» Яна Гевелия.

в нашем исследовании можно считать знаковым как минимум в двух случаях. Предполагаемый автор «Описания Сибири» подьячий Посольского приказа Н. Венюков входил в состав возглавляемого его коллегой по дипломатическому ведомству Н. Г. Спафарием российского посольства 1675–1678 гг. в Китай. Происходящий из Посольского приказа список спафариевского «Описания Китайского государства» из курфюрстской библиотеки Ms.Slav.Fol. 24, скопированный в личный сборник ОЛДП. Q.64 тайного секретаря и переводчика курфюрста Э. Г. фон Бергена, привлекается последним к созданию немецкой версии «Описания Сибири» Ms.Germ.Qu. 231.

О Матвееве-младшем периода 1680-х – начала 1690-х гг., на которые приходятся годы пребывания Ю. Г. Спарвенфельда в Москве, известно немногое. 1682 и 1691 гг. в жизни А. А. Матвеева, видимо, можно считать особыми. 1682 г. знаменателен возвращением вместе с отцом из ссылки в Пустозерске, продолжавшейся с 1676 по 1682 г., пожалованием в спальники Петра I [Бушкович, с. 133] в первые же дни после возвращения и потерей отца в те же страшные дни Стрелецкого бунта. С 1691 г., с пожалования в двинские воеводы, начинается успешное восхождение молодого Матвеева по служебной лестнице¹³. Между 1682 и 1691 гг. А. А. Матвеев, скорее всего, проживал в Москве и вряд ли не был связан с Посольским приказом.

Помимо дарения в 1686 г. как минимум одной рукописи, пусть не прямыми, но косвенными свидетельствами дружбы Ю. Г. Спарвенфельда и А. А. Матвеева в Москве в 1684–1687 гг. считаем следующие.

Во время своего трехлетнего пребывания в России Ю. Г. Спарвенфельд активно контактировал с проживавшими в то время в Москве иностранцами. Шведский дипломат и ученый, как это следует из его московского дневника, называл Гордона-старшего среди своих «лучших друзей» [Sparwenfeld, p. 231, цит. по: Гордон, 2009, с. 281]. П. Гордон в своем дневнике также упоминает имя шведского лингвиста: именно через него он переправлял в 1685 г. очень важный для него ответ королю Великобритании о назначении его чрезвычайным послом при Московском дворе [Гордон, 2009, с. 51, 132, 281].

С первых лет пребывания в России П. Гордон хорошо знал ближнего боярина А. С. Матвеева [Гордон, 2003, с. 120, 156, 231]; в 1688–1689 гг. (а по некоторым данным – и в предыдущие годы) обменивался визитами с его сыном, А. А. Матвеевым [Гордон, 2009, с. 162, 214], был его корреспондентом и адресатом [Гордон, 2009, с. 162, 214, 304]. В составленном А. А. Матвеевым описании Стрелецкого бунта генерал Гордон уважительно характеризуется как «муж целомудренный, наипаче же во всех воинских делах чрез многия лета везде будучи при войсках

¹³ Карьера А. С. Матвеева: посол в Голландии (1699–1712), дипломатические миссии во Франции (1705–1706) и в Великобритании (1707–1708), российский полномочный министр в Австрии (1712–1715), удостоившийся перед возвращением в Россию пожалования «графского Римской империи достоинства со всею фамилией», президент Морской академии и Навигацкой школы, сенатор и президент Юстиц-коллегии и Московской сенатской конторы.

Царских верным слугою и заобычным солдатом» [Матвеев, с. 61]. Ссылаясь на стокгольмское издание подробной биографии Ю. Г. Спарвенфельда, Л. В. Черепнин называет П. Гордона и А. А. Матвеева среди приятелей шведа, а переводчика Посольского приказа Н. Г. Спафария, наставника юного А. А. Матвеева в латинском языке, – дарителем шведу рукописного описания путешествия в Китай [Черепнин, с. 470]. Таким образом, в круг московских знакомых Ю. Г. Спарвенфельда периода 1684–1687 гг. входил не только А. А. Матвеев. Этот круг составляли, по меньшей мере частично, служащие Посольского приказа и высшие государственные лица России, в том числе (а может быть, прежде всего) иностранного происхождения.

Наименее известен среди владельцев рукописей с «Описанием Сибири» Э. Г. фон Берген, хотя его именем, напомним, объединены сразу три рукописи с исследуемым сочинением о Сибири (Ms. Slav. Fol. 23, ОЛДП. Q. 64 и Ms. Germ. Qu. 231). Позволим себе по этой причине представить известную на сегодня информацию об этом человеке, хотя явно эпизодичную.

Эрнст Готтлиб фон Берген (1649–1722), имя которого в немецком переводе «Описания Сибири» скрыто под криптонимом «E. G. v. B.», происходил из старинного немецкого рода, первое упоминание о котором относится к 1080 г. [Ersch, Gruber, S. 111]. Во второй половине XVI – в XVII в. предки фон Бергена были бургомистрами г. Дессау. Его отец Давид фон Берген (1616–1682) служил мировым судьей в Бернбурге, где в 1649 г. и родился Э. Г. фон Берген [Beckmann, S. 376; Ersch, Gruber, S. 111; Schmidt, S. 33; Bolte, S. 427]. После восьмилетнего пребывания в России и на Украине [Там же; Eschenburg, S. 517] и службы в эти годы в должности гувернера детей генерала Патрика Гордона [Gordon, S. 454; Гордон, 1891, с. 12], в 1678 г., Э. Г. фон Берген, как сообщают те же источники, уехал из Москвы в Лондон и провел там два года. Не найдя постоянной работы в Англии, владевший семью иностранными языками Э. Г. фон Берген [Smidt-Rösler, S. 192] в 1680 г. проследовал в Берлин, где 14 октября 1680 г. получил должность тайного секретаря и переводчика курфюрста бранденбургского.

В 1697 г. во время пребывания во владениях немецкого курфюрста русского Великого посольства, в составе которого находился и Петр I, «московским толмачом» был Э. Г. фон Берген [Богословский, 1941, с. 50–109]. Возможно, именно с тех пор в архиве переводчика сохранились некоторые рабочие материалы к русской версии текста заключенного между Россией и Бранденбургом дружественного договора, которые позднее оказались в составе книжного блока принадлежавшего Э. Г. фон Бергену сборника ОЛДП. Q.64.

Обязанности тайного секретаря и переводчика курфюрста Э. Г. фон Берген исполнял до 8 августа 1710 г., когда он был переведен в управляющие финансами (Öconomie-Contrôleur) Берлинского магистрата [Küster, S. 40, 96, 447]. Умер Э. Г. фон Берген в мае 1722 г. в Берлине [Bolte, S. 429]. Вырисовывается, хотя и фрагментарно, круг

интересов этого человека: география и литературное творчество. В сообщениях биографов Э. Г. фон Бергена упоминается, что им сделано описание к карте Украины, он принимал участие в создании атласа Моисея Питта «The English Atlas», был одним из первых переводчиков сочинений Мильтона на немецкий язык.

Кратки и отрывочны сведения о круге знакомств в России Теодора (Федора) Гордона. Известно, что Т. Гордон одним из первых россиян был отправлен московским правительством за границу для изучения европейских языков. В делах Посольского приказа об этом факте сказано так: «200 г. июля 19 [19/29 июля 1692 г.] “отпущен для науки в Прусскую землю сын Гордана порутчик Федор Гордон”» [Белокуров, Зерцалов, С. XXV, 241; Богословский, 1948, с. 305]. По мнению М. М. Богословского, это был второй случай заграничной командировки с научной целью [Богословский, 1948, с. 305] после отправления в том же 1692 г. В. Т. Посникова. В настоящее время есть иная трактовка отъезда «Теодорчика» из родительского дома: «19/29 июля 1692 г. по челобитью Патрика Гордона и с согласия Петра I был снабжен в Посольском приказе путевым паспортом и отпущен “для науки” в Пруссию (в Браунсберг), где поступил в иезуитскую коллегию под покровительство патера Шмидта, бывшего в 1684–1688 гг. настоятелем католического прихода в Немецкой слободе» [Гузевич, с. 142–143]. Иезуитская коллегия города Браунсберга в Восточной Пруссии – одно из лучших высших учебных заведений Речи Посполитой, где получил образование и сам генерал [Федосов, 2014, с. 470]. Также известно, что «Теодор ездил в Гданьск обучаться военному строю и обращению со знаменем и пикой – отец готовил его к чину прапорщика, который вскоре и был им получен. Младший Гордон возвратился в Москву в 1695 г., и царь Петр лично оценил его умение владеть оружием и стягом» [Там же]. Выше было отмечено, что Теодор «состоял в бутырцах и в ходе Северной войны получил звание полковника» [Федосов, 2005, с. 232].

Владелец сборника Q.IV.79 Т. Гордон жил в Киеве в те же годы, что и Д. М. Голицын, в книжном собрании которого значилась рукопись F.XVII.19. Не исключено, что полковник Киевского полка и киевский губернатор имели повод для общения, а возможно, и более широкие общие интересы.

Д. М. Голицын был сыном боярина Михаила Андреевича Голицына (1639–1687) и двоюродным братом фаворита царевны Софьи Василия Васильевича Голицына (1643–1714). «Старший в роде Голицыных» Василий Васильевич вскоре после А. С. Матвеева возглавил Посольский приказ (1682–1689), был одним из образованнейших людей своего времени (знал пять языков, бегло говорил на латыни), известен как сторонник расширения связей со странами католической Западной Европы, принимал в своем доме шотландца П. Гордона и грека Н. Спафария.

Д. М. Голицын начал свою карьеру комнатным стольником царевича Петра (1686), выдвинулся в капитаны гвардии Преображенского полка

(1694). Посланный Петром I в числе прочих стольников в Италию для обучения навигации в 1697 г., Д. М. Голицын стал известным государственным и политическим деятелем своей эпохи, которая пришлась на царствование не только Петра I, но и Екатерины I и Петра II.

В 1701 г. владетель сборника F.XVII.19 Д. М. Голицын в качестве чрезвычайного посла был направлен в Константинополь с целью добиться согласия Турции на свободное плавание русских кораблей по Черному морю. Предварительно с извещением о задержке великого посла Д. М. Голицына в Османскую Порту прибыл гонец – подьячий Посольского приказа М. Р. Ларионов. Последний был в отъезде, согласно документам, с 11 декабря 1700 г. [РГАДА, ф. 89, оп. 1: 1700 г., д. 3, 3 а; ф. 89, оп. 1: 1700 г., д. 4, л. 3–135; Ф. 89, оп. 2, д. 66: 1700 г., л. 3–4 об.]. Дата его возвращения в Москву 25 декабря 1701 г. известна не только по официальным документам. Он сообщает об этом факте и в сохранившемся в сборнике ОЛДП. Q.64 приватном письме к Э. Г. фон Бергену от 5 февраля 1702 г. Поездка М. Р. Ларионова / Д. М. Голицына в Турцию состоялась вскоре после заключения 3 июля 1700 г. думным дьяком Е. И. Украинцевым (главой Посольского приказа в 1689–1697 гг.) и дьяком И. П. Чередеевым Константинопольского мирного договора о тридцатилетнем перемирии [РГАДА, ф. 89, оп. 1: 1700 г., д. 5; ф. 89, оп. 1: 1701 г., д. 1], копия которого в сборнике Э. Г. фон Бергена вшита сразу после указанного письма М. Р. Ларионова.

Полагаем, что появление текста русско-турецкого договора в этой рукописи явилось определенным знаком внимания «препочтеннейшему господину и благодетелю» Э. Г. фон Бергену со стороны заинтересованного в его услугах русского подьячего. Читаемый на страницах сборника ОЛДП. Q.64, текст документа полностью совпадает с некоторыми его архивными версиями, в частности находящимися в составе дел: «Копии с Трактата о заключении 30-летнего мира с Османской Портой...» [РГАДА, ф. 89, оп. 1: 1700 г., д. 5–а, л. 1–29, 58–71] и «Договор, заключенный в Константинополе с турецким султаном Мустафой II...» [РГАДА, ф. 89, оп. 3, д. 7: 1700 г., л. 1–12, 14–26]. Иные архивные копии этого русско-турецкого соглашения отличаются от списка ОЛДП. Q.64 незначительно, но примечательно. В частности, начало названия документа из сборника ОЛДП. Q.64 «*Список з договорного писма, каково дано в Константинополе на словенском языке турского салтана великому везиру и министром, которые были на конференции в нынешнем в 1700 году иуля в третий день*» (выделено нами. – Т. И.) явно отличается от его более официальных архивных версий: «Копия с трактата...», «Копия с договора...», «Статьи мирные...» и т. д. Вместе с тем чтение даты в названии этого документа – «в нынешнем в 1700 году» – в списке ОЛДП. Q.64 также отлично от аналогичного в иных копиях – «в прошлом в 1700-м году». Не вдаваясь во все текстологические подробности, ограничимся двумя указанными, свидетельствующими, судя по всему, о том, что стараниями русского подьячего в руках тайного секретаря и переводчика немец-

кого курфюрста оказалась, скорее всего, одна из первых копий Константинопольского мирного договора 1700 г.

Известно, что Михаил и Петр Ларионовы входили в состав канцелярии Великого посольства 1697–1698 гг., сформированной всего из шести подьячих. Причем если отец был взят вторым из трех подьячих Посольского приказа, то шестой подьячий, его сын, «выпросился сам взять его с отцом при посольстве, мотивируя свою просьбу заслугами отца, бывавшего за границей на дипломатической службе и ездившего под Азов, а затем желанием за границей учиться “для науки в тех государствах цесарского языка”» [Богословский, 2005, с. 379].

Младший подьячий Петр Ларионов, впервые выехавший в Западную Европу в составе русской дипломатической миссии 1697–1698 гг., сначала по просьбе отца М. Р. Ларионова был оставлен для обучения латинскому языку в Амстердаме, где его учителем стал И. Ф. Копиевский, потом изучал немецкий и латинский языки в Берлине [Устрялов, с. 574; ПДС, с. 610–613; Веневитинов, с. 40; Белокуров, Зерцалов, с. II, XXX, 239, 241, 243–244; Богословский, 1948, с. 298, 307]. В составе все того же сборника ОЛДП. Q.64 есть письмо М. Р. Ларионова, адресованное его сыну Петру, который учился в Берлине, и Э. Г. фон Бергену, который по просьбе отца присматривал за Петром. Они датированы 1702 г.

В 1703 г. Петр Ларионов вновь был послан для обучения за границу в Гаагу. С 1705 г. по просьбе русского посла в Голландии А. А. Матвеева был прикомандирован к нему в качестве единственного переводчика и секретаря на время исполнения последним дипломатической миссии во Франции. После возвращения в Гаагу в 1706 г. Ларионов-младший вновь поехал в Париж, но уже для продолжения своего образования [Русский дипломат, с. 31, 33, 238].

Примерно в те же годы учился в Германии и с помощью Э. Г. фон Бергена, видимо, выполнял определенные поручения Петра I почтмейстер Матвей Виниус, сын А. А. Виниуса.

В письме М. А. Виниуса к Э. Г. фон Бергену от 28 апреля 1701 г., адресованном из Берлина в Кельн-на-Шпрее, содержится просьба утром следующего дня отправиться «видети очи его королевского величества». К сожалению, в письме не сообщается о цели этой поездки, хотя договоренность о ней, видимо, уже имелась, так как Виниус лишь напоминает: «по моему преждереченному прошению». Он предусмотрителен в выборе дня поездки: в воскресенье «не так свободно, понеже многолюдно бывает», а на будущей неделе его ждут «дела многие». Однако в окончательном выборе дня визита младший Виниус уважительно полагается «на разсуждение» фон Бергена, от которого, очевидно, зависел успех дела. Тем не менее он настойчиво просит фон Бергена обязательно известить его о своем решении. Встреча с королевской особой, должно быть, носила конфиденциальный характер, так как Виниус предлагает фон Бергену прислать «ответь... писанием, а не чрез [его] человека, не хотех бо, чтоб он о [его] езде что ведал...».

Насколько мы можем восстановить контекст этого письма, он следующий. По указу от 7 марта 1699 г. стольник Матвей Виниус был отпущен «для совершеннейшаго изучения латинского и немецкого языков и иных наук в Прусскую и в иные земли» [Козловский, 1911, с. 26; Белокуров, Зерцалов, с. II, XXIV, 241; Богословский, 1948, с. 310]. Поездка была, однако, не только образовательной. По указу царя Виниус-младший должен был изыскать возможности для введения прямого почтового сообщения между Кенигсбергом и Москвой с учетом виленской линии. 12 мая 1699 г., согласно матрикуле, Матвей был зачислен в Кенигсбергский университет¹⁴ [Андреев А. Ю., с. 112; Хотеев, с. 76]. В конце того же 1699 г. он точно находился в Берлине, где в это время по пути в Голландию останавливался русский посол А. А. Матвеев. Как сказано в статейном списке последнего, «в то присутствие его, посольское, для розных наук были москвичи из оставших от великого посольства... да по своей воле: Матвей Андреев сын Виниус... Посольского приказу подьячего Михайла Ларионова сын его Петр Ларионов», а «к обеду и к ужину приезжали от курфирстова пресветлейшества к нему, послу, на двор... церемонимейстер и переводчик фон Берген» и др. [Богословский, 1948, с. 379–380].

С 30 мая 1701 г. сын думного дьяка А. А. Виниуса значился в списке студентов Галлеского университета [Андреев А. Ю., с. 113, 362; Хотеев, с. 74]. Из Галле московский дворянин Матвей Виниус выехал в октябре 1701 г. и, задержавшись в Кенигсберге у русского посла, который должен был выполнить некоторые поручения царя, в частности о заключении с курфюрстом нового почтового договора о линии «Кенигсберг – Тильзит – Вильно – Смоленск – Москва» [Андреев А. Ю., с. 118], вернулся в Москву 10 января 1702 г. [Перетц, с. 109]. Относящееся к периоду заграничной командировки письмо М. А. Виниуса к Э. Г. фон Бергену находится в сборнике ОЛДП. Q.64 рядом с письмом подьячего М. Р. Ларионова к сыну Петру от 18 февраля 1702 г.¹⁵, в котором также упоминается о недавнем возвращении Матвея в Москву.

Формально заведовавший Архангелогородской (с 18 октября 1693 г.), Рижской и Виленской (с 8 июля 1695 г.) почтами, полученными в управление не без помощи родственника, думного дьяка, главы Посольского приказа в 1689–1699 гг. Е. И. Украинцева, Матвей Виниус, по существу, оставался лишь помощником своего отца, стоявшего во главе почтового дела немногим более четверти века (1675–1701). В марте 1701 г. находившийся вне пределов Москвы и России Матвей Виниус был всего этого лишен указом Петра I [Козловский, 1911, с. 19; Хрущов, с. 21; Козловский, 1913, с. 301–312, 378 и др.]. Встреча М. А. Ви-

¹⁴ Дата зачисления М. А. Виниуса в Кенигсбергский университет «12 мая 1699 г.» указана П. И. Хотеевым согласно «Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg...». А. Ю. Андреев в тексте монографии датирует поступление Матвея в этот университет также 12 мая, а в своей публикации сведений из той же матрикулы – 12 сентября («12.09.1699») [ср.: Андреев А. Ю., с. 112 и 373].

¹⁵ Последнее написано на одном листе с письмом подьячего М. Р. Ларионова к присматривавшему за его сыном Э. Г. фон Бергену. Каждое послание занимает по две страницы одного листа, см.: ОЛДП. Q.64, л. 189–189 об.

ниуса с неизвестной немецкой коронованной особой в последних числах апреля (начале мая?) 1701 г., о необходимости которой говорится в его письме из сборника ОЛДП. Q.64, возможно, еще была связана с данным Матвеем в канун Северной войны указом царя о приведении в лучший порядок заграничной почты либо касалась перемены учебного заведения не очень трудолюбивым русским студентом и адресантом.

Лишь небольшая подборка стихов разделяет письмо Матвея и литературный труд его отца А. А. Виниуса – русскую версию «надгробной проповеди» реформатского пастора Штумпфа по случаю смерти Ф. Я. Лефорта¹⁶. Погребение Ф. Я. Лефорта относится к числу фактов, которые не остались не замеченными современниками и историками, а текст «надгробного поучения», чтение которого стало одним из кульминационных моментов этого печального события, был опубликован не только на русском языке¹⁷. По сообщению И. И. Голикова, «проповедь сия говорена была на немецком языке». По словам биографа Ф. Я. Лефорта М. Поссельта, прощальная речь при погребении адмирала прозвучала на голландском языке. Как бы то ни было на самом деле, но автором перевода ее на русский язык, до конца марта того же 1699 г. сделанного по поручению царя Петра I, является ближайший сподвижник царя А. А. Виниус. В его письме Петру I от 31 марта 1699 г. среди прочих сообщений об исполнении «государских» указов читается признание: «При сем же, государь, послан перевод с надгробного казания господина Франца Яковлевича, и в том переводе потрудился, елико было возможно»¹⁸ [Письма и бумаги, с. 658].

Наличие текста проповеди в сборнике Э. Г. фон Бергена – это еще одна цепочка имен уже упоминавшихся и некоторых новых исторических лиц и связывавших их жизненных обстоятельств. Восхождение в России женева Франсуа Лефорта, будущего генерал-адмирала и друга Петра I, началось с покровительства В. В. Голицына, напомним, двоюродного брата владельца сборника F.XVII.19 Д. М. Голицына. Царская служба с 1678 г. капитаном в Киеве под командой самого заслуженного из российских полководцев, на тот момент генерал-майора, Патрика Гордона и удачно сложившиеся родственные отношения с последним (первая супруга П. Гордона Катарина фон Бокховен была

¹⁶ По списку ОЛДП. Q.64, л. 169–180 полное название: «Надгробное поучение в день погребения генерала и адмирала Франца Яковлевича Лафорта, еже изглагола реформатсов пастор господин Стумфиус сего 207-го году марта в 11 день»; начало: «Текст или сущее ис книги Соломоновы „Екlesiаст“, глава 8, стих 8: Несть человека, имущему власть над духом, ниже возбранити его кто может, и несть владушаго над днем смерти...»; конец: «...Ему же слава и держава купно со безначальным его Отцем и со пресвятым, и благим, и животворящим его Духом всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь».

¹⁷ Текст «надгробного поучения» опубликован [см., напр.: Голиков, с. 195–217; Устрялов, с. 265–270]. Известны выдержки из текста памятника на немецком языке [Posselt, S. 523–527]. Обзор существующих описаний погребальной церемонии Ф. Я. Лефорта и надгробной проповеди в том числе см.: [Гузевич, с. 35–38 и др.].

¹⁸ Не исключается, что именно данный русский перевод «надгробного поучения» приобрел свою рукописную традицию, так как копия этого произведения в сборнике ОЛДП. Q.64 идентична списку БАН, 26.3.57 (л. 1–11), опубликованному Н. Г. Устряловым.

двоюродной сестрой жены Ф. Я. Лефорта Элизабет Суэ) во многом способствовали его успешной карьере. Прощание с Ф. Я. Лефортом происходило в голландской реформатской церкви, деньги на ее строительство дал бургомистр голландской столицы Н. Витсен, родственник главного почтмейстера России А. А. Виниуса¹⁹.

Для Э. Г. фон Бергена Ф. Я. Лефорт был не только «коллегой» П. Гордона, в семье которого он провел 8 лет своей жизни. При всей разнице статусов их связывало еще и время пребывания в Пруссии и Бранденбурге Великого посольства. В качестве ответственного лица высшего ранга тайный секретарь и переводчик курфюрста Э. Г. фон Берген был командирован в Мемель «для разведок» о приближающейся к границам владений Фридриха III русской дипломатической миссии²⁰ и согласования вопросов, предваряющих церемонию въезда русского посольства в этот приграничный город (7 мая) и позже (20 июля) в Берлин. Будучи «при послах» во все остальное время их пребывания во владениях курфюрста, Э. Г. фон Берген исполнял свои обязанности «московского толмача» и был свидетелем некоторых официальных и «домашних» разговоров разных представителей разных сторон²¹. Наибольшую популярность в исследовательской литературе получили свидетельства Э. Г. фон Бергена о хвастовстве Лефорта за ужином 30 мая и ссоре царя со своим любимцем 22 июля в Пилау. В первом случае речь Лефорта была обращена к присутствовавшему на ужине помимо членов посольства кригс-комиссару фон Данкельману. Его старший брат Э. фон Данкельман, вступивший в должность обер-президента в 1695 г., а в дни пребывания в Пруссии-Бранденбурге высокой русской дипломатической миссии принимавший и царя, и посольство на конференциях как вместе с курфюрстом, так и лично, по навету был отставлен в декабре 1697 г. А чуть раньше, в августе 1697 г., вскоре после

¹⁹ Есть разные мнения о характере родства Н. Витсена и А. А. Виниуса. По мнению С. Г. Милокова, голландский исследователь И. Владимирофф установил, что Н. Витсен приходился А. А. Виниусу кузеном [Милоков, с. 4]. Авторами Википедии со ссылкой на работу Т. Титлстад «Царский адмирал Корнелиус Крюйс на службе у Петра Великого» (отв. ред. Ю. Н. Беспярых. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003) утверждается, что А. А. Виниус стал родственником Н. Витсену посредством некоего брака (https://ru.wikipedia.org/wiki/%C2%E8%F2%F1%E5%ED_%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E0%F1, дата обращения: 15.02.2015). И. Н. Юркин сообщает, что И. Владимирофф в своих поздних работах называет А. А. Виниуса племянником Н. Витсена. Сам И. Н. Юркин установил, что А. А. Виниус по материнской линии является четвероорудным братом Н. Витсена [Юркин, с. 402, 495].

²⁰ По словам М. М. Богословского, в середине апреля 1697 г. немецкая сторона еще ничего не знала ни о составе русского посольства, ни о его планах ограничиться проездом по землям курфюрста либо быть им принятым.

²¹ См. также: «Er übersetzte nicht nur diplomatische Dokumente, sondern hatte auch die Aufgabe, die russischen Gesandtschaften in Königsberg und Berlin zu betreuen. 1697 begleitete er Zar Peter 1. auf seiner „Großen Gesandtschaft“ fast drei Monate durch Brandenburg und dolmetschte u.a. das Gespräch zwischen dem Zaren und dem Kurfürsten» [Schmidt-Rösler, S. 193] («Он не только переводил дипломатические документы, но также имел задание опекать русскую дипломатическую миссию в Кенигсберге и Берлине. В 1697 г. он почти три месяца сопровождал царя Петра I в его «Великом посольстве» по Бранденбургу и среди прочего переводил переговоры между царем и курфюрстом». – Перевод наш. – Т. И.).

того как Э. фон Данкельман принимал Петра Великого и незадолго до своей отставки, по его же приказу рукопись со сделанным в его честь Э. Г. фон Бергеном немецким переводом русского сочинения «Описание Новых земли, сиречь Сибирского царства, и Московского государства» была сдана в библиотеку курфюрста.

Таковы лишь некоторые «точки соприкосновения» и «линии пересечения» имен и текстов, представляющих литературную среду «Описания Сибири» в сборниках и отдельных списках сочинения. Единый контекст памятника, по нашему убеждению, включает не только непосредственное литературное окружение сочинения в каждом отдельном сборнике, но и создавшую его литературную среду. Детальный анализ литературной среды как части литературного контекста «Описания Сибири» играет существенную роль в установлении генеалогических связей списков «Описания Сибири», чего невозможно достичь средствами лишь текстологического анализа этих списков.

Происхождение и содержание сборников с «Описанием Сибири» связано с литературными вкусами и профессиональными интересами владельцев и самых первых и постоянных читателей дошедших до нас рукописей. Сборники русского (Ad 10, Q.IV.79, F.XVII.19) и немецкого (ОЛДП. Q.64) происхождения с «Описанием Сибири» в своем составе, отдельный русский список этого сочинения Ms.Slav.Fol. 23, его немецкий перевод Ms.Germ.Qu. 231 и голландская публикация первоначальной версии исторического повествования «О взятии Сибири Ермаком» появлялись в дипломатической среде нескольких государств на протяжении примерно трех-четырёх десятилетий на рубеже XVII и XVIII вв., – и соответственно этому имена владельцев сборников и отдельных списков сочинения и многие имена, зафиксированные на страницах рукописей и стоящие за анонимными текстами, называют довольно тесный круг, в основном современников, объединенных в течение тех же 30–40 лет разнообразной внешнеполитической деятельностью, средоточием которой был Посольский приказ. Именами владельцев этих рукописей и их служебной деятельностью обусловлена ограниченная распространенность исследуемого нами текста в его рукописной традиции.

Список литературы

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1939 [обложка 1940]. 184 с.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005. 432 с.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. 3 : (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М. : Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1897. IV, 4, 319 с.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4 : (Пруссия, Франция и Швеция) : с указ. ко всем 4 ч. М. : Комис. печатания гос. грамот и договоров при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1902. IV, 4, 463 с.

Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. 199 с.

Белоброва О. А. Гадзаловский (Гадзяловский) Стахий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 191.

Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): док. Моск. арх. / собран. С. А. Белокуровым, А. Н. Зерцаловым. М.: Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1907. 244 с.

Биргегорд У. Большой славяно-латинский словарь конца XVII в. // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 152–157.

Биргегорд У. Новгородские страницы дневника Ю. Г. Спарвенфельда // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6. С. 279–285.

Биргегорд У. Славянский словарь Спарвенфельда // Русская речь. 1979. № 4. С. 112–117.

Богословский М. М. Петр I: материалы для биогра. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 9 марта 1697 г. – 25 августа 1698 г., ч. ½. М.: Соцэкгиз, 1941. 623 с.

Богословский М. М. Петр I: материалы для биогра. Т. 4: Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны. Реформы и преобразовательные планы 1699–1700 гг. Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1948. 514 с.

Богословский М. М. Петр Великий: материалы для биографии: в 6 т. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697. М.: Наука, 2005. 535 с.

Брикнер А. Г. Патрик Гордон и его дневник. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1878. 184 с. (Оттиск из Журнала Министерства народного просвещения, ч. 194).

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 544 с.

Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 гг. М.: Тип. и Словолития О. О. Гербека, 1897. 294 с.

Голиков И. И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женева, Франца Яковлевича (Франциска Иякова) Лефорта. Первого любимца Петра Великого, первого российского генерал-адмирала, первого из иностранных его министра и в Советах его президента, полковника выборного своего имени полку, генерала выборных же пехотных войск, наместника великого Новаграда, чрезвычайнаго и полномочнаго посла при многих европейских дворах, и сослужебника его, подобно же посвятившаго себя службе Отечества нашего, знаменитаго шотландца войск его же величества генерала аншефа Патрика Гордона, известнаго у нас под именем Петра Ивановича Гордона. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1800. [3], XVI, 307, [3] с.

Гордон П. Дневник, 1659–1667 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М.: Наука, 2003. 330 с. (Памятники исторической мысли).

Гордон П. Дневник, 1684–1689 / пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова; отв. ред. М. Р. Рыженков. М.: Наука, 2009. 354 с. (Памятники исторической мысли).

Гордон П. Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. В первый раз изданный в полном виде князем М. А. Оболенским и доктором философии М. Е. Поссельтом. Ч. 1 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1891. М., 1891. Отд. 2, кн. 4. С. 1–236.

Гузевич Д. Ю. Захоронения Лефорта и Гордона: могилы, кладбища, церкви: мифы и реалии. СПб.: Европейский Дом, 2013. 366 с.

Давидсон К. О двух шведских списках родословной книги // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1971. Т. 26. С. 357–362.

Иконников В. С. Опыт русской историографии В. С. Иконникова, профессора университета св. Владимира. Т. 2. Кн. 2. Киев: Тип. Императ. ун-та св. Владимира В. Завадского, 1908. [2], IV, 1057–1956, X, 114, XXXIII–L, XII с.

Илюшечкина Т. Н. Литературное окружение «Описания Новья земли, сиречь Сибирскаго царства, и Московскаго государства» в шведском кодексе Ad 10 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 9: Филология. С. 149–154.

Илюшечкина Т. Н. «Описание Новья земли, сиречь Сибирскаго царства, и Московскаго государства». Свообразие конвоя // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 175–202.

Книга Большому чертежу / под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.

Коваленко Г. М., Николаев С. И. Спарвенфельд Иоганн Габриэль // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 489–490.

Козловский И. П. Андрей Вениус. Сотрудник Петра Великого (1641–1717). СПб. : Тип. Н. Я. Стойковой, 1911. 79 с.

Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1913. Т. 1. 530 с.

Крючкова М. А. Вотчина князь Дмитрия князь Михайлова сына Голицына в селе Архангельском // Наше наследие. 2009. № 91/92. С. 20–27.

Крючкова М. А., Парушева В. Г. Русский Версаль: усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино. М. : Рус. Мирь, 2012. 331 с.

Летописи сибирские / сост., пер., коммент. и послесл. Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1991. 272 с. (Прошлое – будущему).

Луттов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л. : Наука: Ленингр. отд-ние, 1973. 373 с.

Матвеев А. А. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. СПб., 1841. С. 1–94.

Милюков С. Г. Думный дьяк Андрей Андреевич Вениус – государственный деятель России второй половины XVII – начала XVIII века : автореф. дис. ... к.и.н. / [Моск. пед. гос. ун-т]. М., 2000. 16 с.

Михайловский И. Н. Очерк жизни и службы Николая Спафария в России // Записки Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев, 1896. Т. 1. С. 1–40.

О некоторых славянских рукописях, находящихся в книгохранилище Королевской Вестер-Оской гимназии в Швеции // Вестник Европы. 1819. № 10. С. 121–129.

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 8 : Памятники дипломатических сношений с Римской империей: (с 1695 по 1699 год). СПб. : изд. II Отд-нием Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1867. [7] с., 1416, 164 стб.

Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3 : Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. ½. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1902. 188 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 : (1688–1701). СПб. : Гос. тип., 1887. 998 с.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах : справочник. М. : Международные отношения, 1995. Вып. 2. Кн. 1: Войны и мирные договоры. 782 с.

Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России: из прошлого русского естествознания. 2-е изд. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 392 с.

Райнов Т. И. Наука в России XI–XVII веков: очерки по истории до научных и естественно-научных воззрений на природу. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 514 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 89.

Русский дипломат во Франции: записки Андрея Матвеева / публ. И. С. Шарковой ; ред. А. Д. Люблинская ; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд-ние. Л. : Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. 296 с.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке : Сборник документов. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1960. 654 с.

Сибирские летописи / под ред. Л. Н. Майкова, В. В. Майкова. СПб. : Императ. археограф. комис., 1907. XXXVIII, 397, 21 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3 : Путешествие и разрыв с Швецией. СПб. : Тип. II-го Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1858. 670 с.

Федосов Д. Г. Летопись русского шотландца // Гордон П. Дневник. 1635–1659. М. : Наука, 2005. С. 229–245

Федосов Д. Г. «От степи к морю» // Гордон П. Дневник. 1690–1695. М. : Наука, 2014. С. 435–483.

Хотеев П. И. Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века // XVIII век. Сборник 26. СПб. : Наука, 2006. С. 71–81.

Хрущов И. П. Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царицы Екатерины II. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1884. X, 87 с.

Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1961. Т. 17. С. 454–481.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Вениус, 1641–1716. М. : Наука, 2007. 558 с.

Beckmann J. Ch. *Historie des Fürstenthums Anhalt*. Th. 5–7. Zerbst : Zimmermann : Tietze, 1710. 588 S.

Bolte J. Die beiden ältesten Verdeutschungen von Miltons verlorenem Paradies // *Zeitschr. für vergl. Literaturgeschichte u. Renaissance-Lit.* N. F. 1887/1888. Bd. 1. S. 426–438.

Dahl S. Codex Ad 10 der Västeråser Gymnasial-Bibliothek von Staffan Dahl. Uppsala, 1949. 168 S. (Publications de l'Institut slave d'Upsal ; Vol. 2).

Ersch J. S., Gruber I. G. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern. Sekt. 1 : A–G, Th. 9. Leipzig, 1822. 416 S.

Eschenburg J. J. Sechster Beitrag zur alten deutschen Litteratur // *Deutsches Museum*. Leipzig, 1784. Bd. 2. S. 512–526.

Gordon P. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russbland vom Jahre 1661 bis 1699, zu ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. Phil. M. T. Posselt. Bd. 1. Moskau : Gedruckt in der Univ.-Buchdruckerei, 1849. LXIX, 672 S.

Küster G. G. Altes und neues Berlin. Th. 4. Berlin, 1769. 539 S.

Posselt M. Der General und Admiral Franz Lefort: sein Leben und seine Zeit: ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. Bd. 2. Frankfurt/Main : Buchh. von Z. Baer, 1866. 613 S.

Schmidt A. G. Anhaltischen Schriftsteller-Lexicon oder historisch-literarische Nachrichten über die Schriftsteller, welche in Anhalt geboren sind oder gewirkt haben aus den drei letzten Jahrhunderten gesammelt und auf unsere Zeiten fortgeführt. Bernburg : Gröning, 1830. XVII, 567 S.

Smidt-Rösler A. „Uneinigkeit der Zungen“ und „Zwietracht der Gemüther“. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie // *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess*. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. S. 167–202.

Sparwenfeld J. G. *Diary of a Journey to Russia, 1684–1687* / Ed. Ulla Birgegård. Stockholm, 2002. 377 p.

Witsen N. *Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1705. 968 S.

References

Andreev, A. I. (1939). *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. XVII vek* [Essays on the source studies of Siberia. 17th century]. 184 p. Leningrad.

Andreev, A. Yu. (2005). *Russkie studenty' v nevezckih universitetah XVIII – pervoj poloviny' XIX veka* [Russian students at German universities 18th – early 19th century]. Moscow: Znak. 432 p.

Banty'sh-Kamenskij, N. N. (1897). *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). T. 3: (Kuryandiya, Lifyandiya, E'stlyandiya, Pol'sha i Portugaliya)* [Overview of External Relations of Russia (1800). Vol.3: (Courland, Livonia, Estonia, Finland, Poland and Portugal)]. IV, 4, 319 p. Moscow.

Banty'sh-Kamenskij, N. N. (1902). *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). Ch. 4: (Prussiya, Franciya i Shveciya)* [Overview of External Relations of Russia (1800). Part 4: (Prussia, France, and Sweden)]. IV, 4, 463 p. Moscow.

Bahrushin, S. V. (1927). *Ocherki po istorii kolonizacii Sibiri v XVI i XVII v.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in 16th and 17th centuries]. 199 p. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovy'h.

Beckmann, J. Ch. (1710). *Historie des Fürstenthums Anhalt*. (Th. 5–7). 588 S. Zerbst: Zimmermann : Tietze.

Belobrova, O. A. (1992). Gadzalovskij (Gadzyalovskij) Stahij [Gadzalovsky (Gadzyalovsky) Stachys]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* (Iss. 3, part 1, p. 191). Saint Petersburg.

Belokurov, S. A. & Zerczalov, A. N. (1907). *O nemeczkih shkolah v Moskve v pervoj chetverti XVIII v. (1701–1715 zz.)* [About German schools in Moscow in the 1st quarter of the 18th century (1701–1715)]. 244 p. Moscow.

Birgegord, U. (1979) *Slavyanskij slovar' Sparwenfel'da* [Slavic dictionary by Sparfwenfeldt]. *Russkaya rech'*, 4, 112–117.

Birgegord, U. (1982). Bol'shoj slavyano-latinskij slovar' koncza XVII v. [Large Slavic-Latin dictionary of the late 17th century]. In *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1981 god* (pp. 152–157). Moscow.

Birgegord, U. (1997). Novgorodskie stranicy' dnevnika Yu. G. Sparvenfel'da [Novgorod diary pages of J. G. Sparfwenfeldt]. In *Novgorodskij istoricheskiy sbornik* (Iss. 6, pp. 279–285). Saint Petersburg.

Bogoslovskij, M. M. (1941). *Petr I : materialy' dlya biografii. T. 2 : Pervoe zagranichnoe puteshestvie. 9 marta 1697 g. – 25 avgusta 1698 g., ch. ½* [Peter I: biographical materials. Vol. 2: The first journey abroad. March 9, 1697 – Aug 25, 1698]. Moscow: Socekgiz. 623 p.

Bogoslovskij, M. M. (1948). *Petr I : materialy' dlya biografii. T. 4: Russko-datskij soyuz. Kerchenskij pohod. Diplomaticeskaya podgotovka Severnoj vojny'. Reformy' i preobrazovatel'nye plany' 1699–1700 gg. Nachalo vojny' Danii i Pol'shi so Shveciej i prigotovleniya Petra k Severnoj vojne* [Peter I: biographical materials. Vol. 4: Russian-Danish union. Kerch campaign. Diplomatic Preparation of the Northern War. Reform and transformation plans of 1699–1700. The outbreak of war with Poland, Denmark and Sweden and the preparation of Peter the Great for the Northern War]. Moscow: Gospolitizdat. 514 p.

Bogoslovskij, M. M. (2005). *Petr Velikij : materialy' dlya biografi* [Peter the Great: materials for a biography]. (Vols. 1–6). (Vol. 1). Moscow: Nauka. 535 p.

Bolte, J. (1887/1888). Die beiden ältesten Verdeutschungen von Miltons verlorenem Paradies. In *Zeitschr. für vergl. Litteraturgeschichte u. Renaissance-Lit.* (Bd. 1, S. 426–438).

Brikner, A. G. (1878). *Patrik Gordon i ego dnevnik* [Patrick Gordon and his diary]. 184 p. Saint Petersburg: Tip. V. S. Balashova.

Bushkovich, P. (2009). *Petr Velikij. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for power (1671–1725)]. 544 p. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.

Cherepnin L. V. (1961). Materialy' po istorii russkoj kul'tury' i russko-shvedskih kul'turny'h svyazej XVII v. v arhivah Shvecii [Materials on the history of Russian culture and Russian-Swedish cultural relations of the 17th century in Swedish archives]. In *Trudy' Otdela dnevnerusskoj literatury'* (Vol. 17, pp. 454–481). Moscow; Leningrad.

Dahl, S. (1949). *Codex Ad 10 der Västeråser Gymnasial-Bibliothek von Staffan Dahl*. (Vol. 2). 168 S. Uppsala.

Davidsson, K. (1971). O dvuh shvedskih spiskah rodoslovnoj knigi [About two Swedish genealogy books]. In *Trudy' otdela dnevnerusskoj literatury'*. (Vol. 26, pp. 357–362). Moscow; Leningrad.

Dergacheva-Skop, E. I. (Comp., transl.). (1991). *Letopisi sibirskie* [Annals of Siberia]. 272 p. Novosibirsk.

Ersch, J. S. & Gruber, I. G. (1822). *Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Kunst in alphabetischer Folge von genannten Schriftstellern.* (Sekt. 1 : A–G, Th. 9). 416 S. Leipzig.

Eschenburg, J. J. (1784). Sechster Beitrag zur alten deutschen Litteratur. In *Deutsches Museum.* (Bd. 2., S. 512–526). Leipzig.

Fedosov D. G. (2005). Letopis' russkogo shotlandca [Chronicle of a Russian Scotsman]. In Gordon P. *Dnevnik. 1635–1659* (pp. 229–245). Moscow: Nauka.

Fedosov D. G. (2014). «Ot stepi k moryu» [“From the steppe to the sea”]. In Gordon P. *Diary. 1690–1695* (pp. 435–483). Moscow: Nauka.

Golikov, I. I. (1800). *Istoricheskoe izobrazhenie zhizni i vseh del slavnogo zhenevca, Francaz Yakovlevicha [...] Leforta [...]* [Historical description of the glorious Genevan Franz Yakovlevich Lefort's life and activity]. [3], XVI, 307, [3] p. Moscow.

Gordon, P. (1849). *Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russßland vom Jahre 1661 bis 1699, zu ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. Phil. M. T. Posselt.* (Bd. 1). LXIX, 672 S. Moskau: Gedruckt in der Univ.-Buchdruckerei.

Gordon, P. (1891). Dnevnik generala Patrika Gordona, vedennyj im vo vremya ego shvedskoj i pol'skoj sluzhbt ot 1655 do 1661 g. i vo vremya ego preby'vaniya v Rossii ot 1661 do 1699 g. Ch. 1 [General Patrick Gordon's Diary, written by him at the time of his Swedish and Polish service from 1655 to 1661 and during his stay in Russia from 1661 to 1699. Part 1]. In *Chteniya v Imperatorskom Obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete* (sect. 2, book 4, pp. 1–236). Moscow.

Gordon, P. (2003). *Dnevnik, 1659–1667* [Diary, 1659–1667]. 330 p. Moscow: Nauka.

Gordon, P. (2009). *Dnevnik, 1684–1689* [Diary, 1684–1689]. 354 p. Moscow : Nauka.

Guzevich, D. Yu. (2013). *Zahoroneniya Leforta i Gordona: mogily', kladbishha, cerkvi: mify' i realii* [Burial of Lefort and Gordon: graves, cemeteries, churches: myths and realities]. 366 p. Saint Petersburg: Evropejskij Dom.

Hoteev P. I. (2006). Russkie studenty' v universitetah Germanii v pervoj polovine XVI-II veka [Russian students at German universities in the 1st half of the 18th century]. In *The 18th century. Collection 26* (pp. 71–81). Saint Petersburg: Nauka.

Hrushhev I. P. (1884). *Ocherk yamskih i pochtovy'h uchrezhdenij ot drevnih vremen do czaricy' Ekateriny' II* [An essay on the mail staging posts and post offices from the old times to the reign of Catherine II]. X, 87 p. Saint Petersburg : Izd. A. S. Suvorina.

Ikonnikov, V. S. (1908). *Opy't russkoj istoriografii V. S. Ikonnikova, professora universiteta sv. Vladimira. T. 2. Kn. 2* [The experience of Russian historiography by V. S. Ikonnikov, professor of St. Vladimir University. Vol. 2, book 2]. [2], IV, 1057–1956, X, 114, XXXIII–L, XII p. Kiev: Tip. Imperat. un-ta sv. Vladimira V. Zavodskago.

Ilyushechkina, T. N. (2003). «Opisanie Novy'ya zemli, sii rech' Sibirskago czarstva, i Moskovskago gosudarstva». Svoeobrazie konvoja [“Description of New Land, that is to say Siberia kingdom, and of the Moscow state”. The peculiarity of the convoy]. In *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste* (pp. 175–202). Novosibirsk.

Ilyushechkina, T. N. (2014). Literaturnoe okruzhenie «Opisaniya Novy'ya zemli, sirech' Sibirskago czarstva, i Moskovskago gosudarstva» v shvedskom kodekse Ad 10 [Literary environment of the “Description of New Land, that is to say Siberia kingdom, and of Moscow state” in the Swedish Code of Ad 10]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija, filologiya* (Vol. 13, iss. 9, pp. 149–154).

Kovalenko, G. M. & Nikolaev, S. I. (1998). Sparvenfel'd Iogann Gabriel'[Sparfenfeldt Johan Gabriel]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* (Iss. 3, part 3, pp. 489–490). Saint Petersburg.

Kozlovskij, I. P. (1911). *Andrej Vinius. Sotrudnik Petra Velikogo (1641–1717)* [Andrey Vinius. Associate of Peter the Great (1641–1717)]. 79 p. Saint Petersburg: Tip. N. Ya. Stojkovoj.

Kozlovskij, I. P. (1913). *Pervy'e pochty' i pervy'e pochtmejstery' d Moskovskom gosudarstve. T. 1* [The first post offices and first postmasters in Muscovy. Vol. 1]. 530 p. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruza.

Kryuchkova, M. A. (2009). *Votchina knyaz' Dmitreya knyazh Mihajlova sy'na Golicy'na v sele Arhangel'skom* [Patrimony of Prince Dimitry Mikhailovich Golitsyn in the Arkhangelskoye Settlement]. *Nashe nasledie*, 91/92, 20–27.

Kryuchkova, M. A. & Parusheva, V. G. (2012). *Russkij Versal': usad'by' knyazej Golicy'ny'h Arhangel'skoe i Nikol'skoe-Uryupino* [Russian Versailles: Arkhangelskoye and Nikolskoye-Urupino as Princes Golitsyn's patrimonies]. 331 p. Moscow: Russkij Mir.

Küster, G. G. (1769). *Altes und neues Berlin*. (Th. 4). 539 S. Berlin.

Luppov, S. P. (1973). *Kniga v Rossii v pervoj chetverti XVIII veka* [Books in Russia in the 1st quarter of the 18th century]. 373 p. Leningrad: Nauka.

Majkov L. N. & Majkov V. V. (Eds.). (1907). *Sibirskie letopisi* [Siberian chronicles]. XXXVIII, 397, 21 p. Saint Petersburg.

Matveev, A. A. (1841). *Zapiski Andreya Artamonovicha grafa Matveeva* [Notes by Count Andrey Artamonovich Matveev]. In *Zapiski russkih lyudej* (pp. 1–94). Saint Petersburg.

Mihajlovskij I. N. (1896). *Ocherk zhizni i sluzhby' Nikolaya Spafariya v Rossii* [Essay on the life and service of Nicolai Spathari in Russia]. In *Zapiski Istoriko-filologicheskogo obshhestva pri Institute knyazya Bezborodko v Nezhine* (Vol. 1, pp. 1–40). Kiev.

Milyukov, S. G. (2000). *Dumny'j d'yak Andrej Andreevich Vinius – gosudarstvenny'j deyatel' Rossii vtoroj poloviny' XVII – nachala XVIII veka : avtoref. dis. ... k.i.n.* [Council clerk Andrey Vinius – Russian statesman of the 2nd half of the 17th – early 18th century]. (Dissertation). 16 p. Moscow.

O nekotory'h slavyanskikh rukopisyah, nahodyashhihsya v knigohranilishhe Korolevskoj Vester-Oskoj gimnazii v Shvecii [On some of the Slavic manuscripts kept in the library of the Vesteror Royal gymnasium in Sweden]. (1819). *Vestnik Evropy*, 10, 121–129.

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostranny'mi. T. 8 : Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij s Rimskoj imperiej: (s 1695 po 1699 god) [Monuments of old Russia's diplomatic relations with foreign states. Vol. 8: Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire (from 1695 to 1699)]. (1867). [7] p., 1416, 164 col. Saint Petersburg.

Peretz V. N. (1902). *Istoriko-literaturny'e issledovaniya i materialy'. T. 3 : Iz istorii razvitiya russkoj poezii XVIII v. Ch. ½* [Historical and literary studies and materials. Vol. 3:

From the history of Russian poetry of the 18th century. Part ½]. 188 p. Saint Petersburg: Tip. F. Vajnsberga i P. Gershunina.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1 : (1688–1701) [Letters and papers of Peter the Great. Vol. 1: (1688–1701)]. (1887). 998 p. Saint Petersburg : Gos. tip.

Pohlebkin V. V. (1995). *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenah, datah, faktah : spravochnik. Vy'p. 2. Kn. 1 : Vojny' i mirny'e dogovory'* [The foreign policy of Rus, Russia and the USSR for 1000 years in names, dates, facts: a handbook. Iss. 2, book 1 : Wars and peace treaties]. 782 p. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya.

Posselt, M. (1866). *Der General und Admiral Franz Lefort: sein Leben und seine Zeit: ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen.* (Bd. 2). 613 S. Frankfurt/Main: Buchh. von Z. Baer.

Rajkov B. E. (1947). *Ocherki po istorii geliocentricheskogo mirovozzreniya v Rossii: iz proshlogo russkogo estestvoznaniya* [Essays on the history of the heliocentric world view in Russia: Russian natural science from the past]. 392 p. Moscow; Leningrad: AN SSSR.

Rajnov T. I. (1940). *Nauka v Rossii XI–XVII vekov: ocherki po istorii do nauchny'h i estestvenno-nauchny'h vozzrenij na prirodu* [Science in Russia in 11th–17th centuries: essays on the history to scientific and natural-scientific views on nature]. 514 p. Moscow ; Leningrad : AN SSSR.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of old acts]. Stock 89.

Russkij diplomat vo Francii: zapiski Andrey Matveeva [A russian diplomat in France: Notes of Andrey Matveev]. (1972). 296 p. Leningrad: Nauka.

Russko-shvedskie e'konomicheskie otnosheniy v XVII veke : Sbornik dokumentov [Russian-Swedish economic relations in the 17th century: a collection of documents]. (1960). 654 p. Moscow; Leningrad: AN SSSR.

Schmidt, A. G. (1830). *Anhaltschen Schriftsteller-Lexicon oder historisch-literarische Nachrichten über die Schriftsteller, welche in Anhalt geboren sind oder gewirkt haben aus den drei letzten Jahrhunderten gesammelt und auf unsere Zeiten fortgeführt.* XVII, 567 S. Bernburg: Gröning.

Serbina, K. N. (Ed.). (1950). *Kniga Bol'shomu chertezhu* [The book of a Large Chart]. 232 p. Moscow; Leningrad: AN SSSR.

Smidt-Rösler, A. (2013). „Uneinigkeit der Zungen“ und „Zwietracht der Gemüther“. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie. In *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess* (S. 167–202). Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht.

Sparwenfeld, J. G. (2002). *Diary of a Journey to Russia, 1684–1687.* 377 p. Stockholm.

Ustryalov N. G. (1858). *Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. 3 : Puteshestvie i razry'v s Shvecieyu* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 3: Travel and rupture with Sweden]. 670 p. Saint Peterburg.

Venevitinov, M. A. (1897). *Russkie v Gollandii. Velikoe posol'stvo 1697–1698 gg.* [Russians in Holland. Great Embassy of 1697–1698]. 294 p. Moscow: Tip. i Slovolitnyya O. O. Gerbeka.

Witsen, N. (1705). *Noord en Oost Tartarye.* 968 S. Amsterdam.

Yurkin I. N. (2007). *Andrej Andreevich Vinus, 1641–1716* [Andrey Andreevich Vinus, 1641–1716]. 558 p. Moscow: Nauka.

The article was submitted on 20.02.2015

Татьяна Николаевна

Илющечкина

научный сотрудник

Государственной публичной

научно-технической библиотеки

Сибирского отделения

Российской академии наук,

Новосибирск, Россия

rbook@spsl.nsc.ru

Tatiana Plyushechkina

Research Associate,

the State Public Scientific

Technological Library of the

Siberian Branch of the Russian

Academy of Sciences,

Novosibirsk, Russia

rbook@spsl.nsc.ru

DOI: 10.15826/qr.2015.1.082

УДК 94:656.2-048.352(470)

Андрей Келлер

ЛИТЕРНЫЙ ПОЕЗД «СЕВЕРНЫЙ ЭКСПРЕСС» –
МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ (1884–1914)¹

Andrey Keller

THE *NORD EXPRESS* SPECIAL TRAIN:
BETWEEN PEACE AND WAR
(1884–1914)

In the 19th century, the railway was a symbol of progress par excellence and, as of the 1870s, it served as the driving force of industrialization in Russia. At the turn of the 20th century, Saint Petersburg developed into the country's largest industrial centre thanks to the railway system. The *Nord Express* connected the city with Warsaw, Berlin, Cologne and Paris, it facilitated and intensified the transfer of ideas between Western and Central Europe and Russia. The experience of G. Nagelmackers and A. von Vendrich shows the inconsistency in the development of railways as they were both *a messenger of peace* and *an engine of war*. The article introduces a number of previously unstudied archival materials.

Keywords: Russia; railway; The *Nord Express*; Alfred von Vendrich; Georges Nagelmackers; modernization; transfer of technology.

Железная дорога в XIX в. – символ идеи технического прогресса par excellence, двигатель индустриализации в России с 1870-х гг. Благодаря железной дороге Петербург превратился на рубеже XIX и XX вв. в крупнейший индустриальный центр страны. «Северный экспресс», соединив Петербург скоростной линией с Варшавой, Берлином, Кельном, Парижем, значительно ускорил и облегчил трансфер идей между Западной и Центральной Европой и Россией. Пример Ж. Нагельмакера и А. фон Вендриха показывает всю противоречивость развития железных дорог, с одной стороны, как «посла мира», с другой – как «мотора войны». В научный оборот впервые вводятся архивные материалы, не использованные ранее.

Ключевые слова: Россия, железная дорога, «Северный экспресс», Альфред фон Вендрих, Жорж Нагельмакерс, модернизация, трансфер технологий.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Строительство железных дорог стало в XIX в. своего рода мотором индустриализации [Roth; Wolmar]. Железная дорога стимулировала развитие тяжелой промышленности, машиностроения и металлообрабатывающей промышленности, электротехники, телеграфа, приводила к массовой мобильности населения. Преображая мир [Osterhammel], железные дороги давали толчок трансферу и развитию новых технологий [Imperium inter pares; Irrgang]² и становились символом технического прогресса и модернизации [Cvetkovski; Modernisierung]. Как любое историческое событие, появление железных дорог неоднозначно, противоречиво³.

Исследование феномена «Северного экспресса», преодолевающего географические, национальные и культурные границы, позволяет изучить историю железной дороги в контексте мультиперспективности сценариев развития и сослагательности исторической ситуации [Тихонов]. Начавшись как беспрецедентный международный проект в 1884/1896 гг., «Северный экспресс» связал российскую и французскую столицы за невероятные 52 часа.

За проектом литерного скорого поезда, помимо технической стороны вопроса, в сегодняшней перспективе видна идея единой Европы. Эта тема созвучна трендам современности – трансграничности, глобальности, поликультурности [Die Internationalität]. В современных представлениях модернизация и технический прогресс могут иметь оборотную сторону, ведущую к социальному регрессу и нравственным конфликтам. Процесс индустриализации в России, понимаемый не только как модернизация промышленности, но и как изменение личностных установок [Cvetkovski], вел, наряду с повышением жизненного стандарта элит, к пауперизации и пролетаризации крестьянства, возникновению в промышленных центрах значительной социальной группы рабочих. Повышенная мобильность населения в результате строительства железных дорог как одного из ее факторов привела к возникновению значительных миграционных потоков сезонных рабочих, хлынувших в столицу. Концентрация крупного промышленного производства в Петербурге стала возможной за счет мобилизации деревни при использовании железных дорог. Организовывались специальные железнодорожные составы, доставлявшие десятки тысяч сезонных рабочих в Петербург [Schenk, 2014c, S. 149, 213–286].

Известный экономист своего времени Фридрих Лист с надеждой писал в 1839 г. о строительстве железных дорог: «Геркулес в колыбели, должный освободить народы от пагубы войны» [Gall, S. 16]. Но воплощение этого желания станет возможным лишь много десятилетий

² О диффузии европейских инноваций в России см.: [Диффузия европейских инноваций; Цивилизационное своеобразие].

³ Русская литература образно отразила противоречивость феномена. Н. Некрасов, Л. Толстой, А. Блок и другие писатели обращались в различных контекстах к железнодорожной тематике. И неизвестный чеховский крестьянин тоже видел в железных дорогах большую пользу и открывал с железнодорожного полотна гайки на грузила, чтобы рыбу ловить.

спустя, после того как Европа переживет две мировые войны и большинство европейцев утвердятся во мнении, что на место последнего довода королей *ultima ratio regum* должна встать идея необходимого, безусловного и стабильного мира в Европе, сделавшаяся *ultima ratio* (последним аргументом) сегодняшней европейской политики⁴.

Планы военного применения железных дорог возникли почти сразу с их появлением в 1830–40-х гг. [Bremm]. Но кроме военной угрозы, имелся ряд других, не менее важных факторов (технические возможности, безопасность, комфортность), сыгравших свою роль в принятии решения о ширине железнодорожной колеи в России [см.: Haywood, 1969, p. 72–80; Haywood, 1998, p. 119; Schenk, 2014c, S. 126–127; Westwood, S. 28–29]. В Европе ширина варьировалась от 1435 мм в Германии до 1524 мм в России и 1668 мм в Испании [Track gauge]⁵. Ф. Б. Шенк в своем фундаментальном исследовании по развитию железных дорог в России убедительно показывает вслед за Р. М. Хейвудом и Д. Н. Вествудом, что концепции военной безопасности, связанные с железной дорогой, появляются позже, уже с середины 1860-х гг., не в последнюю очередь в результате негативного опыта Крымской войны 1853–1856 гг. К этому времени в большинстве крупных европейских государств и в США в составе инженерных войск появились железнодорожные части [Французов].

В железной дороге видят не только посредника (в случае с Россией – решающего) в промышленном и культурном развитии стран и регионов, но и средство эффективной подготовки и проведения военных кампаний. П. А. Юнгман взял эту амбивалентность, присущую новому транспортному средству, за основу своей книги, в которой он рассказывает о «черном дьяволе» и «железном ангеле» [Youngman]. Вмгновение ока «Северный экспресс», символ технического прогресса, мог превратиться по воле политической власти и против желания его владельцев в броненосец, несущий смерть, в транспортное средство для доставки армейских соединений на фронт. Две личности как нельзя лучше отражают этот противоречивый опыт – Альфред Альфредович фон Вендрих (1845–1917)⁶ и Жорж Нагельмакерс (1845–1905).

⁴ Принцип *ultima ratio regum*, постулирующий войну как продолжение политики другими средствами, был положен в основу Вестфальского мирного договора 1648 г., на котором покоилась европейская политическая система вплоть до 1914 и 1945 г.

⁵ Строитель первой железной дороги в России между Петербургом и Царским Селом в 1837 г. Ф. А. фон Герстнер предпочел ширину колеи в 1829 мм, рассчитывая таким образом улучшить устойчивость вагонов [Железная дорога]. При строительстве железной дороги Москва – Петербург предпочтение было отдано альтернативному предложению (1524 мм) американского инженера Дж. В. Уистлера, считавшего ширину колеи в 1829 мм необязательной [Schenk, 2014c, S. 126–127; Westwood, S. 28]. Схожая ситуация наблюдалась в Испании, где более широкая колея была введена не из-за страха перед вторжением Франции, а по причине гористой местности и сильных уклонов.

⁶ А. А. фон Вендрих – русский генерал-лейтенант (1905), военный инженер, член Правительствующего Сената. Лютеранин, из прибалтийских немцев и потомственных дворян. Его дед, Георг-Вильгельм Вендрих, известный путешественник, был возведен в дворянство императором Иосифом II в 1785 г. Отец был доктором медицины и хирургии в Москве, где и родился Альфред [см.: Федорченко].

Вендрих подготавливал почву для военного противостояния, взорвавшего европейское пространство; Нагельмакерс, напротив, осуществляя свой коммерческий проект, способствовал созданию европейского мира, европейского пространства, составной частью которого мыслился русский мир.

Военная функция железной дороги: российские стратегические разработки

Генерал-лейтенант русской службы А. А. фон Вендрих играл важную роль в развитии стратегии использования железной дороги в

А. А. фон Вендрих /
Alfred von Vendrikh

военных целях. Он обосновывал как мирное, так и военное применение железных дорог и рассматривал обе функциональные составляющие новой технологии в их неразрывной связи. Будучи старшим инспектором железных дорог при министерстве путей сообщения в 1889–1892 гг., он, как координатор, наделенный широкими полномочиями, проявил чудеса организаторской работы во время голода зимы 1891/92 г. Под его руководством за три зимних месяца было перевезено более миллиона, а с учетом марта – почти 1,5 млн тонн зерна на участках протяженностью до 3000 километров. Дополнительно к этому было перевезено 22 492 вагонов угля [GS PK, I HA, Rep. 93 E, L. 172; см. также: Измайлов].

Такая эффективность российских железных дорог не осталась незамеченной со стороны немецкой прессы. В ноябре 1900 г. в газете *Kreuz-Zeitung* увидела свет серия статей под характерным названием «Работоспособность русских железных дорог преимущественно в военное время», где описывались меры, благодаря которым удалось обеспечить доставку по российским железным дорогам хлеба и пшеницы голодающему населению, в то время как «бушевали снежные ураганы, термометр показывал 30 градусов по Реомюру, а паровозы обеспечивались водой, когда та замерзала: ее доставляли специальными паровозами, а если не хватало – топили снег» [GS PK, I HA, Rep. 93 E]. Благодаря системе логистики, внедренной Вендрихом, не случилось ни одного столкновения поездов, хотя в большинстве случаев приходилось пользоваться однопутными путями.

Вендрих был признанным специалистом по применению железных дорог во время войны, успешно использовавшим опыт предше-

ственников [Вендрих, 1897; Вендрих, 1900а; Вендрих, 1900b; Вендрих, 1911; см. также: Schenk, 2014b, S. 29–30; Harpel, S. 70–71]. Ко времени его деятельности в 1890-х гг. имелось значительное число публикаций на эту тему, так как, по мнению современников, железная дорога была важным средством коммуникации в военное время [Гронский; Квист; Огородников; Рыкачев]⁷.

В 1903 г. Вендрих обратился к начальнику Николаевской академии генерального штаба В. Г. Глазову (1848–1920) с предложением выступить с докладом на тему «Организация военных сообщений». 12 ноября он сообщал Глазову в письме, написанном в отеле с многозначительным названием «Hotel D'Europe» в Каннах⁸, что хочет сделать это на примере Франко-прусской войны 1870–1871 гг.: «Военное министерство, стоя на страже сохранения бытия государства, столь обширного как Россия, с ее необъятными границами и недружелюбными соседями, должно надежно управлять своими нервами и мускулами, которыми являются пути сообщения. <...> Для чего мы должны быть готовы привлекать силы не с торгов и переторгов, как с приказчиками, а направляя сформированные силы с высокою нравственною подкладкою, а не гешефтемахеров» [РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 363].

И хотя в строках писем Вендриха сквозит высокомерное отношение к частному предпринимательству, он не был слепым приверженцем военной доктрины. Во введении к одной из своих многочисленных брошюр, на этот раз о французских железных дорогах 1898 г., он сослался на слова христианского святого:

Блаженный Августин в одном из своих сочинений признает вечный мир идеалом христианства, но под этим миром следует понимать мир условный – «христианский», а не мир во что бы то ни стало. Могут наступить в истории такие моменты, когда война станет неизбежной во имя интересов церкви и сама церковь благословит народы на войну: таковы были крестовые походы средних веков... (И такова была, например, наша война с Турцией для освобождения братьев-славян.) <...> Железные дороги являются в этом отношении не только желанными проводниками обоюдных международных сношений и симпатий, но одновременно и новым видом оружия в военное время, дающим возможность произвести на противника должное нравственное воздействие и тем предотвратить столкновение народов.

И далее:

Русские железные дороги, по примеру флота в Черном море, будут находиться... в боевой готовности, дабы святая христианская идея всеобщей любви человека к человеку могла осуществиться [Вендрих, 1900b, с. 1–2, 57].

⁷ К развитию в Пруссии см.: Bremm; Roth, S. 44f.

⁸ Характерны места пребывания Вендриха в Каннах, Берне и Лозанне, показывающие сдвиг в ориентации от традиционных немецких курортов: Бад-Киссинген, Бад-Эмс, Баден-Баден, Баденвайлер, Висбаден и др. – на курорты на морском побережье и в Альпах, что связано, в свою очередь, с развитием железных дорог и возникновением массового туризма [Le tourisme suisse].

Примечательно также введение к другой его книге, вышедшей в свет в 1911 г., где он говорит о войне как о вещи неизбежной, к которой необходимо готовиться. В книге присутствует экслибрис императорской библиотеки Николая II в Зимнем дворце. Поэтому есть большая доля вероятности, что царь был знаком с аргументацией Вендриха: «В настоящее время нет более важного, более жизненного вопроса, как вопрос о колонизации и стратегической подготовке государства к войне, в военном, техническом, экономическом, административном и финансовом отношениях, в связи с путями сообщения – пионерами культуры» [Вендрих, 1911, с. 1, см. также: Roth, S. 45–49].

Для доводов Вендриха характерно, что свои мысли *просвещенного* человека о гуманности и культуре он парадоксальным образом измеряет принципом «ultima ratio regum». Неудивительно, что именно Вендрих в бытность свою с 1907 по 1908 г. товарищем министра путей сообщения предложил Николаю II план милитаризации железнодорожного персонала, который полностью перешел бы в его подчинение, а сам Вендрих был бы введен в члены Военного совета Российской империи. Но Николай II с этим не согласился.

Прямой противоположностью Вендриха является один из известных «гешефтемахеров» своего времени, как назвал бы его Альфред фон Вендрих, Ж. Нагельмакерс – бельгийский предприниматель и творец «Восточного» [Koschinski], «Северного» и многих других экспрессов в Европе – в общей сложности до пятнадцати линий.

«Северный экспресс» как «пионер культуры»

История успеха Жоржа Нагельмакерса⁹ начинается в 1872 г. с основанием в Брюсселе Международного общества спальных вагонов (МОСВ)¹⁰ [Mühl; Mühl, Klein; Behrend; Perret; Reichardt, Deppmeyer]. Оно разработало и осуществило концепцию первых скорых поездов повышенной комфортности в Европе по аналогии с пульмановскими поездами в США. Первая концессия была получена для эксплуатации линий Остенде – Бриндизи и Париж – Вена. Первоначально вагоны, купленные и перестроенные в этих целях, курсировали с составами других компаний. Нагельмакерс не смог запустить сразу собственные поезда: частные и государственные компании боялись за свои монополии перед новым конкурентом. В 1880 г. он заключил новые договоры, позволившие ему расширить область ведения своего бизнеса на Испанию и Россию. В последней процесс индустриализации с 1870-х гг. значительно повысил пассажиропотоки по железной

⁹ Ж. Нагельмакерс был незаурядной личностью. Не уступив европейский рынок американскому предпринимателю Д. М. Пулльману, Нагельмакерс показал свой соревновательный дух не только в бизнесе, но и в спортивных состязаниях: в 1900 г. в 55 лет он получил золотую медаль в конном спорте на Олимпийских играх в Париже.

¹⁰ Позже компания стала называться МОСВСЕП – Международное общество спальных вагонов и европейских спальных поездов (фр. CIWL, также CWL – Compagnie Internationale des Wagons-Lits, нем. ISG – Internationale Schlafwagen-Gesellschaft).

дороге, культурный и экономический обмен с европейскими странами¹¹.

В начале изучения истории «Северного экспресса» меня интересовали два противоречивых вопроса. Почему дело в Федеральном архиве Берлин-Лихтерфельде названо «Железнодорожное сообщение Петербург – Мадрид (Северный экспресс)» [ВА ВЛ, R 4701/14713, R 4701/14714], когда «Северный экспресс» никогда не ходил до Испании? И почему оно начинается 1884-м, а не 1896 г.? Согласно общепринятым представлениям в историографии, «Северный экспресс» курсировал официально между Петербургом и Парижем именно с 1896 г. [Stoltmann; Mühl; Mühl, Klein, S. 112–123; Musekamp; Razvozaeva].

Ввод в эксплуатацию в 1883 г. «Восточного экспресса» увенчался полным успехом [Mühl; Mühl, Klein, S. 32], что приблизило Нагельмакера вплотную к реализации северного и южного направлений. Уже в следующем, 1884 г. он организывает презентацию «Северного экспресса» в Париже (Gare d'Austerlitz) и Берлине (Schlesischer Bahnhof) с пробными поездками до ближайших станций.

Вольно или невольно, преследуя, возможно, исключительно собственный меркантильный интерес, Г. Нагельмакерс внес свой вклад в создание Европы без границ, в которой скоростные комфортабельные поезда соединяют Петербург с Лиссабоном. Должно было пройти много лет, проведено множество переговоров и мобилизован крупный капитал, прежде чем этот план стал реальностью. Нагельмакерсу не удалось создать непрерывную трансконтинентальную линию между Петербургом и Лиссабоном. Ему пришлось идти на компромисс, так как в силу своей сложности реализация проекта в полном объеме была невозможна.

Вместо этого он создал две линии, дополнив «Северный экспресс» (Петербург – Париж – Остенде) «Южным экспрессом» (Париж – Мадрид – Лиссабон) [Mühl, Klein]¹². «Южный экспресс» (Sud Express) начинает курсировать между Лиссабоном и Парижем с 1887 г., тогда как «Северный экспресс» между Петербургом и Парижем был официально запущен лишь 9 мая 1896 г., когда после многолетних попы-

Ж. Нагельмакерс /
Georges Nagelmackers

¹¹ В ежемесячном журнале «Русское ревью» (Russische Revue), выпускаемом Карлом Рёттгеном на немецком языке в Петербурге в 1872–1891 гг., можно было прочесть: «Огромный экономический подъем, переживаемый Российской империей во время правления императора Александра II, вызвал значительный рост международных сообщений» [GSPK, I НА, Rep. 76, L. 17].

¹² В российской историографии тема «Северного экспресса» не нашла до сих пор отражения [Соловьева; История организации]. К российско-немецким связям в развитии железных дорог см.: [Sambefski].

ток было преодолено сопротивление Пруссии¹³. Маршрут «Северного экспресса» пролегал через Кенигсберг.

О том, что вагоны «Северного экспресса» могли курсировать между Петербургом и Берлином и ранее, говорит альбом-путеводитель МОСВСЕП 1892 г.¹⁴ [Альбом-путеводитель]. Маршрут мог пролегать через Варшаву и Оппельн, так как более прямого пути через Кенигсберг с немецкой стороны еще не существовало, причем по петербургскому и московскому направлениям. С российской стороны ветка до станции Вержболово (лит. Кибартай) на российско-прусской границе была проложена уже в 1861 г. По имеющимся данным, МОСВ запустил свои поезда на внутренних линиях в России Москва – Петербург, Петербург – Рига, Москва – Нижний Новгород и Харьков – Киев уже с 1888 г. [Cars, Caracalla, S. 81; Mühl, Klein, 112–123; Schenk, 2014c, S. 106].

Выше уже упоминалось, что первое время вагоны МОСВ следовали с поездами других железнодорожных компаний, так как еще не было заключено прямых контрактов с владельцами железнодорожных линий. Это дает основание предположить, что вагоны с надписью «Северный экспресс» курсировали до Петербурга, возможно, уже с 1884 г. или несколько позже, но, вероятно, еще до начала движения целого состава¹⁵. В результате экспансии МОСВСЕП на востоке Европы отделения компании появляются в Варшаве, Санкт-Петербурге (ул. Малая Морская, 2), Москве и Нижнем Новгороде [см.: Балтрашевич; Международное общество, 1904]. Московское направление было открыто одновременно с петербургским.

В мае 1884 г. на Силезском вокзале в Берлине на обозрение публики был выставлен «Европейский поезд-молния» (*der europäische Blitzzug*)¹⁶. Современник, посетивший выставку, не без иронии описывал путешествия семидесятилетней давности:

Почтовый дилижанс прогонял милю за 40 минут. А теперь? Спокойно поднявшись по ступеням Северного вокзала в Париже, подходишь к кассе. «Куда?» «В Санкт-Петербург!» – следует сухой ответ. После этого пассажир садится в «поезд-молнию», вежливый персонал отводит гостя в спальное купе. Последний переодевается в свое домашнее платье, прикуривает сигару, пьет заказанный кофе, съедает при этом несколько яиц, читает газету. Когда освоишься у себя в купе, можно осмотреться в четырех вагонах, которые на время путешествия превращаются в летучий отель. Перед купе проходит коридор, стены которого украшены зеркала-

¹³ В Германии поезд курсировал под литерным номером L11/L12.

¹⁴ В это время компания уже называется «Международным обществом спальных вагонов и скорых европейских поездов» (МОСВСЕП).

¹⁵ Железнодорожная линия сообщений между Петербургом и Вержболово, соединившая Россию с Германией по маршруту, пролежавшему по территории Польши и Восточной Пруссии, была открыта в 1862 г. [Энгель-Брауншмидт, Нойфельд, с. 476].

¹⁶ Характерно, что брендирование легенды железных дорог «Восточного экспресса» происходило также именно под этим названием [Berliner]. «Северный экспресс» не уступал «Восточному» по всем параметрам, в том числе и в роскоши.

ми, а пол покрыт мягкими коврами, и, идя по нему вдоль больших окон, попадаешь в салон. Невозможно поверить, что вагон может содержать в себе такое роскошное помещение! Кресло за креслом следуют с обеих сторон, на заднем плане видно элегантное канапе, две люстры свисают с потолка, а в буфете в самоваре кипит вода к чаю [Sonst und Jetzt].

Воодушевленный тем, как развивается техника благодаря достижениям научной революции в естественных науках XIX в., современник добавляет, что роскошные помещения дополнены багажным отделением и ванной комнатой [Zimmermann; Roth, S. 22–23].

Судя по частоте встречающихся заголовков об экспрессе, называвших его «Европейский поезд-молния», этот эпитет был неотъемлемой частью образа «Северного экспресса» [Berliner]. В мае 1884 г. он состоял из двух спальных вагонов, вагона-ресторана и багажного вагона. В поезде, имевшем вагоны только 1-го класса, позже появились места 2-го класса, в нем могли разместиться до 40 пассажиров, а позднее – до 50. Корреспондент сообщал, что пробная поездка на поезде, состоявшаяся по путям городских электричек и далее по железной дороге в сторону Гамбурга до станции Науен, «вызвала в завершение всеобщие аплодисменты» [Berliner].

Вот что писали о поезде в Берлинском биржевом листке 18 июля 1884 г.: «Этот поезд – один из самых великолепных поездов мира – будет пересекать Европу от Петербурга до Лиссабона с северо-востока на юго-запад... всего за 92 часа» [BA BL, R 4701/14713]. Нет оснований предполагать, что после крупных инвестиций в его постройку «Северный экспресс», полностью готовый к эксплуатации, был поставлен на запасные пути и ждал своего часа до 1896 г. Ведь известно, что вагоны каждого направления имели свой неповторимый дизайн, вплоть до окраски, а значит, с трудом могли эксплуатироваться на других линиях¹⁷. Здесь внедрялись и проходили испытание самые последние технические новинки. На территории узкого мобильного пространства удовлетворялись все потребности пассажиров в гигиене, питании и быстром перемещении в пространстве. Для этого имелись необходимые технически оснащенные помещения с электрическим освещением, телеграфом, вагоны на четырех осях, обеспечивающих плавный ход, мощный локомотив и хорошо обученный персонал. Это позволяло пассажиру читать и коммуницировать с внешним миром в любое время суток. При этом поезд развивал невероятную для своего времени скорость до 80 км/ч летом и до 64 км/ч в зимнее время [GS PK, I NA, Rep. 93 E, Nr. 372, L. 2]. Для преодоления расстояния от Петербурга (Варшавский вокзал) до Берлина (Силезский вокзал) в 892 км поезду требовался 31 час¹⁸, до Парижа – 52 часа [BA BL, R 4701/14713, 580a; Braun].

¹⁷ Вагоны «Северного экспресса» были фирменного коричневого цвета, а «Восточного» – темно-синего [см.: Mühl, Klein].

¹⁸ Сегодня время в пути по тому же маршруту составляет 32 часа.

Первоначально «Северный экспресс» курсировал из-за климатических условий с середины мая до середины октября один раз в неделю, с 1902 по 1906 г. три раза и с 1906 до 1914 г. два раза в неделю круглый год [см.: Mühl] (см. рис. на вклейке). Пассажиры, доехав до конечной пограничной станции Вержболово (нем. Wirballen) в литовском населенном пункте Кибарты (нем. Kubartei, лит. Kubartai, рус. сегодня – Кибартай) на российской стороне, пересеживались на поезд, стоявший с другой стороны платформы на более узкой колее. Аналогичная пересадка происходила на конечной станции Прусской восточной железной дороги (нем. Preußische Ostbahn) Эйдкунен (нем. Eudtkuhnen, рус. Чернышевское) для поездов, следовавших из Германии (Восточной Пруссии) через Кенигсберг (Калининград, РФ) на Восток¹⁹.

Путешественник мог выбирать, в каком направлении следовать далее с поездами МОСВСЕП, имея возможность сделать пересадку в Берлине или Кельне на «Восточный экспресс», курсирующий по маршрутам Гамбург – Берлин – Вена и Амстердам – Кельн – Вена до Константинополя [Beilage], и далее на экспрессы, идущие к черноморским курортам в Болгарии или Румынии, или сделать пересадку в Париже на вокзале Аустерлиц (d'Austerlitz) на «Южный экспресс», следующий до Мадрида и Лиссабона. План движения «Северного экспреса» согласовывался со стыкующимися поездами МОСВСЕП в Париже и Кельне, с паромами и пароходами в портах на Северном и Средиземном морях, а также на Тихом океане, отходящими в направлении Англии, Северной и Южной Америки и в Индию [BA VL, R 4701/14713]. С других вокзалов пассажир мог пересесть на аналогичные экспрессы, следовавшие до Ниццы (французская Ривьера), курортов в Швейцарии и итальянской Ривьере. Из Парижа «Северный экспресс» следовал до конечной станции на Атлантическом побережье – Остенде.

Карл Шлөгель писал в 2001 г.: «На линии железнодорожного сообщения Санкт-Петербург – Москва для России начинается новый отсчет времени. 11 июня стартовал относительно незаметно русский высокоскоростной поезд» [Schlögel, 2005]. Можно сказать, что более ста лет назад произошло аналогичное событие, когда летом 1896 г. «Северный экспресс» начал свое регулярное движение. Стандарты комфорта этого поезда не превзойдены и сегодня: будуары, обставленные мебелью, украшенные зеркалами и цветными витражами, стены, обшитые дорогими тканями, ванные комнаты, помещения для обслуживающего персонала, ресторан на 50 персон – своего рода «Титаник» на колесах в миниатюре.

«Построенный в Мюнхене, декорированный в Руане, собственность МОСВСЕП» [Sonst und Jetzt] в Брюсселе, экспресс был резуль-

¹⁹ Оба населенных пункта находятся сегодня на территории Калининградской области; см.: [Schlögel, 1998, S. 39–56]. Станции Вержболово и Эйдкунен стали ментальной границей между Востоком и Западом [Musekamp, S. 246].

татом европейского трансграничного сотрудничества специалистов из разных культурных слоев [Irrgang]. Для пассажиров это означало высокий комфорт поездки, сервис на высшем уровне [Beilage]. Культурный трансфер и трансфер идей в ходе трансграничной коммуникации элит России, Германии и Франции приводил к диверсификации образа «чужого» и стиранию психологических границ [Musekamp, S. 246]. Не следует также забывать, что по обе стороны немецко-российской границы в Вержболово проживало польское население будущей парламентской республики Польши [Musekamp, S. 247].

Не только «Восточный», но и «Северный экспресс» мог быть по праву назван поездом королей или королем поездов. Ведь на нем ездили те, кого мы называем сегодня элитой: члены королевских и императорских семей, аристократы, предприниматели, политики. Человек с более низким социальным статусом, но состоятельный, мог позволить себе купить билет на «Северный экспресс» и на короткое время попасть в респектабельное общество, где имел возможность завести деловые связи, провести важные переговоры, найти невесту или получить бесценный коммуникативный и социальный опыт в кругах, закрытых для него в обычной жизни. Писатель В. В. Набоков оставил красочные воспоминания детства о модели «Северного экспресса», пассажиром которого он часто бывал. В 1909 г. его семья во главе с отцом Владимиром Дмитриевичем, депутатом Первой Государственной думы, в количестве одиннадцати персон, включая прислугу и таксу, путешествовала в 1909 г. на «Северном экспрессе» в Биарриц²⁰.

Транссиб – мост между Европой и Азией

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали создало предпосылки для дальнейшей экспансии МОСВСЕП в Сибирь, Дальний Восток и Китай (к истории Транссиба см.: [Коптелов; Cars,

²⁰ Вот как описывает В. Набоков свои первые впечатления от модели «Северного экспресса», выставленной в витрине представительства МОСВСЕП: «В железнодорожном агентстве на Невском была выставлена двухтаршинная модель коричневого спального вагона: международные составы того времени красились под дубовую обшивку, и эта дивная, тяжелая с виду вещь с медной надписью над окнами далеко превосходила в подробном правдоподобии все мои, хорошие, но явно жестяные и обобщенные, заводные поезда. Мать пробовала ее купить; увы, бельгиец-служащий был неумолим. Во время утренней прогулки с гувернанткой или воспитателем я всегда останавливался и молился на нее. Иметь в таком портативном виде, держать в руках так запросто вагон, который почти каждую осень нас уносил за границу, почти равнялось тому, чтобы быть и машинистом, и пассажиром, и цветными огнями, и пролетающей станцией с неподвижными фигурами, и отшлифованными до шелковистости рельсами, и туннелем в горах. Снаружи сквозь витрину модель была доступнее влюбленному взгляду, чем изнутри магазина, где мешали какие-то плакаты... Можно было разглядеть в проймах ее окон голубую обивку диванчиков, красноватую шлифовку и тисненую кожу внутренних стенок, вделанные в них зеркала, тюльпанообразные лампочки... Широкие окна чередовались с более узкими, то одиночными, то парными. В некоторых отделениях уже были сделаны на ночь постели» [Набоков].

Caracalla; Dahlmann; Marks; Neutatz; Schenk, 2014a)]²¹. С 1898 г. общество Нагельмакерса запустило литерный поезд Москва – Красноярск. Чрезвычайно успешной и эффектной оказалась презентация проекта будущего «Транссибирского экспресса» на Всемирной выставке 1900 г. в Париже [Schenk, 2014c, S. 106–107]. Являясь лидером в быстрой доставке почты, экспресс располагал почтовым отделением, в котором транспортировалась почта из Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С 1909 г. почта из заграничных почтовых отделений Шанхая, Токио, Йокогамы, Кобе, Цуруги, Тяньцзиня, Чифу, Пекина и других городов доставлялась с «Северным экспрессом» из Москвы в основном до Лондона [BA VL, R 4701/14714; Международное общество, 1903].

К 1914 г. «Северный экспресс» превратился во внушительный для своего времени поезд. Число вагонов в составе возросло с четырех до двенадцати. Вместо одного почтового и одного багажного вагонов теперь насчитывалось до шести [BA VL, R 4701/14714]. Но с началом военных действий движение поезда было прекращено, так как он пересекал несколько линий фронта.

Север, Восток, Запад..?

«Северный экспресс» пересекает Восточную, Центральную и Западную Европу, причем не с востока на запад, а с севера на юг [см.: Grenzen; Konstantinopel]. И это тоже показательно, ведь Петербург в сознании европейцев до 1914 г. находился не столько в Восточной, сколько в Северо-Восточной или даже Северной Европе и был неразрывно связан тысячами экономических и родственных связей со скандинавскими странами и странами Балтии, а Восток (Orient) начинался в Москве или в Константинополе [Бобков; Jobst; Lübke; Said]. Маршрут литерного L11/12 символизирует движение и динамику, единую Европу и Россию, интегрированную в нее [Vergessene Vielfalt]. Нагельмакерс предопределил на многие десятилетия вперед транспортную концепцию скоростных поездов TGV и ICE. Пересекающиеся линии «Северного» и «Восточного» экспрессов в Кельне и Берлине невольно наводят на это сравнение [Merki].

Вся вторая половина XIX в. пронизана ощущением происходящего чуда, сокращения времени и пространства, – и они становятся катализатором трансформации сознания [Schenk, 2014c, S. 146–150; 228–232; Sperling]. Новый вид передвижения изменял восприятие времени и пространства [Brauckmann; Braun; Cvetkovski; Kaschuba; Roth; Schenk, 2014b; Schenk, 2014c; Schivelbusch]. Строительство все более совершенных машин сделало это столетие веком «высоких» скоростей, заставило поверить в безграничные возможности человечества, *вооруженного наукой и техникой* для открытия тайн природы и для ее

²¹ Время постройки – 1891–1916 г. Движение по Транссибу на всем протяжении началось в 1901 г. – с вводом в эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги. Непрерывный рельсовый путь до Владивостока появился в 1904 г.

демифологизации. Романы Жюль Верна как нельзя лучше отражают дух того времени, задор первооткрывателей, *опьяненных* скоростью [Braun]²². Понадобилось всего несколько лет – и то, что казалось невероятным подвигом из области фантастики, становится реальностью. Состоятельные люди могут позволить себе комфортное путешествие в комбинации поезд-пароход в самые отдаленные уголки планеты за сравнительно короткие сроки.

Путешествия по железной дороге создают новый вид социального пространства [Schenk, 2014c], изменяют восприятие географического пространства [Sperling], способствует возникновению ментальных карт [Burguière; Europäische], на которых Европа присутствовала не только как материк, но приобретала очертания единого европейского дома от Петербурга до Гибралтара. Глобальная трансформация международного пространства создавала, по выражению Михаэля Гайера и Чарльза Брайта, новые «global condition» [Vergessene Vielfalt, S. 17].

Первая мировая война оборвала деятельность МОСВСИ. Лишь в 1926 г. «Северный экспресс» вновь начинает курсировать по старым маршрутам. Принцип *ultima ratio regum* превращается после 1945 г. в *ultima ratio* объединенной Европы, в которой железная дорога вновь приобретает свою интегративную функцию, позволяя Европе быть не только географическим пространством, но и сообществом людей, ценящих свободу передвижения между странами и культурами [Irrgang; Schlögel, 2013]. Опыт «Северного экспресса» является положительным примером в организации и осуществлении МОСВСИП трансграничного интернационального технологического и логистического проекта, впервые связавшего Европу в единое транспортное пространство.

Список литературы

Альбом-путеводитель Международного общества спальных вагонов и скорых европейских поездов. М., 1892.

Батрашевич М. А. Международное общество спальных вагонов и скорых европейских поездов // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 2: Деятельность XIX – XX вв. Кн. 4: М–О. СПб., 2005. 838 с.

Бобков И. На Восток от центра: конфигурации модерности в восточноевропейском Пограничье // Перекрестки. 2010. № 1–2. С. 7–19.

Вендрих А. А. фон. Германские железные дороги. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, [1897].

Вендрих А. А. фон. Железные дороги в Германии со времени князя Бисмарка. Система Брейтшпехера передачи разноколейных вагонов без перегрузки. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, [1900а].

²² В 1863 г. опубликован первый роман из цикла «Необыкновенные путешествия» – «Пять недель на воздушном шаре» (в рус. переводе М. А. Головачева 1864 г. – «Воздушное путешествие через Африку. Составленное по запискам доктора Фергюссона Юлием Верн»), далее последовали: «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (1865), «Вокруг Луны» (1869), «Двадцать тысяч лье под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872) [Zimmermann]. В 1890 г. скорость движения поездов в России составляла 30–42 км/ч. Скорые поезда, к классу которых принадлежал «Северный экспресс», двигались значительно быстрее. В 1894 г. подобному экспрессу хватило 35 часов, чтобы преодолеть путь от Петербурга до Берлина, что было на пять часов быстрее по сравнению, например, с поездом 2009 г., следовавшим по аналогичному маршруту [Schenk, 2014c, S. 147].

Вендрих А. А. фон. Пионеры колонизации : (Железные дороги, строит. и культур. работы в колониях и странах протектората). СПб. : Тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), [1911].

Вендрих А. А. фон. Французские железные дороги. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, [1900b].

Гронский П. Е. Железные дороги в кампанию 1870–1871 гг. [СПб.], [1873].

Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всерос. науч. конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург : ИИА УрО РАН ; БКИ, 2009. 418 с.

Железная дорога от Царскосельской до Октябрьской: История. Развитие. Перспективы / изд. Л. А. Давыдова; ред. В. В. Степов и др. СПб. : Лики России, 2008. 229 с.

Измайлов А. Н. Железные дороги в неурожай 1891 года. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1895. 54 с.

История организации и управления железнодорожным транспортом России (1809–2009) / ред. А. А. Тимошин. М., 2011. 466 с.

Квист А. И. Железные дороги в военном отношении / Изд. при содействии Воен.-учен. ком. Глав. штаба. Ч. 1. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868.

Контелов В. Т. Великий Сибирский путь от Александра III до Николая II. Исторический очерк. Тюмень : Мандр и Ка, 2003. 127 с.

Международное общество спальных вагонов и скорых поездов: Зимнее движение. М., 1904. 354 с.

Международное общество спальных вагонов и скорых поездов: Летнее движение. Сибирский экспресс: Москва, Иркутск, Дальний, Владивосток, Порт Артур, Пекин... СПб. : Типо-лит. Ц. Крайз, [1903–1908].

Набоков В. Другие берега [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NAVOKOW/drgberega.txt> (дата обращения: 26.08.2014).

Огородников Ф. Е. Германские железные дороги в военном отношении. СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1901.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 922. Оп. 1. Д. 363.

Рыкачев В. Железные дороги – новый род оружия против неприятеля: Очерки военно-железнодорожного дела (Опыт характеристики соврем. положения воен. ж.-д. вопроса). Харбин, 1909.

Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М. : Знание, 1975. 165 с.

Тихонов В. В. Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт // «Стены и мосты»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Междунар. науч. конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / отв. ред. Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. М. : Совпадение, 2012. С. 251–258.

Федорченко В. И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: в 2 т. Красноярск : БОНУС ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Францозов В. Е. Железнодорожные войска // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 2 : Деятнадцатый век. Кн. 2: Г–И. СПб., 2003. С. 428–431.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: Региональное измерение: материалы Всероссийской науч. конференции, 2–3 июля 2009 г., Екатеринбург / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : БКИ, 2009. 428 с.

Энгель-Брауншмидт А., Нойфельд С. Письма из Петербурга в Шванзен. Подмастерье из Шлезвиг-Гольштейна на фоне германо-российских экономических связей // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование / отв. ред. Г. Смагина. СПб. : Росток, 2005. С. 477–484.

Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. статей / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

BA BL – Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 4701/14713. Zugverbindung Petersburg-Madrid (Nordexpresszug) 1884–1897; R 4701/14714. Zugverbindung Petersburg-Madrid (Nordexpresszug) 1897–1921.

Behrend G. Geschichte der Luxuszüge. Zürich : Orell Füssli, 1977. 216 S.

Beilage der Berliner Börsen-Courier. Nr. 361. 18.07.1884 // BA BL. R 4701/14713.

Berliner Börsen-Zeitung. Nr. 250. 30.05.1884 // BA BL. R 4701/14713.

Brauckmann S. Eisenbahnkulturlandschaft. Erlebbarkeit und Potentiale. Stuttgart : Franz Steiner, 2010.

Braun A. Tempo, Tempo! Eine Kunst- und Kulturgeschichte der Geschwindigkeit im 19. Jahrhundert, Frankfurt a.M. : Anabas-Verl, 2001. 198 S.

Bremm K.-J. Von der Chaussee zur Schiene. Militär und Eisenbahnen in Preußen 1833 bis 1866. München : Oldenbourg, 2005. 295 S.

Burguière A. Mentalitäten-Geschichte. Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse / Hrsg. U. Raulff. Berlin : Wagenbach, 1987. 184 S.

Cars J. de, Caracalla J. P. Die Transsibirische Bahn. Geschichte der längsten Bahn der Welt. Zürich, 1987.

Cvetkovski R. Modernisierung durch Beschleunigung: Raum und Mobilität im Zarenreich. Frankfurt a.M. ; N. Y., 2006. 364 S.

Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn [u.a.] : Schöningh, 2009. 464 S.

Die Internationalität der Eisenbahn 1850–1970 / Hrsg. M. Burri, K. T. Elsasser, D. Gugerli. Zürich : Chronos Verlag, 2003. 363 S.

Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen / Hrsg. P. Dinzelbacher. Stuttgart : Kröner, 1993. 771 S.

Gall L. Eisenbahn in Deutschland. Von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg // Die Eisenbahn in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart / Hrsg. L. Gall, M. Pohl. München, 1999. S. 13–70.

Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. H. Lemberg. Marburg : Herder-Institut e.V., 2000. 291 S.

GS PK – Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. I HA, Rep. 76. Kultusministerium, Vc Sekt. 1, Tit. 11, Teil VII, Nr. 19, Bd. 2; Rep. 93 E. Ministerium der öff. Arbeiten Eisenbahnabteilung. Nr. 372. Berichterstattungen über russische Eisenbahnen. 1895–1910.

Happel J. Räume in der Krise: Territorialisierungsprozesse im ausgehenden russländischen Imperium // Vergessene Vielfalt. Territorialität und Internationalisierung in Ostmitteleuropa seit der Mitte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. S. Marung, K. Naumann. Göttingen, 2014. S. 62–86.

Haywood R. M. Russia Enters the Railway Age, 1842–1855. N. Y. : Columbia University Press, 1998. 635 p.

Haywood R. M. The Question of a Standard Gauge for Russian Railways, 1836–1860 // Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 1. P. 72–80.

Irrgang B. Technologietransfer transkulturell. Komparative Hermeneutik von Technik in Europa, Indien und China. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2006. 248 S.

Jobst K. S. Where the Orient Ends? Orientalism and Its Function for Imperial Rule in the Russian Empire // Deploying Orientalism in Culture and History From Germany to Central and Eastern Europe / ed. J. Hodgkinson, J. Walker, S. Masumdar, J. Feichtinger. Rochester : Camden House, 2013. P. 190–208.

Kaschuba W. Die Überwindung der Distanz. Zeit und Raum in der europäischen Moderne. Frankfurt a.M. : Fischer, 2004. 280 S.

Konstantinopel und St. Petersburg, der Orient und der Norden / Hrsg. H. Reimers, F. A. W. Murhard. 9. Heft. St. Petersburg ; Penig, 1805.

Koschinski K. 125 Jahre Orient-Express // Eisenbahn-Journal. Sonderausgabe. 2008. Nr. 2. S. 14–15.

Le tourisme suisse et son rayonnement international. „Switzerland, the playground of the world“ / ed. C. Humair, L. Tissot. Lausanne : Editions Antipodes, 2011. 222 p.

Lübke Ch. Mitteleuropa, Ostmitteleuropa, östliches Europa. Wahrnehmung und Strukturen im frühen und hohen Mittelalter [Electronic resource] // Themenportal Europäische Geschichte. URL: http://www.europa.clilo-online.de/site/lang_en/ItemID_173/mid_11428/40208214/default.aspx (accessed: 26.11.2014).

Marks S. G. Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917. N. Y., 1991.

Merki Ch. M. Verkehrsgeschichte und Mobilität. Stuttgart : Ulmer, 2008. 123 S.

Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Hrsg. T. Giaro. Frankfurt a.M. : Vittorio Klostermann, 2006. 344 S.

Mühl A. Internationale Luxuszüge. Die Großen Europäischen Expresszüge durch Deutschland, Österreich und die Schweiz. Freiburg i. Br.: EK-Verlag, 1991. 238 S.

Mühl A., Klein J. Reisen in Luxuszügen. Die Internationale Schlafwagen-Gesellschaft. Die großen Expresszüge und Hotels. Geschichte und Plakate. Freiburg i. Br., 2006. 383 S.

Musekamp J. Eisenbahn und Grenzüberschreitung. Die Königlich Preußische Ostbahn und ihre Bedeutung für die Kontakte zwischen Preußen und dem Russländischen Reich 1848–1914. Umriss eines Forschungsprojekts // *Berichte und Forschungen. Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa.* 2010. Bd. 18. S. 241–247.

Neutatz D. Der Traum von der Transsib: Visionen, Wünsche, Präsentationen und Wahrnehmungen 1857–1914 // *Sibirienbilder. Konzeptualisierungen des russischen Nord-Ostens in den Kulturwissenschaften.* Irkutsk, 2005. S. 179–203.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. C. H. Beck, 2011. 1568 S.

Perret R. Die Geschichte der CIWL. Die Pullman-Wagen. Stuttgart : Franckh'sche Verlagshandlung, 1986. 144 S.

Razvojaeva E. L'histoire du tourisme russe en France 1885–1914 // *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin.* 2007. Vol. 25. P. 159–175.

Reichardt H. D., Deppmeyer J. Die Blauen Schlaf- & Speisewagen: Eine Geschichte der Internationalen Schlafwagen-Gesellschaft. Düsseldorf : Alba Verlag, 1976. 96 S.

Roth R. Das Jahrhundert der Eisenbahn. Die Herrschaft über Raum und Zeit 1800–1914. Ostfildern : Jan Thorbecke Verlag, 2005. 288 S.

Said E. W. Orientalism. N. Y. : Pantheon Books, 1978.

Sambefski B. Deutsch-russische Eisenbahnbeziehungen 1887–1922 // *Jahrbuch für Eisenbahngeschichte.* 1999. Bd. 31. Teil 1. S. 89–119; 2000. Bd. 32. Teil 2. S. 101–118.

Schenk F. B. „Asien gibt sich langsam, aber immer deutlicher zu erkennen“. Reisen auf der Transsib als Grenz-Erfahrung im späten Zarenreich // *Grob T., Previšić B., Zink A.* Erzählte Mobilität im östlichen Europa. (Post-)Imperiale Räume zwischen Erfahrung und Imagination. Tübingen, 2014a. S. 179–196.

Schenk F. B. „Hier eröffnete sich vor unseren Augen ein neues, schillerndes, von uns noch nirgendwo gesehenes Bild...“ Die gedankliche Neuvermessung des Zarenreiches im Eisenbahnzeitalter // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung.* 2014b. Bd. 63. H. 1. S. 4–23.

Schenk F. B. Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart : Franz Steiner, 2014c. 456 S.

Schivelbusch W. Geschichte der Eisenbahnreise: zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert. Frankfurt a. M. : Fischer-Taschenbuch-Verl. 2000.

Schlögel K. Grenzland Europa. Unterwegs auf einem neuen Kontinent. München, 2013. 341 S.

Schlögel K. Marjampole oder Europas Wiederkehr aus dem Geist der Städte. München : Carl Hanser 2005. 317 S.

Schlögel K. Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998. S. 39–56.

Sonst und Jetzt. Nr. 147. 31.05.1884 // BA BL. R 4701/14713.

Sperling W. Der Aufbruch der Provinz: Die Eisenbahnen und die Neuordnung der Räume. Frankfurt a. M. : Campus Verlag, 2011. 481 S.

Stoltmann L. Nord Express. Pociąg ekspresowy Paryż-Sankt Petersburg przez chojnice 1896–1914 // *Zeszyty Chojnickie.* 1997. Nr. 1(15). S. 43–46.

Track gauge [Electronic resource]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Track_gauge (accessed: 26.11.2014).

Vergessene Vielfalt. Territorialität und Internationalisierung in Ostmitteleuropa seit der Mitte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. S. Marung, K. Naumann. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

Westwood J. N. Geschichte der russischen Eisenbahnen. Zürich, 1966.

Wolmar Ch. The Great Railway Revolution. L. : Atlantic books, 2012. 336 p.

Youngman P. A. Black Devil and Iron Angel. The Railway in Nineteenth-Century German Realism. Washington, D.C : Catholic Univ. of America Press, 2005. 173 p.

Zimmermann R. E. Die außerordentlichen Reisen des Jules Verne. Zur Wissenschafts- und Technikrezeption im Frankreich des 19. Jahrhunderts. Paderborn, 2006. 417 S.

References

Al'bom-putevoditel' Mezhdunarodnogo obshhestva spal'ny'h vagonov i skory'h evropejskih poezdov [Guidebook of the International society of sleeping cars and express European trains]. (1892). Moscow.

Alekseev, E. V. (Ed.). (2009). *Diffuziya evropejskikh innovacij v Rossijskoj imperii: materialy' Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 10–11 noyabrya 2009 g.* [The diffusion of European innovations in the Russian Empire: conference papers of the national scientific conference, 10–11 November 2009]. Yekaterinburg.

Aust, M., Vul'pius, R. & Miller, A. (Eds.). (2010). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): A collection of articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Baltrashevich, M. A. (2005). Mezhdunarodnoe obshhestvo spal'ny'h vagonov i skory'h evropejskikh poezdov [International society of sleeping cars and express European trains]. In *Tri veka Sankt-Peterburga: E'nciklopediya* (Vols. 1–3). (Vol. 2; book 4). Saint Petersburg.

Behrend, G. (1977). *Geschichte der Luxuszüge*. Zürich: Orell Füssli.

Beilage der Berliner Börsen-Courier. Nr. 361. 18.07.1884 // BA BL. R 4701/14713.

Berliner Börsen-Zeitung. Nr. 250. 30.05.1884 // BA BL. R 4701/14713.

Bobkov, I. (2010). Na Vostok ot centra: konfiguracii modernosti v vostochnoevropeskompogranich'e [To the East from the centre: configurations in the modern East European Borderlands]. In *Perekrestki, 1–2*, 7–19.

Brauckmann, S. (2010). *Eisenbahnkulturlandschaft. Erlebbarkeit und Potentiale*. Stuttgart: Franz Steiner.

Braun, A. (2001). *Tempo, Tempo! Eine Kunst- und Kulturgeschichte der Geschwindigkeit im 19. Jahrhundert*. Frankfurt a.M.: Anabas-Verl.

Bremm, K.-J. (2005). *Von der Chaussee zur Schiene. Militär und Eisenbahnen in Preußen 1833 bis 1866*. München: Oldenbourg.

Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 4701/14713. Zugverbindung Petersburg-Madrid (Nordexpresszug) 1884–1897; R 4701/14714. Zugverbindung Petersburg-Madrid (Nordexpresszug) 1897–1921.

Burri, M., Elsasser, K. T. & Gugerli, D. (Eds.). (2003). *Die Internationalität der Eisenbahn 1850–1970*. Zürich: Chronos Verlag.

Burguière, A. (1987). *Mentalitäten-Geschichte. Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse*. Berlin: Wagenbach.

Cars, J. de & Caracalla, J. P. (1987). *Die Transsibirische Bahn. Geschichte der längsten Bahn der Welt*. Zürich.

Cvetkovski, R. (2006). *Modernisierung durch Beschleunigung: Raum und Mobilität im Zarenreich*. Frankfurt a.M. & N. Y.

Dahlmann, D. (2009). *Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn [u.a.]: Schöningh.

Dinzelbacher, P. (Ed.). (1993). *Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen*. Stuttgart: Kröner.

Engel'-Braunshmidt, A. & Nojfel'd, S. (2005). Pis'ma iz Peterburga v Shvanzen. Podmaster'e iz Shlezvig-Gol'shtejna na fone germano-rossijskikh e'konomicheskikh svyazej [Letters from Saint Petersburg to Swansen. Apprentice from Schleswig-Holstein on the background of German-Russian economic relations]. In G. Smagina (Ed.), *Nemcy' Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* (pp. 477–484). Saint Petersburg: Rostok.

Fedorchenko, V. I. (2003). *Imperatorskij Dom. Vy'dayushhiesya sanovniki: E'nciklopediya biografij* [Imperial House. Outstanding dignitaries: an encyclopedia of biography]. (Vols. 1–2). Krasnoyarsk: BONUS & Moscow: OLMA-PRESS.

Francuzov, V. E. (2003). Zheleznodorozhny'e vojska [Railroads troops]. In *Tri veka Sankt-Peterburga: E'nciklopediya* (Vols. 1–3). (Vol. 2, book 2, pp. 428–431). Saint Petersburg.

Gall, L. (1999). Eisenbahn in Deutschland. Von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg. In L. Gall & M. Pohl. (Eds.). *Die Eisenbahn in Deutschland. Von den Anfängen bis zur Gegenwart* (pp. 13–70). München.

Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. I HA, Rep. 76. Kultusministerium, Vc Sekt. 1, Tit. 11, Teil VII, Nr. 19, Bd. 2; Rep. 93 E. Ministerium der öff. Arbeiten Eisenbahnabteilung. Nr. 372. Berichterstattungen über russische Eisenbahnen. 1895–1910.

Giaro, T. (2006). *Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann.

Gronskij, P. E. (1873). *Zhelezny'e dorogi v kampaniyu 1870–1871 gg.* [Railroads in the campaign of 1870–1871]. Saint Petersburg.

Happel, J. (2014). Räume in der Krise: Territorialisierungsprozesse im ausgehenden russländischen Imperium. In S. Marung & K. Naumann (Eds.) *Vergessene Vielfalt. Territorialität und Internationalisierung in Ostmitteleuropa seit der Mitte des 19. Jahrhunderts* (pp. 62–86). Göttingen.

Haywood, R. M. (1998). *Russia Enters the Railway Age, 1842–1855*. N. Y.: Columbia University Press.

Haywood, R. M. (1969). The Question of a Standard Gauge for Russian Railways, 1836–1860. *Slavic Review*, 28, 1, 72–80.

Irrgang, B. (2006). *Technologietransfer transkulturell. Komparative Hermeneutik von Technik in Europa, Indien und China*. Frankfurt a.M.: Peter Lang.

Izmajlov, A. N. (1895). *Zhelezny'e dorogi v neurozhaj 1891 goda* [Railroads in the poor harvest of 1891]. Saint Petersburg.

Jobst, K. S. (2013). Where the Orient Ends? Orientalism and Its Function for Imperial Rule in the Russian Empire. In J. Hodkinson, J. Walker, S. Masumdar & J. Feichtinger (Eds.). *Deploying Orientalism in Culture and History From Germany to Central and Eastern Europe* (pp. 190–208). Rochester: Camden House.

Humair, C. & Tissot, L. (Eds.). (2011). *Le tourisme suisse et son rayonnement international. „Switzerland, the playground of the world“*. Lausanne: Editions Antipodes.

Kaschuba, W. (2004). *Die Überwindung der Distanz. Zeit und Raum in der europäischen Moderne*. Frankfurt a.M.: Fischer.

Koptelov, V. T. (2003). *Velikij Sibirskij put' ot Aleksandra III do Nikolaya II. Istoricheskij ocherk* [The great Siberian road from Alexander III to Nicholas II. Historical essay]. Tyumen.

Koschinski, K. (2008). 125 Jahre Orient-Express. In *Eisenbahn-Journal. Sonderausgabe*, 2, 14–15.

Kvist, A. I. (1868). *Zhelezny'e dorogi v voennom otnoshenii* [Railroads in Their military significance]. (Part 1). Saint Petersburg.

Lemberg, H. (Ed.) (2000). *Grenzen in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhundert*. Marburg: Herder-Institut e.V.

Lübke, Ch. (n. d.). *Mitteleuropa, Ostmitteleuropa, östliches Europa. Wahrnehmung und Strukturen im frühen und hohen Mittelalter*. Retrieved from Themenportal Europäische Geschichte. http://www.europa.clío-online.de/site/lang_en/ItemID_173/mid_11428/40208214/default.aspx

Marks, S. G. (1991). *Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia 1850–1917*. N. Y.

Marung, S. & Naumann, K. (Eds.). (2014). *Vergessene Vielfalt. Territorialität und Internationalisierung in Ostmitteleuropa seit der Mitte des 19. Jahrhunderts*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Merki, Ch. M. (2008). *Verkehrsgeschichte und Mobilität*. Stuttgart: Ulmer.

Mezhdunarodnoe obshhestvo spal'ny'h vagonov i skory'h poezdov: Zimnee dvizhenie [International society of sleeping cars and express trains: Winter traffic]. (1904). Moscow.

Mezhdunarodnoe obshhestvo spal'ny'h vagonov i skory'h poezdov: Letnee dvizhenie. Sibirskij e'kspres: Moskva, Irkutsk, Dal'nij, Vladivostok, Port Artur, Pekin... [International society of sleeping cars and express trains: Summer traffic. Siberian Express: Moscow, Irkutsk, Dal'nij, Vladivostok, Port Arthur, Beijing...]. (1903–1908). Saint Petersburg.

Mühl, A. (1991). *Internationale Luxuszüge. Die Großen Europäischen Expresszüge durch Deutschland, Österreich und die Schweiz*. Freiburg i. Br.: EK-Verlag.

Mühl, A. & Klein, J. (2006). *Reisen in Luxuszügen. Die Internationale Schlafwagen-Gesellschaft. Die großen Expresszüge und Hotels. Geschichte und Plakate*. Freiburg i. Br.

Musekamp, J. (2010). Eisenbahn und Grenzüberschreitung. Die Königlich Preußische Ostbahn und ihre Bedeutung für die Kontakte zwischen Preußen und dem Russländischen Reich 1848–1914. Umriss eines Forschungsprojekts. In *Berichte und Forschungen. Jahrbuch des Bundesinstituts für Kultur und Geschichte der Deutschen im östlichen Europa* (part 18, pp. 241–247).

Nabokov, V. (n. d.). *Drugie berega* [The Other Shores]. Retrieved from <http://lib.ru/NABOKOV/drgbereg.txt>

Neutatz, D. (2005). Der Traum von der Transsib: Visionen, Wünsche, Präsentationen und Wahrnehmungen 1857–1914. In *Sibirienbilder. Konzeptualisierungen des russischen Nord-Ostens in den Kulturwissenschaften* (pp. 179–203). Irkutsk.

Ogorodnikov, F. E. (1901). *Germanskije zhelezny'e dorogi v voennom otnoshenii* [German Railroads in their military significance]. Saint Petersburg.

Osterhammel, J. (2011). *Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. C. H. Beck.

Perret, R. (1986). *Die Geschichte der CIWL. Die Pullman-Wagen*. Stuttgart: Franckh'sche Verlagshandlung.

Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2009). *Civilizacionnoe svoeobrazie rossijskikh modernizacij: Regional'noe izmerenie: materialy' Vserossijskoj nauch. konferencii, 2–3 iyulya 2009 g., Ekaterinburg* [Civilizational identity of Russian modernization: the Regional dimension: materials of all-Russian scientific conference, 2–3 July 2009, Yekaterinburg]. Yekaterinburg.

Razvozaeva, E. (2007). L'histoire du tourisme russe en France 1885–1914. In *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*, 25, 159–175.

Reichardt, H. D. & Deppmeyer, J. (1976). *Die Blauen Schlaf- & Speisewagen: Eine Geschichte der Internationalen Schlafwagen-Gesellschaft*. Düsseldorf: Alba Verlag.

Reimers, H. & Murhard, F. A. W. (Eds.). (1805). *Konstantinopel und St. Petersburg, der Orient und der Norden* (Vol. 9). St. Petersburg & Penig.

Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv, St. Peterburg. [Russian state historical archive, Saint Petersburg]. Stock 922. List. 1. Dossier 363.

Roth, R. (2005). *Das Jahrhundert der Eisenbahn. Die Herrschaft über Raum und Zeit 1800–1914*. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag.

Ry'kachev, V. (1909). *Zhelezny'e dorogi – novy'j rod oruzhija protiv nepriyatelya: Očerki voenno-zheleznodorozhnogo dela (Opy't harakteristiki sovrem. položeniya voen. zh.-d. voprosa)* [Railroads as a new kind of weapon against the enemy: Essays on military train issues (A characteristic of the contemporary situation of the military trains question)]. Harbin.

Said, E. W. (1978). *Orientalism*. N. Y.: Pantheon Books.

Sambefski, B. (1999, 2000). Deutsch-russische Eisenbahnbeziehungen 1887–1922. In *Jahrbuch für Eisenbahngeschichte*. (Vol. 31, part 1, pp. 89–119; Vol. 32, part 2, pp. 101–118).

Schenk, F. B. (2014). „Asien gibt sich langsam, aber immer deutlicher zu erkennen“. Reisen auf der Transsib als Grenz-Erfahrung im späten Zarenreich. In T. Grob, B. Previšić & A. Zink. *Erzählte Mobilität im östlichen Europa. (Post-)Imperiale Räume zwischen Erfahrung und Imagination* (pp. 179–196). Tübingen.

Schenk, F. B. (2014). „Hier eröffnete sich vor unseren Augen ein neues, schillerndes, von uns noch nirgendwo gesehenes Bild...“ Die gedankliche Neuvermessung des Zarenreiches im Eisenbahnzeitalter. In *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 63, 1, 4–23.

Schenk, F. B. (2014). *Russlands Fahrt in die Moderne. Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter*. Stuttgart: Franz Steiner.

Schivelbusch, W. (2000). *Geschichte der Eisenbahnreise: zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert*. Frankfurt a. M.: Fischer-Taschenbuch-Verl.

Schlögel, K. (2013). *Grenzland Europa. Unterwegs auf einem neuen Kontinent*. München.

Schlögel, K. (2005). *Marjampole oder Europas Wiederkehr aus dem Geist der Städte*. München: Carl Hanser.

Schlögel, K. (1998). *Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert* (pp. 39–56). Berlin.

Solov'eva, A. M. (1975). *Zheleznodorozhny'j transport Rossii vo vtoroj polovine XIX v.* [Railway transport in Russia in the 2nd half of the 19th century]. Moscow: Znanie.

Sonst und Jetzt. Nr. 147. 31.05.1884. In *Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde*. R 4701/14713.

Sperling, W. (2011). *Der Aufbruch der Provinz: Die Eisenbahnen und die Neuordnung der Räume*. Frankfurt a. M.: Campus Verlag.

Stepov, V. V. & Davy'dova L. A. (Eds.). (2008). *Zheleznyaya doroga ot Carskosel'skoj do Oktyabr'skoj: Istoriya. Razvitie. Perspektivy'* [The railroad from Tsarskoye Selo to Oktyabr'skaya: History. Development. Prospects]. Saint Petersburg: Liki Rossii.

Stoltmann, L. (1997). Nord Express. Pociąg ekspresowy Paryż-Sankt Petersburg przez chojnice 1896–1914. In *Zeszyty Chojnickie*, 1(15), 43–46.

Tihonov, V. V. (2012). Mezhdisciplinarny'j podhod v istoriograficheskom issledovanii: sovremenny'j rossijskij opyt' [The interdisciplinary approach in the historiographical study: modern Russian experience]. In «*Steny' i mosty'*»: *Mezhdisciplinarny'e podhody' v istoricheskikh issledovaniyah* (pp. 251–258). Moscow: Sovpadenie.

Timoshin, A. A. (Ed.). (2011). *Istoriya organizacii i upravleniya zheleznodorozhny'm transportom Rossii (1809–2009)* [The history of the organization and management of railway transport of Russia (1809–2009)]. Moscow.

Track gauge. Retrieved from: https://en.wikipedia.org/wiki/Track_gauge.

Vendrih, A. A. fon. (1897). *Germaniskie zhelezny'e dorogi* [The German Railways]. Saint Petersburg.

Vendrih, A. A. fon. (1900). *Francuzskie zhelezny'e dorogi*. [The French Railways]. Saint Petersburg.

Vendrih, A. A. fon. (1900). *Zhelezny'e dorogi v Germanii so vremeni knyazya Bismarcka. Sistema Brejtshtprehera peredachi raznokolejny'h vagonov bez peregruzki* [Railroads in Germany since the time of Prince Bismarck. Breitsprecher's system of transfer of cars from different without reload]. Saint Petersburg.

Vendrih, A. A. fon. (1911). *Pionery' kolonizacii: (Zhelezny'e dorogi, stroit. i kul'tur: raboty' v koloniyah i stranah protektorata)* [Pioneers of colonization: Railroad building and culture works in the colonies and the countries of the protectorate]. Saint Petersburg.

Westwood, J. N. (1966). *Geschichte der russischen Eisenbahnen*. Zürich.

Wolmar, Ch. (2012). *The Great Railway Revolution*. London: Atlantic books.

Youngman, P. A. (2005). *Black Devil and Iron Angel. The Railway in Nineteenth-Century. German Realism*. Washington, D.C: Catholic Univ. of America Press.

Zimmermann, R. E. (2006). *Die außerordentlichen Reisen des Jules Verne. Zur Wissenschafts- und Technikrezeption im Frankreich des 19. Jahrhunderts*. Paderborn.

The article was submitted on 25.01.2015

Андрей Викторович Келлер, PhD

Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
a.v.keller@urfu.ru

Andrey Keller, PhD

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
a.v.keller@urfu.ru

RUSSIA: IMAGES AND STEREOTYPES

DOI: 10.15826/QR.2015.1.083

УДК 81:39 + 81-112 + 811.161.1'37

+ 811.161.1'28

Елена Березович
Юлия Кривошапова

ОБРАЗ МОСКВЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Elena Berezovich
Iulia Krivoshchapova

THE IMAGE OF MOSCOW IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES: MAN. CULTURE. POLITICS AND ECONOMY

The article considers the reconstruction of the linguistic image of the Russian capital (Moscow) and its inhabitants (mainly in subdialects and the colloquial language). This image is studied with reference to the data of foreign languages and dialects, mainly, Slavic (especially East Slavic) languages as well as Romance and Germanic, Turkic and Finno-Ugric. The linguistic image is based on the analysis of words derived from the name of the Russian capital as a result of semantic derivation, as well as set expressions with such words (e.g. Russian dialectal *moskvichka* for 'milksop, lover of soft jobs', *namoskalit'sya* for 'learn to cheat', Ukrainian colloquial *moskal'ske kaparstvo* for 'Moscow (Russian) slapdash, disorder', Polish dialectal *moskal* for 'cabbage soup', English *Muscovy lantern* for 'lantern made with Muscovy glass', Swedish *Moscovit* for 'coat or raincoat with a Russian cut worn in the 1800'). The authors take into account the fact that in foreign languages, derivatives of the toponym in question do not only reflect the idea of Moscow, but, largely, of Russia as a whole. The article is the second part of a two-part sequence of articles on the topic. It studies the popular idea of the inhabitant of Moscow, the material and spiritual culture of the capital, as well as the economic and political aspects of its image. The analysis enables the authors to reveal the motivation of the words and idioms formed from the name of the capital. Additionally, the authors compare the national Russian and non-Russian perception of Moscow and its inhabitants. It is argued that, e.g., the national image of the Muscovite has a positive concept while the perception of the inhabitant of Moscow by foreigners is negative and is explained by its connection to the perception of Russians as occupant soldiers.

Keywords: Russian studies; Slavic studies; ethnolinguistics; semantic derivation; Russian dialectal vocabulary; phraseology; derivatives of toponyms.

В статье осуществляется реконструкция языкового образа столицы России (Москвы) и ее жителей, представленного в русском языке (преимущественно в говорах и просторечии). Этот образ изучается на фоне данных иностранных языков и диалектов, главным образом славянских (особенно восточнославянских), а также романо-германских, тюркских, финно-угорских. Языковой образ строится на основе анализа слов, образованных от названия российской столицы в результате семантической деривации, а также устойчивых сочетаний с участием таких слов (например, рус. диал. *москвичка* 'неженка, любительница «чистой» работы', *намоска́литься* 'научиться плутовать', укр. простореч. *москальске капарство* 'московская (русская) халтура, беспорядок', польск. диал. *moskal* 'суп из капусты', англ. *Muscovy lantern* 'фонарь, в отделке которого использовано «московское стекло», швед. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона, который носили в 1800-е гг.'). Авторы учитывают, что в иностранных языках дериваты от изучаемого топонима нередко выражают представления не собственно о Москве, а о России в целом. Настоящая статья является второй в цикле из двух статей на эту тему. В ней изучаются народные представления о жителе Москвы, о материальной и духовной культуре столицы, а также об экономическом и политическом аспектах ее образа. В ходе анализа выявляются мотивировки слов и фразеологизмов, образованных от названия столицы. Осуществляется сопоставление «внутрироссийского» и «зарубежного» восприятия Москвы и ее жителя. Так, отмечается, что «внутренний» образ москвича имеет в целом положительную оценку, в то время как «внешний» образ жителя Москвы = русского окрашен в негативные тона и определяется восприятием русских как солдат-захватчиков.

Ключевые слова: русистика, славистика, этнолингвистика, семантическая деривация, русская диалектная лексика, фразеология, оттопонимические производные.

Настоящая публикация продолжает проблематику, которая разрабатывалась в нашей статье, опубликованной в предыдущем номере данного журнала [Березович, Кривошапова], – изучение языкового образа Москвы и москвичей на основе деривационно-фразеологического гнезда «Москва», представленного в русском и иностранных языках. Как и в предыдущей статье, основной массив изучаемых фактов принадлежит русскому языку. Используются данные, относящиеся к разным формам его существования, но упор делается на народную языковую традицию. Рассматривается не только нарицательная лексика, но и проприальная – вторичные топонимы (появившиеся в результате переноса, как правило метафорического, имени *Москва* на микротопонимию), а также индивидуальные и коллективные

прозвища, образованные от названия столицы. Что касается иноязычных фактов, то к анализу привлекается в первую очередь материал славянских языков и диалектов (особенно восточно- и западнославянских), реже – германских и романских, эпизодически – тюркских и финно-угорских. Следует также отметить, что изучаемые данные воссоздают концепт не только Москвы, но и России, поскольку многие дериваты (главным образом иноязычные) от слова «Москва» отражают не только значения 'столица России, Москва', 'московский', 'москвич', но и 'русский; российский', 'Россия'.

В предыдущей статье анализировались факты, характеризующие «географию» Москвы. В данной публикации представлен материал, связанный с социально-культурной сферой. Он разделен на три смысловых блока: Человек; Культура; Экономика и политика.

Человек

Языковой образ Москвы невозможно представить без портрета ее жителя. Пытаясь охарактеризовать столичного «аборигена» с помощью элементов деривационно-фразеологического гнезда «Москва», мы столкнулись с проблемой разграничения образов непосредственно москвича и русского человека вообще. «Московские» определения человека тесно связаны с двумя основными векторами развития значений дериватов от вершинного топонима (в частности, катойконимов): «связанный с Москвой, московский» и «связанный с Россией, русский». «Внутренний» образ москвича, имеющийся в сознании жителей России, сосуществует с «внешним» образом русского, представителя, условно говоря, Московского государства (см. далее раздел «Политика и экономика»), который укоренился в сознании ближайших и дальнейших географических соседей. В то же время «внешняя» семантика слов с внутренней формой «житель Москвы» может проявляться и в лексических фактах, отмеченных на территории России (например, на Дону, в Сибири), – таким образом, «москвич» амбивалентен по значению и в пределах русского языка, ср., к примеру: 1) краснодар. *москаль* 'москвич' – «На Кубань маскали панаехали и землю скупают» [СКГВост, с. 137], алт. *москаль* 'переселенец из Московской области' – «Москали, которые с Московской области приехали» [СРГА, т. 3/1, с. 89]; 2) смол. *москалька* 'о русской женщине' [СРНГ, т. 18, с. 284], дон. *москаль* 'русский' – «Всю ночь не спал он, с *москалями* проиграл» [Миртов, с. 188] и т. п. Устаревшее слово *московиты* 'русские' хоть и встречалось в российском дискурсе, но не было для него характерно; как правило, эта лексема выражала «внешнюю» точку зрения, ср. цитату из романа Ю. Германа «Россия молодая», приведенную при слове *московиты* в [ССРЛЯ, т. 6, с. 1286]: «Экспедиция в Архангельск вызовет войну. Война с московитами дело не столь простое, как это может показаться».

Дериваты от названия столицы России со значением ‘русский (житель России)’ встречаются во многих языках Евразии – славянских, романских, германских, балтийских, финно-угорских, тюркских и др., ср. болг. *московец*, блр. *москва*, устар. англ. *muscovite*, итал. *moscovita*, тур. *Moskof* и т. п. Отмечены также дериваты изучаемого гнезда со значением ‘то, что свойственно русским’: польск. *z moskiewska* ‘как в Москве, как у русских’ – «Ktoś z oficerów tamtej strony ciągle na swoich z moskiewska krzyczał» («Кто-то из офицеров с этой стороны кричал на своих по-русски») [SJPД], итал. *Moscoviteria* ‘уничижит., книжн. манеры или поведение, характерные для русских’: «Vedendo la maledetta genia soldatesca sedersi sul trono di Pietroborgo... questa fu senza dubbio la ragione che mi fì pur tanto dispregiare quei popoli e sm furiosamente abborrire gli scellerati reggitori. Spiacintami dunque ogni moscoviterra, non volli altrimenti portarmi a Mosca, come avea disegnato di fare» («Видеть, как это чертовое солдатское отродье восседает на троне Петербурга... это была одна из причин, которая заставила меня презирать эти народы и яростно ненавидеть мерзких правителей. Так как мне не понравилась вся *московитерия*, он не захотел везти меня в Москву, как планировал раньше») (Альфиери), *Alla moscovita* («по-московски») ‘по-русски (например, так, как одеваются или ведут себя русские)’: «Quelli <gli studenti russi> discutevano prodigalmente e senza fine, alla moscovita» («Те <русские студенты> спорили жарко и бесконечно, “по-московски”») (Бакелли) [Battaglia, vol. 10, p. 992].

Особо следует упомянуть такое «внешнее» обозначение жителя России, как «москаль» (рус., укр. *москаль*, блр. *маскаль*, болг. *москал*, польск., чеш. *moskal*, румын. *muscal* и др.), которое распространено в ряде европейских языков, а в первую очередь – на территории Украины и Белоруссии. Чаще всего эти лексические единицы обладают ярко выраженной негативной коннотацией, ср. словарные дефиниции, пометы и контексты: рус. устар. *москали* ‘пренебр. прозвище русских на Украине и в Белоруссии’ [Шведова, с. 56], алт. *москаль* ‘прозвище русских’ – «Русских хохлы еще называют москалями, кацапами» [СРГА, т. 3/1, с. 89], оренб. *москали* ‘русские люди; так дразнили (прозывали) русских казаков украинские переселенцы’ – «Эх, нам не повезло, пришлось с москалями вместе жить. К сожалению, я должен, наконец, тебе сказать о ненависти их (малороссиян) к великороссиянам. Ты легко можешь здесь в этом удостовериться, ибо часто услышишь их говорящих: “Добрый человек, да москаль”. Они переливают чувство сие в самых малюток и пугают их *москалями*. При сём имени уstraшенное дитя перестает кричать» (Левшин) [ООС, с. 97], польск. *moskal* ‘оценочно неодобрительно о русском’ [SJPД], чеш. *moskal* ‘нейорат. великорусс’ [PSJČ, d. 2, s. 950], болг. устар. *москал* ‘русский, шовинистическое название русских и военных в дореволюционной Украине, Белоруссии и Польше’ [БЕР, т. 4, с. 253].

Этимологи указывают на происхождение рус. *москаль* (впервые встречающегося в XVIII в.) из польск. *moskal* через укр.-бел. посред-

ство и приводят первоначальное значение ‘выходец из Москвы, русский (солдат)’ [Фасмер, т. 2, с. 659; ЭСРЯ, т. 10, с. 321–322]. В польском языке *moskal* ‘житель Москвы; солдат московского царского войска’ отмечается, как минимум, с XVI в. [SP XVI, t. 15, s. 34]. Из польского слово пришло в другие славянские и прочие (в основном восточно-европейские) языки. Сама лексема происходит от названия столицы России и изначально является катойконимом. Возможно, исторически слово имело нейтральную семантику и подчеркивало лишь географическую или государственную принадлежность, но с течением времени начало приобретать негативный оттенок именно на территориях Польши, а затем Белоруссии, Литвы и Украины, которые были присоединены Российской империей и надолго включены в ее состав.

«Москаль» (русский) – взгляд из-за границы. Перейдем к описанию тех занятий, черт характера и поведения, которые приписываются жителю Москвы (русскому) в лексике и фразеологии иностранных языков.

Из типичных занятий русского в первую очередь отмечается военное дело. Соответствующие значения «обслуживаются» в различных языках чаще всего словом «москаль». На основе семантики национальной принадлежности (см. выше) у этого слова развивается более узкое значение ‘русский солдат’, ср. рус. *москаль* ‘солдат, военнослужащий’ [Даль, т. 2, с. 349], устар. простореч. *москали* ‘прозвище русских и солдат в дореволюционной Украине, Белоруссии и в старой Польше’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 1284–1285], укр. *москаль* ‘солдат’ – «Оддати Миколу в москали», *москальня* ‘солдаты’ [Гринченко, т. 2, с. 447], блр. червен. *маскаль* ‘солдат’ [КСЧ, с. 155] и др. («военная» модель отражается также в «московских» названиях одежды и оружия, см. далее раздел «Культура»).

«Милитаристское» значение «москаля» служит точкой отсчета для формирования образа русского солдата-агрессора (ср. контексты: рус. «Давно, давно, когда Дунаю Не угрожал еще москаль (Вот видишь, я припоминаю, Алеко, старую печаль), Тогда боялись мы султана» (А. Пушкин «Цыганы»), чеш. «Co rána z karabiny, to padlý Moskal» («Как рана от карабина, так подлый *москаль*») [PSJČ, d. 2, s. 950]), затем русского солдата на постое (рус. *мутит, как москаль* <т. е. солдат> *на селе* [Даль, т. 2, с. 349], укр. *мордується, мовъ москаль на хутори* ‘шумит, бранится’ [Білецький-Носенко, с. 229]) и, наконец, просто русского (обычно с подчеркиванием его негативных сторон).

Гораздо реже фиксируются обозначения мирных профессий, ср. румын. *tuscál* ‘извозчик (русского происхождения)’, образованное от *tuscál* ‘житель Москвы и России’ [DLR, t. 9, s. 1021]. Чтобы восстановить исторические реалии, стоящие за этим словом, нужны специальные изыскания. Логично предполагать, что извозом в Румынии занимались жители ближних к ней областей России (не Москвы). В то же время московский извозчик – выделенное историко-этнографическое явление, яркое и специфическое (в столице было много

извозчиков, они появились раньше, чем во многих других городах Российской империи, у них были особые привычки, одежда, речь и др., см., например: [Иванов, с. 179–189]).

Черты характера и поведения. «Москаль» (русский) жесток: польск. *dać komu pożałowanie moskiewskie* («выразить московское сожаление») ‘сурово наказать’ [Linde, t. 3, s. 162], тур. *Moskof* ‘деспот’ [Юсипова, с. 408]; обладает солдатскими замашками: укр. *намоскалитися* ‘приобрести солдатские привычки’ – «Він так намоскалився, щ з-під живого п`яти ріже» [Гринченко, т. 2, с. 504]; простоват и наивен: польск. *moskiewska (moskwicina) odpowiedź* ‘наивный, бесхитростный ответ’ [Brückner, s. 344], рус. *москаль <как> ворона, а привязчивее чёрта* ‘русские <солдаты?> – простоватые, неловкие и невнимательные люди, но очень навязчивые’ [БСРС, с. 118]. Он представляется также шумным, склочным и драчливым: укр. *росходився, як московський постіл* <лапоть>, *по-московському лаять* ‘материться’ [Номис, с. 186], словац. диал. *moskál* ‘драчун, буян, безобразник’ [SSN, t. 2, s. 191]. Кроме того, русский медлителен и нерасторопен: укр. *московський підожди* ‘об очень длительном промежутке времени’ [Номис, с. 78], *з московську годину ждавъ* («ждать московский час») ‘не дождался’ [Білецький-Носенко, с. 229]; небрежен в работе: укр. простореч. (Львов) *москальське капарство* («московская халтура, беспорядок») ‘сплошной беспорядок, запущенность’ [ЛЛ, с. 345], но при этом излишне придиричив: укр. *пеня московська* ‘беспричинная придирка; человек без причины и сильно придирающийся’ [Гринченко, т. 2, с. 447]. Ведет себя москаль как отпетый мошенник, плут и обманщик: малорос. *москалить* ‘мошенничать, обманывать в торговле’, *Знаєт москаль дорогу, а спрашиваєт* [Даль, т. 2, с. 356], укр. *підпускати (підвозити) москаля* ‘лгать, надувать, обманывать’ [Гринченко, т. 2, с. 447], польск. *Dźwigaj Moskala przez cały dzień na swoim grzbiecie, wieczorem będzie się skarżył, że jest znużony* («Неси весь день москаля на горбе, вечером скажет, что устал») [NKPP, t. 2, s. 525]. Речь москаля кажется невнятной: итал. *Moscovita* ‘непонятный язык или невнятная речь (произношение)’ ← ‘язык, на котором говорят в России’: «Уже две или три недели, как он говорит так же, как и мы все, и никогда трудно, как говорил раньше. – Трудно? – спросила Мария. – Точно! По-русски, – ответила кормилица, думая, что выразилась точнее» (Кантони) [Battaglia, v. 10, s. 992]. Польский язык отмечает обжорство москаля, ср. польск. *moskal* ‘человек, который много ест, обжора’ [SW, t. 2, s. 1046]. Из положительных черт можно отметить только солдатскую стойкость русских, ср. польск. *tak mocno stoi jak moskiewska piechota* («стоит крепко, как московская пехота») [NKPP, t. 2, s. 525].

Москвич глазами жителей России. «Внешнеполитическому» образу москаля (= русского) противостоит образ «внутреннего хождения», рисующий непосредственно жителя столицы. Отметим предварительно, что образ москвича, присутствующий в народном сознании, часто

строится на противопоставлении деревенскому жителю: налицо традиционное соперничество центра и периферии, города и деревни.

Один из ярких признаков москвичей – разговорчивость, умение хорошо и красиво говорить: перм., морд., ср.-урал. *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’ – «Дедушко-то ваш так-то много знает, он говорить мастёрый, москва говорить» (ср.-урал.), «Говорить-то он москва, с кем хошь поговорить может; Манинькой у Тани сын, а говорить-то москва» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 284; ДСРГСУ, с. 306; СРГМ, т. 1, с. 544], влг. как *Москва* ‘о бойком, разговорчивом человеке’ – «К Фаине иди, она как Москва, она всё знает, она говорунья, шустрит» [КСГРС], влг. *московец* ‘о человеке, который умеет хорошо, красиво говорить’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. Показательны и данные антропонимии: *Москвич* ‘прозвище жителя дер. Нижмозеро Онежск. р-на Архангельск. обл.’ – «Он говорил красно, как москвич», *Московец* ‘прозвище жителя дер. Бестужево Устьянск. р-на Архангельск. обл.’ – «Вышел из армии, стал говорить чище, вот и Московец» [АКТЭ] и др.

Комментируя рус. диал. *москва* ‘об очень разговорчивом человеке’, Е. С. Отин указывает, что эта лексема, возможно, отражает впечатление слушающих от московского городского просторечия [Отин, с. 244]. В связи с этим Е. С. Отин приводит следующий пассаж из статьи В. С. Елистратова: «Много написано об отличии петербургского языка от московского. Помимо всего прочего, можно было бы выделить одну существенную характеристику старомосковской речи: она значительно экспрессивнее и громче звучала, чем петербургская. В Москве была (и, вероятно, остается) огромной роль интонации, тембровых характеристик, модуляций голоса. И кроме того – жеста, соматических средств. Здесь ярче краски, пронзительнее голоса, резче телодвижения, громче смех. Московская речь не только очень эмоциональна, “площадна”, “средневеково-карнавальна” по духу. Она обладает еще одним качеством, о котором необходимо сказать: она чрезвычайно интернациональна по составу. Москва, по крайней мере, в лингвистическом плане была и остается евроазиатским городом» [цит. по: Отин, с. 244].

Московская речь воспринимается народным языковым сознанием как чистая, правильная, культурная, богатая: арх. *москвичка* ‘женщина, умеющая складно, красиво говорить’ – «Москвичка такая, хорошо говорит, всё ладно да по-учёному» [КСГРС]. Думается, представление об «эталонности» столичной речи связано и с традицией регулярно слушания на селе радиостанции «Говорит Москва», которая долгое время оставалась важнейшим источником знаний о «большом мире». Кроме того, собственно фраза «Говорит Москва» нередко предваряла и предваряет передачу наиболее значимых новостей, транслируемых самыми разными радиостанциями. Очевидно, эти обстоятельства нашли прямое отражение в урал. *говорит – Москва!* ‘высшая похвала у казака красноречивому (выше этой похвалы нет, но это похвала не за умение зубоскалить, говорить шутки и т. п., а за серьезный, деловой разговор, для всех убедительный)’ [СРНГ, т. 6, с. 256].

Кроме разговорчивости москвичей, маркируется такая особенность их речи, как «аканье»: костр. *по-московски* ‘о речи, о произношении с «аканьем» (безударные «а» и «о» произносятся как «а»)» – «Всем надо лучше говорить и все на “а” надо говорить, по-московски» [ЛКТЭ]; ср. также арх. *москвачи* ‘о жителях столицы’ – «Москвачи тут налетают и начинают акать-окать» [КСГРС].

Разговорчивость жителей столицы тесно связана, с одной стороны, с бойкостью, доходящей до плутовства (забайк. *москва* ‘о разговорчивом бойком обманщике, плуте’ [СРНГ, т. 18, с. 284], моск. *намосквѣичиться*, влад. *намосквѣйтиться* ‘перенять манеры и ловкость москвичей’, южн. *намоскалиться* ‘научиться плутовать’ [Там же, т. 20, с. 41]), с другой стороны – с общей культурой, знаниями, умением красиво одеваться и т. п.: арх. *московка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ – «Она московка, всё знает, а я ничего не знаю. Московка, говорят, вот идёт: снаредится, выступывает и говорит хорошо. Московка – котора хорошо говорит, много знает, хорошо одевается. Про детей чаще так говорят: “У, какая московка ты у нас”» [КСГРС]; *Москва* ‘прозвище жительницы дер. Чулас Лешу-конск. р-на Архангельск. обл.’ – «Дуська Леонидова Москва така, всё знает»; ‘прозвище жительницы дер. Дийково Бабаевск. р-на Вологодск. обл.’ – «Москва была богатой и много знала» [АКТЭ].

Признак высокого благосостояния, проремелькнувший в мотивировке последнего прозвища, отражен и в некоторых других антропонимах Русского Севера: *Московка* ‘прозвище жительницы села Верхняя Тойма Верхнетоемск. р-на Архангельск. обл.’ – «Манька в центре живёт, богатая, вот и зовём Москоўка», *Москвичи* ‘коллективное прозвище жителей дер. Заболотье Верховажск. р-на Вологодск. обл.’ – «Тут такие богатые всё жили» [Там же]. Ср. еще контекст о щеголеватости москвичей: «Плѣмянник моей барыни... воспитанный во вкусѣ Московских щегольков, влюбился в горнишную дѣвку» (А. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву») [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41].

Существует в народном сознании и представление о заносчивости и снобизме столичных жителей: костр. *москвич* ‘тот, кто важничает, ведет себя заносчиво’ – «Заносчивый такой человек, как москвич, ну, москвич такой» [ЛКТЭ], жарг. *москвич* ‘зазнавшийся, наглый и глупый заключенный’ [БСЖ, с. 357].

В отличие от селян, москвичи не умеют по-настоящему работать: арх. *москвичка* ‘неженка, любительница «чистой» работы’ – «Нонь все девки москвички, в деревне копать не надь», «Старша Танька у их москвичка така, ничего не нравится ей, всё гребует <брезгует> деревенской жизнью» [КСГРС], влг. *московка* ‘не умеющая работать, манерная женщина’ – «Клания москоўка така, ничего не умеет, всё жеманится» [Там же], ср. также пословицу: «Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше (а лучше) деревенского едят» [Даль, т. 1, с. 110].

Что касается бытовых привычек москвичей, то особо отмечается их пристрастие к чаю. Пили в Москве этот напиток много, пили все сословия, ср.: «Кто знает Москву не понаслышке, не по беглой наглядке, тот согласится, что чай – пятая стихия ее жителей» (1849) (И. Т. Кокорев «Чай в Москве»). В языке любовь к чаю отмечается в прозвище москвичей – *московские чаевники* [Муравьев, с. 314].

Продолжением «чайной» темы и одновременно подтверждением многих других мотивационных линий, о которых шла речь в данной рубрике, служит комплекс мотивировок прозвища *Москвичи* (параллельное именование *Чаевые*) ‘жители дер. Веселая Кичменьгско-Городецк. р-на Вологодск. обл.’ – «Без чая на работу не выдут», «Хорошо в деревне жили, на горе, весело им», «Есть нечего, а они нарядные ходят» [АКТЭ].

Культура

Материальная культура. Наиболее обширную группу названий артефактов, имеющих «московскую маркировку», составляют обозначения одежды. При этом, как правило, речь идет об одежде, которая по той или иной причине считается престижной. Нередко такая одежда изготовлена не кустарным способом, а является покупной, фабричной, ср. рус. орл. *московская тётка* (*московская параша*) ‘фабрика по производству и пошиву одежды’ – «Масковскъя тёткь работъить ни сваими руками, а нъ машинъх, а мы на сваих руках. Эта ш были как пирвабытныи люди, ани сами ткали, пряли, а щчас масковскъя теткь обрабатывъить усё»; ‘об одежде фабричного производства’ – «Ранъшы-тъ усе нъсили суконные, дъматканные, и нъ тибе-тъ щчас масковскъя тётка» [СОГ, т. 6, с. 147].

Большое распространение имели «московские» сарафаны. На разных территориях России их шили по-разному, но чаще всего они были из красной материи (ситцевые или холщовые), широкие и пышные, на лямках, украшались вышивкой или лентами, а главное – считались нарядными, праздничными: вят., горьк., чуваш., морд. *москаль* – «Ранъшгъ бабы мъскали носили красивы» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 284; СРГМ, т. 1, с. 544; ОСВГ, т. 6, с. 83], морд. *москвич* – «Уш кака красивъ ана была, и масквичъ-тъ нарядный насила» [СРГМ, т. 1, с. 545], вят. *москóвец* – «К Паске и мне московец сошьют» [СРНГ, т. 18, с. 285; ОСВГ, т. 6, с. 83], вят., марийск. морд. *москóвик*: «Мъсковик у меня красивый был уш больнь» (морд.) [СРНГ, т. 18, с. 285; СРГМ, т. 1, с. 545; ОСВГ, т. 6, с. 83]; чуваш. *москóвич* [СРГЧув, с. 116]; вят. *московка* [ОСВГ, т. 6, с. 83], алт., вят., пск., том. *московник* [СРНГ, т. 18, с. 285; СРГА, т. 3/1, с. 89; ПОС, т. 18, с. 379; ОСВГ, т. 6, с. 83], морд. *московска* (в знач. сущ.) – «Как дефки ф къровот фстанут, фсе красивы, ф хороших москоскъх дъ румяны» [СРГМ, т. 1, с. 545], астрах., костр., нижегор. *московский сарафан* [СРНГ, т. 18, с. 285; ЛКТЭ], твер. *подмосковник* [ТТС, т. 3, с. 18].

Одно из названий такого сарафана заимствовано в мордовский (эрзя) язык: *московка* 'сарафан прямого покроя на лямках, со сборками на кокетке, сшитый из шести полотнищ ткани' [ЭРС, с. 391].

Слова, входящие в изучаемое гнездо, обозначают и теплую верхнюю одежду. Это кафтан (вят. *москвичка* 'мужская долгополая одежда со сборками (кафтан)' [ОСВГ, т. 6, с. 83]), шуба (дон. *московка* 'женская длинная шуба свободного покроя с воротником' – «Маскофку надивали у церкву и у гости» [БТДК, с. 287], тюмен. *москвичка* 'шуба' – «Москвичка на ём была, шуба така мохната, хороша» [СРГЮТО, т. 1, с. 391]), но чаще всего – теплое мужское полупальто или куртка, иногда с меховым воротником: алт., башк., иркут., краснодар., краснояр., морд., орл., перм., ср.-урал., тюмен., яросл. *москвичка* – «Москвичкой звали полупальто тако мужское, шибко модное когда-то было» (перм.), «Москвички вот были. В наше время носили пальто длинное, а она короткая» (алт.), «Куртки модные были – москвички» (краснояр.) [СРНГ, т. 18, с. 284; ЯОС, т. 6, с. 60; СРГА т. 3/1, с. 89; СКГВост, с. 137; СОГ, т. 6, с. 146; СПГ, т. 1, с. 525; СРГБаш; СРГЦК, т. 2, с. 352; СРГМ, т. 1, с. 544; СРГЮТО, т. 1, с. 391], алт. *полумосквичка* [СРГА, т. 3/2, с. 122]. Для непривычных к пальто и курткам крестьян такая одежда была «городской» и модной (например, в Пермском крае пик такой моды приходился на 40-е гг. XX в. [СПГ, т. 1, с. 525]). Носили подобные пальто и в местах заключения, где они тоже высоко котировались: жарг. арест. *москвичка* 'ватное полупальто с косыми карманами и воротником – лагерный шик' [БСЖ, с. 357].

Теплая «московская» одежда была известна и в других странах. На Украине это такое же полупальто, как и в России: укр. ниж.-надднепр. *московка*, *москочка* 'мужское теплое полупальто с меховым воротником' [Чабаненко, т. 2, с. 293]. У шведов плащи «русского фасона» были известны в XIX в.: устар. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона, который носили в 1800-е гг.; рукава иногда подбиты мехом, иногда со шнуровкой' [OSS, bd. 17, s. M1413].

Из других названий одежды, функционирующих в русских говорах, стоит упомянуть обозначения мужского пиджака, который тоже считался в деревне «городским» (алт., башк., морд. *москвич* [СРГА, т. 3/1, с. 89; СРГБаш, с. 79; СРГМ, т. 1, с. 545], башк., морд. *москвичка* – «Абычна мужынёк фарсил в мъсквиче», «Масквич'ка – мушской пинжак, шытый па кул'турнъму, наряднъй, акуратный, фигурный, какетка йес'» (башк.) [СРГБаш; СРГМ, т. 1, с. 545]), широкой нарядной юбки со сборками (морд. *москаль*, *москови́к*, *московска* [СРГМ, т. 1, с. 545]), праздничной женской кофты (влг. *москочка* 'кофта с белым воротником' – «На праздник одевала юбку да москочку» [СВГ, т. 5, с. 5]), нарядной мужской рубахи (нижегор. *московская рубашка* 'нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, манжетами и кружевами' [СРНГ, т. 18, с. 285], пск. *московник* 'старинная верхняя мужская рубаха' [ПОС, т. 18, с. 379]). В буковинских говорах Украины тоже отмечается наименование покупной рубахи с «модной

приметой» – застежкой-молнией: *москвічка* ‘верхняя мужская рубашка с поясом, спереди на «молнии»’ – «Дивиси, файну москвічку я купила?», «У селі у нас дуже модні москвічки» [СБукГ, с. 296].

Среди головных уборов носителям русских говоров известны шляпы, которые тоже нетипичны для крестьянского гардероба: нижегор. *московка* ‘сорт шерстяных шляп’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. В украинском языке середины XIX в. отмечено сочетание *московській бриль* («московская шляпа») ‘кивер; офицерская, солдатская шляпа’ [Білецький-Носенко, с. 61–62, 229], появление которого объясняется «военными» ассоциациями Москвы (России), см. подробнее выше, в разделе «Человек». Аналогичное обозначение фиксируется в польском языке: *moskowskie kaszkiety* («московские фуражки») ‘старинный тип фуражки, представленный на военном российском головном уборе, называемом еще «русским»; имел широкий околыш, широкое дно и высокий перед. Для жесткой формы в него вставляли проволоку или пружину’ [Тугра, s. 108].

Что касается обуви, то псковские крестьяне носили *московские боты* – ‘резиновые ботинки с высокими голенищами’ – «А посла вайны насили маскофские боты, их фсе как поршни кожаные насили» [ПОС, т. 18, с. 379]. Эта обувь тоже была новой в крестьянском быту и весьма престижной. Московское происхождение приписывалось некоторым видам лаптей: р. Десна *московские лапти* ‘лапти косога плетения; по бокам делается полоса, через которую переплетают лыко; за нее зацепляют оборы’ [СРНГ, т. 18, с. 285], пск. *москаль* ‘вид лаптей из березы без пяток’ – «Пятерные лапти насили и маскали, маскали пляли бес пят» [ПОС, т. 18, с. 377], брян. *москаль* ‘лапоть’ [БрянОС, с. 203].

Наименования тканей (а также других близких реалий – тканых узоров, материалов для изготовления обуви и др.) с «московской маркировкой» отсутствуют в русском языке, но отмечаются за его пределами. По всей видимости, в сугубо этнографическом ключе следует понимать укр. *московка*, *московочка* ‘сорт мережки’ [Гринченко, т. 2, с. 447]: речь идет об одном из русских узоров (в отличие от украинских). Белорусы называют «московскими» тонкие и достаточно престижные ткани: *московщина* ‘тонкий холст русского изделия’ – «Московщины набрала на рукавы» [Носович, с. 291], могилев. *маскоўшчына* ‘мадеполам’ – «Тата мне купіў маскоўшчыны на плацьця» [Бялькевіч, с. 260]. Итальянцы, напротив, используют слово *Moscova*, чтобы обозначить ‘вид довольно тяжелой ткани, употребляемой для хранения верхней одежды’ [Battaglia, vol. 10, p. 992]. Для интерпретации последнего названия его можно сопоставить с исп. *rusa* ‘пальто из грубого сукна’ [АВВУУ Lingvo x 5], польск. *sybir* ‘толстая ткань из шерстяного холста с начесом, для зимней одежды’, *syberyna* ‘грубая шерстяная ткань’ – «Szynel, palto z syberynu» [SW, t. 6, s. 532]. В этом случае «московская» = «сибирская» = «русская» ткань – та, из которой делают одежду, пригодную для суровых климатических условий России. Могли сыграть роль и «военные» ассоциации, присущие образу Москвы (России)

в глазах иностранцев: из подобных грубых тканей шьют солдатскую форму (шинели).

Отметим также название выделанной кожи: англ. *Muscovy hide*, *Muscovy leather* («московская кожа») = *Russian leather* ‘юфть, сорт кожи, получаемый особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей и свиней’ [OED, vol. 10, p. 119]. Юфть издавна была важной статьей российского импорта, ср.: «Красная юфть... в значительном количестве вывозится в Западную Европу, где под названием “русской кожи” весьма ценится иностранцами и перерабатывается в разнообразнейшие мелкие изделия: портмоне, портсигары и т. п... В старину наиболее известным русским коженным товаром была юфть, которая вывозилась за границу и продавалась кипами» [ЭСБЕ, т. 41, с. 460–461].

К следующей группе обозначений атрибутов материальной культуры, которые отсылают к образу Москвы, относятся названия продуктов питания.

Среди них в первую очередь следует упомянуть наименования водки или напитков, ее включающих. В России и за ее пределами хорошо известны различные собственные имена водок типа рус. *Московская особая*, *Московская*, англ. *Muscovite special vodka* и проч. (ср. также рус. *Столичная*). Есть и несортные наименования, которые формируются либо на основе сортовых, либо независимо от них (отражая представления о московском или российском производстве напитка): рус. новосиб. *московное вино* ‘водка’ [СРНГ, т. 18, с. 285], пск., кокчетав. *московка* ‘название сорта водки’ [Там же; ПОС, т. 18, с. 378], укр. гуцул. *московка* ‘водка «Московская водка» (один из сортов времен Советского Союза)’ [Негрич, с. 116], польск. диал. *moskal* ‘вид старой темной водки’ [Тугра, s. 108]. Ср. также обозначения различных смесей, в состав которых входит водка: рус. жарг. *москвич* ‘смесь из пива и водки’ [ТСРС, с. 225], англ. *Moscow tulle* («московский гибрид») ‘коктейль, включающий в себя водку (например, водка, имбирное пиво и лайм)’ [OED, vol. 9, p. 1110]. Показателен один из комментариев к последнему названию (английскому), в котором говорится о том, что «московский гибрид», кажется, неизвестен в России [Там же]. Таким образом, название не отражает этнографическую реалию, а воплощает стереотипное представление о крепких напитках, которые пьют русские.

Что касается названий других продуктов питания, то они преимущественно «внешние», иноязычные. Из русских диалектных можно упомянуть только одно (называющее не собственно продукт, а способ его приготовления): терск. *московская резня* ‘особая разделка лосося’ [СРНГ, т. 18, с. 285]. *Московский* в данном случае может иметь как узкое значение ‘связанный с Москвой’, так и более широкое – ‘связанный с материковой Россией’ (в противопоставлении побережью Белого моря).

Среди иноязычных названий есть лексические единицы, которые называют поставляемые из России (через Россию) продукты питания:

болг. диал. *московски чай* 'чай, *Thea chinensis*' [БЕР, т. 4, с. 253]. Возникновение этого сочетания объясняется тем, что черный чай (преимущественно китайский) завозился во многие европейские страны сухопутным путем – через Россию (этот путь, в отличие от морского, способствовал лучшей сохранности продукта). Как указывают исторические источники, «транзит» чая был очень выгоден для русских купцов, особенно московских, контролировавших чайную торговлю с конца XVIII в.: к примеру, в 1834 г. через Москву в Польшу было отправлено чая приблизительно на 200 тысяч рублей [Соколов, с. 99]. Во многих европейских языках такой чай назывался «русским» (подробнее см.: [Березович 2012, с. 181–186]).

Другие названия продуктов питания воплощают впечатления о пищевых привычках русских. Так, в польск. диал. *moskal* 'суп из капусты' [Тугра, s. 108], вероятно, запечатлен образ русских щей или борща, а польск. *moskal* 'овсяный блин' [SW, t. 2, s. 1046] отражает, по всей видимости, представление о русских блинах, ср. также укр. *налисники московські* (в источнике указано, что они разводятся на молоке, как украинские *божі онучі*) [Номис, с. 622]. Для польского названия блина можно предполагать дополнительный мотивирующий момент, который создается представлениями о некотором примитивизме и «суровости» русской пищи: как сообщается в одном из польских диалектных словарей (говоры Закопане), блин *moskol* выпекался на воде из муки грубого помола и овсяной мякины, иногда с добавлением ячневой или ржаной муки, иногда с картошкой [SGZO, s. 196]. Очевидно, такие блины могли свидетельствовать о бедности тех, кто их ест, ср. польск. диал. *wesele o jednym moskalu* («свадьба в один москаль <блин>») 'о квартке (¼ литра) воды' [Karłowicz, t. 3, s. 186].

Польская лепешка *moskal* использовалась и как лекарственное средство: *moskal* 'вид пилюли': «Na zastawienie biegunki, moskala ugnieść z mąki pszenicznej z babczanym nasieniem, dać choremu jeść» («Чтобы остановить понос, нужно сделать москаля из пшеничной муки с бобовым семенем и дать больному съесть») [SW, t. 2, s. 1046]. В других источниках указывается, что *moskal* (*moskalik*) употребляли наружно, прикладывали теплым к больному месту вместо пластыря; при этом пекли их с добавлением водки [Linde, t. 2, s. 144; SP XVI, t. 15, s. 34]. Вполне возможно, что мотивировку этого названия в данном случае поддерживает «участие» водки.

Выяснение мотивации нидерл. *Moscovisch gebak* («московское печенье») 'бисквитный торт' [Ваар, р. 665] вызывает некоторые затруднения. В сети Интернет имеются сведения и о других «московских тортах», см., к примеру, *Moscow Torte*¹, в состав которого входят манная крупа, яйца, грецкие орехи, вишня и др. Возможно, есть смысл поставить данные названия в ряд обозначений кондитерских и выпечных изделий с компонентом «русский»: франц. (бельг.) *tartine russe* («русский бутерброд») 'пирожное на бисквитной основе с масляным

¹ См.: <http://tortekolaci.com/en/torte/moscow-slice-torte>.

кремом, которого вдвое больше, чем основы, франц. *gâteau russe* («русский торт») ‘пирожное – тонкое безе и слой крема пралине с орехами и миндалем’, итал. *croccanti alla russa* («русское миндальное печенье») ‘крокеты цилиндрической формы, фаршированные мясом и обжаренные в яйцах’ и др. [Березович, с. 194–195]. В этих случаях «русскими» называются очень сладкие, жирные, пышные, богато украшенные изделия, что соответствует стереотипу обилия, «чрезмерности» и «вычурности», связываемому с Россией [Там же]. Не исключено, что сказанное относится и к «московскому печеню». Нельзя отрицать и возможности конкретной этнографической мотивировки (рецепт торта «российский» по происхождению).

Что касается блр. гродн. *маскалі* ‘сладкие пряники’ – «На Пятро пад цэрквай будуць прадаваць маскалі» [СРЛГ, с. 72], то здесь, вероятно, отражены мотивирующие признаки, сходные с теми, которые положены в основу многих наименований одежды: «привозимое из большого города», «дорогое», «праздничное» и т. п.

«Московские» обозначения традиционных орудий, инструментов и утвари тоже даны извне и имеют этнографическую мотивацию («сделанный в России или подобный тому, как делается в России»): блр. могилев. *маскоўка* ‘топор (русского образца)’ [Бялькевич, с. 260], польск. диал. *moskiewka* ‘соха для пахоты одним конем в борозде’, *moskal* ‘вид кухонной печи’ [Тугра, s. 108].

Как показывает предшествующее изложение, не случайно появление «московских» наименований оружия: серб. *мѡскѡвка* ‘вид оружия (русская винтовка, заряжающаяся пятью патронами)’ [РСХКН], кн. 13, с. 79], ср. также укр. *московський патрон* [Номис, с. 409].

Говоря о продукции, которая называлась «московской», нельзя не упомянуть о калиевой слюде. Она издавна добывалась в России. В русском языке XVIII в. для обозначения слюды использовалось терминологическое сочетание *московское стекло*: «Таковой Гипс много сходствует на Талк, называемой Стекло Мариино или Стекло Московское, то есть Слюдву» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41]. В более поздних отечественных лексикографических источниках оно, кажется, не отмечено. При этом названия слюды с внутренней формой «московское стекло» широко распространены во многих языках мира и отмечены как историческими, так и синхронными словарями: польск. *szkło moskiewskie*, англ. *Muscovy glass*, нидерл. *Moscovisch glass*, франц. *verre de Moscovie*, тур. *moskof camı* и т. п. Параллельно им в международной минералогической терминологии представлено еще одно «московское» название слюды (точнее, одного из минералов группы слюд) – *московит* (англ. *muscovite*, от *Muscovy* ‘Московия, старинное название России’). В русском языке это название не имеет прозрачной внутренней формы; в иностранных языках мотивированность тоже стирается, поскольку производящее слово является устаревшим. Слюда составляла важнейший предмет экспорта. Она употреблялась вместо стекол, находила широкое применение в светильниках

(ср. англ. *Muscovy lantern* 'фонарь, в отделке которого использовано «московское стекло»' [OED, vol. 10, p. 119]), для украшения внутреннего пространства и отделки храмов, при создании икон и др. Ср. также наименования близких веществ, которые имели промышленное применение: рус. (XVIII в.) *московская глина*: «Камень Нефритический и бѣлая Московская глина разтопляются вмѣстѣ при сильном огнѣ в темноѣрое стекло» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41], тур. *moskof toprađi* («московская земля») 'песчаник (для чистки металлических предметов)' [Юсипова, с. 408].

Приведем также «московские» названия веществ, мотивация которых пока нам не ясна. Возможно, речь тоже идет о производимых в России товарах: польск. *kwias moskiewski* («московская кислота») 'раствор селитряной кислоты', *krople moskiewskie* («московские капли») 'настойка хинидина' [SW, t. 2, s. 1047]. Можно предложить и такую версию происхождения этих сочетаний. В русском языке фиксируется слово *москатель* 'некоторые химические вещества (краски, клей, масла и т. д.) как предмет торговли', которое отмечено также в украинском и белорусском языках [ЭСРЯ, т. 10, с. 322]. По одной из этимологических версий, кажущейся наиболее достоверной, слово *москатель* следует связывать с ср.-греч. *μῶσκος*, др.-греч. *μῶσχος* 'мускус', откуда и рус. *мускус* [Там же, с. 323]. Возможно, фонетическая близость слов вроде *москаль* и *москатель* послужила поводом для народно-этимологических сближений («*москатель* – то, что производится *москалями*»). Пока не ясно, в каком языке могло произойти такое сближение (в украинском, с которым особенно активно взаимодействовал польский?).

Из названий позднейших объектов экспорта наиболее устойчиво фиксируются обозначения автомобиля «москвич». Они известны как русским говорам (пск. *москвичка* 'машина марки москвич' [ПОС, т. 18, с. 378]), так и иностранным языкам – главным образом языкам стран бывшего социалистического содружества: болг. *москвич*, словен. *moskvič*, укр. простореч., жарг. *москаль* [ЛЛ, с. 460; Ставицька, с. 222] и т. п.

Духовная культура. К этой сфере относятся немногочисленные и разнородные языковые факты.

Среди них есть лексические единицы, характеризующие веру (религию). В украинском языке встречается *московська віра* в значении 'греческая вера (*graeca fides*)' [Номис, с. 696]. Очевидно, речь идет о православии, которое представляется носителям языка «гарантом» добропорядочности, ср. переносное значение этого же словосочетания 'добросовестность'. Отметим еще, что *москалями* называли и старообрядцев, ср. смол., зап.-брян. *москаль* 'русский-старообрядец' [СРНГ, т. 18, с. 284].

В русских диалектах фиксируются наименования игр и игровых предметов. Псковское сочетание *московская лапта* 'разновидность игры в лапту' [ПОС, т. 18, с. 379] отражает, по всей видимости, территориальные особенности игры (см. также пск. *ленинградская лапта*

[ПОС, т. 18, с. 379]). Симбирское *московка* ‘змеярка, ладейка, бумажный змей (детская игрушка, приправленный к лучинкам лист бумаги, пускаемый по ветру на возжице, с привешенным к нему хвостом, с трещоткой и пр.)’ [Даль, т. 2, с. 349; т. 1, с. 686], вероятно, связано с традицией запускать таких змеев во время ярмарок, гуляний и проч., которые проводились в Москве (дополнительным мотивирующим фактором может быть цветастый «наряд» змея, что соответствует ассоциациям «праздничности», «нарядности», связанным с Москвой).

Наконец, укажем на наименование музыкального инструмента: укр. сочетание *московська волинка* обозначает русскую волынку (украинская волынка называлась *дуда* или *коза*) [Номис, с. 327].

Политика и экономика

Государство. Москва является не только столицей самой большой по территории страны в мире, но и символом государства – политической, экономической и культурной формы организации общества, называемого Россией (Российской империей, СССР и др.). Выше уже говорилось, что имя столицы и производные от него использовались как название России. Иногда элементы изучаемого деривационно-фразеологического гнезда отражают старое название России (Московского государства): так, к примеру, устар. англ. *Muscovia* [OED, vol. 10, p. 119], серб. *Московија* [РСХКН], књ.13, с. 79] etc. передают лат. *Moscovia*, старинное обозначение России, которое было распространено в Средние века в Западной Европе; в других случаях отсылка к Москве носит «неофициальный» характер (не опосредована названием государства), ср. укр. *Московицина* ‘Великороссия’ [Гринченко, т. 2, с. 447], польск. *Moskwa* ‘государство Российской’, ‘русские’ – «Wszystkie te obszerne kraie, które się zamykają pod powszechnym Moskwy imieniem, na Moskwę Europejską i Azyatyczną dzielą się» («Все территории, называемые Москвой, делятся на Европейскую и Азиатскую Москву») [Linde, t. 2, s. 144] и др. Метонимические обозначения такого рода следует считать скорее «внешнеполитическими», характерными для языков ближайших и дальнейших географических соседей России. Впрочем, внутри страны слова, производные от названия столицы, тоже употреблялись по отношению к жителям Московского государства в целом, ср., к примеру, в русском языке XVIII в.: *москва, москвичи* ‘жители Московского государства, русские’ – «В биршене 2400 члкъ москвы стали в замкѣ», «Полковник шлипенбах, крѣпость нотенбург... москвичам... здати принужден был» [СлРЯ XVIII, т. 13, с. 41].

В современном русском литературном языке фиксируется *Москва* в значении ‘центральные ведомства, министерства союзного значения; столичные власти’ [Отин, с. 243], ср. контексты типа: «Москва решила уничтожить Новороссию»; «Москва не хочет “голубых касок” на Украине» и др. Отметим также, что подобная модель именования

государства (и его властных структур) через столицу вообще достаточно широко распространена в СМИ: «Киев объявил о завершении операции», «Вашингтон молчит» и проч.

Знаки отличия, деньги и меры. «Московская» маркировка представлена и в названиях различных символов политико-экономической жизни общества: знаков отличия, денег, мер.

Говоря о знаках отличия, следует упомянуть название медали: рус. *московка* ‘медаль, которую жаловали цари’ [Даль, т. 2, с. 349].

Национальной денежной единицей Московского государства долгое время оставалась *московка*, или *московская деньга* ‘название денежной единицы и монеты (0,34 г серебра) (с середины XV в. равной ½ новгородской деньги, в XVI–XVIII вв. – ½ копейки), ставшей после унификации русской монетной системы (с середины XVI в.) основной денежной единицей в Русском (Московском) государстве’ [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 270–271]. От нее отсчитывались другие единицы: *московские деньги*, *московское серебро* ‘монеты московской чеканки разного достоинства’. Например, *московский алтынъ* равен 6 *московкам*; *московская гривна* – 20 *московкам*; *московский рубль* – 200 *московкам* [Там же, с. 271]. Название монеты определялось местом чеканки и хождения, ср. также пск. *деньга московская* ‘монета местной чеканки’ – «А давали тѣ рыбные ловцы архиепископу Ноугороцкому 65 метей... да по 2 денги московскихъ» [ПОС, т. 9, с. 30], *московка* ‘название денежной единицы и монеты (0,34 г серебра) по месту чеканки и хождения’ [Там же, т. 18, с. 378–379], блр. истор. *деньги московские* ‘монеты московской чеканки разного достоинства’ [ГСБМ, т. 18, с. 168]. *Московка* возникла в противовес *псковке* и *новгородке*, которые ходили в Русском государстве до усиления его централизации и унификации региональной монетной чеканки, которая была осуществлена в 1534 г. Еленой Глинской. Слово *московка* употреблялось для обозначения не только денежной меры, но и весовой, ср. рус. твер. *московка* ‘мера, мерка, маленка, пудовка, четверик’ [Даль, т. 2, с. 349], ‘хлебная мера’ [СРНГ, т. 18, с. 285]; *московка* ‘название мер сыпучих веществ московского образца’ [СлРЯ XI–XVII, т. 9, с. 271].

Итак, внимание авторов было сосредоточено на комплексе языковых фактов, зафиксированных в русском и иностранных (преимущественно славянских) языках и составляющих деривационно-фразеологическое гнездо «Москва». Выделены основные смысловые линии, проявленные в этом гнезде, а также особенности языкового образа столицы и ее жителей, представленного в наивном сознании носителя языка. В настоящей статье, завершающей цикл публикаций на данную тему, рассматривались те слова и выражения, которые связаны с социальной, культурной и политической составляющими образа столицы.

Чрезвычайно важной для описания языкового образа Москвы оказывается характеристика ее **жителя** (раздел «Человек»), которая дается и с внутрироссийских, и с внешних позиций. В первом случае воссоздается портрет собственно москвича (глазами жителей провинции), во втором – россиянина. Основная лексема, семантико-деривационные ресурсы которой позволяют «написать» внешний портрет, – экспрессивное слово «москаль», которое распространено в целом ряде европейских языков. На основе «национального» значения ('русский') у этого слова появляется более узкое значение 'русский солдат'. «Военные» ассоциации «москаля» служат точкой отсчета для формирования образа русского агрессора, затем русского солдата на постое и, наконец, просто русского, обычно с подчеркиванием его отрицательных качеств. «Москаль» жесток, обладает солдатскими замашками, простоват и наивен. При этом он представляется шумным, склочным и драчливым. Кроме того, русский медлителен, нерасторопен и небрежен в работе. Ведет себя москаль как отпетый мошенник, плут и обманщик. Речь его кажется невнятной.

Во внутреннем языковом пространстве России функционирует образ жителя столицы, созданный преимущественно с позиций провинциала. Москвич любит поговорить, и его разговорчивость тесно связана, с одной стороны, с бойкостью, доходящей до плутовства, с другой стороны – с общей культурой, знаниями, умением красиво одеваться и т. п. По мнению русских крестьян, москвичи богаты, заносчивы и не умеют по-настоящему работать. Из их бытовых привычек особо отмечается пристрастие к чаю.

Характеризуя языковую «рецепцию» **материальной культуры** Москвы, отметим, что количество артефактов и бытовых сфер, отраженных в «московских» номинациях, достаточно ограничено: одежда (преимущественно верхняя); пища (спиртные напитки и выпечка), оружие и инструменты. Взгляд на московское «культурное наследие» преимущественно внешний: в большинстве обозначений просматриваются мотивировки «сделанный в России», «сделанный на русский манер», «пригодный для использования в России» (англ. *Muscovy hide* 'юфть', франц. *verre de Moscovie* 'калиевая слюда', блр. *маскоўка* 'топор русского образца', швед. *Moscovit* 'пальто, плащ русского фасона' и т. д.). Отмечены и такие слова, которые не запечатлевают непосредственно этнографические реалии, но отражают стереотипные представления о русском и России, ср. итал. *Moscova* 'вид тяжелой ткани', значение которого навеяно, очевидно, «военными» ассоциациями. Внутрироссийские названия, содержащие «московскую маркировку», содержат указание на место производства того или иного изделия (пск., кокчетав. *московка* 'название сорта водки'), а также его оценку, включающую признаки «качественное», «дорогое», «праздничное», «привозимое из большого города», «фабричное» (нижегор. *московская рубашка* 'нарядная рубашка с коленкоровыми белыми рукавами, манжетами и кружевами').

На периферии народного сознания оказываются представления о Москве как символе государства. **Политическая** составляющая образа столицы просматривается в основном в иноязычных метонимических обозначениях России, а также в лексеме *Москва* в значении 'центральные ведомства, министерства союзного значения; столичные власти', представленной в русском литературном языке. «Московская маркировка» фигурирует также в обозначениях национальной валюты, знаков отличия, мер и весов. В целом же язык (особенно народные говоры) рассматривает Москву скорее не как политико-экономический центр, а как средоточие социально-культурной жизни.

Языковые данные демонстрируют многогранность оценочного отношения к Москве, свойственного носителям разных языков. Для языкового сознания русских (и в ряде случаев для сознания их ближайших соседей) Москва нередко служит источником положительных эмоций («московскими» называются праздничные пряники, нарядные сарафаны, красивый воздушный змей и т. п.). В то же время житель Москвы, как было показано выше, оценивается русским языковым сознанием амбивалентно; наряду с положительными чертами в его портрете присутствуют отрицательные (снобизм, неумение работать). Но если здесь заметны лишь отдельные негативные штрихи, то внешний портрет «москаля» (русского) практически полностью окрашен в темные тона. Важно отметить, что оценка проявлена не только в экспрессивных обозначениях человека, но и в наименованиях продуктов питания (а также, как было показано в [Березович, Кривошапова], обозначениях насекомых, грибов и др.), созданных по законам ксенономинии и воплощающих признаки «примитивный», «дикий», «некачественный» и т. п.

В формировании изучаемого образа участвуют не только когнитивно-прагматические факторы, но и собственно языковые. Среди них, к примеру, семантическая диффузность вершинного слова: *Москва* иногда трактуется как Европейская Россия; в иностранных языках «московское» может приравниваться не только к «русскому», но и к «сибирскому», «азиатскому» [Там же, с. 177]. Можно говорить и о проявлении фактора паронимической аттракции: к примеру, элементы изучаемого гнезда иногда «притягиваются» к продолжениям др.-греч. *μόσχος* 'мускус'.

Данная статья никак не исчерпывает заявленной темы. Привлечение данных других языков и языковых идиомов может существенно обогатить складывающуюся картину.

Список литературы

АКТЭ – Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

БЕР – Български етимологичен речник. София, 1971 – . Т. 1 – .

Березович Е. Л. Русская пища в зеркале иностранных языков (на материале производных от слов «русский», «Россия») // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 173–197.

Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. «География» Москвы // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 159–184.

Білецький-Носенко П. Словник української мови. Київ : Наукова думка, 1966. [Пам'ятки української мови].

БрянОС – Брянский областной словарь / отв. ред. Н. И. Курганская. Брянск : Брянск. гос. ун-т, 2011.

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона СПб., 2000.

БСРС – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Гринченко – Словарь украинского языка / сост. Б. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – . Т. 1– .

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4.

ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

Иванов Е. П. Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М. : Московский рабочий, 1982.

КСГРС – Картоотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

КСЧ – Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.

ЛКТЭ – Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

ЛЛ – *Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Лексикон львівський поважно і на жарг. Львів, 2009.

Миртов А. В. Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.

Муравьев В. Б. История Москвы в пословицах и поговорках. М. : Алгоритм, 2007.

Негрчи М. Скарбы гуцульського говору: Березові. Львів, 2008.

Номис – Українські приказки, прислів'я і таке інше / Укл. М. Номис. Київ, 1993.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

ООС – *Моисеев Б. А.* Оренбургский областной словарь. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2010.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996– . Вып. 1– .

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк : Юго-Восток, 2004.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967– . Вып. 1– .

РСХКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959. Књ. 1– .

СБукГ – Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.

СКГВост – Словарь кубанских говоров: Краснодарский край: восточный регион. Армавир : РИЦ АГПУ, 2009.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975– . Вып. 1– .

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984– . Вып. 1– .

СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992– . Вып. 5– .

Соколов И. А. Чай и чайная торговля в России: 1790–1919 гг. М., 2012.

СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1998. Т. 1–4.

СРГБаш – Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа, 2008.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1–2.

- СРГЦК – Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Красноярск, 2003–2010. Т. 1–5.
- СРГЧув – Колесникова С. В., Корнилов Г. Е., Лотря Л. В. Словарь русских говоров Чувашской Республики. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2003.
- СРГЮГО – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. Т. 1–2.
- СРЛГ – Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны. Гродно, 1999.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М. ; Л., 1965 – . Вып. 1– .
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Ставицька Л. Український жаргон: Словник. Київ, 2005.
- ТТС – Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003–2006.
- ТСРС – Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Чабаненко В. А. Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. 1–4.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- ЭСР – Серебренников Б. А., Бузакова П. Н., Мосин М. В. Эрзянско-русский словарь. М. : Рус. яз. : Дигора, 1993.
- ЭСБЕ – Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890–1907. Т. 1–16.
- ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанско-го. М., 1963– . Т. 1– .
- Юсупова П. П. Турецко-русский словарь. М. : Русский язык медиа, 2005.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- АВВYУ Lingvo x 5: двадцать языков [Электронный словарь]. URL: www.lingvo.ru.
- Baar A. H. van den. Nederlands-Russisch woordenboek. Deventer-Antwerpen : Kluwer, 1989.
- Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961–2002. Vol. 1–21.
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- DLR – Dicționarul limbii Române. T. 9. București: Editura Academiei Române, 2010.
- Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- Linde S. Słownik języka polskiego. Т. 1–6. Warszawa, 1807–1814.
- NKPP – Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa, 1969–1978. Т. 1–4.
- OED – The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. 2 ed. Vol. 1–20.
- OSS – Ordbok over svenska språket / Utgiven an Svenska Akademien. Lund, 1945. Bd. 17.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
- SGZO – Zborowski J. Słownik gwary Zakopanego i okolic. Zakopane-Kraków : Wydawnictwo Naukowe DWN, 2009.
- SJPD – Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. Т. 1–11.
- SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1949– . Т. 1– .
- SSN – Słownik slovenských nářečí. Bratislava, 1994– . Т. 1– .
- SW – Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. Т. 1–8.
- Tyrpa A. Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków, 2011.

References

- АВВYУ Lingvo x 5. Retrieved from: www.lingvo.ru.
- Антопонимическая картотека топонимической экспедиции Уралского федерального университета (кафедра русского языка и обшхего языкознания УрФУ, Екатеринбург) [Anthroponymic card-index of toponymic expedition of Ural Federal University (chair of the Russian language and General linguistics, Ekaterinburg)].

- Baar, A. H. van den. (1989). *Nederlands-Russisch woordenboek*. Deventer-Antwerpen: Kluwer.
- Battaglia, S. (1961–2002). *Grande dizionario della lingua italiana*. (Vols. 1–21). Torino.
- Berezovich, E. L. (2012). Russkaya pishha v zerkale inostranny'h yazy'kov (na materiale proizvodny'h ot slov "russkij", "Rossiya") [Russian food in foreign languages (on the examples of derivatives from "Russian", "Russia")]. *Antropologicheskij forum*, 17, 173–197.
- Berezovich, E. L. & Krivoshhapova Yu. A. (2014). Obraz Moskvy' v zerkale russkogo i inostranny'h yazy'kov [The Image of Moscow in the Mirror of Russian and Foreign Languages. Moscow's *Geography*], *Quaestio Rossica*, 3, 159–184.
- Bileczkij-Nosenko, P. (1966). *Slovník ukrajinsk'oj movi* [Dictionary of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova dumka.
- Bol'shoj tolkovyj slovar' dons'kogo kazachestva* [Great explanatory dictionary of Don Cossacks]. (2003). Moscow.
- Brokgaуз, F. A. & Efron, I. A. (Eds.). (1890–1907). *E'nciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic dictionary]. (Vols. 1–16). Saint Petersburg.
- Brükner, A. (1957). *Slovník etymologičny języka polskiego*. Warszawa.
- Byal'kevich, I. K. (1970). *Krayovy' slownik ushodnyaj Magilyouschchy'ny'* [Dictionary of East Mogilev region]. Minsk.
- B"lgarski etimologičen rechnik* [Bulgarian etymology dictionary]. (1971). (Vol. 1). Sofia.
- Chabanenko, V. A. (1992). *Slovník govirok Nizhnyoj Naddniprojanshiny* [Dictionary of the Lower Dnieper Ukraine dialects]. (Vols. 1–4). Zaporizhia.
- Dal', V. I. (1880–1882 (1989)). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorus'skogo yazy'ka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. (2nd ed.). (Vols. 1–4). St. Petersburg; Moscow.
- Dicționarul limbii Române*. (2010). (Vol. 9). București: Editura Academiei Române.
- Doroszewski, W. (Ed.). (1958–1969). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–11). Warszawa.
- Eliustratov, V. S. (2007). *Tolkovyj slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-Press Kniga.
- Fasmer, M. (1964–1973). *E'timologičeskij slovar' russkogo yazy'ka* [Etymological dictionary of the Russian language]. (Vols. 1–4). Moscow.
- Grinchenko, B. (Comp.). (1907–1909). *Slovar' ukrajinskogo yazy'ka* [Dictionary of the Ukrainian language]. (Vols. 1–4). Kiev.
- Hobzej, N., Simovich, K., Yastremska, T. & Didyk-Meush, G. (2009). *Leksikon l'vivskij: povazhno i na zhart* [Lexicon of Lvov: official and unofficial]. Lvov.
- Ivanov, E. P. (1982). *Metkoe moskovskoe slovo: By't i rech' staroj Moskvy'* [The choice word of Moscow: life and speech of old Moscow]. Moscow: Moskovskij rabochij.
- Karłowicz, J. (1900–1911). *Slovník gwar polskich*. (Vols. 1–6). Kraków.
- Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1900–1927). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–8). Warszawa.
- Kartoteka slovarya govorov russkogo severa (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Card-index of the dictionary of the dialects of Russian north (chair of the Russian language and General linguistics of Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Kolesnikova, S. V., Kornilov, G. E. & Lotrya, L. V. (2003). *Slovar' russkih govorov Chuvashskoj Respubliki* [Dictionary of the Russian dialects of the Chuvash Republic]. (1993–1998). Cheboksary.
- Krayovy' slownik ushodnyaj Chervenshchy'ny'* [Dictionary of Cherven region]. (1929). Minsk.
- Krzyżanowski, J. & Świrko, S. (Eds.). (1969–1978). *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga*. (Vols. 1–4). Warszawa.
- Kurganskaya, N. I. (Ed.). (2011). *Bryanskij oblastnoj slovar'* [Bryansk regional dictionary]. Bryansk.
- Leksicheskaya kartoteka toponimicheskoy e'kspedicii Ural'skogo universiteta (kafedra russkogo yazy'ka i obshhego yazy'koznaniya UrFU, Ekaterinburg)* [Lexical card-index of toponymic expedition of Ural University (chair of the Russian language and General linguistics of Ural Federal University, Ekaterinburg)].
- Linde, S. (1807–1814). *Slovník języka polskiego*. (Vols. 1–6). Warszawa.

- Matveev, A. K. (Ed.). (1996). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. Dopolneniya* [Dictionary of the Russian dialects of the Middle Urals. Additions]. Ekaterinburg.
- Mirtov, A. V. (1929). *Donskoj slovar': Materialy' k izucheniyu leksiki donskih kazakov* [Dictionary of Don Cossacks: Materials for the study of vocabulary of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don.
- Moiseev, B. A. (2010). *Orenburgskij oblastnoj slovar'* [Orenburg regional dictionary]. Orenburg.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2000). *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [Great dictionary of Russian jargon]. Saint Petersburg.
- Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2008). *Bol'shoj slovar' russkih narodny'h sravnenij*. [Great dictionary of Russian proverb]. Moscow.
- Murav'ev, V. B. (2007). *Istoriya Moskv'y' v poslovičzah i pogovorkah* [History of Moscow in proverbs and sayings]. Moscow: Algoritm.
- Negrich, M. (2008). *Skarby' guczul'skogo govoru* [Hutsul dialect treasures]. Lvov.
- Nomis, M. (Comp.). (1993). *Ukrainski prikazki, prisliv'ya i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and so on]. Kiev.
- Nosovich, I. I. (1870). *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of the Belarusian dialect]. Saint Petersburg.
- Oblastnoj slovar' vyatskih govorov* [Vyatka regional dialects dictionary]. (1996). (Vol. 1). Kirov.
- Ordbok over svenska språket*. (1945). (Vol. 17). Lund: Utgiven an Svenska Akademien.
- Otin, E. S. (2004). *Slovar' konnotativny'h sobstvenny'h imen* [Dictionary of connotative proper nouns]. Donetsk: Yugo-Vostok.
- Příruční slovník jazyka českého*. (1935–1957). (Vols. 1–8). Praha.
- Pskovskij oblastnoj slovar' s istoričeskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. (1967). (Iss. 1). Leningrad.
- Rečnik srpskohrvatskog kniževnog i nagodnog jezika* [Dictionary of the Serbo-Croatian literary and popular language]. (1959). (Vol. 1). Belgrade.
- Serebrennikov, B. A., Buzakova, R. N. & Mosin, M. V. (1993). *Erzyansko-russkij slovar'* [Erzya-Russian dictionary]. Moscow.
- Shanskij, N. M. (Ed.) (1963). *E'timologičeskij slovar' russkogo jazy'ka* [Etymological dictionary of the Russian language]. (Vol. 1). Moscow.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2007). *Tolkovy'j slovar' russkogo jazy'ka s vklyucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information about the origin of words]. Moscow.
- Slovník regionálnaj leksiki Grodzenshčy'ny'* [Dictionary of Grodno region vocabulary]. (1999). Grodno.
- Slovar' kubanskih govorov: Krasnodarskij kraj: vostočny'j region* [Dictionary of the Kuban' dialects: East region of Krasnodar Krai]. (2009). Armavir.
- Slovar' orlovskih govorov* [Dictionary of the Orel dialects]. (1989–1991; 1992). (Iss. 1–4; Iss. 5). Yaroslavl; Orel.
- Slovar' permskih govorov* [Dictionary of the Perm dialects]. (2000–2002). (Iss. 1–2). Perm.
- Slovar' russkih govorov Altaja* [Dictionary of the Russian dialects of Altai]. (1993–1998). (Vols. 1–4). Barnaul.
- Slovar' russkih govorov Bashkirii* [Dictionary of the Russian dialects of Bashkiria]. (2008). Ufa.
- Slovar' russkih govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of the Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. (2013). (Part 1–2). Saint Petersburg.
- Slovar' russkih govorov central'ny'h rajonov Krasnojarskogo kraja* [Dictionary of Russian dialects of the central regions of the Krasnojarsk Krai]. (2003–2010). (Vols. 1–5). Krasnojarsk.
- Slovar' russkih narodny'h govorov* [Dictionary of the Russian popular dialects]. (1965). (Iss. 1). Moscow; Leningrad.
- Slovar' russkih starozhil'českich govorov yuga Tyumenskoj oblasti* [Dictionary of the Russian dialects of south of Tyumen region]. (2014). (Vols. 1–2). Tyumen.
- Slovar' russkogo jazy'ka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. (1975). (Iss. 1). Moscow.
- Slovar' russkogo jazy'ka XVIII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. (1984). (Iss. 1). Leningrad.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazy'ka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. (1948–1965). (Vols. 1–17). Moscow; Leningrad.

- Slovar' vologodskih govorov* [Dictionary of the Vologda dialects] (1983–2007). (Vols. 1–12). Vologda.
- Slovník bukovins'kih govirok* [Bukovina dialect dictionary]. (2005). Chernivtsi: Ruta.
- Słownik polszczyzny XVI wieku*. (1949). (Vol. 1). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź.
- Sokolov, I. A. (2012). *Chaj i chajnyaya trgovlya v Rossii: 1790–1919 gg.* [Tea and tea trade in Russia in 1790–1919]. Moscow.
- Stavicz'ka, L. (2005). *Ukrajniskij zhargon: Slovník* [Dictionary of the Ukrainian jargon]. Kiev.
- Tematicheskij slovar' govorov Tverskoj oblasti* [Topical dictionary of the Tver region dialects]. (2003–2006). (Vols. 1–5). Tver.
- The Oxford English Dictionary*. (1989, 2 ed.). (Vol. 1–20). Oxford.
- Тыра, А. (2011). *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*. Kraków.
- Yaroslavskij oblastnoj slovar'* [Yaroslavl region dictionary]. (1981–1991). (Iss. 1–10). Yaroslavl.
- Yastrebova, N. G. (2012). Moskva v tvorchestve F. N. Glinki i v fol'klore [Moscow in works of F. N. Glinka and in folklore]. *Russkaya rech'*, 5, 107–115.
- Yusipova, R. R. (2005). *Tureczko-russkij slovar'* [Turkish-Russian dictionary]. Moscow.
- Zborowski, J. (2009). *Słownik gwary Zakopanego i okolic*. Zakopane-Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN.
- Zhurauski, A. I. (Ed.). (1982). *Gistary'chny' slounik belaruskaj movy'* [Historical Dictionary of the Belarusian language]. (Vol. 1). Minsk: Navuka i tehnika.

The article was submitted on 12.02.2015

Елена Львовна Березович

профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
berezovich@yandex.ru

Elena Berezovich

Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

Юлия Александровна Кривошапова

к. филол. н.,
доцент кафедры филологии СУНЦ
УрФУ,
Екатеринбург, Россия
insekt@yandex.ru

Iulia Krivoshchapova, Dr.

Specialized Educational
Scientific Center of Ural
Federal University,
Yekaterinburg, Russia
insekt@yandex.ru

DOI: 10.15826/qr.2015.1.084

УДК 821.161.1'37:59 + 7.045 + 27-181.7

Валерий Мароши

**ЗВЕРИНЦЫ И ЗООСАДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XIX – НАЧАЛА XX В.:
МЕЖДУ РАЕМ И АДОМ**

Valery Maroshi

**MENAGERIES AND ZOOS IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES:
BETWEEN HEAVEN AND HELL**

The article analyzes the process of representation of menageries and the first zoological gardens in Russian literature of the 19th and early 20th centuries during the pre-Soviet period. The author mainly focuses on particular representations of mobile menageries, of manor menageries, and Moscow and Berlin zoos. Conditions of animals in Russian menageries and zoological gardens were not as comfortable as in Europe. Additionally, the author's special attention is paid to a "German" influence on these loci that gradually became a basis for a topos, combining the loci of different types of menageries and a large zoo. The opposing sides of meanings of this topos become meanings dating back to the archetypes of biblical Heaven and Hell. The former are represented by situations of visions of the future, memories of the lost Paradise of childhood; and the latter by imprisonment, a cry of a beast, rebellion of beasts or a beast, an escape from the zoo. All the images of both animals and the zoo are characterized by a high degree of allegorization and humanization of animals. The most important task for the Russian literature of the time in question was to express of sympathy for suffering animals, to draw attention to their position which correlated with the attention to the condition of the poor.

Keywords: Russian literature, menagerie, zoological garden, topos, archetype, paradise, hell.

В статье анализируется процесс репрезентации зверинцев и первых зоосадов в русской литературе XIX и начала XX в. Наиболее детально рассматриваются особенности репрезентации передвижных, усадебных зверинцев, Московского зоосада и Берлинского зоопарка. Условия содержания зверей в российских зверинцах и зоосадах не были столь ком-

фортными, как в европейских. Отмечается явный «немецкий» колорит этих локусов, на основе которых постепенно формируется топос, объединяющий локусы самых разных типов зверинцев и большого зоосада. Противоположные грани смыслов такого топоса восходят к архетипам библейского Эдема/рая и ада. К первым относятся ситуации видения будущего, воспоминания об утраченном рае детства; ко вторым – заключение в тюрьму, крик животного, бунт и побег зверей (зверя). Для изображения как зверей, так и зверинцев характерна высокая степень аллегоризации и очеловечивания животных. Для русской литературы этого времени наиболее важной задачей было выражение сочувствия страдающим животным, привлечение внимания к их положению, что коррелировалось с вниманием к положению бедствующих слоев.

Ключевые слова: русская литература, зверинец, зоосад, топос, архетип, рай, ад, образы животных, аллегория.

С конца XIX в. и до настоящего момента интерес русской литературы к образам животных непрерывно возрастал. Особо значимую роль в процессе узнавания и очеловечивания животных сыграли зверинцы и зоосады, оформившиеся в России ко второй половине XIX в. Задача статьи – рассмотреть комплекс смыслов, образовавшихся в связи с этими структурами в корреляции как с их историей, так и с теми культурными, идеологическими, жанровыми «пресуппозициями», которые возникли гораздо раньше самих зверинцев.

В стране существовали зверинцы двух разновидностей: 1) «элитарные» – к ним можно отнести «царские» зверинцы, находившиеся возле резиденций царя или императора (Измайлово, Екатерингоф, Пулково, Ораниенбаум, Гатчина, Петергоф) или прямо в центре города (Алевизов ров в Кремле, «Царский огород» в Летнем саду, Зверовой двор, Слоновый двор), и усадебные дворянские, обычно существенно уступавшие первым в размерах и составе обитателей; 2) «публичные» – небольшие городские или передвижные зверинцы, в которых публике за плату демонстрировался небольшой набор экзотических животных, а также некоторые цирковые номера с ними. Разница между элитарными и публичными зверинцами коммерческого типа была исключительно велика.

Первые были в основном недоступны для публики и использовались как резервуар для охоты или места для развлечений правящих особ и высокопоставленных гостей; во вторых животных «эксплуатировали» ради забавы горожан и извлечения максимальной прибыли. В элитарных зверинцах природная среда была близка к естественной, особенно для автохтонных животных (лосей, медведей, оленей), а мелкие животные и птицы содержались без клеток. Для публичных отечественных зверинцев были характерны небольшие размеры, теснота клеток, скученность их обитателей, обилие посетителей.

Принципиальная разность устройства и назначения царских и публичных зверинцев определялась господствующим типом власти – «имперским» или «демократическим». Гюстав Луазель в своей «Истории зверинцев» отмечал, что в античной Греции никогда не было зверинцев, сопоставимых по своему богатству с восточными (древнеегипетскими, ассирийскими, китайскими, персидскими) или с императорскими римскими, не только из-за того, что греческие богачи были менее состоятельны, но и в силу принципиально иной идеологии [Loisel, p. 53]. Греция не знала также ни римских кровавых забав – боев бестиариев с животными, ни традиции «королевских охот» европейских зверинцев. Английский же исследователь истории зверинцев, в свою очередь, полагает, что именно в демократическом древнегреческом полисе существовали прообразы как современных небольших коммерческих зверинцев, так и публичных зоопарков, выполнявших просветительские функции [см.: Jennison, p. 14–18].

Царские и усадебные зверинцы так и не стали полноценным «фактом» русской литературы: до второй половины XIX в. нам не известно ни одного посвященного им произведения или фрагмента. Стоит, правда, упомянуть, что в цепочку аллегорий, которые составляли сюжет «Сказки о царевиче Хлоре» (1781) Екатерины II, был включен и обширный азиатский зверинец. Это был самый первый и достаточно влиятельный в российском культурном контексте образец зверинца как вполне цельной «модели мира». Таким образом, с самого начала зверинец тяготел к абстрактной «топичности» своего цельного образа, а не конкретной локальности.

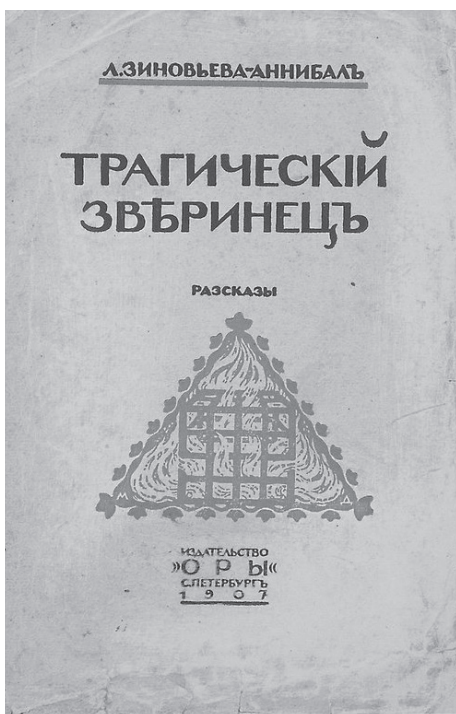
Этот тип зверинцев оказался обойден вниманием зарубежных историков российской действительности. Ни царские, ни усадебные российские зверинцы, например, не были включены в указатель книги швейцарского слависта Андреаса Шенле «Правитель в саду: политика и ландшафтный дизайн в императорской России» («The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia» [Schönle, p. 384–395]. Подробные описания истории отечественных усадебных зверинцев мы находим только в статьях краеведов или в путеводителях для туристов. Очевидно, что эстетика зверинцев не привлекала отечественных авторов. Это можно объяснить отчасти недоступностью такого типа зверинца для «чужих». Его демонстрировали гостям, однако прежде всего он был предназначен для общения хозяина поместья со своими животными. Подобный тип «интимного» отношения зверей и человека сохранился к концу XIX в. в элитарной части российского социума, где усадебные зверинцы, несмотря на очевидный закат дворянской усадьбы, становились все более роскошными. Однако литература «не увидела» их как изображаемые локусы. Как часть усадебного ландшафта зверинец стал элементом художественного пространства в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка»: «Муромский принял своих соседей как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец, и повел по дорожкам,

тщательно выметенным и усыпанным песком» [Пушкин, т. 3, с. 109]. Осмотр зверинца в «Барышне-крестьянке», как и посещение псарни Ноздрева Чичиковым в «Мертвых душах» Гоголя, были частью этикета приема гостя в помещицкой усадьбе. Отметим: в отличие от сада, удостоившегося в повествовании Пушкина хоть какой-то характеристики, зверинец становится лишь словесным знаком «англомании» Муромского. Неконкретность этого локуса у Пушкина можно объяснить и внемиметическими причинами: во-первых, быстротой развертывания сюжета, не дающей повода останавливаться на частностях, и, во-вторых, метасюжетной ролью зверинца как «сборного» для всех разнообразных зооморфных метафорических и персонажных образов повести («медведь», коты, кобылка, заяц, охотничьи собаки).

Миметический аспект зверинцев и зоосадов как литературного топоса был обусловлен тем, что переход во второй половине XIX в. от зверинцев к зоосадам в России, несмотря на декларируемые намерения, на первых порах не привел к существенным изменениям в условиях содержания животных. Поэтому в литературе репрезентируется прежде всего передвижной зверинец, а семиотика как зверинца, так и зоосада находится под влиянием представлений русской интеллигенции о России как обществе «гнета» и архетипических моделей «ада» и «рая». Писательница символистского круга Зиновьева-Аннибал, выросшая в семье высокопоставленного чиновника, в рассказах цикла «Трагический зверинец» (1907) изображает не столько домашних

питомцев, попавших в поместье («мызу») из дикой природы (два медвежонка в рассказе «Медвежата» и журавль – рассказ «Журия»), сколько «зверинец» в душе героини. Несмотря на семантику заглавия, в этом цикле мы встречаемся вовсе не со зверинцем в конкретном и локальном смысле этого слова, а именно с его символикой. Поэтому он может включать в себя не только диких животных, но и насекомых, характеризовать «дикое» поведение героини, ее конфликтные отношения с людьми, и даже объясняет поэтическую этимологию ее имени («Вера» и «зверинец» писались через «ять»).

Из рассказов этого цикла отчасти становится ясно, почему русские царские и усадебные

зверинцы до этого не удостоились поэмы или даже стихотворения. Идиллия никогда не была популярным жанром в русской поэзии (кроме XVIII в.), а обитатели зверинцев были недостаточно несчастны для того, чтобы стать персонажами русской литературы и объектами эмпатии страдающих им авторов и читателей. А вот резкий переход из идиллии в трагедию, предательство и смерть любимого животного по вине хозяев или хозяйки вполне могли разрушить этот благополучный мир и соответственно стать темой для прозы и поэзии.

Если судить по первому в цикле Зиновьевой-Аннибал рассказу «Медвежата», в дворянской усадьбе («мызе») можно было на время устроить настоящую идиллию, внутри которой были счастливы дикие и домашние животные, взрослые и дети, а «мишки» даже кормились прямо с барского стола:

...голова глупая и добрая, милая голова Божьего зверя свесилась вниз, и блестят на меня лукаво-задорные глазенки.

Божий дар, мои лесные товарищи!

<...> Большие Мишки нелепо взгромоздились посреди круглого семейного стола. Уписывают пряники. Варенье опрокинули. Обсасывают сладкие лапы. Чавкают, прихрапывают. Глазенки бегают лукаво по сторонам.

<...> Шлеп Мишки об пол, и только толстые зады с короткими пушистыми хвостами закачались, улепетывая вниз по ступенькам. Мама не обиделась.

Мама была кроткая, и любила глупых Мишек [Зиновьева-Аннибал, с. 10–13].

Но эта идиллия распространяется только на мир самой усадьбы. Зверинец в каждом повествовании цикла проявляет свою трагическую основу, поэтому и идиллия заканчивается смертью животного. Выпустив домашних медвежат в лес и сохранив тем самым им жизнь, господа обрекают их на встречу с совсем иными людьми, которые видят в медведях извечного хищного врага. Крестьяне воспринимают медвежат как диких зверей:

За Чортовым Болотом мужики и бабы косили среди леса на поляне. Увидели: вдруг бегут прямо на них из лесу два медведя. Со страху медведями показались. Мужики и бабы испугались и встретили медвежат косами... Медвежата с любовью к людям бежали, к друзьям на милые голоса, веселились задорно лукавые глазки, переваливались смешно на косых сильных лапах широкие зады.

Встретили мужики, испугавшись, медвежат косами. Изрубили. Одного еще живого изловили. В царский парк повезли продавать, на царскую охоту. Лапы ему надломят перед охотой, чтобы легче было пристрелить, и безопаснее. Другой, изрубленный, истыканный, весь в крови, и ничего не понявший, удивившийся, как-то вырвался в лес назад [Зиновьева-Аннибал, с. 16–17].

Вслед за мишками гибнет в бочке с водой и забытый хозяйкой домашний журавль Журя («Журя»).

В России история передвижных зверинцев начинается со времен Екатерины II. Первыми их хозяевами были, как правило, немцы, обладавшие наряду с предприимчивостью налаженной системой связей с европейским рынком, на котором продавались экзотические животные. Немцы же стали инициаторами создания первых отечественных зоосадов. Так, «пруссский подданный» голландец Юлиус Гебгардт, своими выставками в Пассаже вдохновивший Достоевского на написание гротескного «Крокодила», открыл в 1865 г. Петербургский зоосад. За новыми животными он ездил в Берлин. Русским немцем был основатель российского Общества акклиматизации животных и растений К. Ф. Рулье. Главным поставщиком зверей в Московский зоосад стал самый известный в мире торговец животными из Гамбурга К. Хагенбек. Сама фамилия этой династии зооторговцев фигурировала в русской литературе почти как имя нарицательное («Что мы – Гагенбеки какие, что ли?»; «Разве мы Гагенбеки какие-нибудь...» [см.: Никитин, с. 61, 76]).

Как мы увидим из литературных текстов, традиция немецкого персонажного колорита отечественного зверинца, заданная простым литературным мимесисом, а в самой литературе – «Крокодилом» Ф. М. Достоевского, сохранится вплоть до конца XIX – начала XX в.: это и «зверинец братьев Пихнау» (А. П. Чехов «Циник»), «зверинец Иоганна Миллера» (А. И. Куприн «В зверинце»). Судя по объяснениям купринского сторожа, звери либо куплены за границей, в Германии, либо сам зверинец приехал оттуда: «– А вот африканский лев. Называется Цезарь. Стоит двадцать пять тысяч марок. И со своей львицей, стоящей одиннадцать тысяч марок, – запел сторож» [Куприн, т. 1, с. 239]. Следовательно, «немцы» из начала поэмы В. Хлебникова «Зверинец» («Где немцы ходят пить пиво» [Хлебников, с. 185]) не только прозаические посетители поэтического зоосада, но и намек автора на немецкое участие в устройстве большинства заведений для животных.

Литература высмеивает увлечение горожан и журналистов публичными зверинцами, видя в них скорее повод для иронии и сатирических аллегорий. Так, в своем единственном фельетоне «Современные заметки» (1847) И. С. Тургенев иронизировал над заметками «Северной пчелы» и «Русского инвалида», сообщавшими о рождении в петербургском зверинце Замма детеныша обезьяны: «Впрочем, в последнее время не одна музыка занимала жителей “Северной Пальмиры”. Нас забавляли ученые птицы г. Галюше, материнская нежность и ухватки обезьяны, о благополучном разрешении которой появлялись в ведомостях такие трогательные извещения, – ухватки, не слишком, впрочем, приятно напоминавшие нам, людям, владыкам вселенной и аристократам, что мы состоим в довольно близком родстве с этими плебейцами, четверорукими тварями и пр.» [Тургенев И. С., с. 288]. Но, пожалуй, наиболее «пашквильной аллегорией», в которой был

использован локус передвижного зверинца, стала антилиберальная сатира Ф. М. Достоевского «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже» (1865), позже названная «Крокодил». Действие рассказа начинается в Пассаже, где хозяином-немцем выставлены огромный крокодил и обезьяны. Большинство русских критиков восприняли произведение как пасквиль на Чернышевского.

С тех пор сюжетная ситуация «экзотическое животное в зверинце» становится поводом для разнообразных аллегорий с сугубо авторскими смыслами («Слоненок» Н. Гумилева, «Страус в 1913 году» А. Тарковского и т. д.). Жанры бестиария и басни, влиявшие в Новое время на эволюцию сатиры и политической карикатуры, обусловили подобную рецепцию ситуаций. Даже чеховский «Циник» (1885), названный автором сначала «Звери», был отвергнут цензурой как вполне прозрачный намек на «невыносимый гнет» по отношению к обитателям зверинца-России.

Для христианской культуры оказался значимым тот аспект восточного зверинца, который был далек от символизма власти и бестиальности. Напомним, что одно из слов, обозначающих в большинстве европейских языков рай или Эдем, *paradise*, в древней Персии означало «царский сад-зверинец» (*paridaida* – «сад», «парк», авестийское *pairidaeza* – «то, что обнесено оградой», от *pai* – «вокруг» и *-diz* – «построить стену»). В древнегреческом языке персидское заимствование превратилось в *parádeisos* (*παράδεισος*) – «зверинец, парк, сад» [Вейсман, стлб. 936]. Слово появилось после описаний походов греческих наемников в Малую Азию и на Ближний Восток, для помощи персидским царям (см., например, «Анабасис» Ксенофонта). Такой зверинец был своего рода «индивидуальным раем» правителя Персии. Увиденные там сады-зверинцы стали прообразом сначала диковинного для греков обширного парка и сада с содержащимися там дикими животными, а после принятия христианства – одного из аспектов христианского рая. В традициях византийского богословия в этом качестве фигурировал сохранившийся на Востоке ветхозаветный Эдем, а не Небесный Иерусалим.

Роскошный царский сад, закрытый для посторонних, где за непроницаемой оградой для созерцательной улады властителя содержатся многочисленные звери, дал начало как европейской традиции устройства подобных зверинцев, так и заимствованию слова, которое с распространением христианства стало использоваться в переводах Библии на греческий и латинский языки. Термин *paradisus* в древнееврейском тексте Ветхого Завета отсутствует – ему соответствуют выражения «сад в Едеме», «сад Господень» (Быт. 2:8, 10, 15; 13:10). Для номинации же европейских королевских и усадебных зверинцев будет использоваться французское *ménagerie* (от глагола *ménager* – «устраивать», «бережно обращаться»), которое еще в конце XVII в. означало «место для откармливания домашних животных и птиц» [Loisel, p. 6]. В России XVIII в. передвижные публичные зверинцы на-

зовут на французский лад «менажерками», чтобы отличать от древнерусского, изначально княжеского «зверинца». Если вернуться к первой внутренней форме, сами «земные» зверинцы в Европе оказались названы в соответствии со всецело «европейской» идеей власти человека над животными, управляющей и устрояющей руки (*manus*). Организующей идеей европейского зверинца стал образ прирученного, введенного в домашнее пространство дикого животного. А вот устройство восточных садов-зверинцев, стало прообразом одного из аспектов христианского рая как утраченного и возвращенного библейского Эдема, где человек вновь окажется в идиллическом мире.

Жизнь Адама и Евы в ветхозаветном Эдеме в окружении экзотических растений, зверей, птиц стала традиционным сюжетом европейской, в особенности голландской живописи в эпоху Средневековья и Возрождения. Это прежде всего «Рай», левая створка триптиха «Сад мирских наслаждений» (1500) Иеронима Босха, «Адам и Ева в саду Эдема» (1530) Лукаса Кранаха, «Адам и Ева в Раю» (1612) Яна Брейгеля Старшего, «Грехопадение Адама и Евы в Раю» (1615) Яна Брейгеля Старшего и Питера Пауля Рубенса, «Рай» (1620) Яна Брейгеля Младшего. Отсутствие описания фауны Эдема в Книге Бытия было в определенной степени восполнено в пророческих видениях царства Мессии. Они и составляют образную основу изображения жизни животных в утраченном Эдеме. Так, в 11 главе ветхозаветной Книги пророка Исаяи мессианские ожидания восстановления справедливости обращены в сторону аллегории мирного сожительства разных видов животных, которое невозможно в нынешнем разделенном и развращенном мире:

¹И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; ²и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; ³и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих и не по слуху ушей Своих решать дела. ⁴Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. ⁵И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина. ⁶Тогда волк будет жить вместе с ягнцом, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. ⁷И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. ⁸И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. ⁹Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море (Ис. 11:1–9).

В таком необычном соседстве, пусть и за оградами и решетками, животные могут действительно мирно сосуществовать в зверинцах и зоопарках. Во второй книге «Фастов» Овидия схожий эффект примирения животных производят песни легендарного поэта Ариона.

Поэтому-то в «Зверинце» Хлебникова с его «эдемскими» аллюзиями животные, несмотря на искусственные преграды между ними, тянутся друг к другу: «...лось целует сквозь изгородь плоского буйвола» [Хлебников, с. 186]. Словесный рефрен и сам лирический зачин поэмы В. Хлебникова «Зверинец» (1910), которая, как известно, была инспирирована беседами с Вяч. Ивановым и ему же посвящена автором, это, конечно, намек на изначальный Эдем (Сад), братские отношения людей и животных, но в какой-то мере сохраненный в названии и «ограждающем» устройстве зоосада:

О, Сад, Сад! Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную схватку.

<...>

Сад, Сад, где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг.
Сад [Хлебников, с. 185–186].

Символика Эдема распространится на городские зоологические сады и зоопарки, в которых животные и люди чувствовали себя особенно комфортно. Прежде всего зоологические сады Европы, а не отечественные зверинцы и зоосады стали ассоциироваться у русских писателей с «искусственным раем». Так, в дневниках А. И. Тургенева, который в 1825 г. осматривал зверинец парижского Jardin des Plantes et Cabinet d'histoire naturelle, читаем: «Мы видели медведей за решетками и в земляных, камнями обделанных ложах, прогуливающих и забавляющих любопытных покорностию своею и вниманием к куску хлеба. Неподалеку овцы и обезьяны проводят мирную жизнь подле хищной понтеры... Здесь всегда Астрей царствует» [Тургенев А. И., с. 325]. Астрей, богиня справедливости, – здесь аллегория «золотого века», античного подобия мессианских ожиданий библейского пророка.

Гораздо суровее воспринимал само заведение зверинца Лев Толстой. В «были» «Лев и собачка» (1875), вошедшей в состав «Второй книги для чтения», Толстой противопоставляет нравственность современного европейского мира и дикого обитателя зверинца, беспричинно и трогательно полюбившего «собачку» (вспомним ситуацию «собачка и Пьер Безухов»):

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

<...>

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

<...>

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке. Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

<...>

Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

<...>

Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер [Толстой, с. 71–72].

Толстой прямо не осуждает ни прагматизм работников зверинца и того, кто принес собачку в качестве платы, ни право собственности бывшего хозяина собачки – всего того, что противоречило его убеждениям. Он лишь бесстрастно констатирует, что даже в таком «искусственном» заведении, как городской зверинец, его обитатели могут установить между собой неожиданные для людей и очень эмоциональные отношения дружбы, индивидуальной привязанности, которые так непривычны для поведения хищника.

В. Набоков в рассказе «Путеводитель по Берлину» (1925) в четвертой главке «Эдем» для изображения берлинского Зоо переиначивает образную формулу психоделического рая Ш. Бодлера («Les Paradis Artificiels»): «Во всяком большом городе есть своего рода земной рай, созданный человеком. Если церкви говорят нам об Евангелии, то зоологические сады напоминают нам о торжественном и нежном начале Ветхого Завета. Жаль только, что этот искусственный рай – весь в решетках, но правда, не будь оград, лев пожрал бы лань. Все же это, конечно, рай, – поскольку человек способен рай восстановить, и недаром против берлинского Зоологического сада большая гостиница названа так: гостиница Эден» [Набоков, с. 338–339].

В еще большей степени актуализация архетипа Рая как зоосада связана с формированием персональных квазибиографических нарративов модернистских писателей и поэтов, прежде всего мифов, опирающихся на представления о потерянном рае детства, Эдеме. Это важно, например, для Вяч. Иванова, который действительно провел детство в Волковом переулке, возле Московского зоосада, или для В. Набокова, потерявшего и Россию, и уютное имение под Лугой. Этот «удвоенный» (за счет реального сада, окружавшего дом) «детский рай» противопоставлен Вяч. Ивановым в поэме «Младенчество» (1918) «земной тюрьме»:

Зоологического Сада
Чуть не за городом в те дни
Тянулась ветхая ограда.
Домишко старенький они
Купили супротив забора,
За коим была волчья свора
И в щели допотопный рог
Искал просунуть носорог.

Характерно, что эдемы-зоосады Набокова, Иванова, Маяковского локализованы либо за границей, в благополучных Германии и Америке, безусловно лидировавших в разного рода «инновациях» в сфере устройства зоосадов и зоопарков, либо в отдаленном прошлом детства или еще более отдаленном будущем человечества. Лирический герой Иванова не переступает саму ограду зоосада, создавая лишь в своем воображении пространство близкого Эдема.

На первых порах отличие двух первых российских зоосадов, Петербургского и Московского, от частных зверинцев не было столь существенным, чтобы сформировать принципиально иные по отношению к последним смыслы. Претензии Московского зоосада на осмысленную научную и просветительскую деятельность столкнулись с суровыми реалиями нехватки средств, необходимости коммерциализации своей деятельности, невоспитанности посетителей. Это можно обнаружить, внимательно перечитав ранние фельетоны А. П. Чехова 1880-х гг. Они демонстрируют печальное состояние дел по крайней мере в одном из двух крупнейших отечественных зоосадов и скептическое отношение к нему посетителей. Из его «Осколков московской жизни» (1883) мы узнаем, что Зоосад находится в бедственном положении, смертность животных в нем исключительно высока:

Передохло, но не все... Нет слонов, тигров, львов, хамелеонов, но зато есть прекрасные экземпляры мелких животных. Есть желтая собачонка, принадлежащая кустодиям. Есть блохи, которых на досуге ловят жены сторожей. Есть мухи, воробьи, пауки, инфузории... Чего же вам еще нужно? Посмотрите-ка в микроскоп на муху или блоху! Сколько интересного, нового! Наконец, скоро прибудет в сад еще новый, давно уже не виданный зверь... Этот зверь – холера. За прибытие его ручается та страшнейшая, зловоннейшая вонь, которая ни на секунду не расстается с садом... Так воняет, что просто хоть топор вешай! А холера интересный зверь – египетский... [Чехов, т. 16, с. 43–44].

По мнению автора, рев приведенного из Зоосада верблюда – доказательство того, что зверей там плохо кормят:

Теперь уж никто не станет сомневаться в том, что животные имеют ум и что они способны любить, ненавидеть, протестовать, либеральничать. <...> ...Верблюд, приведенный в театр для вящей картинности, не вздумал либеральничать: он во время танцев повалился на землю и взревел. Этим ревом он хотел воззвать к справедливости, к тем, кому ведать

надлежит... Вести же надлежит, что в нашем Зоологическом саду кормят зверей хуже, чем пожарных лошадей, и даже хуже, чем арестантов в любой глуповской тюрьме... [Чехов, т. 16, с. 77].

Тяжелое материальное положение Зоосада приводит к недостатку корма для животных и неуклюжим попыткам коммерциализировать занимаемую им территорию:

Антрепренер Александров, прозванный Монтигомо, Ястребиным Глазом, нанял Зоологический сад и приспособляет его к блистательным представлениям. Сооружает в нем опереточный театр, будку для музыкантов, буфет, гимнастику и даже чистит пруд. <...> Почему бы кстати и зоологический кабинет университета не отдать под оперетку? Наши зоологи объясняют эту несообразность очень просто: зверей кормить нечем. С голоду приходится или закрывать сад, или же пускаться на разные гешефты. <...> Средств у сада никаких... Слоны едят грязное сено, остальные же звери питаются подачками или трупами своих умерших коллег.. Человечески было бы совсем закрыть сад, чем морить зверей и пороть горячку, но общество словно ждет чего-то и принимает пожертвования зверями... [Чехов, т. 16, с. 163].

Между 19 и 27 августа 1891 г. Чехов, после знакомства с брошюрой Тимирязева «Пародия науки», предпринял поездку из Богимова в Москву, в Зоологический сад. Результатом этого стал фельетон «Фокусники», в котором он вслед за Тимирязевым разнес несостоятельность «научного» направления деятельности Зоосада, внимательно изучив как один из томов «Ученых трудов общества акклиматизации», так и «Дневник» Зоосада. Ничего не меняется, на его взгляд, по сравнению с 1880-ми и в самом Зоосаде:

Здесь мы прежде всего сталкиваемся с странным отношением московской публики к своему ученому саду. Она иначе не называет его, как «кладбищем животных». Воняет, животныедохнут с голода, дирекция отдает своих волков за деньги на волчьи садки, зимою холодно, а летом по ночам гремит музыка, трещат ракеты, шумят пьяные и мешают спать зверям, которые еще не околели с голода... В ответ дирекция настойчиво уверяет, что бедная обстановка сада, жалкий и случайный состав его животных, мизерность и неряшливость их содержания – это одно, а «научная» и «ученая» деятельность стоящего во главе сада кружка зоологов – это другое [Чехов, т. 16, с. 248].

В отличие от журналистики к началу XX в. зверинец в отечественной литературе оторвался от конкретики художественного локуса и стал символом несправедливого устройства российского общества и мира в целом. Первое было характерно в большей степени для реализма, второе – для символизма. Обитатели зверинца в русской ли-

тературе изображаются как страдающие или больные персонажи без пространственной, временной, а главное – смысловой перспективы. Такое устройство зверинца и состояние животных вызывало ассоциации с дисциплинарным пространством тюрьмы или больницы. В стихотворении Ф. Сологуба «Мы плененные звери...» обобщенный «зверинец» становится метафорой (символом) застывшего настоящего лирического героя. Оно было написано 24 февраля 1905 г., на пике антигосударственных настроений интеллигенции и народа:

Мы – плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,
Утешаясь лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, –
Однозвучно и скучно кукуем.
Все в зверинце безлично, обычно.
Мы о воле давно не тоскуем.

Мы – плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.
[Сологуб, с. 313]

Образ создан с характерными для этого поэта лаконизмом и схематичностью – через символику запертых дверей и кольцевую композицию стихотворения. Лирическая субъектность «мы» позволяет включить не только автора, но и любого читателя в интерсубъективное поле стихотворения.

В стихотворении Сологуба сконцентрированы мотивы, которые уже были знакомы читателю по реалистической прозе конца XIX – начала XX в., – зловоние («зловонно и скверно»), крик, вой «плененных» животных: «В конце концов в зверинец попал... в вонь... Хо-хо-хо!» [Чехов, т. 4, с. 168]; «Воздух насыщен острым запахом мелких хищников: лис, куниц и рысей, – смешанным с запахом испортившегося сырого мяса и птичьего помета»; «Вздрагивая от холода и тесно прижавшись друг к другу, пленники тяжело дремлют в своих клетках»; «Тяжелая, угнетающая тишина изредка прерывается странными звуками: то будто вздох продолжительный вырвется из чьей-то громадной груди, то стон послышится, то отрывистый хохот сумасшедшей гиены» [Куприн, т. 1,

с. 238]. В «Проклятии зверя» (1907) Л. Андреева к холоду и вони добавится нестерпимая жара: «...всем им нестерпимо жарко; что весь этот звериный, птичий, водяной мир вокруг меня задыхается от неестественной, дикой, нелепой жары. Задыхается молча, не жалуясь, никем не понимаемый, одинокий в звериной пестроте своей» [Андреев].

Не удивительно, что отечественная литература переходит на «взгляд изнутри» зверя, используя в качестве главного приема очеловечивание переживаний и страданий животных. У Л. Андреева рассказчик пытается увидеть зоосад глазами тигра: «И тут, следуя за его взорами, я внимательно пригляделся к саду. И мне стало совестно. Мне, человеку, стало совестно перед зверем. Не за жестокость, нет, что такое жестокость в этом мире! – а за мою, за нашу человеческую глупость. Сад, Боже мой! Огромный, прекрасный сад... И этому я мог радоваться! И это я мог считать за кусочек природы! И это я мог рекомендовать в утешение зверю, умному, неиспорченному, честному зверю!» [Андреев].

«Крики» животных, которые страдают в зоосаде, перерастают в рассказе Андреева рамки обыденности и становятся экспрессионистским символом «проклятия зверя», адресованным всей человеческой цивилизации:

Я уже шел к выходу, когда откуда-то из глубины сада пронесся громкий, странный, весьма продолжительный крик. Здесь многие кричали: кричали попугаи, ревели львы, испускали свой дикий вопль олени, наполняя воздух густыми трубными, могучими звуками, – столь не соответствовавшими их кротким и задумчивым глазам, – хохотали гиены, тявкали и даже выли собаки, и я не знаю, почему я остановился и потом решительно и быстро пошел в направлении загадочного звука. <...> Уже два раза я назвал крик загадочным, но это потому, что сразу я совершенно не мог определить его сущность. По силе, по своеобразной дикости, по духу своему – это был, несомненно, голос зверя, но в то же время в нем ясно чувствовалось что-то человеческое, даже слова как будто, целые фразы, выкрикиваемые на неизвестном, но очень выразительном языке. И так же трудно мне определить то, что выражал этот крик. Поскольку он был человекен – это было чувство бешеного гнева, громовая музыка непрерывных огненных проклятий; но поскольку он оставался звериным – в нем было еще что-то, не поддающееся определению, но еще более страшное.

<...>

И вот тут он снова закричал, сразу, всю полнотой и силой этого дикого, неслышанного крика. И так же сразу, весь похолодев от чувства непередаваемого ужаса, я понял, что он – проклинает. Стоит в своей грязной лоханке, посередине огромного города, – и проклинает проклятием зверя и город этот, и людей, и землю, и небо. Он стар, он очень болен и скоро должен умереть.

Было бы безумием пытаться передать всю грозную силу проклятий несчастного зверя [Андреев].

Вдобавок над обитателями зверинцев и зоосадов издеваются посетители: «Надо сказать, что людей, особенно после смерти Нелли, Зембо не любил. Нередко в булках, которые ему давали, попадались булавки, гвозди, шпильки и осколки стекла; праздные шалопаи пугали его внезапно раскрытыми зонтиками, дули ему нюхательным табаком в глаза. <...> Как часто без нужды и смысла бывает человек жесток к животным!» [Куприн, т. 5, с. 328].

Вынужденная мобильность животных в передвижном зверинце еще более усиливает их мучения. В «Зверинце в провинции» (1914) Н. Бурлюка вонь, жара, болезни и стоны животных, их жалкое состояние только усугубляются:

По пыльной мостовой, вдоль каменных домишек
Где солнце давит мух измученный излишек,
Скрипит вонючая тележка.
Безжалостных утех притонов и гостиниц
Мимо –
Чуть тащится зверинец.
Хранима проворною рукой с бичом,
Звериных стонов нагота:
Клыки и когти ни при чем
За ржавую решеткой.
С гноящимся плечом
И глазками крота
Утиною походкой
Плетется слон.
Должно быть полдень, –
Ленивый звон над городом.
Верблюд не голоден
Жует конец рогожи.
На обезьяньи рожи
Глазеют прохожие.
За репицу слона
Хватаются мальчишки
Срывая прелый волос.
Под безглагольной крышкой
Топорщится облезшая спина
И треплется чей-то степной голос,
Быть может лисица иль волк больной.
Рядом за стеной играют гаммы
У ламы со сломанной ногой
Привычные глаза....
Господи!
Когда же наконец будет гроза!?
[Бурлюк, с. 473–474]

И «гроза», конечно, наступила, но не все сочли «зверей» освобожденными, наоборот, революция была воспринята многими как восстание в «зверинце». Сказочной аллегорией на события революции 1917 г. как на восстание охлоса можно по праву считать «Крокодил» (1917) К. Чуковского, профессионально знавшего стихи Сологуба, прозу Чехова и Андреева: «Нет, ты разбей эти гадкие клетки, / Где на потеху двуногих ребят / Наши родные мохнатые детки, / Словно в тюрьме, за решеткой сидят! / В каждом зверинце железные двери / Ты распахни для плененных зверей, / Чтобы оттуда несчастные звери / Выйти на волю могли поскорей!»; «Ощетинились зверюги и, оскалившись, кричат: / “Так веди нас за собою на проклятый Зоосад, / Где в неволе наши братья за решетками сидят! / Мы решётки поломаем, мы оковы разобьем, / И несчастных наших братьев из неволи мы спасем. / А злодеев забодаем, искусаем, загрызем!”»; «Не проклиная палачей, / Ни их цепей, ни их бичей»; «Мы каждый день и каждый час / Из наших тюрем звали вас» [Чуковский].

В июне 1920 г. Чуковский набрасывает в дневнике саркастический перевертыш сказочного сюжета 1917 г.: «...Звери захватили город и зажали в нем на одних правах с людьми. Но люди затеяли свергнуть звериное иго. И кончилось тем, что звери посадили всех людей в клетку, и теперь люди – в Зоологическом саду, – а звери ходят и щекочут их тросточками»

[Чуковский, 1991, с. 146–147]. Обратим внимание на то, что у Чуковского в «Крокодиле» «Зоологический сад» впервые рифмуется с «адам», обозначая в тропе принципиальную для топоса символику другой его грани – архетипа «infernо»: «Там наши братья, как в аду – / В Зоологическом саду. / О, этот сад, ужасный сад! / Его забыть я был бы рад» [Чуковский].

Ад и становится наиболее обобщенным образом пространства коллективного безысходного мучения зверей, которое часто теряет в нарративной перспективе актуальное временное измерение. Этот архетип в русской прозе задан аллюзией на «Божественную комедию» в чеховском «Цинике» (1885), ставшем одним из первых нарративов о зверинце («Тут, брат, тот же дантовский ад: оставьте всякую надежду!» [Чехов, т. 4, с. 168]), а в поэтической лирике и лироэпике – «суммирован», как и Чуковского, одновременно в тропе и рифме: «Кассирша ласково твердила: / – Зайдите, миленький, в барак, / Там вам покажут крокодила, / Там ползает японский рак. – / Но вдруг завыла дико пума, / Как будто грешники в аду, / И, озираяся угрюмо, / Сказал я тихо: “Не пойду!”» [Кузмин, с. 295].

Ситуация бунта или побега дикого зверя из зверинца/зоосада становится естественным выходом из невыносимого положения животных (бунт льва Цезаря против дрессировщика в «В зверинце» Куприна, побег и бунт слона Зембо в его же «Слоновъей прогулке», общий бунт зверей в «Крокодиле» Чуковского, побега Дэзи в одноименном произведении Никитина)

После революции зоологические сады попали в еще более тяжелую ситуацию. Звери массово гибли от голода или неподходящей еды. И. Бабель, начинающий журналист, сообщал в 1918 г.: «За зиму в зоологическом саду издохло восемь львов и тигров»; «Из тридцати шести обезьян остались в живых две»; «Издохла все удавы»; «публики нет» и т. д. [Бабель, с. 362]. Андреевский «крик зверя» сменяется его молчанием: «– Что зверю-то делать? Зверь – он молчит» [Бабель, с. 361]. Литераторам-«серапионам» приходится переносить зверинец и зоосад за границу, в Европу: в повести «Дэзи» (1922) Н. Никитина создан условный немецкий колорит, но на драматизм событий это влияет мало: война, революция, побег тигрицы, смерть. Неизбежно драматический аспект семиозиса зоосада как места заключения животных распространится в 1920-х гг. на тот же берлинский Zoo, который стал для Набокова символом Эдема. Он предстанет в прозе В. Шкловского скорее образцовой тюрьмой:

Обезьяна, Аля, приблизительно моего роста, но шире в плечах, сгорблена и длиннорука. Не выглядит, что она сидит в клетке.

Несмотря на шерсть и нос, как будто сломанный, она производит на меня впечатление арестанта.

И клетка – не клетка, а тюрьма [Шкловский, с. 284–285].

Итак, до того, как в 1920-х гг. была создана советская модель зоопарка как открытой книги для детей, в русской литературе вокруг локусов зверинцев и зоосадов сформировался цельный смысловой топос, амбивалентными гранями которого стали архетипы рая и ада. В силу как христианско-сентименталистского отношения к «униженным и оскорбленным», так и недоверия к любым дисциплинарным и репрессивным институтам, свойственного русской интеллигенции, именно архетип «*inferno*» стал наиболее распространенным в художественных текстах. Уже в реалистической парадигме литературы изображение этих институтов перерастает рамки конкретного локуса художественного пространства и тяготеет к своей обобщенности. Определенную роль здесь сыграла и традиционная аллегоричность образов животных в словесной и визуальной культурах. Окончательно символичность топоса закрепляется в поэзии и прозе русского символизма и постсимволизма первой трети XX в. Принципиально новая стадия смыслообразования топоса, возвращающая его отчасти в сферу дидактики средневекового бестиария, обозначилась в советской, преимущественно детской, литературе. Ее анализ – перспектива дальнейшего исследования.

Список литературы

- Андреев Л. Проклятие зверя [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_0420.shtml/ (дата обращения: 10.01.2014).
- Бабель И. Избранное. Фрунзе: Аламаз, 1990. 672 с.
- Бурлюк Д., Бурлюк Н. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 2002. 584 с.
- Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. 685 с.
- Зиновьева-Аннибал Л. Д. Трагический зверинец : Рассказы. СПб. : Оры, 1907. 291 с.
- Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 2. СПб. : Академический проект, 1995. 432 с.
- Кузмин М. Избранные произведения. Л. : Художественная литература, 1990. 576 с.
- Куприн А. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Правда, 1964. Т. 1. 504 с. ; Т. 5. 420 с.
- Маяковский В. В. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Художественная литература, 1982. Т. 1. 553 с. ; Т. 2. 558 с.
- Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Правда, 1990. 415 с.
- Никитин Н. Дэзи // Серапионовы братья. Альманах первый. Пб., 1922. С. 58–81.
- Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М. : Художественная литература, 1987.
- Сологуб Ф. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1975. 680 с.
- Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 10. М. : Художественная литература, 1982.
- Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М. ; Л. : Наука, 1964. 624 с. (Литературные памятники).
- Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 1. М. : Наука, 1978. 574 с.
- Хлебников В. Творения. М. : Советский писатель, 1986. 736 с.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 4. М. : Наука, 1976. 552 с. ; Т. 16. М. : Наука, 1979. 624 с.
- Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М. : Советский писатель, 1991. 542 с.
- Чуковский К. Крокодил [Электронный ресурс]. URL: <http://chukovskiy.ouc.ru/krokodil.html> (дата обращения: 10.01.2014).
- Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М. : Пропганда, 2002. 464 с.
- Jennison G. *Animals for Show and Pleasure in Ancient Rome*. Manchester, 1937. 209 p.
- Loisel G. A. *A. Histoire des ménageries de l'antiquité à nos jours*. Vol 1. Paris : Octave Doin et Fils and Henry Laurens, 1912. 319 p.
- Schönle A. *The Ruler in the Garden : Politics and Landscape Design in Imperial Russia*. Bern, 2007. 395 p.

References

- Andreev, L. *Proklyatie zverya* [Damnation of the beast]. Retrieved from: http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_0420.shtml/
- Babel', I. (1990). *Izbrannoe* [Selected works]. Frunze: Alamaz.
- Burlyuk, D. & Burlyuk, N. (2002). *Stihotvoreniya* [Poems]. Saint Petersburg: Akademicheskij projekt.
- Chehov, A. P. (1976, 1979). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters]. (Vols. 1–30). (Vols. 4, 16). Moscow: Nauka.
- Chukovskij, K. (1991). *Dnevnik. 1901–1929* [Diary]. Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Chukovskij, K. *Krokodil* [Crocodile]. Retrieved from: <http://chukovskiy.ouc.ru/krokodil.html>.
- Hlebnikov, V. (1986). *Tvoreniya* [Works]. Moscow: Sovetskij pisatel'.
- Ivanov, Vyach. (1995). *Stihotvoreniya. Poe'my'. Tragediya* [Poems. Epics. Tragedy]. (Vol. 2). Saint Petersburg: Akademicheskij projekt.
- Jennison, G. (1937). *Animals for Show and Pleasure in Ancient Rome*. Manchester.
- Kuprin, A. (1964). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vols. 1–9). (Vol. 1, 5). Moscow: Pravda.
- Kuzmin, M. (1990). *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura.
- Loisel, G. A. (1912). *Histoire des ménageries de l'antiquité à nos jours*. (Vol 1). Paris: Octave Doin et Fils and Henry Laurens.
- Mayakovskij, V. V. (1982). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vols. 1–2). Moscow: Hudozhestvennaya literatura.

- Nabokov, V. (1990). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vols. 1–4). (Vol. 1). Moscow: Pravda.
- Nikitin, N. (1922). De'zi [Dezi]. In *Serapionovy'brat'ya*. (Iss. 1, pp.58–81). Peterburg.
- Pushkin, A. S. (1987). *Sochineniya* [Works]. (Vols. 1–3). Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Schonle, A. (2007). *The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia*. Bern.
- Shklovskij, V. (2002). «Eshhe nichego ne konchilos'...» [“Nothing has come to an end yet”...]. Moscow: Propaganda.
- Sologub, F. (1975). *Stihotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
- Tolstoj, L. N. (1982). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vols. 1–22). (Vol. 10). Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Turgenev, A. I. (1964). *Hronika russkogo. Dnevnik (1825–1826 gg.)* [A chronical of a Russian man. Diary (1825–1826)]. Moscow & Leningrad: Nauka.
- Turgenev, I. S. (1978). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete works and letters] (Vols. 1–30). (Vol. 1). Moscow: Nauka.
- Vejsman, A. D. (1899). *Grechesko-russkij slovar'* [Greek-Russian dictionary]. Saint Petersburg.
- Zinov'eva-Annibal, L. D. (1907). *Tragicheskij zverinec: Rasskazy'* [Tragic menagerie. Stories]. Saint Petersburg: Ory'.

The article was submitted on 25.12.2014

Валерий Владимирович Мароши
д-р филол. наук, доцент,
Новосибирский государственный
педагогический университет,
Новосибирск, Россия
maroshi@mail.ru

Maroshi Valery, Dr.
Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical
University,
Novosibirsk, Russia
maroshi@mail.ru

Disputatio

Disputatio

DOI: 10.15826/qr.2015.1.085

УДК 82-97 + 82-98 + 27:59 + 7.04

Нежа Зайц

СЛОВО И ИЗОБРАЖЕНИЕ В ХРИСТИАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКЕ ЖИВОТНЫХ

Neža Zajc

WORD AND IMAGE IN CHRISTIAN ANIMAL EMBLEMS

The article explores the animal emblems in the written tradition and artifacts of Early Christian art. The author provides a historical description of the abovementioned monuments created between the 9th and 11th centuries, a period that faced an important event, i. e. the East–West Schism (1054). It was at the same time that the Slavic writing system emerged along with the first liturgical language of the Slavs. The author outlines the history of Old Slavic liturgical literature but mainly focuses on the Byzantine and Roman manuscripts and works of art that played a significant role in the development of Christianity among Slavs. The author argues that the appearing animal depictions connected with the concept of divine creation and the overcoming of spiritual weakness had a significant non-coincidental character. The analysis is made with reference to iconographic images, book miniatures and ornamental animal motifs and to the context of a variety of Scripture books. The conclusions made are important as they provide additional information on both Christian iconography and the history of Slavic culture as a whole.

Keywords: iconography; emblematics; animal images in Christianity; Slavic hymnography.

Исследуется эмблематика изображений животных в памятниках письменности и в области артефактов раннехристианского искусства. Представлен исторический обзор рассматриваемых памятников в период с IX по XI в., времени, когда произошло важное разделение в истории христианской церкви на западную и восточную ветви (церковный раскол 1054 г.). Но в этот же период образовалась славянская письменность и был основан первый литургический язык славян. Автор предлагает заметки по истории древнеславянской богослужебной литературы, но прежде всего сосредоточивается на тех византийских и римских рукописях и памятниках искусства, которые имели значение для развития христианства среди славян. Высказывается мысль о важности и неслучайности появления изображений животных, связанных с идеей божественного творения и

преодоления душевной слабости. Привлекаются иконографические изображения, книжные миниатюры и орнаментальные животные мотивы. Вводится контекст из различных книг Святого Писания. Приведенные выводы значимы для расширения сведений как о христианской иконографии, так и об истории славянской культуры в целом.

Ключевые слова: иконография, эмблематика, образы животных в христианстве, славянская гимнография.

Античному периоду были свойственны изображения животных, которые показывали витальную силу жизни. С распространением христианской религии в сознании верующих изображения животных стали восприниматься несколько иначе: в отличие от политеистических религиозных систем, а также остатков языческих мировоззрений, они представляли этапы человеческой души в борьбе против злых помыслов. Несмотря на то что использование животных мотивов стало носить явно иной смысл, первоначальная христианская иконография не сразу отошла от изобразительного способа, принятого в классический и прежде всего в поздний античный период, так как взаимоотношение двух религиозных мировоззрений являлось сущностью тогдашнего общества. Хотя вера в посмертную жизнь присутствовала уже в поздний классический период, только на первых христианских изображениях она приняла более специфический вид.

Как на надгробиях языческих кладбищ, так и на катакомбных изображениях первых христиан можно найти орнаменты с обилием животных элементов [Diehl, p. 5–6]. Если языческие орнаменты в античный период чаще всего имели декоративную функцию, то в христианских изображениях возросла роль символа как условного знака для выражения представлений верующего. Начало создания типологических черт христианской символики принадлежало тем восточным странам (Сирия, Египет, Карфаген), откуда римские христиане могли свободно заимствовать отдельные элементы и воплощать их в более искусных формах. В то время как в аллегорических изображениях пасторальных сцен римских язычников использовались изобразительные способы, распространенные тогда в христианской Александрии [Diehl, p. 9] (их также можно найти в катакомбах христиан на юге Италии: в Сиракузах, Неаполе, Кальяри), – на христианском Востоке, а также среди этрусков в Италии в изображениях на саркофагах обнаруживается влияние иудаизма, способствовавшее развитию более пластического изображения усопших: например, сохранился барельеф спящего мужчины, который правой рукой гладит любимое животное [Cumont, p. 497–498].

Внимание позднего Рима, где преобладали философия неоплатонизма и культ Митры, сосредотачивалось на общечеловеческих сюжетах, взятых из повседневной жизни. В них конкретизировались отдельные позднеантичные черты, связанные с интересом

к сверхъестественному и к пророчествам о конце античной эпохи [Kitzinger, 2002, p. 19]. На блюде из слоновой кости времени Юстиниана I, датированном концом IV в.¹, христианский император изображен сидящим на погребальной колеснице (тип апофеоза). На начальной стадии его восхождения на небо его сопровождают четыре слона. Коробочку для сожженных мощей на глазах у императора два орла возносят к краю описанного изображения. На заднем плане видны несколько обнаженных фигур, их роль, очевидно, заключается в своеобразном контрасте образу христианского императора, который облачен в одежды. Вместо античной аллегии вселенной, представляющей мифическую картину совместного объятия, видимого и невидимого, здесь животные сопровождают императора, который совершает последнюю остановку перед своим прибытием на небеса [Kitzinger, 2002, p. 18–20]. Значение зодиакального в этом христианском изображении символизирует прикосновение к Царству Небесному.

Первые христианские изображения

Для характеристики первых христианских изображений исторически вполне оправданным кажется применение термина «символический язык», так как с распространением христианства из Священного Писания было почерпнуто достоверное и вместе с тем угодное Богу изображение. Одновременно с укреплением авторитета библейской действительности после I Вселенского Никейского собора в 325 г. [Corpus Christianorum, p. 21, 26, 29] было отвергнуто благодарственное принесение в жертву невинных людей и животных, свойственное языческим культам. Изображения животных, основанные на библейских текстах, представляли собой не только противопоставление злым силам, но и своеобразное неявное подтверждение сущности библейского учения о человеколюбии. Их роль была не дидактической, они выполняли функцию аргументации или комментария к тексту Священного Писания. Поэтому в древнейших христианских рукописях, основанных на ветхозаветных и новозаветных текстах², сюжеты с животными представлены в самом простом, можно сказать, натуралистическом виде. При этом их стиль отличается от характерного для классического и эллинистического периодов [Gaberscek, p. 543]. Подражание природе было отвергнуто, на первый план выступало стремление воссоздать картину мира, изображенного в Священном Писании. Рукописные кодексы позволяли воссоздать живописность мира более наглядно, чем фрески, поэтому миниатюры стали особо цениться в христианском изобразительном искусстве. Отдельный лист рукописи с миниатюрой представлял

¹ Британский музей, отдел Средневековья и поздней Античности [см.: Kitzinger, 2002, p. 20, 144].

² Например, Мф. 4:19; 6:26; 13:47; 12:40; Иоан. 1:5; 8:12; 11:25; 6:51.

собой самостоятельную иллюстрацию, которая входила в состав изобразительного содержания всего рукописного кодекса. В III в. уже прослеживается влияние антиохийских изобразительных приемов, а сами миниатюры постепенно в течение IV в. достигают такого совершенства, что становятся ведущим изобразительным способом передачи христианского учения³. Относительно изображений ветхозаветных сцен существуют предположения, что они были написаны в тесной связи с текстами иудеев [Weitzmann, 1971, p. 76–95], так как первая Библия на еврейском, по всей вероятности, имела изображения. Развитию иллюминации ранних христианских рукописей значительно способствовала иллюстрированная рукописная книга «Иудейская история» Иосифа Флавия, сохранившаяся в поздних византийских рукописях [Weitzmann, 1971, p. 94, 95]. Разумеется, несмотря на отмеченное выше, не иудеи первыми использовали прием иллюминации, они заимствовали его у греков, которые последовательно развивали его в христианской Александрии. Иллюстрирование текстов евангелий происходило прежде всего в центрах восточного христианства, среди которых особенно выделялись александрийский стиль, отличавшийся комментирующей занимательностью и живописностью, и антиохийский (для сирийских миниатюр была характерна близость к реализму, что производило впечатление большей драматичности) [Diehl, p. 11].

В церковнославянской Псалтири, написанной в 1552 г. рукой Нила Курлятова под диктовку преподобного Максима Грека в Троице-Сергиевой лавре, в богослужебных песнопениях, певшихся после литургических псалмов, несмотря на позднюю датировку, сохранились практически все первоначальные принципы передачи (как идеологии, так и перевода) ранних христианских текстов⁴. О последнем свидетельствует следующая по окончании этой литургической Псалтири песня пятидесятая, озаглавленная «Пѣ сѣтъ трѣѣ Ѡтрокъ. пѣ. ѱ.» и представляющая собой словесное изображение ранее известного христианского иконографического сюжета, заимствованного из ветхозаветной Книги пророка Даниила. В ней животные вместе со всем природным миром выступают как голоса хвалебной песни:

Блѣвите землѣ, горы, и холмы, всѣ возрастаемаѣ на нѣ, ꙗко. Пѣйте, и превѣносите Ѡдѣ во вѣкы. Блѣвите истѣчинки, морѣ, и рекы, кыты, и всѣ движаемаѣ в водахъ, ꙗко. Пѣйте, превѣносите Ѡдѣ во вѣкы. Блѣвите всѣ птицы небныѣ. Звѣрѣе, и вси скоты, ꙗко. Пѣйте, и превѣносите Ѡдѣ во вѣкы. Блѣвите снѣгъ члѣвѣтѣи. Да блѣвитъ Израиль ꙗко.

³ Позже на место миниатюры пришла гравюра [см.: Weitzmann, 1977, p. 10].

⁴ Греческие аналоги можно найти, например, в рукописном кодексе XI в. из Палермо, на Сицилии, Mss. I. E. № 10. OmelieVarie (л. 153 об. – 155 об.).

⁵ ГИМ, собр. Увар. № 85, л. 133 об.

Если в античной картине мира, в основе которой лежали пантеистические представления, на фоне необъятной вселенной животные были лишь одной из вспомогательных частей, то теперь они выступают как неотъемлемая часть Божьего плана мироздания. В сопоставлении с античным устройством мира здесь все должно отражать присутствие Бога, поэтому голос песни буквально вызван из животных, которые вместе со всеми живыми существами восхваляют Божественный миропорядок. Время вечности не циклично, в нем присутствует постоянное сознание о возможном окончании всего зримого. Эта временная вечность, по сути, представляет антиисторическую точку зрения, характерную для всех фресковых и иконописных раннехристианских изображений, основанных на библейских текстах, вполне отвечавшую требованиям первых христиан, служивших литургию над умиравшими [Diehl, p. 8] или уже усопшими. Поскольку время было библейское, то и создававшаяся история была церковной (с конца III до конца IV в. было написано пять историй христианской Церкви⁶). Можно заключить, что в христианской обработке зооморфических сюжетов ощущение витальной силы не исчезло, более того, природные и животные элементы выражали мощь единого Создателя. Это достигалось не натуралистическим описанием мира, но намеренным ограничением метафорического способа выражения, ведущим почти к полному исчезновению переносного значения. Другими словами, естественный мир сделался единым с миром Священного Писания. Идеология смиренного раннехристианского сознания верующего была целиком инкорпорирована в правила и запреты, указанные в Священном Писании [Cumont, p. 498]. Это создавало представление об адекватности обеих реальностей без ограничений: например, сразу после животных были отмечены «сыновии человеческие», что соответствовало евангельскому понятию о человеколюбии. Однако после Миланского эдикта (313) пришлось ждать еще два века до разрешения самостоятельного и теологически оправданного изображения Богочеловека (самое раннее из известных – икона Христа из Синая VI в.). До этого, еще при жизни Константина Великого, Христос изображался прежде всего в символе креста [Голубцов, с. 172–179], и блаженный Августин замечал, что не существовало четкого иконографического образа Спасителя⁷. Но в этой песне восхваление было безличным, обращенным не к Богу-Сыну, но к Богу-Отцу. Последнее стало еще более важным во время II Вселенского Никейского собора (787), точнее шестой его секции (поддерживающей установления собора 754 г.) [Demoen, S. 7], где иконоборцы прилагали слова Григория Назианского к Сыну Божьему, тогда как Григорий Богослов на самом деле говорил о Боге-Отце [Ibid, S. 13].

⁶ Была переведена с греческого на латинский «*Storia Ecclesiastica*» Евсевия Кесарийского, появились «Церковная история» Сократа, Созомена и Феодорита Кирского. После кончины Феодосия I (395) Руфин Аквилейский принялся за работу над «*Historia Ecclesiastica*». В 412 г. св. Августин уже создавал «Град Божий».

⁷ «*Dominicae facies carnis innumerabilium cogitationum diversitate variatur et fingitur*» (Августин. *De trinitate*, VIII, 4).

Изображения животных в христианском искусстве

Поэтому предыдущая песня в указанной литургической Псалтири, озаглавленная «Пѣ̑ пламенѣ погашаетъ трѣхъ ѿтрокѣ. Молѣ. сѣ̑ триѣ ѿтрокѣ. ѿ̑», не случайно сосредотачивается на изображении животного в христианской переделке – Агнца Божия (а̑гнецъ то̑чныхъ):

И ѿ̑мы смиренѣ по всѣмъ землѣмъ днѣ, грѣ̑ ради нѣ̑и. И нѣ̑сь во̑времѣ сѣ, князѣ
и пророка, и вожа. И все̑ожженѣ. Ни̑ жертвы. Ни̑ приношенѣ. Ни̑ Филиана. Ни̑
мѣста яко пожрети прѣ̑ товою, и ѿ̑версти мѣ̑ть, Но̑ дшѣю сокращенюу, и дх̑омъ
смиренымъ, да прѣ̑ты во̑демъ, яко̑

во все̑ожженыхъ ѿвнѣхъ, и внѣхъ, и яко же во̑ тмахъ а̑гнецъ то̑чныхъ.
Та̑кова во̑детъ жертва нѣ̑а, прѣ̑ товою днѣсь. И да скончатъсѣ по̑ тебѣ̑, яко̑ нѣ̑
сто̑да, ѿ̑повѣщимъ на̑ тѣ̑.

Цитируемая песня подтверждает упомянутую выше смиренную установку безличного восхваления («И ѿ̑мы смиренѣ по всѣмъ землѣмъ днѣ») и неисторическое, но библейское время («И нѣ̑сь во̑времѣ сѣ, князѣ»). Она представляет вариант ветхозаветной песни Моисея (Втор. 12:23–27; 14:9–21; 16:2–17), содержащей заповеди по поводу возможного употребления животных в целях пожертвования Богу, что изображается в византийском Октатевхе (л. 258, л. 263, л. 268, л. 333) [см.: Huber, p. 51–62] из афонского монастыря Ватопед (см. рис. 1 на вклейке), датированном XIII в. и опирающемся на более древние образцы (X–XI вв.), возможно, в протограф даже вошла некая античная рукопись [Huber, p. 40]. Очевидно, однако, что ветхозаветные тексты все еще не позволяли изображать Сына Божия, поэтому в первые века Иисус Христос предстал в виде Доброго Пастыря с овцой⁸. К указанному тексту рукописи можно добавить изображение Христа с тремя агнцами из римской катакомбы св. Агнессы (в северной части, на виа Номентана), это четвертое изображение в первой кубикULE на самом верху фрескового триптиха [Roma, p. 73]. Оно датируется 312–357 гг. [Heid, p. 412–415] и может считаться уникальным, так как свидетельствует о изменении, произошедшем в сознании верующего, который стремится тут изобразить осуществление ветхозаветного пророчества из Книги пророка Даниила («Песнь трех отроков») в евангельском лике Спасителя. Такое изображение Сына Божия, вдохновленное текстами евангелий [Kitzinger, 2002, p. 12] и распространенное с конца II по начало V в., было близко к античным изображениям Гермеса (но не Аполлона [Голубцов, с. 181]) наподобие греческого крЮфѳорѳ, известного по изображениям в рукописях

⁸ ГИМ, собр. Увар. № 85, л. 132.

⁹ Определенные раннехристианские мотивные циклы (изображения агая – обряда евхаристии, т. е. принятия причащения, сцены трех отроков в пламени) настойчиво повторялись [Gombich, p. 98–99].

Феокрита и Вергилия¹⁰. Рукопись «Идиллий» Феокрита на папирусе включала обширные серии миниатюр. Рукопись Вергилия «Энеида» известна по двум спискам, хранящимся сегодня в Апостольской библиотеке Ватикана. Они сильно различаются между собой по стилю иллюминации, но подтверждают, что рукопись создавалась более чем в одной мастерской [Weitzmann, 1977, p. 13]. Первая рукопись, *Vergilius Vaticanus* (cod. lat. 3225), основанная на греческих прототипах, была создана в самом начале V в. в Риме: циклы повествования соединены по две сцены, стиль которых отражает влияние античного изобразительного искусства [Weitzmann, 1977, p. 32]. Другая рукопись, *Vergilius Romanus* (cod. lat. 3867), датированная концом V в., отражает начальную стадию развития линейного отвлеченного способа изображений человеческого тела [Weitzmann, 1977, p. 52]. Обе рукописи содержат также текст «Георгик» с большим количеством изображений животных, а в состав *Vergilius Romanus* входит еще и «Эклога» с миниатюрами пасторальной жизни, и влияние обеих на стиль ранних христианских изображений считается неслучайным и весьма значительным.

От предшествующих изображений христианского Бога отличала дополнительная одежда. В Аквилее в южном зале базилики Феодора есть мозаичное изображение Доброго Пастыря с двумя овцами, одетого в альбу – римскую литургическую одежду¹¹. Такой же пример Доброго Пастыря можно наблюдать в Латеранском музее в Риме [Venturi, p. 27], но с той разницей, что в левой руке он держит палку в форме буквы Т. К этому периоду можно отнести и мраморную фигуру Доброго Пастыря из Коринфа (сегодня находится в Афинах¹²). Еще одно редкое изображение Доброго Пастыря есть в Аквилее в постфеодоритском комплексе, в алтаре, под названием «oratorio della pesca». Оно датируется 380 г.

Добрый пастырь в Аквилее
(источник: [Brusin])

На мозаике – Спаситель с овцой на правом плече и с козой – на левом, при этом возле его головы изображен летящий голубь. В лице Спасителя нет подобающей милости. Левой рукой Он держит посох, которым римские папы пользовались на Западе еще в IX в. Его лицо выражает страдание, а его восточные, несвойственные римским жителям черты подтверждают, что христианская столица на Востоке в указанное время уже переняла все предыдущие функции христианского

¹⁰ Например, в парижском Лувре, в музее Ваггасо в Риме, перед дверью св. Павла в Риме.

¹¹ *Patrologia Latina*, 78:940.

¹² Музей византийского и раннехристианского искусства.

иконографического репертуара [Bergamini, Tavano, p. 113–114]. Так как западные образцы к тому времени отходили на задний план [Diehl, p. 9], отмеченные черты можно толковать как имеющие коптское происхождение [Brusin, p. 544, 536].

Именно это иконографическое изображение Христа с ягнёнком (с овцой) было запрещено восемьдесят вторым каноном Трулльского Вселенского собора (691–692) [Corpus Christianorum, p. 210, 281]. Следовательно, IV–VIII вв. [Kritzinger, 2002, p. 23] можно считать периодом постепенного формирования христианской иконографии.

Отдельные изображения животных

Помимо овец к излюбленным изображениям относились изображения птиц: голубя, павлина, горлицы, феникса. Изображения последнего невозможно отнести к языческим, мы находим их в Аквилее, а также в Афинах¹³ на мозаике IV в. (см. рис. 2, 3 на вклейке). Хотя их трудно отличить от мифологических или басенных (сказание о фениксе было известно едва ли не всем народам дохристианского Востока), смысл изображения феникса в христианском искусстве был совершенно иным. В ветхозаветной Книге Иова читаем: «с гнездом моим скончаюсь, и дни мои как феникс умножаются» (Иов 29:18)¹⁴. В сказаниях о фениксе выделяется одна существенная для христианского мировоззрения черта – нескончаемая жизнь феникса и его почтительность к умирающему отцу. Этот смысл, поддерживающий веру в бессмертие души, вкладывался в изображения феникса на монетах римских императоров (вместе с выгравированным там словом «aeternitas»), а также на греческих саркофагах [Голубцов, с. 149]. Об этом упоминали древние отцы Церкви: Климент Римский, Григорий Назианзин и Кирилл Иерусалимский. Феникс в виде чудесного символа неисчерпаемой жизни отмечен и в Постановлениях апостольских (V, 7). Характерна для западных богословов еще одна черта трактовки символического значения феникса: например, Руфин Аквилейский пользовался примером феникса, чтобы выразить сверхъестественность рождения Христа от Богоматери. Символическое изображение феникса (несмотря на античное прошлое), равно как и павлина, долго сохранялось в христианском искусстве.

В текстах Священного Писания, в Откровении от Иоанна, указана возможная связь на символическую соотнесенность определенных животных с апостолами: херувим является символом евангелиста Матфея, лев – Марка, бык – Луки, а орел – Иоанна. В византийской рукописи Октатевха из монастыря Вагопед на святой горе Афон миниатюрами украшена песнь Иезекииля (1:1–14), которая переключается с фразой из Книги Чисел (7:89), потом опять отсылает к Откровению от Иоанна (4:6–8; 6:1–14), последней канонической книге

¹³ Музей византийского и раннехристианского искусства.

¹⁴ В современном переводе отсутствует: «а дни мои будут множественны, как песок».

Священного Писания, которое мощно повлияло на создание новых форм христианского искусства [Diehl, p. 11]. Но в этой рукописи мы не найдем орла как символ евангелиста Иоанна, над каждым херувимом мастер изобразил по два небольших синих голубя (или горлицы) [Huber, p. 52]. Но так как они находятся в верхней части изображения, то представляют собой символ Царства Небесного. Также на миниатюре, изображающей смерть Моисея, находится пара горлиц, которые в этой рукописи действительно символизируют бессмертие (см. рис. 4 на вклейке)¹⁵.

Многочисленные изображения льва, символа евангелиста Марка, в базилике св. Марка в Венеции, несмотря на известное византийское влияние, скорее повторяют древние римские образцы, а также позднейшие западные, т. е. романские [Demus, p. 67, 69]. Зато мы находим льва в ветхозаветной Книге пророка Даниила, но обнаружить их на изображениях вместе невозможно. В баптистерии патриарха Каллистуса в Чивидале¹⁶ под аркой находится необыкновенное орнаментальное изображение двух львов конца IV в. [Gaberscek, p. 546], символизирующее силу христианской веры. На рубеже VI–VII вв. в Греции мотив льва можно было обнаружить даже на предметах личного пользования христианина – например, в виде печати на кольце¹⁷. Позднее (XIII–XVI вв.) на западноевропейских фресках лев изображается вместе со св. Иеронимом в его монашеской келье как эмблема переводчика Священного Писания на латынь¹⁸.

Следует упомянуть еще один весьма распространенный и часто неоднозначно понимаемый мотив христианского изображения животных, основанный на тексте Священного Писания. Это мотив змеи. Его можно увидеть в указанном византийском Октатевхе из Ватопеда. Здесь змей изображен, чтобы оправдать истребление Иезекиилем медного змея (4Цар. 18:3–4), созданного Моисеем (см. рис. 5 на вклейке). Следовательно, такое изображение должно представлять христианскую метаморфозу, так как отныне медный змей (Чис. 21:9) имел значение не только победительной веры во Христа (Иоан. 3:14), но и Его спасительной силы. Но так как змей изображен мертвым, он представляет собой вид артефакта, отвечавшего содержанию пророчества Моисея. Упомянутый библейский отрывок Григорий Назианзин (слова которого во время II Вселенского Никейского собора ошибочно интерпретировал Федор Студит [Demoen, S. 8]) понял как выражение противопоставления христианского почитания и языческого идолопоклонства, а Григорий Нисский (In cant., prol. 8, 1, 3–6) считал змею прообразом распятого Христа, так же как и Иоанн Дамаскин, который воспринимал его как пятый вид иконы или типологический символ (Imag. I, 12; III, 22).

¹⁵ Горлицу можно считать символом уникальной верности, так как горлица после смерти своего партнера больше не образует пару.

¹⁶ Чивидале дель Фриули, Музей христианства.

¹⁷ Музей византийского и раннехристианского искусства.

¹⁸ Palermo Palazzo, Abatellis.

Фрагментарное изображение животных – орнамент

Необходимо отметить особое места сюжетов, связанных с рыбой – известным символом Иисуса Христа. С конца VI до середины IX в. христианское искусство в Италии постепенно оторвалось от влияния византийского богословского-политического течения, свойственного иконоборческому периоду [Diehl, p. 13]. В катакомбном храме святого Климента конца IX в. на фреске изображено чудо Рождества, на фоне которого рыба – лишь часть морской жизни, сверхъестественным образом окружающей рождение Сына Божия. В рукописи начала латинской Псалтири IX в. из альпийского Корби присутствует изображение верующего с двумя рыбами, которых он держит над головой¹⁹. В рукописи греческих литургических евангелий X в., созданной в Италии²⁰, находится инициал, представляющий собой рыбу. В рукописных орнаментах можно найти и другие варианты, такие как изображение хвоста рыбы в геометрически оформленных инициалах церковнославянской Псалтири XV в. из Апостольской библиотеки Ватикана²¹.

Особенно для греческих рукописей отца Церкви Григория Богослова характерны инициалы, изображающие животных: например, пантеру (в греческой рукописи конца XI в.²²) или птиц (в греческой рукописи с Синая XII в., примечательной особенным приемом, позволявшим изображать чрезвычайно мелкие и четкие фрагменты²³). Складывается впечатление, что в христианских рукописных центрах на Западе развивались изображения, использовавшие в орнаментике как животных, так и людей, а в греческих рукописях преобладали изображения отдельных элементов животных.

Изображения животных элементов можно наблюдать и в древнейших глаголических рукописях IX–XI вв., т. е. времени, когда складывалось первое славянское богослужение. О них совершенно уверенно можно сказать, что они создавались в непосредственной связи с итало-греческой общиной на Западе [Grabar, p. 92–98; Ševčenko, p. 618–645], развивавшей синтетические принципы и соединявшей не только особенности восточной и западной литургических практик, но и изобразительные способы, свойственные западным христианским рукописям, и византийские рукописные подходы (иногда в виде смешения, о чем наглядно можно судить по рукописи Книги Иова XI в.²⁴). Например, в греческих христианских рукописях VII–IX вв., а также в церковнославянском Ассемановом евангелии XI в. и в церковнославянском Евхологии с Синая XII в. находятся инициалы, изображающие отдельно только глаза животных [Nahtigal, p. 23a, 73a, 100a].

¹⁹ Amiens, Bibliotheque Municipale, Mss. cod. 18 (fol. 137r.).

²⁰ Paris, Bibliotheque Nationale. Grec. 279 (fol. 141) [Grabar, p. 72–73].

²¹ Cod. Vat. Slav. 15.

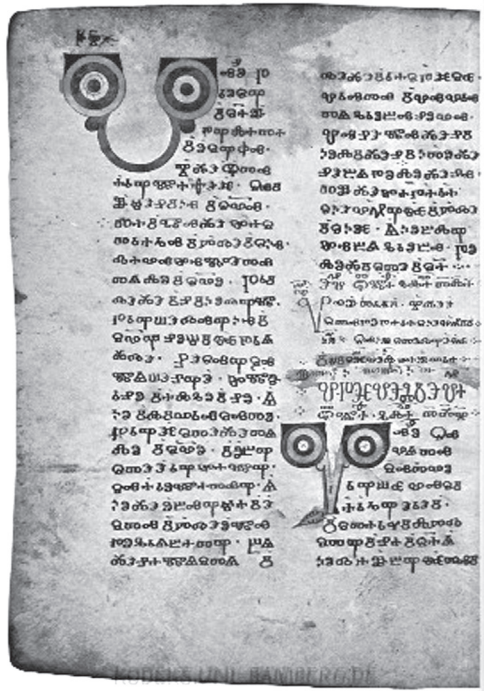
²² Paris, Bibliotheque Nationale, Grec. 550 (90, 100).

²³ Синай, Григорий Назианзин, 339 (л. 330 об.).

²⁴ Vat. Gr. 749.

Их целью было указывать на важное место в тексте, и позднее в славянских рукописях их заменили маргинальные глоссы типа «Зри».

В греческой рукописи Апостольских деяний (сегодня хранящейся в Афинах²⁵), которая была создана на рубеже X–XI вв. в Италии, но которой пользовались также и славяне, о чем свидетельствуют маргинальные глоссы (например, дословное повторение имени апостола Павла), наблюдается специфическое изображение животных в прямоугольном орнаменте, которое напоминает римские образцы. Точные аналоги орнаментов над заглавиями текстов находятся в церковнославянском Четвероевангелии, хранящемся в Национальной библиотеке в Любляне, датированном XIV в. и принадлежащем славянской общине в Босне²⁶. Здесь на 66-м листе вместе с началом Евангелия от Марка в виде инициала «Н» изображено странное крылатое животное, которое отсылает к символу евангелиста Марка (т. е. льву), но отражает мощное влияние изящнейших образцов иллюминации рукописей, известных в центральной Италии, например в Тоскане, а именно в Сиене. Почерк – устав, частые глоссы, выполненные красной

Страница Ассеманова евангелия
(авторский архив)

киноварью позднейшим стилем, осведомляющие о необходимом чтении евангелий во время праздничного богослужения, позволяют считать эту рукопись литургическим Четвероевангелием.

В греческой рукописи Апостольских деяний – два почерка: греческий и славянский, которые выступают одновременно; только тщательное рассмотрение позволило выяснить, как они хронологически соотносятся между собой: греческие небольшие буквы в заглавиях предшествовали славянским, еще более мелким буквам. Так как эта рукопись отражает мощное влияние рукописных подходов, известных на Западе, можно заключить, что ее создавали по какому-то греческому образцу в Италии [Grabar, p. 68–69]. Влияние древнейшего латинского рукописного подхода, известного под названием каро-

²⁵ Bibliotheque Nationale, Mss. Gr. 149.

²⁶ Cod. Kopitar № 24.

лингского, точнее, характерного для Зальцбурга, наблюдается в изображениях евангелистов в арке.

Столь сложный изобразительный подход объясним, учитывая, что указанные рукописи создавались в IX–XI вв., в самом начале периода восстановления иконопочитания, последовавшего за иконоборческим, в истории византийского христианства. Тогда изображения с использованием фрагментов глаз животных, свойственные византийским мастерам рукописного орнамента [Martinelli, p. 25, 82], работавшим также в Италии, можно считать одной из характеристик, косвенно подтверждающих не только факт иконопочитания, но и развитие аспекта зрения в христианском богословии.

Можно заключить, что христианское искусство именно посредством орнаментальных изображений животных смогло преодолеть некоторые сложные промежуточные этапы при переходе от античного к христианскому изобразительному способу, чему значительно способствовало наличие у животных чрезвычайно острого зрения. Но более того, указанные примеры напоминают о переходном состоянии в сознании верующего. Чутко выбранные и переработанные орнаменты, изображающие животных, использовались в христианском искусстве для изображения не греховной души верующего, но его способности преодоления душевной слабости. Последнее, как закономерное явление, в период с IV по VI в. косвенно повлияло на окончательный переход к созданию четких границ христианской иконографии.

Итак, в рукописях мы находим фрагментарные изображения животных, которые выполняли орнаментальную роль, чаще всего выступая в виде инициалов или заглавий. Но их функция не была декоративной, они не должны были равномерно, наглядно иллюстрировать текст, обычно ими невозможно было просто любоваться, они являлись лишь одним из способов передачи христианского вероучения. Орнаментальные изображения фрагментов животных представляли собой необходимую маргинальную поддержку библейского текста, которая в христианской иконографии считается существенной. Животные своей способностью более широкого зрения, несвойственного человеку, могли служить построению более сложного аспекта, включавшего несколько разных точек зрения, и тем самым напоминали о сущности Божьего промысла. В этих же целях они могли стать частью христианского изобразительного репертуара – как вспомогательные элементы окончательно сложившихся правил христианской иконографии. Иначе говоря, христианская эмблематика животных в действительности соединяла два стремления.

Первое характеризуется сознательной волей выразить новое мышление верующего, точно так же как эмблемы на напольных мозаиках создавали отдельные мотивы или сложные сцены с помощью простой имитации предметов в их реальную величину (высота, длина, ширина) [Kitzinger, 1995, p. 50–51]. Но орнаменты животных в виде эмблемы, или вставки (греч. ἐμβλήματα), отражают и такое искусствен-

ное стремление, свойственное христианскому искусству, которое соединилось со всеобъемлющим Божиим зрением (окончателность, вечность, безмерность). Постепенно создавались две перспективы, существующие одновременно: первая стремилась к совершенной форме христианской иконографии, вторая выходила за хронологические рамки и соответствовала времени, свойственному только текстам Священного Писания.

Выводы

Животные, отличающиеся особой зоркостью, в христианстве стали примерами живого свидетельства христианской веры. Изображение животного, находящегося рядом с священником, мы нашли в христианской Александрии: каменный рельеф, датированный I в. до Р. Х., представляет кошку, выполнявшую роль свидетеля в христианском богослужении. Но последнее не является художественным вымыслом, а, скорее, отражает реальное обстоятельство, так как животное в Александрии в самом деле официально могло присутствовать на литургии. Похожее изображение более позднего времени можно обнаружить в Риме, в соборе Сан-Джованни-ин-Латерано (начало IV в.), где на мозаике в апсиде два оленя находятся рядом с верховными священнослужителями.

В начале XII в. животное заняло исключительное место, равноправное императорскому: в Палермо, в императорской резиденции Роджера II (Палаццо-Реале) изображены разные животные в натуральную величину (см. рис. 6 на вклейке). Теперь человек и животное приближены к Спасителю и сами собой подтверждают посланную от Бога земную власть. Возможно, это оказало определенное влияние на упомянутые выше изображения животных в XI–XII вв. А христианское искусство Сицилии как в рукописях, так и в мозаиках можно считать важным источником перемещения романского стиля с Запада на Восток [Grabar, p. 98].

Список литературы

- Голубцов П. А. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб. : Сатисъ, 1995. 371 с.
- Bergamini G., Tavano S. Storia dell'arte nel Friuli-Venezia Giulia. Udine : Chiandetti Eitore, 1984.
- Brusin G. Aquileia e Grado // Storia di Venezia. Vol. 2. Venezia, 1958.
- Corpus Christianorum. Conciliorum Oecumenicorum Generaliumque Decreta. Vol. 1. Bologna : Brepols, 2006. 373 p.
- Cumont F. Recherches sur le symbolisme funeraire des Romains. Paris : Paul Geuthner, 1996. 543 p.
- Demoen K. The Theologian on Icons? (Byzantine and modern claims and dissortions) // Byzantinische Zeitschrift. 1998. Bd. 91. S. 1–19.
- Demus O. Byzantine Mosaic Decoration (Aspects of Monumental Art in Byzantium). NY : Caratzas Brothers Publishers, 1976. 97 p., 64 il.
- Diehl Ch. L'art chretien primitif et l'art byzantin. Paris ; Bruxelles : Les editions G. van Oest, 1928. 63 p.

- Gaberscek C. Tradizioni tardo-antiche nella scultura altomedioevale dell'alto adriatico // *Antichità alto adriatiche. Aquileia e Ravenna*. Vol. 13. Udine : Arti grafiche friulane, 1978. P. 537–552.
- Gombrich E. *The Story of Art*. NY : Phaidon, 2002.
- Grabar A. *Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IXe–XIe siècles)*. Paris : Editions Klincksieck, 1972. 103 p., 392 il.
- Heid S. *Romanness of Roman Christianity // A Companion to Roman Religion*. Oxford : Wiley-Blackwell, 2011. P. 406–424.
- Huber P. *Images et Messages (Miniatures byzantines de l'Ancien et du Nouveau Testament)*. Zurich : Atlantis, 1975. 211 p.
- Kitzinger E. *Arte altomedievale*. Torino : Einaudi, 2002. XVII, 164 p.
- Kitzinger E. *Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art 3rd–7th Century*. Cambridge : Harvard University Press, 1995. 175 p.
- Martinelli P. A. «Corpus» della scultura paleocristiana, bizantina e altomedioevale di Ravenna. Vol. 1. Altari, amboni, cibori, cornici, plutei con figure di animali e con intrecci, transenne e frammenti vari. Roma : De Luca, 1968. 85 p.
- Nahtigal R. *Euchologium Sinaiticum. (Starocerkvenoslovanski glagolski spomenik)*. Vol. 1. Ljubljana : SAZU, 1941. 423 p.
- Roma Subterranea Novissima, in qua Post Antonium Bosium Antesignanum Jo: Severanum congreg. oratorii Presbyterum, Et celebres alios Scriptores Antiqua Christianorum, et praecipue Martyrum Coemeteria, Tituli, Monimenta, Epitaphia, Inscriptiones, ac Nobiliora Sanctorum Sepulchra / ed. Paulo Aringhi. Lutetiae Parisiorum, 1659. 1908 c.
- Ševčenko I. *Byzantium and the Slavs: In Letters and Culture*. Cambridge-Napoli, 1991. 752 p. Ch. 34. Report on the Glagolitic Fragments. P. 617–651.
- Venturi A. *Storia dell'arte italiana*. Vol. 1. Dai primordi dell'arte cristiana al tempo di Giustiniano. Milano : U. Hoepli, 1901.
- Weitzmann K. *Late Antique and Early Christian Book Illumination*. NY : George Braziller, 1977. 129 p.
- Weitzmann K. *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination* / ed. H. L. Kessler. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1971. 346 p.

References

- Aringhi, P. (Ed.). (1659). *Roma Subterranea Novissima, in qua Post Antonium Bosium Antesignanum Jo: Severanum congreg. oratorii Presbyterum, Et celebres alios Scriptores Antiqua Christianorum, et praecipue Martyrum Coemeteria, Tituli, Monimenta, Epitaphia, Inscriptiones, ac Nobiliora Sanctorum Sepulchra*. 1908 p. Lutetiae Parisiorum.
- Bergamini, G. & Tavano, S. (1984). *Storia dell'arte nel Friuli-Venezia Giulia*. Udine: Chiandetti Editore.
- Brusin, G. (1958). Aquileia e Grado. In *Storia di Venezia*. (Vol. 2). Venezia.
- Corpus Christianorum. Conciliorum Oecumenicorum Generaliumque Decreta*. (Vol. 1). (2006). 373 p. Bologna: Brepols.
- Cumont, F. (1996). *Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains*. 543 p. Paris: Paul Geuthner.
- Demoen, K. (1998). The Theologian on Icons? (Byzantine and modern claims and distortions). *Byzantinische Zeitschrift*. (Bd. 91, S. 1–19).
- Demus, O. (1976). *Byzantine Mosaic Decoration (Aspects of Monumental Art in Byzantium)*. 97 p., 64 il. NY: Caratzas Brothers Publishers.
- Diehl, Ch. (1928). *L'art chrétien primitif et l'art byzantin*. 63 p. Paris & Bruxelles: Les éditions G. van Oest.
- Gaberscek, C. (1978). Tradizioni tardo-antiche nella scultura altomedioevale dell'alto adriatico. In *Antichità alto adriatiche. Aquileia e Ravenna*. (Vol. 13, pp. 537–552). Udine: Arti grafiche friulane.
- Golubczov, P. A. (1995). *Iz chtenij po cerkovnoj arheologii i liturgike* [Of the readings on church archeology and liturgy]. 371 p. Saint Petersburg: Satis.
- Gombrich, E. (2002). *The Story of Art*. NY: Phaidon.
- Grabar, A. (1972). *Les manuscrits grecs enluminés de provenance italienne (IXe–XIe siècles)*. 103 p., 392 il. Paris: Editions Klincksieck.
- Heid, S. (2011). Romanness of Roman Christianity. In *A Companion to Roman Religion* (pp. 406–424). Oxford: Wiley-Blackwell.

- Huber, P. (1975). *Images et Messages (Miniatures byzantines de l'Ancien et du Nouveau Testament)*. 211 p. Zurich: Atlantis.
- Kitzinger, E. (1995). *Byzantine Art in the Making: Main Lines of Stylistic Development in Mediterranean Art 3rd-7th Century*. 175 p. Cambridge: Harvard University Press.
- Kitzinger, E. (2002). *Arte altomedievale*. XVII, 164 p. Torino: Einaudi.
- Martinelli, P. A. (1968). «Corpus» della scultura paleocristiana, bizantina e altomedievale di Ravenna. (Vol. 1. Altari, amboni, cibori, cornici, plutei con figure di animali e con intrecci, transenne e frammenti vari). 85 p. Roma: De Luca.
- Nahtigal, R. (1941). *Euchologium Sinaiticum. (Starocerkenoslovanski glagolski spomenik)*. (Vol. 1). 423 p. Ljubljana: SAZU.
- Ševčenko, I. (1991). *Byzantium and the Slavs: In Letters and Culture. Cambridge-Napoli* (Ch. 34. Report on the Glagolitic Fragments, pp. 617–651).
- Venturi, A. (1901). *Storia dell'arte italiana*. (Vol. 1. Dai primordi dell'arte cristiana al tempo di Giustiniano). Milano: U. Hoepli.
- Weitzmann, K. (1971). *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination*. 346 p. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Weitzmann, K. (1977). *Late Antique and Early Christian Book Illumination*. 129 p. NY: George Braziller.

The article was submitted on 15.02.2015

Neža Zajc, Dr.

научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
Словенской академии наук
и искусств,
Институт истории культуры,
Любляна, Словения
nzajc@zrc-sazu.si

Neža Zajc, Dr.

Research Associate,
Scientific-Research Centre
of Slovenian Academy
of Sciences and Arts,
Institut of Cultural History,
Ljubljana, Slovenia
nzajc@zrc-sazu.si

DOI: 10.15826/qr.2015.1.086

УДК 821.161.1-14:133.52

Игорь Лоцилов

**«МЕЖ ТЕМ ВВЕРХУ ЗВЕЗДА СИЯЕТ...»:
ЗАБОЛОЦКИЙ И «МИРОВЕДЕНИЕ»**

Igor Loshchilov

**«MEZH TEM VVERHU ZVEZDA SIYAET...»
[“MEANWHILE, THE TOP STAR SHINES”...]:
ZABOLOTSKY AND MIROVEDENIE**

The article considers the correspondence between the poetic world of Nikolai Zabolotsky and the activity of the Russian Society of Amateurs of Natural Sciences that worked in Saint Petersburg – Petrograd – Leningrad between 1909 and 1932. In 1928, in the *Mirovedenie* Journal (Russian for *Natural Sciences*) astronomer and science historian D. O. Svyatsky published an article entitled *A Tale of Star Chigir and the Telescopic Observations of Galileo (From the History of Astronomy in Russia)*. It considered the Russian translations of the astronomical and astrological compiled works of the 16th and 17th centuries (*A Tale of King Solomon of What Is Great Sorrow and Wherefrom It Shall Come* and others) which related to the mysterious Star Chigir. Zabolotsky's poem *The Mad Wolf* (1931) was not only inspired by the poet's meeting with K. E. Tsiolkovsky but also his impressions following his reading of the abovementioned article and has data proving his acquaintance with works of historians, ethnographers and folklorists that mentioned Star Chigir (I. P. Sakharov, A. N. Afanasyev, A. I. Sobolevsky, A. S. Yermolov, V. N. Perets). Other instances of Zabolotsky's mentioning of stars, constellations, planets, telescopes and astronomers (both during the early and late periods of his work) are most likely connected with the Russian Society of Amateurs of Natural Sciences which considered the synthetic and almighty science of the future as rooted in the *occult science of the old times* and *popular astronomy*.

Keywords: astrology; N. Zabolotsky; cosmographies; natural science; Star Chigir; Russian Society of Amateurs of Natural Sciences, “Mirovedenie”.

Статья посвящена теме соприкосновения поэтического мира Николая Заболоцкого с деятельностью Русского общества любителей мироведения (Р.О.Л.М.), работавшего в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде с 1909 по 1932 г. В 1928 г. в журнале «Мироведение» была напечатана статья астронома и историка науки Д. О. Святского «Сказание о Чигирь-звезде и телескопические наблюдения Галилея (Из исто-

рии астрономии в России)». Она была посвящена переводным русским астрономическим и астрологическим компиляциям XVI–XVII столетий («Сказание царя Соломона, что есть печать большая, откуда, как ему приде» и других), где говорилось о таинственной звезде Чигирь. Поэма Заболоцкого «Безумный волк», написанная в 1931 г., восходит не только к его знакомству с учением К. Э. Циолковского, но и к впечатлениям от чтения этой статьи, а также содержит следы чтения сочинений историков, этнографов и фольклористов, упоминавших о Чигирь-звезде (И. П. Сахаров, А. Н. Афанасьев, А. И. Соболевский, А. С. Ермолов, В. Н. Перетс). Другие упоминания звезд, созвездий, планет, телескопов и астрономов у Заболоцкого (и раннего, и позднего периодов), вероятно, также связаны с памятью о Р.О.Л.М., где прообраз синтетической и всемогущей науки будущего виделся в оккультной «древней науке» и «народной астрономии».

Ключевые слова: астрология, Н. Заболоцкий, космографии, мироведение, Чигирь-звезда, Русское общество любителей мироведения (Р.О.Л.М.).

Предрассудок! он обломок
Давней правды.

Е. А. Баратынский

В стихотворении Заболоцкого «Читайте, деревья, стихи Гезиода», написанном в 1946 г., вскоре после возвращения из лагерей, есть строка: «И к зверю девятая сходит Камена» [Заболоцкий, 1965, с. 91]. Камены – древнеиталийские божества, обитавшие в водных источниках, покровительницы искусств, часто отождествлявшиеся с греческими музами. Девятая муза – Урания, покровительница небесного свода, астрономии и астрологии¹. Таким образом, строка исчерпывающе описывает основную коллизию поэмы «Безумный волк» 1931 г., где разум зверя пробуждается благодаря таинственному воздействию одной из звезд небесного свода:

В о л к
Медведь, ты правильно сказал.
Ценю приятный сердцу довод.
Я многих сам перекусал,
когда роскошен был и молод.

¹ Возможно, Заболоцкий имел в виду также стихотворение В. Я. Брюсова «О себе самом» (март 1917), которое предназначалось автором для оставшегося неизданным сборника «Девятая Камена», девятой по счету поэтической книги, и было опубликовано в альманахе «Весенний салон поэтов» (1918): «Но гром взгремел. Молчать – измена, / До дна взволнован мой народ... / Ужель “Девятая Камена” / Победных песен не сплет?» [Весенний салон, с. 50]. В качестве эпиграфа автор предпослал стихотворению слегка измененную строку из «Отрывков из путешествия Онегина»: «Хвала вам, девяти каменам!» [Там же, с. 48]. Может быть, уместно вспомнить, что и строка «Все это шулки прежних лет» из диалога Медведя и Волка в поэме «Безумный волк» – парадоксальная цитата из «Евгения Онегина»: «С Онегиным он вспоминает / Проказы, шулки прежних лет» (Гл. 8, XXIII).

Все это шутки прежних лет.
 Горизонтальный мой хребет
 с тех пор железным стал и твердым,
 и невозможно нашим мордам
 глядеть, откуда льется свет.
 Меж тем вверху звезда сияет –
 Чигирь – волшебная звезда!
 Она мне душу вынимает,
 сжимает судорогой уста.
 Желая знать величину вселенной
 и есть ли волки наверху,
 а на земле я точно пленный
 жую овечью требуху.

М е д в е д ь

Имею я желанье хохотать,
 но воздержусь, чтоб волка не обидеть.
 Согласен он всю шею изломать,
 чтобы Чигирь-звезду увидеть!
 [Заболоцкий, 1965, с. 281–282]

Поэма Николая Заболоцкого «Безумный волк» впервые была напечатана через семь лет после смерти автора [Заболоцкий, 1965, с. 280–291]. Ключевой в мифопоэтическом сюжете поэмы астроним при первой публикации был прокомментирован кратко: «*Чигирь-звезда* – Венера» [Там же, с. 465]. В большинстве последующих изданий имя звезды, под влиянием которой герой поэмы, Волк, претерпевает метаморфозу и становится «Сверхволком», толкуется так же – либо экзотичный астроним вовсе не комментируется.

Автор этой статьи, которому довелось участвовать в подготовке отдельного издания поэм Заболоцкого, позволил себе расширить толкование, предположительно указав на значимость «кода» – диалектное происхождение имени звезды:

В словаре В. И. Даля: «Чигирь – м. *астрах.* крымск. водоподъемный снаряд, для поливки садов, виноградников, бахчей, баштанов: лошадь или волю вертят стоячий вал, этот обращает шестерню лежачий вал с колесом, над колодцем (кудуком, копанью, ямником); через колесо перекинута круглая цепь ковшей (бадеек, челяков) на веревке; они черпают и выливают воду опрокидкою через колесо в корыто, желоб, откуда она растекается скатными канавками по бахче; главное искусство – расположить канавки. *Чигирь*, звезда или планета Венера, утренняя звезда, зорница, восходящая и заходящая как чигирная бадья» (*Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р–Я. М., 2001. С. 996*). Ряд указателей ведет отсюда к поэтическому миру Хлебникова: и астраханское происхождение, и мифологическое соответствие космоса и образа *колодца*

и его функциональных компонентов, как в поэме «Журавль» (1909), и отсылка к стихотворению «Годы, люди и народы...» (1916): «Звезды – невод, рыбы – мы, / Боги – призраки у тьмы». <...>. На *звезде Чигирь* пребывает, согласно «футурологическому» замыслу Заболоцкого, покинувшее к моменту действия поэмы Землю и воскресившее всех своих представителей человечество («патрофикация космоса», по Н. Ф. Федорову). Именно поэтому *звезда* будит смутное беспокойство и желание узнать «есть ли волки наверху» в самом близком к «человеческому состоянию» волке. Ср. образы «Мастерской человечьих воскрешений» и *зоологического сада* из поэмы Маяковского «Про это» (1923) [Заболоцкий, 2012, с. 314–315].

Ассоциативная связь имен Хлебникова и его родины – Астрахани, возможно, значима у Заболоцкого (и Хармса²), однако новые горизонты понимания генезиса и значения волшебной звезды открылись автору этих строк лишь тогда, когда он обратил внимание на связь двух более поздних сочинений Заболоцкого с поэзией знаменитого ученого и революционера-народовольца Николая Александровича Морозова (1854–1946)³.

Н. А. Морозов был единственным и бессменным председателем Русского общества любителей мироведения (Р.О.Л.М.), действовавшего в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде с 1909 по 1932 г.:

13 января 1909 г. небольшая группа любителей астрономии и других физико-математических и естественных наук основала в Петрограде «Русское Общество Любителей Мироведения», которому суждено было за 10 лет его существования приобрести весьма видное положение. Колыбелью Общества является бывшая на Марсовом поле небольшая обсерватория «Русской Урании», где показывались небесные объекты всем желающим. Сюда, естественно, влекло всех Петроградских любителей астрономии, и здесь они очень быстро познакомились и подружились друг с другом. Вскоре в их среде зародилась мысль основать собственное Общество, главной целью которого, как сказано в уставе, являлось: объединять любителей естественных и физико-математических знаний, оказывать им возможное содействие в их научных работах и тем поднять уровень и ценность их трудов. <...> В 1912 году, когда молодое Общество уже несколько окрепло, оно развернуло свою деятельность образованием секций, а также учреждением своего собственного иллюстрированного журнала «Известия Русск. Общ. Любит. Мироведения», переименованного впоследствии в «Мироведение». С первых же номеров журнал Общества оказался весьма интересным и живым и постепенно стал приобретать все большее и большее распространение. Содержание его по преимуществу астрономическое и геофизическое, но иногда попадают статьи и по другим естественным наукам [Г. Т., с. 377].

² В стихотворении Хармса «Ку...» (1929) персонаж по имени Ку (напоминающий о хлебниковском «Ка») произносит: «я души твоей спаситель / я дорога в Астрохань» [Хармс, с. 105].

³ Речь идет о стихотворениях Заболоцкого «Утро в лесу» (ранняя редакция – «В лесу», 1934) и «Сквозь волшебный прибор Левенгука» (1948). См.: [Лоцилов].

В 1928 г. в журнале, который издавался под эгидой Р.О.Л.М., была напечатана статья астронома Даниила Осиповича Святского «Сказание о Чигирь-звезде и телескопические наблюдения Галилея (Из истории астрономии в России)»⁴. Видимо, следует признать ее основным и самым близким, непосредственным источником поэтического преобразования. Речь идет о переводных древнерусских компиляциях по космографии и астрологии, где упоминается загадочная звезда Чигирь, в первую очередь об опубликованном А. И. Соболевским «Сказании царя Соломона, что есть печать большая, откуда, как ему приде» и о сочинении, называемом «Премудрость царя Соломона и Философа большого первого Филодельфа и Птолемея царя египетского поясах небесных и о звездах и о солнце и о лунах, на коих поясах ходят, и о 12 зодиах и о часах и о планидах до скончания века зри, разумевай и толкуй неленостно». Автор статьи специально оговаривал, что не предполагает изучать ««Сказание» филологически» и интересуется «им лишь с точки зрения астрономической» [Святский, 1926, с. 2]⁵. Фрагменты космографических текстов и иллюстрирующие статью Д. О. Святского изображения звезды и небесных сфер в представлении переписчика или компилятора передают колорит, который, видимо, вдохновил поэтическую мысль Заболоцкого – поэта, получившего историко-филологическое образование (под руководством В. А. Десницкого) и интересующегося достижениями современной ему науки:

А на третьем небеси царское блистание, сиречь солнечное хождения чигиря звезды. Чигирь бо звезда именовавшаяся сирским языком. Чигирь пред солнце(м), аки боярин царев. Царь идет, тогда боярин показывает приход царев; люди его боятся прежде царя. И егда царь придет, тогда его не знать будет. Таков бо пред царем чигирь показывает пред солнцем, блещущися веселится и велит всем людям царя ждати. Тако и чигирь звезда устроет, а егда же солнцу восходити будет время, тогда чигирь поидет во свое место, потомучто она не на том поясе утверждена, она на седмом поясе, токмо показывает восход солнечный. Якоже бо воин царев, егда пред царем очистит путь и устроит хождение, а сам паки возвратится во уготованное

⁴ Большой пассаж о Чигирь-звезде входил в книгу Д. О. Святского, вышедшую еще до революции: [Святский, 1913, с. 174–178].

⁵ Ср.: «...общество “Мироведения”, очевидно, под влиянием Н. А. Морозова, принадлежавшего к масонскому ордену “Великий Восток Франции” (лога “Полярная звезда” в Петербурге), проявляло большой интерес к мифам и литературным памятникам древности, в которых сохранились ценные астрономические “указания”, в частности, к священным книгам, таким, как Библия и Талмуд. Вот названия некоторых докладов, прочитанных в обществе на тему палеоастрономии: “Когда возникла Каббала” (Л. Филиппов, 1913), “Астральная основа христианского эзотеризма первых веков” (Д. О. Святский, 1914), “Зеленый луч в Древнем Египте” (А. А. Чикин, 1918), “Созвездия в Ветхом Завете” (Г. А. Тихов, 1918), “Зодиак в Ветхом и Новом Завете” (Д. О. Святский, 1918), “Астрономия и мифология” (Н. А. Морозов, 1920)» [Андреев, с. 96–97]. Читатель поэзии Заболоцкого отметит точки пересечения его поэтического мира (как раннего, так и позднего периодов) с проблематикой палеоастрономических штудий мироведов и связанной с ними концепцией «древней науки» – прообраза синтетической науки будущего.

ему место свое, дондеже царь по него пошлет; а тамо пребывает, где службу свою служит. Такожде и чигирь звезда показывает солнечный восток, а сама обтечет все поясы небесныя до седмаго небеси, где сама она пребывает.

На третьем же убо поясе небесном ходит звезда заря пред солнцем, день и ночь без престаива. Имеет же она в себе силу такову. Егда бытии ведру и дождю, звездам бо покажет царя, сиречь солнце, и потом поидет в ночь; звезды бо учнут восходити и являтися на поясе небесном, а та звезда заря в вечерней заре идет над солнцем, блещется, еже в то время близ хождения сушу; а еже солнце утаилось, и показывает она, у брега светло блещется и нам мнится, что скачет, и то знаменует ведро, и ясно будет. А егда же звезда заря румяна явится, тогда знаменует дождь или снег или мрак, а не ясно. А чигирь тогда стоит на востоце, блещется. Егда же солнце познает запад свой, тогда чигирь спрятывает луч свой и поидет во обтек всех поясов... [Соболевский, с. 432–433].

Д. О. Святский допускал, что речь могла идти не о Венере, а об одной из комет. А. И. Соболевский приводил и гипотетическую этимологию имени звезды: «Имена планет – греческие. Несомненно, в этом тексте мы имеем дело с компиляцией, составленною в Московской Руси не позднее конца XVI в. на основании источников греческого происхождения и литературы жидовствующих. Язык – церковно-славянский плохой и сбивающийся то и дело на русский» [Соболевский, с. 433]. «Ни в одной статье, которую бы можно почему-либо признать принадлежащею к литературе жидовствующих, нет рассказа о звезде *Цигрь*; между тем подобная статья должна была не только существовать, но и пользоваться значительным распространением: из нее повествование о *цигре*, *чигире* перешло в русские астрономические и астрологические компиляции. Слово *цигръ*, по-видимому, не что иное как еврейское название планеты Венеры *Zohar* в каком-нибудь местном произношении» [Соболевский, с. 427–428]⁶. Такая этимология помогает понять, почему звезда Чигирь у Заболоцкого – не важно, планета она или комета – *сияет*: *Zohar* собственно и означает *сияние*.

В том же 1931 г. Заболоцкий пишет стихотворение «Детство Луто-ни». В стихотворение «вмонтирована» народная детская игра «Захарка», текст которой поэт позаимствовал в книге И. П. Сахарова – той самой, по которой поют русалки в стихотворении Хлебникова «Ночь в Галиции» (1913). Об игре, название которой становится предельно значимым в этом контексте, автор книги глубокомысленно писал: «Захарка – игра детская, веселит детей и из ума выживших старушек. Не имея ни одной самобытной идеи, она зато и не выражает ни одной любопытной черты из семейной жизни. Кажется, что она родилась

⁶ Д. О. Святский в процессе работы над статьей консультировался с Н. С. Марром: «...в самой рукописи название звезды определенно производится с “сирского языка”: “На третьем небеси царское блистание сиречь солнечное восхождение Чигири-звезды именовавшеся сирским языком”. Акад. Н. Я. Марр, которого я спрашивал о значении звезды Чигирь, также согласен, что это сирийское название Венеры и имеет прототипом своим вавилонскую Иштар» [Святский, 1928, с. 3]. О статусе сирийского языка в древнерусской культуре см.: [Успенский].

в русских селениях, где зимними вечерами хижины поселян освещаются горящими лучинами. Может быть, предки имели свою цель, изобретая эту игру, теперь нам непонятную. Оттого мы в ней теперь видим какую-то безотчетливость, указывающую прямо на детские шалости и на неосторожную беззаботность дряхлеющих людей» [Сахаров, 1841, с. 79].

О звезде Чигирь в компиляции И. П. Сахарова говорилось в контексте астрологических предписаний⁷:

Чигирь звезда. Так поселяне называют Венеру. Предание о сей планете заключается в том, что она показывает человеку счастье и несчастье, что делать и чего нет. Наши грамотные старики записали о ней следующее: «Сия бо звезда едина именем Чигирь есть, меж всеми звездами 10 мест во всяком месяце имеет, а по трижды приходит на всякое место коегождо месяца. Сие есть великая мудрость. Аще кто добр горазд и разумеет месячному народжению, той видит и кий крут ведает сия звезда Чигирь. Аще кому ехати, или идти куда, или селиться, смотри, на которую сторону та звезда стоит: аще она станет противу, и ты противу ее не ездни никуды. Во дни 1, 11 и 21 стоит Чигирь на востоце, и ты храмины не ставь, на дворе главы своей не голи. Во дни 2, 12, 22 стоит Чигирь меж востоком и полуднем, и ты с женою не спи; ино рожденное будет курчя и бесплодно. Во дни 3, 13, 23 стоит Чигирь на полудни, и ты в те дни в полдни не купайся, в баню не ходи: изойдешь лихом, или учинится переполох» [Сахаров, 1849, с. 62].

Другая версия приводилась в принадлежащей тому же времени книге А. Х. Востокова [Востоков, с. 15]. В труде В. Н. Перетца, изданном в 1901 г., был опубликован текст рукописной «Острологии» XVI столетия:

Сказание о чихире звезде, како стоит. Есть звезда цыгр онаже:

Аще кому куды поехать а чихирь ему стоит противно тыго дни, ино ему не ехати; а коли Цыгр будет в тыл ему стоит или со стороны, ино ему ехати, и он будет здрав. И много добра приобретает.

А коли Цыгр под землю или среди н[е]б[е]си стоит, ино ему никуды не ехати, а пойдет и он не будет здоров: либо над самим или над животом поруха будет.

В 1, 11, 21 – в ден луны н[е]б[е]сного м[е]с[я]ца стоит на востоце.

В 2, 12, 22 – меж востоком и полуднем. <...>

В 10, 20, 30 – среди н[е]б[е]си стоит [Перетц, с. 24–25]⁸.

⁷ Ср. близкие по времени создания стихотворения Заболоцкого «Предсказание погоды», «Меркнут знаки Зодиака» (оба 1929) и «Царица мух» (1930). Выписывая восходящее к Агриппе Неттесгеймскому сказание о волшебной мухе из книги доктора Папюса «Практическая магия», Заболоцкий делает важное примечание: «Нечто похожее на это курьезное предание я слышал и в русских деревнях» [Заболоцкий, 1965, с. 465].

⁸ Ср.: «Венера – Чигир-звезда, Чэлбан. Если Чэлбан высоко стоит, холодный будет год (Якут. обл.). Венера, как и другие планеты, которые народ зовет “блудячими звездами”, имеют влияние на изменение земного магнетизма» [Ермолов, с. 310].

Упоминается о звезде Чигирь и в статье Ф. П. Керенского [Керенский, № 3, с. 73]. Среди параллелей к монгольским названиям Плеяд Г. Н. Потанин указывал: «Ингуши на Кавказе: *Чехгэр*» [Потанин, с. 730].

Весь этот довольно обширный круг источников, изданных в XIX – начале XX в., был актуализирован в статье Д. О. Святского 1928 г. и частично мог быть знаком Заболоцкому, интересы которого были связаны как с древнерусской письменностью, так и с современным естественно-научным знанием.

Ассоциативная связь звезды Чигирь с образом волка опосредована ее отождествлением с Венерой. Круг источников здесь значительно сужается: это несомненно известный Заболоцкому классический труд А. Н. Афанасьева, где, без упоминания об имени Чигирь, было сказано: «Вечерницу (*Vesperus* – планету Венеру) называют Волчей звездой» [Афанасьев, с. 736], а также книга О. Д. Святского 1913 г., где на одной странице приводились этимологические версии астронома Чигирь и цитировался Афанасьев [Святский, 1913, с. 178].

Можно предположить, таким образом, что публикация в «Мироведении» побудила поэта к весьма основательному погружению в литературу, посвященную русским текстам по космографии и астрологии XVI–XVII столетий.

Одной из первых книг, подаренных поэту по возвращении его из лагерей кем-то из знакомых (первую, том «Сочинений Г. С. Сковороды», подарил 14 февраля 1946 г. Н. И. Харджиев), оказались «Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России» Б. Е. Райкова. Дарительная надпись, сделанная 27 февраля, подписана инициалами: *Т. П.* Автор книги, возможно памятный Заболоцкому по годам учения в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена, писал (в издании 1947 г. это место было изъято): «Согласно сделанной мной сводке... Венера называется: Афродита, Афродикта, Афродить, Афходить, Афродить, Апродить, Авъфродись, Венусь, Денница, Чигирь. Последнее название, видимо, еврейского происхождения: Чигирь – Цигирь – *Zohar* (евр.), и занесено литературой жидовствующих» [Райков, с. 72].

Список литературы

Андреев А. И. Окультист страны Советов: Тайна доктора Барченко. М. : Яуза ; Эксмо, 2004. 368 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. М. : Издание К. Солдатенкова, 1885. 800 с.

Весенний салон поэтов : [Стихи]. М. : Зерна, 1918. 190 с.

Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб. : В Типографии Императорской Академии Наук, 1842. 899 с.

Г. Т. [Тихов Г. А.] Русское Общество Любителей Мирозведения. (К десятилетию его деятельности) // Природа. 1919. № 7–9. Стлб. 377–378.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: [в 4 т.]. Т. 4: Народное погодоведение. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1905. 468 с.

Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Туркова. М. ; Л. : Советский писатель, 1965. (Библиотека поэта. Большая серия). 504 с.

Заболоцкий Н. А. Поэмы / сост., вступ. ст. Н. Н. Заболоцкого, коммент. И. Е. Лоцилова, Т. В. Игошевой. М. : Прогресс-Плеяда, 2012. 456 с.

Керенский Ф. П. Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1874. № 3. С. 52–79.

Лоцилов И. Е. «Была ему звездная книга ясна...» (Н. А. Заболоцкий и Н. А. Морозов: заметки к теме) // Культура и текст: научный электронный журнал. 2014. № 2 (17). Барнаул. С. 174–194. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2014-217> (дата обращения: 18.02.2015).

Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды: в 2 т. Т. 2: К истории Лунника. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1901. 167 с.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. 4: Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1883. 1026 + XXVI с.

Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Из прошлого русского естествознания. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1937. 264 с.

[Сахаров И. П.] Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [в 2 т.]. Т. 1. Кн. 2: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры. Русские народные загадки и притчи. Русские народные присловья. СПб. : В Типографии Сахарова, 1841. 128 с.

[Сахаров И. П.] Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: [в 2 т.] Т. 2. Кн. 7: Русская Годовщина: Народный дневник. Народные праздники и обычаи. СПб. : В Типографии Сахарова, 1849. 112 с.

Святский Д. О. Под сводом хрустального неба: Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения. С 15 рис. в тексте. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. 132 с.

Святский Д. О. Сказание о Чигирь-звезде и телескопические наблюдения Галилея (Из истории астрономии в России) // Мирозведение. 1928. Т. 17. № 1 (60). С. 1–6.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 74. № 1. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1903. 460 с.

Успенский Б. А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: Почему дьявол может говорить по-сирийски? // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 2: Язык и культура. М. : Гнозис, 1994. С. 49–52.

Хармс Д. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Авиация превращений. СПб. : Азбука, 2000. 576 с.

References

- Andreev, A. I. (2004). *Okkultist strany' Sovetov: Tajna doktora Barchenko* [Occultist of the Soviets: The Secret of Dr. Barchenko]. Moscow: E'ksmo.
- Afanas'ev, A. N. (1885). *Poe'ticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazaniami drugih rodstvenny'h narodov* [Poetic views on the nature of the Slavs: Experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in relation to the mythical tales of other kindred peoples]. (Vols. 1–3). (Vol. 1). Moscow: Izdanie K. Soldatenkova.
- Vesennij salon poe'tov: Stihi. [Spring salon of poets: Poems]. (1918). Moscow: Zerna.
- Vostokov, A. H. (1842). *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisej Rumyantsevskogo muzeuma* [Description of Russian and Slovenian manuscripts of the Rumyantsev Muzeum]. Saint Petersburg: V Tipografii Imperatorskoj Akademii Nauk.
- G. T. [Tihov, G. A.] (1919). Russkoe Obshhestvo Lyubitelej Mirovedeniya. (K desyatiletiju ego deyatel'nosti) [Russian Society of Amateurs of 'Mirovedenie'. (The tenth anniversary of its activity)]. *Priroda*, 7–9, stlb. 377–378.
- Ermolov, A. S. (1905). *Narodnaya sel'skohozyajstvennaya mudrost' v posloviczah, pogovorkah i primetah* [Popular Agricultural wisdom in proverbs, sayings and superstitions]. (Vols. 1–4). (Vol. 4). Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina.
- Zabolockij, N. A. (1965). *Stikhotvoreniya i poemy'* [Poems and epics]. Moscow & Leningrad: Sovetskij pisatel'.
- Zabolockij, N. A. (2012). *Poe'my'* [Epics]. Moscow: Progress-Pleyada.
- Kerenskij, F. P. (1874). Drevnerusskie otrechenny'e verovaniya i kalendar' Bryusa [Old Russian renounced beliefs and Bruce calendar]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshheniya*, 3, 52–79.
- Loshhilov, I. E. (2013). «By'la emu zvezdnaya kniga yasna...» (N. A. Zabolockij i N. A. Morozov: zametki k teme) [“A star book was clear for him”... (N. A. Zabolotsky and N. A. Morozov: notes to the topic)]. In E. V. Voskoboeva (Comp.). *Al'manah «XX vek»: sbornik statej* (Iss. 5, pp. 76–87). Saint Petersburg: Ostrovityanin.
- Peretcz, V. N. (1901). *Materialy' k istorii apokrifa i legendy'* [Materials on the history of apocrypha and legend]. (Vols. 1–2). (Vol. 2). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk.
- Potanin, G. N. (1883). *Ocherki Severo-Zapadnoj Mongolii: Rezul'taty' puteshestviya, ispolnennogo v 1876–1877 godah po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva* [Essays on North-Western Mongolia: Results of the trip, made in 1876–1877 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society] (Iss. 4). Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
- Saharov, I. P. (Comp.). (1841). *Skazaniya russkogo naroda, sobranny'e I. Sakharovy'm* [Tales of the Russian people, collected by I. Sakharov]. (Vols. 1–2). (Vol. 1, book 2). Saint Petersburg: V Tipografii Sakharova.
- Saharov, I. P. (Comp.). (1849). *Skazaniya russkogo naroda, sobranny'e I. Saharovy'm* [Tales of the Russian people, collected by I. Sakharov]. (Vols. 1–2). (Vol. 2, book 7). Saint Petersburg: V Tipografii Saharova.
- Svyatskij, D. O. (1913). *Pod svodom hrustaljnogo neba: Ocherki po astral'noj mifologii v oblasti religioznogo i narodnogo mirovozzreniya* [Under the Crystal Sky: Essays on astral mythology as related to religious and national outlook]. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Svyatskij, D. O. (1928). Skazanie o Chigir'-zvezde i teleskopicheskie nablyudeniya Galileya (Iz istorii astronomii v Rossii) [Legend of star 'Chigir' and telescopic observations by Galileo (From the history of astronomy in Russia)]. *Mirovedenie*, 1 (60), 1–6.
- Sobolevskij, A. I. (1903). *Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov: Bibliograficheskie materialy'. Sbornik Otdeleniya russkogo yazy'ka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*. [Translated Literature of Moscow Rus of 16th–17th centuries: Bibliographic records]. (Vol. 74, iss. 1). Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk.

Uspenskij, B. A. (1994). Vopros o sirijskom yazy'ke v slavyanskoj pis'mennosti: Pochemu d'yavol mozhet govorit' po-sirijski? [The question of the Syrian language in the Slavic written language: Why can the devil speak Syriac?]. In Uspenskij, B. A. *Izbranny'e trudy'*. (Vol. 2, pp. 49–52). Moscow: Gnozis.

Harms, D. I. (2000). *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vol. 1). Saint Petersburg: Azbuka.

The article was submitted on 20.01.2015

Игорь Евгеньевич Лоцилов

к. филол. н.,
Институт филологии Сибирского
отделения Российской академии
наук,
доцент Новосибирского
государственного педагогического
университета,
Новосибирск, Россия
loshch@yandex.ru

Igor Loshchilov, Dr.

Institute of Philology
of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences,
Associate Professor
of the Novosibirsk State
Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
loshch@yandex.ru

DOI: 10.15826/qr.2015.1.087

УДК 791.633:821.161.1 Достоевский + 27-29

Olga Turysheva

WITH THE TRUTH OR WITH CHRIST? LARS VON TRIER'S DIALOGUE WITH FYODOR DOSTOYEVSKY

The article considers the central film cycles of the contemporary Danish director and scriptwriter Lars von Trier (*Golden Heart Trilogy*, *USA*, *Depression Trilogy*). The author argues that the Danish artist's creative work is to a significant extent influenced by F. M. Dostoyevsky's works. While his early *Golden Heart Trilogy* is rooted in the philosophical ideas of the Russian writer when depicting a Christ-like man, starting with the *USA* trilogy, von Trier denies the principles Dostoyevsky developed based on his faith in Christ. The author of the article examines the processes underlying the development of this worldview in the Danish director's creative work and puts forward a hypothesis that in his latest works, von Trier recreates the type of consciousness that concerned the Russian writer and was primarily reflected in the image of Ivan Karamazov.

Keywords: Lars von Trier; F. M. Dostoyevsky; Christ-like character; gospel motifs; polemics with Christianity; literature and cinema.

Статья посвящена центральным кинематографическим циклам современного датского режиссера и сценариста Ларса фон Триера («Golden Heart Trilogy», «USA», «Depression Trilogy»). Обосновывается тезис об особом характере ориентированности датского художника на творчество Ф. М. Достоевского. Если ранняя трилогия «Золотое сердце» в изображении хриstopодобного человека очевидно опирается на философские решения русского писателя, то начиная с трилогии «USA» фон Триер явно отвергает те смыслы, которые Достоевским были выстроены в опоре на веру в Христа. Рассматривая процесс становления данной мировоззренческой позиции в творчестве датского режиссера, автор статьи выдвигает гипотезу о том, что в своих последних произведениях фон Триер воспроизводит тот тип сознания, который был предметом размышлений русского писателя и получил свое первостепенное художественное воплощение в образе Ивана Карамазова.

Ключевые слова: Ларс фон Триер, Ф. М. Достоевский, хриstopодобный герой, евангельские мотивы, полемика с христианством, литература и кинематограф.

The cinematography of Lars von Trier, a contemporary Danish director and screenwriter, evokes persistent associations with the works of Fyodor Dostoevsky. The basis of such an admission are the themes, motifs and images of Trier's cinematographic work, which clearly alludes to Dostoevsky (at least for the viewer who is well acquainted with Russian literature). They indeed appear so frequently in the films of the Danish director that the allusions appear deliberate. At the same time, this phenomenon has not as yet become a subject of scholarly consideration, in spite of the fact that interest in the work of Trier has spurred several monographs [Бьоркман; Долин, 2015; Торсен; Badley; Lumholdt; Tiefenbach].

In this article I argue that von Trier's films are reminiscent of Dostoevsky not only because they contain direct and probable references to his works, but also for other reasons. In fact, they reflect a particular worldview, which has been a long-term subject of reflection about the Russian writer, as embodied in his central characters and his own statements. Primarily, consider the letter to N. D. Fonvizina dated 1854 in which Dostoevsky admitted the possibility of attaining truth outside of the idea of Christianity, but then bluntly rejected it for himself.

Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной¹ [Достоевский, с. 176].

This epistolary quote has different critical readings. I follow the interpretation of L. I. Saraskina for whom the “creed” that Dostoevsky writes about is the “result of the fact that he realized... that Christ was the best, the ideal, and this was the truth in itself. That same truth that becomes only clearer in woe.” And further:

¹ I want to say to you, about myself, that I am a child of this age, a child of unfaith and scepticism, and probably (indeed I know it) shall remain so to the end of my life. How dreadfully has it tormented me (and torments me even now) this longing for faith, which is all the stronger for the proofs I have against it. And yet God gives me sometimes moments of perfect peace; in such moments I love and believe that I am loved; in such moments I have formulated my creed, wherein all is clear and holy to me. This creed is extremely simple; here it is: I believe that there is nothing lovelier, deeper, more sympathetic, more rational, more manly, and more perfect than the Saviour; I say to myself with jealous love that not only is there no one else like Him, but that there could be no one. I would even say more: If anyone could prove to me that Christ is outside the truth, and if the truth really did exclude Christ, I should prefer to stay with Christ and not with truth.

The tormented soul, struck by a long-lasting woe, craves faith and finds it; for in faith (but not in doubt or unbelief) the truth is contained. <...> He had witnessed on his own how beautiful, deep, sympathetic, intelligent, courageous, and indeed perfect Christian love can be. Here all the words are in their place, and everything is filled with real meaning and verified by personal practice. He could even say that this love is brave, selfless, and compassionate, that it does not seek what is in its interest. There is nothing better than this love and this truth and there cannot be. He, the child of unbelief and doubt, up until now and up until his own end, knows it firsthand, because he has experienced minutes of ultimate tranquility when tormenting neglect leaves him, when he loves himself and is loved by the others. Christ and no one else; this is what the Creed of Faith of 1854 means. Christ is forever; Christ means those same minutes of tranquility, love, clarity and sanctity that God sometimes sends him. Christ has found his way into the heart of Fyodor Dostoevsky, a man of an epoch that is filled with unbelief and doubt, and Dostoevsky will remain in this doubt for the rest of his life. With Christ, till the end, till his death hour. With Christ, with Him, and not against Him – whatever it takes and be as it may [Сараскина, с. 343–344].

In the process of reconstructing the worldview envisioned in Lars von Trier's cinematography, one has to acknowledge the opposing direction of his philosophy. In his last works, von Trier reproduces that tragic type of consciousness which, tormented by scepticism and disappointment, remains with the Truth and not with Christ. Here the Truth is not being identified with the idea of Christian love; on the contrary, it is opposed to it due to the unreliability and impossibility of implementing the Christian ideal. This opposition is observed in the works of the Danish director particularly in his contemplation of Dostoevsky's heroes.

This position is expressed with exceptional bleakness in his last *Depression Trilogy*, which includes *Antichrist* (2009), *Melancholia* (2011) and *Nymphomaniac* (2013). Von Trier's work on the films in this cycle is accompanied by an obvious crisis in his worldview. In a number of interviews, von Trier declares his schism with Catholicism and embraces atheism, disappointed in the faith in a merciful God. Mercy, both divine and human, is conceptualized in these films as a grand illusion, a non-viable idea that has nothing in common either with the truth of life or with reality itself. "It is necessary to listen to nature, to probe at it", von Trier said in one of the interviews, "then it becomes obvious that everywhere suffering and pain reign alone. All are struggling to survive but they die: here's the idyll. I find it hard to accept the idea that this nature was created by a just God" [Долин, 2009].

The evolution of this perception can be effectively traced to the main cinematographic cycles of von Trier. The early *Golden Heart Trilogy*, consisting of *Breaking the Waves* (1996), *Idioterne (Idiots)* (1998) and *Dancer in the Dark* (2000), is obviously devoted to the miracle of Christian love. It is within this paradigm that all the films in this cycle make use of

hagiographical poetics. All of them contain a tale of the sacrifice of the Christ-like human, who consents to prosecution and death not only in the name of salvation of the other but also in the name of redemption for his own guilt before the other.

Bess, the protagonist of *Breaking the Waves*, rises to ultimate heights of self-sacrifice, humbly accepting all the trials in an attempt to save her husband from death. She supports his idea of sickness, withstands the loss of her good name, the contempt of the crowd, the disgust of her own mother, the actual expulsion from the house and, finally, the fear of painful death. The attitude of Bess' gest is emphasized in the film by repeated comparisons with Christ. Moreover, the story of Bess ends by complying with the final canon of the hagiographic genre: a Miracle in the Tomb.

Karen, the *Idiots'* protagonist, in a conscious "god's fool's" act, provokes her own expulsion from home. On the one hand, this provocation expresses her need for punishment for the guilt towards her family; on the other hand, it celebrates her willingness to sacrifice herself for the salvation of the commune. The paradox lies in the fact that Karen does not share the ideals of the founders of the commune; in fact, she often directly disagrees with them. In her sacrifice, she is driven solely by compassion, and in her story this compassion appears stronger than the need to return to her family, redeeming her cowardice with repentance.

The heroine of the *Dancer in the Dark* sacrifices her own life to save her son. Her sacrifice, firstly, involves involuntary murder: Selma kills her ex-friend who betrayed her, stealing the savings intended for her son's operation; however, she kills at the man's own request, shouldering the burden, with which he was unable to cope. And secondly, her sacrifice is manifested in the rejection of the possibility of salvation; not wanting to hurt her son, she conceals the true reason for her crime and agrees to an absurd accusation and receives the death penalty.

The next cycle, an unfinished USA trilogy, also portrays the Christ-like human, but in a quite different situation, the one that discloses sacrifice as a form of "falsely acquired virtue", citing the opening of Ivan Karamazov's confession to Alyosha. Grace, the protagonist of the two films in this cycle, *Dogville* (2003) and *Manderlay* (2005), professes the idea of zealous love, but fails to withstand the horrors that follow her aspirations for compassion, forgiveness, and understanding. In both films mercy turns into violence and humiliation on the part of those to whom she selflessly served in accord with the Christian Commandment of love. To that end, in the finale of both films, Grace denounces her merciful intentions and turns into an executioner. In *Dogville* she agrees to destroy the entire city, including an infant, and personally takes part in the execution of the person whom she considers to be the main traitor; in *Manderlay* she flogs a former slave who challenged her righteous conviction in the moral uprightness of her mission. Simultaneously, Grace experiences the deepest disappointment both in human nature, and in her own sacrifice.

The means by which the heroines of the *Golden Heart Trilogy* succeeded, this cycle's heroine cannot withstand; she is not capable of sustaining her position till the end. However, her final revolt does not receive the author's condemnation. While the endings of the heroines' stories in both films are undoubtedly presented as failures, von Trier seemingly acquits the cruel upheaval, concentrating the viewer's attention on the

Characters see the coming of the Apocalypse in the golden cave

impossibility of imitating Christ. The sacrifice is deemed impossible not as much because the protagonist is insufficiently strong or persistent, but rather because her selfless efforts appear only to worsen the evil and to confirm human vice. In this cycle, mercy in a paradoxical but convincing way turns into the source of guilt.

Orthodox Christian icon of Nativity (19th century)

Meister Francke. Nativity (1424)

Finally, in the *Depression Trilogy* the story is not about the individual disappointment of the Christ-like human with the possibility of mercy, but is rather about the total failure of the postulates upon which Christian culture is based.

In “Antichrist”, von Trier exposes the Christian cult of repentance, showing the monstrous results of feelings of intense guilt. In *Melancholia* the Christian belief in immortality and salvation comes under the artist’s critique. This is a film about the end of the world, and it asserts the finality of death: succinctly articulated in its thesis, “No one shall be saved”. In *Nymphomaniac*, the final film of the trilogy rejects the possibility of genuine compassion and selfless aid. In these films, the central Christian tenets – the redeeming ability of the repentance, the faith in immortality and salvation, and the hope at understanding and compassion – are pictured as unfounded illusions, reliance upon which entails the most terrible consequences. As Anton Dolin, a critic of von Trier’s work, rightly notes in his review of *Nymphomaniac*: von Trier is out on a “crusade against humanism, consisting of half a pragmatic hypocrisy, half a voluntary self-deception” [Долин, 2014]. It seems that von Trier’s crusade is even broader: it is against the Christian doctrine itself and rejects not only the possibility of an attitude of humanism, but also the possibility of God’s love for man.

A telling example of this observation is reflected in the final scene of *Melancholia*. In the backdrop of the coming Apocalypse, Justine, the main protagonist who declared the impossibility of salvation, seemingly plays out the ritual of the birth of God: together with her beloved nephew she builds a shelter, which she calls “the golden cave” or “the magical grotto”.

The symbolism of this image is very clear: she refers to the cave of the Nativity. In fact, the two go on constructing a hut of thin branches, which are barely attached together. The design of their “asylum” obviously reproduces a blueprint that was very popular in the iconography of Jesus lying in the manger; the crib was often depicted inside the cone formed by the rays of the star of Bethlehem. It is inside this very cone that the heroes meet the Apocalypse. In the finale, they are an iconically constructed cadre, symbolically lit by the light of the Nativity Star. However, the symbolic presence of baby Jesus in the scene of the Earth’s end does not appear to carry a meaning that glorifies life. In Lars von Trier’s version, this image is not connected to the mythological idea of eternal resurrection, but rather with the idea of the absolute end that cannot be avoided with any sacrifice. The heroine, who tries to console her nephew with the illusion of salvation in the “golden cave”, in fact implies nothing but the ineluctable death of God. In an act of protest against the illusion of salvation and immortality, she symbolically mortifies God in his infancy: in her point of view, the Son of God will inevitably share the destiny of all earthly creatures; similarly her beloved nephew will not reach the age of salvation and will not fulfill his sacrifice.

Exposing Christianity as a system of illusionary ideas, von Trier openly alludes to Nietzsche's pathos of denunciation. The name of the first film from the *Depression Trilogy* duplicates Nietzsche's book *Der Antichrist*, which has the subtitle, "Fluch auf das Christenthum" ("Curse on Christianity"). It seems quite likely that this citation reveals the author's position, which denounces Christian utopianism. However, this position, in my opinion, is not borne out merely from blindly following Nietzsche, but from his reflections upon Dostoevsky. There are many allusions to Dostoevsky in the works of Trier, although the director himself never comments on these. While the questions of the interviewers about other artistic influences are usually answered willingly, von Trier only briefly acknowledged his acquaintance with Dostoevsky's works.

In a brief comment that von Trier offered in a conversation with A. Dolin, the director confides that, while getting ready to stage the story of purification through suffering and pain, he read *The Brothers Karamazov* (Долин, 2011). I think that his silence demonstrates the unique presence of Dostoevsky in the artistic consciousness of von Trier, not only as a writer, but also in his rejection of faith. This is true especially for the last two trilogies, *USA* and the *Depression Trilogy*. Trier's early *Golden Heart Trilogy*, on the contrary, is oriented towards the semantic meaning of the Russian philosopher's depiction of the Christ-like human. In *USA*, the cycle that openly addresses Dostoevsky's polemics, the storylines emphasize the weakness and vice of human nature as well as its inability to attain freedom, which clearly reference Ivan Karamazov's confession and his poem.

Finally, in *Depression Trilogy*, a whole complex of Dostoevsky's motifs can be observed. Thus, the nameless heroine of the *Antichrist* persistently evokes the figure of Lisa Khokhlakova, the heroine of *The Brothers Karamazov*. Von Trier seemingly extracts the tremendous potential, only implied in Dostoevsky's character, Lisa. Dostoevsky's heroine merely imagines how she will be eating pineapple compote, witnessing the slow death of the crucified boy. Trier's heroine proceeds further to fulfill her vicious fantasies. At first, she abuses her own son, causing him discomfort and pain by making him wear switched shoes; later, she is complicit in his death paradoxically through her *laissez-faire* attitude. It is emphasized in the film that the mother understood the danger of the situation in which her child was exposed to death; she in fact sacrificed him for her own experience of pleasure. Moreover, the *Antichrist* protagonist can be juxtaposed to Lisa Khokhlakova by the passionate will to self-punishment. Von Trier obviously examines the same phenomenon as Dostoevsky: the terror of experiencing one's own evil and the need to assert one's own guilt.

In *Melancholia* Trier portrays the heroine, whose actions cannot be described otherwise than the "return of the ticket to God", proclaimed by Ivan Karamazov. That is, she is convinced that humanity is not worthy of salvation, and she systematically calls on the Apocalypse, longing for the rogue planet to collide with Earth and celebrating the inevitability of this event as her true wedding.

Nymphomaniac, besides developing the theme of destructive lust, reenacts the episodes from the second part of *Notes from the Underground*, concerning the relationship of the Underground Man and Lisa. Both protagonists in the film, Seligman and Joe, reflect the *underground* as a psychological state. For Seligman, the *underground* is culture: his life has a singularly intellectual dimension; his complete isolation from real life, which is emphasized by von Trier by alluding to his virginity. He, like the Underground Man, “can go nowhere except into reading”. The proximity of Seligman to Dostoevsky’s hero is manifested also in the depiction of his dwelling: in fact, he is living in a basement where no direct sunlight can penetrate. Joe, who is Seligman’s antagonist, also reflects the *underground* in her isolation from others. Her isolation manifests through the peculiarities of her sexuality, conceptualized as guilt during her conversation with Seligman. Seligman plays the role of an ever-understanding savior for the penitent nymphomaniac, much as the Underground Man does for Lisa. Similar to Dostoevsky’s hero, Seligman seeks to profit from this support, wanting to fulfil his own desire, for which he pays with his life in the film’s final scene. If Dostoevsky’s heroine “drags her offense along with her”, von Trier’s fires a bullet into her pseudo-savior.

Citing *Socialism and Christianity*, an article written by Dostoevsky, T. A. Kasatkina insists that the monologue of the Underground Man, according to the author’s idea, is meant to demonstrate, through contradiction, the “necessity of faith and Christ” and therefore has positive potential [Касаткина]. In von Trier’s film, the monologue belongs to the nymphomaniac, and the Underground Seligman is pictured as her auditor in whom she entrusts with the final verdict on her life because she sees Christ in him, or, as she puts it, “the only friend”. However, his final self-disclosure, shattering the ethical illusions of the heroine and the audience alike, does not offer a modicum of positive meaning.

Thus, in his late work (as opposed to early *Golden Heart Trilogy*) von Trier rejects the meanings, which were constructed by Dostoevsky in his reliance upon faith in Christ. The mercy in Trier’s interpretation is not simply untenable, but it actually turns into its opposite, criminal hypostasis (*USA*); the admission of guilt does not save, but kills, turning the repentant heroine into a murderer and one who commits suicide (*Antichrist*); the desire for self-destruction and the destruction of all life gets powerful exculpatory reinforcement (*Melancholia*); finally, understanding the horror of the underground existence does not deliver any prospects: the process of admission of guilt by the heroine gets interrupted by the murder (*Nymphomaniac*).

And yet, sometimes the “necessity of faith and Christ” shines through the darkest corners of the Trier’s world. For example, the *Antichrist* is devoted to Andrei Tarkovsky, whom Trier, as he declares in an interview with Anton Dolin, “honors as Jesus” [Долин, 2011]. Reinforcing this idea is the scene from *Melancholia*, depicting Justine’s parting from life. Although in the course of the story she persistently proclaims that life on Earth is evil, and humanity not worthy of salvation, the final frames of the film do

not stress the heroine's satisfaction with ultimate destruction, but instead stresses her deepest sorrow, which accompanies all of her last actions. It appears that the idea of the vanity of Christ's sacrifice still unsettles von Trier. Not surprisingly, he names the last cycle, the *Depression Trilogy*, possibly alluding to a spiritual state, associated with the loss of faith and disillusionment in Christianity.

Список литературы

- Бьоркман С. Ларс фон Триер. Интервью / пер. со швед. Ю. Колесовой. СПб. : Азбука-классика, 2008. 352 с.
- Долин А. Всюду – боль : Интервью с Л. фон Триером [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://expert.ru/expert/2009/22/vsyudu_bol/ (дата обращения: 12.12.2014).
- Долин А. Ларс фон Триер : Контрольные работы. 2-е изд., доп. М. : Новое литературное обозрение, 2015. 352 с.
- Долин А. «Лежу в гробу...» : Интервью с Ларсом фон Триером [Электронный ресурс]. 2011. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml (дата обращения: 20.04.2014).
- Долин А. «Нимфоманка»: послесловие [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://vozduh.afisha.ru/cinema/nimfomanka-posleslovie/> (дата обращения: 10.09.2014).
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 28, кн. 1 : Письма 1832–1859. Л. : Наука, 1985.
- Касаткина Т. А. «Записки из подполья» в контексте черновых записей Достоевского 1864 года : Семинар для учителей в Старой Руссе : [аудиозапись] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=t1CkcpGsqFo> (дата обращения: 10.09.2014).
- Сараскина Л. И. «Я дитя неверия и сомнения...» : Ф. М. Достоевский и символ веры в русской литературе XIX века // Ракурсы. Вып. 7. М. : ЛЕНАНД, [Государственный институт искусствознания], 2008. С. 330–355.
- Торсен Н. Меланхолия гения. Ларс фон Триер. Жизнь, фильмы, фобии / пер. с дат. Я. Палеховой. М. : Рипол-классик, 2013. 704 с.
- Badley L. Lars von Trier. University of Illinois Press, 2001. 216 p.
- Lumholdt J. Lars von Trier : Interviews. University Press of Mississippi, 2003. 218 p.
- Tiefenbach G. Drama und Regie. Lars von Triers *Breaking the Waves, Dancer in the Dark, Dogville*. Würzburg : Königshausen & Neumann, 2010. 252 S.

References

- B'orkman, S. (Yu. Kolesova, Transl.) (2008). *Lars von Trier. Interv'yu* [Lars von Trier. Interview]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Badley, L. (2001). *Lars von Trier*. University of Illinois Press.
- Dolin, A. (2009). *Vsyudu – bol'*: *Interv'yu s L. fon Trierom* [Pain is Everywhere: Interview with L. von Trier]. Retrieved from: http://expert.ru/expert/2009/22/vsyudu_bol/.
- Dolin, A. (2011). «*Lezhu v grobu...*»: *Interv'yu s Larsom fon Trierom* [“Lying in a Coffin...”: Interview with Lars von Trier]. Retrieved from: http://www.gazeta.ru/culture/2011/06/29/a_3679141.shtml.
- Dolin, A. (2014). «*Nimfomanka*»: *posleslovie* [“Nymphomniac”: an afterword]. Retrieved from: <http://vozduh.afisha.ru/cinema/nimfomanka-posleslovie/>.
- Dolin, A. (2015). *Lars von Trier: Kontrol'ny'e raboty*. [Lars von Trier. Tests]. (2nd ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dostoevskij, F. M. (1985). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works]. (Vols. 1–30). (Vol. 28, book 1: Letters, 1832–1859). Leningrad: Nauka.
- Kasatkina, T. A. «*Zapiski iz podpol'ya*» v kontekste chernovy'h zapisej Dostoevskogo 1864 goda: *Seminar dlya uchitelej v Staroj Russe* [“Notes from the Underground” in the context of Dostoevsky's drafts of 1864. Workshop for the Teachers in Stara Russa]. [Audio file]. Retrieved from: <http://www.youtube.com/watch?v=t1CkcpGsqFo>.
- Lumholdt, J. (2003). *Lars von Trier: Interviews*. University Press of Mississippi.

Saraskina, L. I. (2008). «Ya ditya neveriya i somneniya...»: F. M. Dostoevskij i simbol very' v russkoj literature XIX veka [“I am a child of unbelief and doubt...”: F. M. Dostoevsky and the creed of faith in the Russian literature of the 19th century]. *Rakursy'*, 7, 330–355. Moscow: LENAND, Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya.

Tiefenbach, G. (2010). *Drama und Regie. Lars von Triers Breaking the Waves, Dancer in the Dark, Dogville*. Würzburg : Königshausen & Neumann.

Torsen, N. (Ya. Palehova, Transl.). (2013). *Melanholiya geniya. Lars fon Trier. Zhizn', fil'my', fobii* [Melancholy of the genius. Lars von Trier. Life, films, and phobias]. Moscow: Ripol-klassik.

The article was submitted on 20.01.2015

Translated by Anna Dergacheva

Ольга Наумовна Турышева

доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной
литературы,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия
oltur3@yandex.ru

Olga Turysheva, Dr.

Professor of the Cathedra of
Foreign Literature,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
oltur3@yandex.ru

DOI: 10.15826/qr.2015.1.088

УДК 821.161.1 Булгаков + 82-98 +

82-312.2 + 141.33

Рина Лapidус

**МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКИ
В «БЕЛОЙ ГВАРДИИ» МИХАИЛА БУЛГАКОВА**

Rina Lapidus

**THE TRANSFORMATION OF JEWISH MYSTICISM
IN MIKHAIL BULGAKOV'S *THE WHITE GUARD***

The article analyzes the elements of Jewish mysticism employed by Mikhail Bulgakov in his *The White Guard* and aims to trace the sources of motifs used to create a sense of mystery in the novel. The author enumerates multiple uses of Jewish mystical elements in the depiction of the characters. Mikhail Shpolyansky is both an image of the evil and refers to the Messiah. According to Jewish beliefs, the Messiah must suffer from disgusting open festering wounds. Likewise, Shpolyansky suffers from a repugnant disease but his ailment is unknown to the public unlike that of the Jewish Messiah. The disgust caused by the Messiah's wounds is meant to verify the scale of humaneness and the capacity for mercy in the ones for whose sake the Messiah must descend to this world. If Jews can overcome the disgust they feel when looking at the Messiah's wounds and help him, demonstrating benevolence and compassion, God will heal the Messiah's imaginary diseases and send him to people where he will rule in God's name and usher in a time of peace and eliminate all suffering. The author questions whether the use of Jewish sources was a conscious decision made by Bulgakov, when he interpreted the Messiah's diseases and gave gory details of them. The question is that if Bulgakov emphasizes disgust caused by the patient and by his demonic nature, why he did not consider the motif of the repugnant wounds of the Jewish Messiah then. The author describes the writer's digression from the traditional Jewish interpretation of Abaddon used by Bulgakov to refer to Antichrist who symbolizes the Demon of Darkness and Destruction. The elements of Old Jewish sources extensively used by Bulgakov when describing the supernatural, mystical and demonic quite often possess a meaning uncharacteristic of the one used in the Jewish original and are quite often presented inaccurately. It is likely to have been caused by the fact that while creating the mystical background of the novel, Bulgakov relied on the data on Jewish mythology he could find in the Brockhaus and Efron

Encyclopedic Dictionary. However, it does not reflect the original meaning of Jewish mythology but gives a distorted picture of it. Despite the discrepancies, Bulgakov managed to create an atmosphere filled with Old Jewish mystical beliefs and do it convincingly for the reader.

Keywords: M. Bulgakov; *The White Guard* novel; poetics of a symbol; Jewish mysticism.

Анализируются элементы еврейской мистики, к которым обращается Михаил Булгаков в романе «Белая гвардия». Ставится задача проследить источники мотивов, служащих для создания мифологического антуража в романе. Автором выявлено многократное использование элементов еврейской мистики в обрисовке образов. Михаил Шполянский, является собирательным образом «нечистой» силы и одновременно несет в себе семантику Мессии. По еврейским представлениям, Мессия должен страдать от отвратительных, открытых, гноящихся ран. Пациент Шполянский также страдает отталкивающей болезнью, но его недуги скрыты от людей, в отличие недугов еврейского Мессии. Отвращение, вызываемое ранами Мессии, предназначено для испытания степени человеколюбия и милосердия людей, во имя которых он должен сойти в этот мир. Если еврей сумеет преодолеть свое отвращение к ранам Мессии и поможет ему, проявив великодушие и сострадание, – тогда Бог излечит мнимые недуги Мессии и пошлет его к людям, где он установит Свое царство и освободит мир от всеобщего страдания. Автор ставит проблему, насколько осознанно обращался писатель к еврейским источникам, трактующим болезни Мессии и показывающим их в излишне натурализованном описании? Выявляется отход Булгакова от традиционной еврейской трактовки Аваддона, используемого писателем для обозначения Антихриста, который символизирует Демона Тьмы и Разрушения. Элементы из древнееврейских источников, которые широко использует Булгаков при описании потустороннего, мистического и демонического, фигурируют в несвойственном еврейскому оригиналу значении, что, вероятно, обусловлено тем, что Булгаков использовал сведения о еврейской мифологии, почерпнутые из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Но в этом издании еврейская мифология представлена в не соответствующих оригиналу характеристиках. Однако эти неточности не умаляют того факта, что Булгакову удалось создать в романе атмосферу, пропитанную древними еврейскими мистическими представлениями, и убедить в этом читателя.

Ключевые слова: М. Булгаков; роман «Белая гвардия»; поэтика символа, еврейский мистицизм.

*Статья посвящается светлой памяти матери автора –
Генриетты Аркадьевны Шполянской*

О творчестве Михаила Булгакова написаны многочисленные исследования, в целом его творчество достаточно хорошо изучено. Тем не менее здесь остались «белые пятна», отдельные аспекты не стали объектом научной рефлексии либо же их научное освоение еще несколько поверхностно. В частности, недостаточно исследованы «еврейские» мотивы, образы и смыслы, фигурирующие в его произведениях, восходящие к еврейским мистическим книгам. Статья ставит своей задачей проследить источники, ставшие основой для создания мифологического антуража в романе «Белая гвардия».

Булгаков в «Белой гвардии» многократно обращается к элементам еврейской традиционной мистики [Curtis, p. 106]. Особенно часто такие элементы встречаются в конце романа, когда более интенсивно подчеркивается атмосфера апокалипсиса. Так, к примеру, превращение воды в кровь, упоминаемое у Булгакова [Булгаков, с. 27]¹, восходит к еврейскому пасхальному повествованию, называемому «Аггада шель Песах». В «Аггада шель Песах», по еврейской традиции, Бог превратил воду в кровь в древнем Египте за то, что египетский фараон отказался отпустить евреев на родину в Палестину. Превращение воды в кровь является, таким образом, одной из казней египетских. Мотивы, восходящие к традициям еврейской мистики, выявляются в описании происходящего с Алексеем Васильевичем Турбиным после выздоровления. Алексей как бы перерождается и переходит в категорию «неземных жителей», к которой относятся Мессия и его сподвижники, «добрые» и «злые» дьяволы, апостолы и другие фантастические и мистические персонажи.

Одним из них является пациент Алексея Михаил Семенович Шполянский, прототипами которого были, согласно ряду источников, еврейские интеллектуалы Виктор Борисович Шкловский и Аминодав Пейсахович Шполянский². Михаил Шполянский болен сифилисом. Этот пациент служит собирательным образом «нечистой» силы и одновременно является своеобразным двойником еврейского Ильи Пророка, предвестника пришествия Мессии, и отчасти самим Мессией. Таким образом, Мессия в «Белой гвардии» выступает зловещей, испорченной, отрицательной фигурой.

¹ Далее при ссылках на текст романа в круглых скобках указываются страницы по этому изданию.

² Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – русскоязычный советский писатель, литературовед, критик, киновед. О знакомстве с ним Булгакова см.: [Домиль]. Аминодав Пейсахович Шполянский (1888–1957) – русскоязычный поэт-сатирик, мемуарист, адвокат. Печатался под псевдонимом «Дон-Аминадо», является родственником автора по материнской линии. О Викторе Шкловском и Аминодаве Шполянском как прототипах Михаила Семеновича Шполянского см.: [Черкашина].

От этого больного Турбин и читатели узнают об отличительных признаках Мессии. Мессия является страдающим человеком (с. 149), и этот признак восходит к еврейским источникам. В вавилонском Талмуде отмечено: «(как написано в Книге пророка Исаяи, глава 11)³ И взошел на него Божий дух – дух мудрости и понятия, дух совета и величия... И (Бог) осенил его страхом перед Богом. Сказал раби Александрей: “Мы понимаем, что Господь Бог осенил его (Мессию) благи-ми делами и страданиями, как жерновами” («осенил» на иврите фонетически близко к слову «жернова») [Вавилонский Талмуд, трактат Сенедрион, лист 73, сторона 2]⁴.

Михаил Семенович Шполянский представляет «негативного» Мессию, наделенного взаимоисключающими характеристиками: он одновременно болен и силен, радуется и страдает.

В еврейской традиции Мессия страдает от отвратительных, открытых, гноящихся ран. Мы видим описание Мессии в вавилонском Талмуде: здесь описывается встреча рабби Иешуа Бен Леви с Ильей Пророком на могиле рабби Шимона Бен Йохая. Илья Пророк называет рабби Иешуа отличительные признаки грядущего Мессии: он сидит в воротах Рима среди нищих, сирых и убогих и так же, как и они, страдает от открытых ран. Все нищие заняты своими ранами – развязывают их все сразу и потом все сразу перевязывают их. Мессия также перевязывает свои раны, но по одной, сначала одну, потом другую, и объясняет свои действия: «Может быть, я понадоблюсь людям в этом мире, и чтобы скорее к ним прийти и не задерживаться (перевязкой ран), буду перевязывать раны по одной» [Вавилонский Талмуд, трактат Сенедрион, лист 78, сторона 1]

Пациент, пришедший к Алексею Турбину, также имеет отталкивающий вид, странные зрачки. В разговоре с Алексеем больной сифилисом пациент признается, что злоупотреблял в прошлом «женщинами и ядами», упоминает, что в прошлом употреблял кокаин (с. 289–292). Но его недуги не так открыты глазу, как недуги еврейского Мессии.

Отвращение, вызываемое ранами Мессии, призвано испытать степень человеколюбия и милосердия людей, для которых он должен сойти в этот мир. Если еврей сумеет преодолеть свое отвращение к ранам Мессии и поможет ему, проявив великодушие и сострадание, – тогда Бог излечит мнимые недуги Мессии и пошлет его в земной мир, где он установит Свое царство и освободит мир от всеобщего страдания. У Булгакова же болезнь Мессии не является испытанием, так как сифилис, в той стадии, в которой он был у «мистического» пациента, был скрытой от глаза болезнью.

Возникает вопрос, знал ли Булгаков о том, что болезни Мессии – в соответствии с еврейскими источниками – не внутренние, а внеш-

³ Здесь и далее внутри цитат в круглых скобках даны авторские пояснения, основанные на традиционных еврейских источниках.

⁴ Здесь и далее перевод с библейского иврита, иврита периода Талмуда, восточного и западного диалектов арамейского принадлежит автору.

ние, представленные в излишне натуралистичном описании? Если Булгаков подчеркивает отвращение, вызываемое пациентом, и его демоническую суть, почему он не воспользовался мотивом ужасающих ран еврейского Мессии? Также возникает вопрос, в какой степени автор распознал еврейские черты в образе Мессии? Может быть, он позаимствовал образ Мессии не из еврейских источников, не заметив при этом его еврейские черты?

В отличие от еврейских источников, в которых простой еврей оказывает медицинскую помощь больному Мессии, у Булгакова в романе Шполянский представлен дьяволом, спасающим Алексея Турбина. Писатель связывает Шполянского с его двоюродной сестрой и, возможно, любовницей Алексея Турбина Юлией Александровной Рейсс. Именно Юлия Рейсс спасла Алексея Турбина, т. е., по мнению некоторых исследователей, родовая принадлежность Шполянского дополняет его образ семантикой спасительного действия по отношению к Турбину [Forsyth, p. 319].

Мессия в еврейских источниках происходит из потомства царя Давида или из потомства Иосифа, сына праотца Яакова. Его описание мы встречаем и у Булгакова (с. 148 и далее). Кроме того, писатель наделяет Михаила Шполянского типично еврейскими чертами. Его имя, отчество и фамилия, а также внешность – рост, цвет волос и глаз – свидетельствуют о еврейском происхождении. Его образ ассоциативно, как образ любого еврея, связывается у читателя с традиционными еврейскими источниками, в том числе с Пятикнижием Моисеевым и Еврейской Библией.

Писатель также отмечает, что Шполянский похож на змею («человек с глазами змеи») (с. 291) и обладает, по его мнению, типично мужской, сексуальной внешностью: у него «черные баки» (с. 148, 291). Эти черные баки Михаила Семеновича Шполянского вызывают ассоциации со сказкой Шарля Перро «Синяя Борода», в которой сильный сексуальный импульс мужчины был подчеркнут иссиня-черным цветом его волос. Подобно этому герою, Шполянский у Булгакова «склоняет жен на разврат» (с. 291). Таким образом, Шполянский, и он же Мессия и предтеча Антихриста, по Булгакову, ассоциируется с образом змея из повествования в Еврейской Библии об Адаме и Еве и первородном грехе. Шполянский также склоняет «юношей на порок» (с. 291), что ассоциируется с Содомом и Гоморрой, погрязшими в плотских грехах и извращениях. Поэтому фигура Шполянского позволяет интерпретировать образы Мессии и Антихриста как носителей в основном сексуальных символов и ассоциаций в мистическом смысле. Мессия и Антихрист, представленные Шполянским, имеют демонический образ, вызывающий эротические ассоциации.

В еврейских толкованиях Еврейской Библии Змей также обладает ярко выраженной мужской внешностью и соответствующими характеристиками. В соответствии с еврейскими источниками, Змей был мужчиной и обладал сильным сексуальным импульсом. Неопытный

Адам не смог отвечать силе влечения Евы. Этим воспользовался Змей. Как искушенный любовник [Мидраш Берешит-Рабба, гл. 19, 99] он соблазняет Еву и удовлетворяет ее желание [Мидраш Берешит-Рабба, гл. 18, 85], склоняя Еву на разврат. За это преступление он был наказан Богом, который дал ему длинное, гладкое, гибкое тело с головой на конце, напоминающее фаллос⁵. Такая форма тела Змея должна была откровенно продемонстрировать суть его греха [Anonymous, p. 10–20; Cirlot, p. 385; Devereux, p. 174–176; Gimbutas, p. 95].

Согласно Еврейской Библии не только Змей, но и другие участники треугольника «Адам – Ева – Змей» были наказаны Богом. Как наказание за вкушение запретного плода и в результате за супружескую измену – Адаму и Еве (а также их потомству, которым является все человечество) открылся стыд сексуального греха и тот факт, что люди отныне подвержены смерти. Адам и Ева стали стыдиться сексуальных отношений и осознали ужас и неизбежность смерти, что явилось решающим фактором для формирования образа мышления и поведения их самих и их потомков.

Шполянский описан в духе Пятикнижия Моисеева, как мифический змей, совершавший прелюбодеяния. С одной стороны, в описании «плохого» Мессии Булгаков явно опирается на традиционные еврейские источники. Но, с другой стороны, он изменяет заложенные в них смыслы или передает их только частично и деформированно. Знал ли Булгаков подлинное содержание этих источников, которое могло бы быть так уместно в его мистических описаниях Антихриста Шполянского?

Предвестником еврейского Мессии является молодая козочка или овечка, представленные в еврейских источниках как жертвенные и поэтому близкие Богу. Они интуитивно чувствуют, где находится Мессия и когда он придет. В еврейском литературном источнике начала нашей эры, называемом Мидраш Шемот Рабба, в комментариях к псалмам 67–68 неоднократно упоминаются указанные образы: «(Бог) привел их (коз) пастись вместе с Яковом», а о Моисее сказано: «(Моисей) вел стадо (коз и овец) по пустыне...», Бог поставил Моисея духовным пастырем народа Израилева: «и вел (Моисей) народ, как стадо (коз и овец)» [Мидраш Шемот Рабба, гл. 2, стихи 2–3]. Моисей описан как пастух коз и овец, которые символизируют еврейский народ. Брат Моисея, первосвященник Аарон, является праотцем Мессии. Таким образом, потомки Моисея со стороны Аарона будут духовными пастырями народа Израиля, уподобленного козам и овцам. Так устанавливается символическая связь между Мессией и народом Израиля.

Подобную связь Мессии с человеком через обращение к образу козы мы находим у Булгакова (с. 289–292). Но Булгаков преобразует

⁵ См.: «“На брюхе будешь ползать” – когда сказал ему (змею) Господь Бог “На брюхе будешь ползать”, спустились ангелы с неба и обрубили ему руки и ноги и вознес он свой голос (в плаче) от одного конца мира до другого...» [Мидраш Берешит-Рабба, гл. 20]. См. также: [Deane].

козье стадо в козла, представленного козлиной шубой Шполянско-го, благодаря чему этот последний приобретает скорее зловещие, дьявольские черты. Здесь козел выступает как атрибут дьявольского Мессии, вызывая в памяти «козла отпущения», на которого возлагались грехи еврейского народа перед изгнанием в пустыню [Пятикнижие Моисеево, Книга Левит 15:20–22].

Отдельно следует остановиться на образе антихриста, имя которого, как утверждает Булгаков, «по-еврейски Аваддон» (с. 291). Аваддон символизирует у Булгакова Демона Тьмы и Разрушения, равнодушного к человеческому страданию. Булгаков черпал свои знания о религии, потустороннем и мистическом у своего отца – профессора духовной академии. Вполне вероятно, что библейский контекст, связанный с этим образом, Булгакову дал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона издания 1894 г., который хранился в отцовской библиотеке [Williams, p. 242], или другие энциклопедические источники, которые были в распоряжении его отца [Haber, p. 337–338].

Демон войны Абадонна⁶ у Булгакова (с. 291–292), очевидно, обязан своим именем исторической повести Н. А. Полевого (1796–1846) «Абадонна» и, возможно в большей мере, стихотворению поэта Василия Жуковского (1783–1852) «Аббадона» (1815), представляющему собой вольный перевод эпилога поэмы «Мессиада» (1751–1773) немецкого поэта эпохи романтизма Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803). Вероятно, такое толкование Авадоны/Аваддоны/Аббадоны/Абадонны в русских и европейских источниках исходит из Откровения Иоанна Богослова, в котором он упоминается как ангел бездны.

Так или иначе, эти источники, на которые, по-видимому, опирался Булгаков, не были первичными, так как исходно «Авадон» на древнееврейском языке является синонимом ада и одним из его наименований [Вавилонский Талмуд, трактат Эрувин, лист 19, сторона 1]. Слово «Авадон» употребляется в первый раз в Книге Иова [Еврейская Библия, Книга Иова 28:22] в значении символа разрушения и смерти: «Авадон и смерть произнесли нам: “Внимайте ужасной вести!”» Иов имеет в виду, что Авадон – это место, которое существует вне человеческой возможности осознать его, т. е. там, где находится смерть. Ни в каких еврейских источниках: это Пятикнижие, Еврейская Библия, Мишна, восточная и западная литература талмудического периода, канонизированные Мидраши, добавления и комментарии к Талмуду от талмудического периода до позднего Средневековья, литература Респонсы – нигде слово «Авадон» не употребляется как обозначение человека.

В комментариях Ралбага и Раши⁷ к Притчам Соломоновым [Микраот Гедолот: Притчи Соломоновы 15:1] «Аваддон» упоминается как

⁶ В соответствии с фонетикой оригинала на иврите произносится «Аваддон» – через «в», а не «б».

⁷ Аббревиатуры имен комментаторов древних еврейских книг: Ралбаг – Рабби Леви Бен-Гершом (1288–1344), Раши – Рабби Шимон Ицхаки (1040–1105).

явление природы, противостоящее Богу. Однако это противостояние на самом деле непосредственно территориально: местоположение ада противоположно месту, где как бы находится Бог. Главное место ада называется Шеоль, и оно находится на восьмой небесной оболочке. Вокруг Шеоля расположены другие части ада – такие, как Бээр-Шахат (глубокий могильный колодец), Тит (затягивающая трясина), Шаарей-Мавет (ворота смерти), Шаарей-Цалмавет (ворота темной смерти), Гехеном (геенна огненная – греческое заимствование). Аваддон – это одна из частей ада. То есть противостояние Аваддона Богу носит скорее географический характер, и в еврейских источниках мы нигде не находим антропологизацию этого понятия.

Более того, Ралбаг углубляется в мистические толкования слова «Авадон». Он интерпретирует это понятие как материал, из которого сделана причина всех убытков, страданий и ущерба [Микраот Гедолот: Притчи Соломоновы 27:1]. Но и в таком случае булгаковское понимание Авадона как Демона Тьмы и Войны, носящего черные очки, которые символизируют разверстую бездну, далеко от толкования еврейской традицией.

Раннее христианство позаимствовало слово «Авадон» из еврейской традиции, оно впервые появляется в Откровении Иоанна Богослова (9:11) Источником позднейшей интерпретации Авадоны как Демона Бездны в Откровении Иоанна, как можно предположить, являлись неканонизированные апокрифические еврейские источники талмудического периода. Описание Мессии в «Белой гвардии», его атрибутов, поведения, изменений в мире после его прихода в большой степени опирается на древнееврейские религиозные источники. Тем не менее, как мы старались показать, в ряде случаев Булгаков использует эти источники, изменяя их смысловое наполнение.

Выводы

В описании потустороннего, мистического и демонического Булгаков часто опирается на древнееврейские источники [Krugovoy], но существенно трансформируя их смыслы, мотивы и образы. Создается впечатление, что подобная трансформация является не плодом творческого замысла автора, а, скорее, следствием неточности и неполноты материалов, которые были в его распоряжении.

Однако эти неточности не умаляют достоинств романа Булгакова. В этом произведении писатель создал древний мистический еврейский фон, а несоответствие значения еврейских мотивов их точному оригинальному смыслу в еврейских источниках не снижает общего художественного эффекта.

Список литературы

- Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Белая гвардия. М. : Эксмо, 2014. С. 21–304. [Вавилонский Талмуд: в 20 т. Вильно : Ромм, 1880–1886].
- תלמוד בבלי, וילנא: מהדורת האלמנה והאחים ראם, תר"מ-תרמ"ו, כ' כרכים.
- Домиль В. «Профессор с большой дороги» // Зарубежные задворки. 2009. № 12/1 [Электронный ресурс]. URL: <http://za-za.net/old-index.php?menu=authors&&country=ISR&&author=domil&&werk=007>.
- [Мидраш Берешит-Рабба: в 3 т. / изд. Иегуды Теодора и Ханоха Альбека. Иерусалим : Институт Бялика, 1936].
- מדרש בראשית רבה, מהדורת יהודה תיאודור וחנוך אלבק, ירושלים: מוסד ביאליק, תרצ"ו (1936), ג-א.
- [Мидраш Шемот Рабба / изд. Авидора Шинана. Тель-Авив : Девир, 1984. 278 с.]
- מדרש שמות רבה, מהדורת אביגדור שגן, תל-אביב: דביר, תשמ"ד (1984).
- [Микраот Гедолот: Притчи Соломоновы / примеч. Ралбага и Раши. Варшава-Люблин, 5653 (1893) ; переизд. Тель-Авив : Кетер, 2012. 312 с.]
- מקראות גדולות: ספר משלי, עם פירושי רש"י ורלב"ג, מהדורת ורשא-לובלין, התרנ"ג, הדפסה מהדש: תל-אביב: כתר, 2012.
- [Пятикнижие Моисеево, книги Еврейской Библии. Иерусалим : Институт Раввина Кука, 1989. 1216 с.]
- ת"נך, ירושלים: מוסד הרב קוק, 1989
- Черкашина М. В. Господин из клуба «Прах» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/bulgakov/5.htm>.
- [Anonymous = Jennings H.]. *Ophiolatreia, or Serpent Worship: The Rites and Mysteries connected with the Origin, Rise and Development of Serpent Worship*. Privately Printed, 1889 ; reprs. Albany ; New York : Jason Colavito.com, 2012, 2013, 2014. 148 p.
- Cirlot J. E. *Dictionary of Symbols*. London ; New York : Routledge, 1971. 508 p.
- Curtis J. A. E. *Manuscripts Don't Burn: Mikhail Bulgakov – A Life in Letters and Diaries*. New York : Bloomsbury, 1991. 306 p.
- Deane J. B. *The Worship of the Serpent Traced throughout the World*. London : Rivington, 1833. 475 p.
- Devereux G. *Dreams in Greek Tragedy: An Ethno-Psycho-Analytical Study*. Berkely ; Los Angeles : University of California Press, 1976. 365 p.
- Forsyth N. *The Old Enemy: Satan and the Combat Myth*. Princeton : Princeton U.P., 1987. 506 p.
- Gimbutas M. *The Goddesses and Gods of Old Europe: Myths and Cult Images*. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2007. 305 p.
- Haber E. C. *The Lamp with the Green Shade: Mikhail Bulgakov and his Father* // *Russian Review*. 1985. № 44. P. 333–350.
- Krugovoy G. *The Gnostic Novel of Mikhail Bulgakov: Sources and Exegesis*. Lanham ; New York : U.P. of America, 1991. 316 p.
- Williams G. *Some Difficulties in the Interpretation of Bulgakov's The Master and Margarita and the Advantages of a Manichaean Approach, with Some Notes on Tolstoy's Influence on the Novel* // *Slavonic and East European Review*. 1990. Vol. 68. No. 2 (April). P. 234–256.

References

- [Anonymous = Jennings, H.]. (2014). *Ophiolatreia, or Serpent Worship: The Rites and Mysteries connected with the Origin, Rise and Development of Serpent Worship*. Albany & New York: Jason Colavito.com.
- Babylonian Talmud* (in 20 vols.). (1880–1886). Vilno: Romm Publishing House.
- Bulgakov, M. A. (2014). *Master i Margarita. Belaya Gvardiya* [The Master and Margarita. The White Guard] (p. 21–304). Moscow: Eksmo.
- Cherkashina, M. V. *Gospodin is kluba «Prakh»* [A gentleman from the Club “Ash”]. Retrieved from: <http://www.rg.ru/bulgakov/5.htm>.
- Cirlot, J. E. (1971). *Dictionary of Symbols*. London & New York: Routledge.
- Curtis, J. A. E. (1991). *Manuscripts Don't Burn: Mikhail Bulgakov – A Life in Letters and Diaries*. New York: Bloomsbury.

- Deane, J. B. (1833). *The Worship of the Serpent Traced throughout the World*. London: Rivington.
- Devereux, G. (1976). *Dreams in Greek Tragedy: An Ethno-Psycho-Analytical Study*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Domil', V. (2009). Professor s bol'shoj dorogi [A highway professor], *Zarubezhnye Zadvorki*, 12 (1). Retrieved from: <http://za-za.net/old-index.php?menu=authors&&country=isr&&author=domil&&werk=007>.
- Forsyth, N. (1987). *The Old Enemy: Satan and the Combat Myth*. Princeton: Princeton U. P.
- Gimbutas, M. (2007). *The Goddesses and Gods of Old Europe: Myths and Cult Images*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Haber, E. C. (1985). The Lamp with the Green Shade: Mikhail Bulgakov and his Father, *Russian Review*, 44, 333–350.
- Jewish Bible. (1989). Jerusalem: Rabbi Kook Institute.
- Krugovoy, G. (1991). *The Gnostic Novel of Mikhail Bulgakov: Sources and Exegesis*. Lanham & New York: U.P. of America.
- Mikraot Gedolot: Proverbs of Solomon* (2012). Tel-Aviv: Keter Publishing House.
- Shinan, A. (Ed.). (1984). *Midrash Shemoth Rabba*. Tel-Aviv: Devir.
- Teodor, Y. & Albek, Ch. (Eds.). (1936). *Midrash Bereshit Rabba* (in 3 vols.). Jerusalem: Bialik Institute.
- Williams, G. (1990). Some Difficulties in the Interpretation of Bulgakov's The Master and Margarita and the Advantages of a Manichaean Approach, with Some Notes on Tolstoi's Influence on the Novel, *Slavonic and East European Review*, 68, 2 (April), 234–256.

The article was submitted on 02.02.2015

Рина Лapidус

профессор,
отделение сравнительного литера-
туроведения,
Университет Бар-Илан,
Тель-Авив, Израиль,
rlapidus2011@gmail.com

Rina Lapidus

Professor,
Department of Comparative
Literature,
Bar-Ilan University,
Tel Aviv, Israel,
rlapidus2011@gmail.com

Heritage
Nomina et
scholae

S. M. Kashtanov with A. A. Zimin and S. Permitina (top left) and L. Ivina (bottom right) (1954)

Heritage
Nomina et scholae

DOI: 10.15826/qr.2015.1.089

УДК 930.2:003.072 + 930.2:003.074

Lyubov' Stolyarova
Svetlana Koroleva

**SERGEY KASHTANOV:
HISTORIOGRAPHER OF THE RUSSIAN
AND EUROPEAN MIDDLE AGES**

The article (see the beginning in *Quaestio Rossica*, 2014, no. 3) is devoted to the scholarly work of an outstanding Russian historian, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Sergey Mihajlovich Kashtanov. Without exaggeration, he can be considered an authority of Soviet and Russian academic historical thought. The list of his professional interests alone is impressive as it ranges from the study of sources and archaeography to historiography and the history of state institutions as well as from diplomatics to historical demographics and geography. Sergey Kashtanov is a medievalist, whose research focuses on medieval Russia which he studies by referring to the historical context of European countries between the Middle Ages and the Early Modern Period. As a result, Kashtanov's contribution to comparative medieval history is significant. Additionally, Kashtanov's works on diplomatics are recognized worldwide because he puts forward original methods of analysis for medieval acts. As a scholar, Sergey Kashtanov may be characterized both as a theoretician and practitioner as well as a researcher of feudal property. He proposed a number of new methods of analysis in paleography, filigree studies, and codicology, and, finally, he is an observant and witty historiographer. Being a follower of A. A. Zimin and S. O. Schmidt, S. M. Kashtanov is a rare representative of Russia's high academic tradition of humanities dating back to the prerevolutionary era. This unique atmosphere which is, sadly, becoming nonexistent, is permanently present in the life and work of the main character of the article.

Keywords: S. M. Kashtanov; comparative mediaeval studies; historiography; source studies; diplomatics; history of feudalism.

Статья (начало см.: *Quaestio Rossica*, 2014, № 3) посвящена научному творчеству выдающегося русского историка, члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Каштанова. Он без преувеличения может быть назван действующим классиком советской и российской научной исторической школы. Один перечень его профессиональных интересов впечатляет: от источниковедения и археографии до историографии и истории государственных учреждений; от дипломатики до исторической демографии и географии. Сергей Михайлович – медиевист, его изыска-

ния посвящены средневековой Руси, которую он исследует, обращаясь к историческому контексту европейских стран Средневековья – раннего Нового времени. В связи с этим велики заслуги Каштанова в области компаративной медиевистики. Заслуженным признанием мирового исторического сообщества пользуются труды Каштанова-дипломатиста, автора оригинальной методики дипломатического анализа средневековых актов. В профессиональной деятельности Сергея Михайловича удивительным образом сочетаются теоретик и практик; исследователь феодального землевладения, иммунитетов, финансовой политики средневековой Руси и создатель собственной концепции феодальной собственности; ученый, предложивший ряд новых методик в области палеографии, филиграноведения, кодикологии и остроумный наблюдательный историограф.

Ученик А. А. Зимины и С. О. Шмидта, С. М. Каштанов является одним из немногих носителей высокой академической традиции русской гуманитаристики, восходящей к дореволюционной эпохе. Эта уникальная и, к сожалению, уходящая среда явственно проступает через жизнь и творчество главного героя статьи.

Ключевые слова: С. М. Каштанов, компаративная медиевистика, историография, источниковедение, дипломатика, история феодализма.

Finances of Medieval Russia

In his 1955 “Essays on the History of the USSR”, S. M. Kashtanov wrote chapters about Financial Russia in the 16th century [Каштанов, 1955a; Каштанов, 1955b]. He returned to this topic at various stages of his work. In 1961, he published an article on the financial policy of the Russian state in immunity charters in the first third of the 16th century [Каштанов, 1961], and later published a study on financial troubles involving Ivan the Terrible’s policy in relation to principalities (1968). The article continues research on the authenticity of narrative charters, which he researched first in his doctoral thesis and subsequently completed in “Essays on Russian Diplomacy” [Каштанов, 1968]. In 1970 Kashtanov studied the state of taxation in Russia in the second half of the 16th century. He was able to obtain new data on the existence of various natural duties at the time: construction, city, prison duties [Каштанов, 1975].

In 1977, S. M. Kashtanov published an article on the participation of the major monasteries in the internal trade of Russia in the 14th–15th centuries [Каштанов, 1977a]. Referring to the source material, the researcher traced the range of goods offered for sale, as well as the dynamics of trade routes, which were used by monasteries during the 14th–15th centuries. For the first time in national historiography the researcher conducted a systematic analysis of immunity letters as a source on the history of Russian medieval trade.

In 1982, Kashtanov published articles about the finances of the Moscow principality in the mid-14th century [Каштанов, 1982d] (referring to

testaments of great and crown princes), and financial policy during the Oprichnina period. He showed that between 1565 and 1572 relatively large, permanent awards coexisted with temporary benefits, such as Tarkhan-pay privileges, which exempted only small duties (often in order to facilitate the procedure of tax payment), and they often coexisted with a complete lack of privileges. The historian found that, compared with the policy of the Izbrannaya Rada, Oprichnina was the period of expansion of financial immunity. In this case, full immunity at the time was almost never granted. In the first years after Oprichnina (1572–1573), financial immunity of major spiritual lords was in a state of crisis. However, already by 1575 there was a sharp increase in the number of letters exempting monasteries from taxes and certain obligations. Significant tax exemptions were provided to great monasteries in Central Russia during the Grand rule of Simeon Bekbulatovich and during Ivan the Terrible's time on a country estate [Каштанов, 1982г].

In 1985 Kashtanov published an article on the financial policy of Russia in the mid-16th century. In this study he provided a fuller picture of the financial conditions of immunity up to 1551, when the Tarkhans were audited [Каштанов, 1985]. The researcher analyzed the state of actual privileges for monasteries and counties [Kashtanov, 1986a], privileges that were significantly reduced by the mid-16th century. Studying measures to limit judicial and financial privileges of feudal entities that had immunity (mainly monasteries) in Russia in the mid-16th century, he again turned to the study of the financial policy of the Izbrannaya Rada. At the same time (1986) he summarized the study of the internal policy of Russia in the mid-16th century, particularly policy that related to the elimination of Tarkhans [Каштанов, 1986].

In 1988 Kashtanov published a fundamental monograph dedicated to the finances of medieval Russia. He examined the history of feudal finance in connection with the study of the origin and modification of feudal obligations, duties and taxes, as well as with the study of tax policy in various principalities of Rus in the 14th–16th centuries. Before this monograph, the financial situation of medieval Russia had never been researched extensively in Russian historiography. Kashtanov identified the main trends of centralization and decentralization of funds in politics of the great feudal princes at the beginning of the 16th century, and he analyzed the specifics of fiscal policy at the beginning of the Izbrannaya Rada and finally turned to the problem of canceling tarkhans in the mid-16th century within the financial policy of Russia between 1551–1564. A special place in the monograph is given to the study of fiscal policy in the period of Oprichnina and the state taxation in 1572–1575. Again (after his research in the 1950s–1960s) he turned to the study of the financial aspects of domestic policy during the reign of Simeon Bekbulatovich and Ivan the Terrible's time on a country estate [Каштанов, 1988]. In 1993 he published a comprehensive study on the socio-economic history of Russia in the late 15th and the first half of the 17th centuries [Каштанов, 1993б].

History of Public Institutions of Medieval Russia

At different stages of his work Kashtanov turned to the history of public administration in medieval Russia. In 1968, he drew attention to the Zasechny Order of 1577, which was previously unknown in sources from the 16th century [Каштанов, 1968a]. In his article in 1989 the researcher began to study the system of local governance. He found that in Northeastern Russia principalities formed by the 14th century, which were represented by governors, volostels, administrators of princely property and their agents, or “nobles”. Being quite effective in relation to the parish people, who were independent of the monasteries and the private feudal system, this local judicial administration scarcely acted against large landowners and especially did not act against monasteries. Large landowners enjoyed broad legal immunity, reducing the impact of the prince’s administration and diminishing protection of the rule of law. The latter, as shown by Kashtanov, was realized in the 14th century mainly through mixed courts [Kachtanov, 1989; see also: Каштанов, 20006].

In 2001 Kashtanov studied government institutions of Novgorod and Pskov during their period of independence (based on 25 German regulations from 1269–1466 and Pskov’s agreement with the Livonian Order in 1417 and 1503) [Каштанов, 2001a]. Exploring diplomatic features of the above mentioned documents, he prepared the texts and raised the issue of allowing two contracted parties to receive two copies of the original text: both in Russian and in German (allowing for the existence of 4 copies of the agreement). Particular attention was paid to the correspondence between Russian and German terminology, demonstrating its evolution in the documents of different periods. He was able to demonstrate that the governors, during the period of Novgorod independence in the German texts, appear not so much as administrators, but more as individuals representing the interests of the prince of Novgorod. Kashtanov noted that up to the 1420s, “posadnik” was defined by the term, “borchgreve” (burgrave), and later on (as of 1436) replaced by the term, “borgermester” (Mayor). According to him, it may indicate that the posadnik gradually became equal in rank to the city mayor. Since “burgrave” was a greater person than the mayor, changes in titles of the mayor could indicate a decrease in the authority of the posadnik in the eyes of German counterparts. Kashtanov connected the cause of this phenomenon with the increasing dependence of Novgorod on Moscow during the reigns of Vasily I, Vasily II, and Ivan III.

Problems in the history of law are reflected in the study of the particularities of ecclesiastical jurisdiction in Russia in the late 14th – early 16th centuries. S. M. Kashtanov studied the issue of the division of jurisdiction as related to monastery superiors between the government and the church hierarchy (1990). He found that in most cases in the late 14th – early 16th centuries princely jurisdiction prevailed. The great feudal lords often interfered with the privileges in the jurisdiction of bishops over abbots and took them under their own jurisdiction [Каштанов, 1990г].

In 2014, his new monograph appeared, in which he sought to analyze the originals and copies of acts from the 10th–16th centuries in order to establish their origin [Каштанов, 2014]. For the first time in Russian historiography Kashtanov identified the characteristic features of the activity of proto-chancelleries (14th–15th centuries) and chancelleries (16th century), the highest secular authority in medieval Russia. With this extensive theme, the researcher used the essay format allowing him to revise ideas that he expressed previously and to make additions to them. The book of office practice in medieval Russia will influence the development of studies of diplomacy in this country for many years to come. Any additional research into proto-chancellery activities and its different manifestations as well as the history of the formation of chancelleries will follow Kashtanov's model.

Comparative Studies

Comparative studies took a new direction in the works of S. M. Kashtanov. He first mentioned the similarity between social and political institutions in Russia during the 14th–16th centuries with similar structures in the era of “High Middle Ages” (7th–9th centuries) in the West in a report during the first readings in memory of L. V. Cherepnin in 1980, which was dedicated to the formation of the centralized Russian state [ИСССР]. At that time, the work was not published. Kashtanov gave a detailed account of relations between Russia during the 14th–16th centuries and the Frankish state of the era of the Merovingians and the Carolingians (1992) [Каштанов, 19926]. He came to a paradoxical conclusion that by the end of the 15th–16th centuries the Russian government had generally the same social basis as the empire of Charles the Great. The historian tried to demonstrate that both in socio-economic and political terms the Old Russian state “does not correspond to the Carolingian monarchy”, and the Russian State of the 15th–16th centuries, even though close in its type of social relations to the Carolingian Empire, “had a very different historical perspective: not that of decay, but of strengthening, of transition to absolutism”. He has shown that the roots of terror of Ivan the Terrible's Oprichnina lie in the aim of Ivan IV to prevent the breakdown of the state, to seal with blood and executions the territory which was almost ready to fall apart: “Ivan saw betrayal everywhere not because it was really there, but because the development of feudal tenure and serfdom turned representatives of the ruling class into ‘seniors’ in a way – a tendency of feudal fragmentation of a new type, which had never before existed in Russia and which we know well from the history of Western countries in the 10th–13th centuries” [Ibid, c. 91–92].

In 1995 Kashtanov was asked to compare the historical role of Charles Martel and Ivan III in the formation of centralized states from their feudal basis. In both cases, the state was created with the support of the vassals-beneficiaries and large monasteries and was by nature a multinational state. The historian noted that “the essential similarity and common trends in the

development of the Frankish state in the 7th–8th centuries and of Russia in the 14th–15th centuries could be observed in the first region until about the mid-9th century, and in the second, until the end of the 16th century” [Каштанов, 1995a]. Some time later (1996) he articulated his ideas about the methodology for doing comparative-historical research [Каштанов, 1996a].

Observations of Kashtanov on different political institutions and socio-economic relations in medieval Russia prompted him to reflect on the features of feudalism in Russia. The historian devoted a number of lectures, meant for the students of the Graduate School of Practical Research at the University of Paris, to this issue and delivered them from 1994–1995, along with the lecture courses on the notes of the Russian foreign policy in the 16th century.¹

In 1999 he published an article devoted to the study of private acts in Russia between the 12th–14th centuries, which was also a report for a conference on monasteries, organized by Prof. Jean-L. Lemetre in September 1995 in Paris. Because of his development of a comparative methodology for studying Russian medieval charters and acts of the Frankish state, Kashtanov notes some similarities and differences between Merovingian deeds and early immunity letters issued to Russian monasteries. The researcher showed that both of them were issued on behalf of the ruler (king of the Frankish state, the grand duke in Russia). Giving monasteries immunity privileges was an exclusive prerogative of supreme power. However, extant sources allowed him to argue that in Russia immunity policy first appeared in the 12th century, while in the Frankish state, it appeared five centuries earlier in the 7th century. The earliest tax immunity had to do with monastic land tenure. Customs privileges were given much later (in Russia only in the 14th century). And Western deeds, as well as some princely acts contain articles on the protection of superiors and monasteries. However, as Kashtanov demonstrated, Russian diplomas, unlike Western acts, did not provide monastic brotherhoods with the right of selection of the prior. Princes tried to usurp the role of the warden of spiritual corporations, “thus creating conditions enabling them to intervene in the appointment of a new rector in the future” [Каштанов, 19996].

The study of medieval clerical practices in Europe played an important role in Kashtanov’s works at the end of the 1990s. Turning to the characteristics of the main trends in the office’s documentation processes in the 14th–16th centuries (1999), he came to the conclusion that until the mid-15th century in Russia, immunities on land and princely testaments and contract deeds prevailed. From the mid-15th century, the content of deeds changed significantly. At the time acts on slaves, records (?) of boyars, marriage contracts and others became more common. In the 16th century there appeared new kinds of private acts and new types of registration and records.

Kashtanov demonstrated that land immunity deeds, which prevailed among the Russian princes’ acts, can be compared (by their diplomatic

¹ The annual course of lectures on Russian history delivered by S. M. Kashtanov as directeur d’études associé (École Pratique des Hautes Études, IVe section) at the invitation of a prominent French specialist in Russian philology professor V. A. Vodov.

features and quantitative indicators) with the Merovingian precepts. He compares judicial acts that appeared in Northeastern Russia in the mid-15th century with Merovingian charters. According to him, princely spiritual deeds basically have no analogs among the Merovingian acts, but “in essence, it was a form of contract (with the heirs) and the law (on the management of common in the documentary practices of the Merovingian state and practically non-existent in Russian princely records until the mid-15th century” [Каштанов, 1999В].

Observations made in the article continue the theme of comparative studies of sources initiated by the historian during the 1980s–1990s in connection with the search for evidence of the typological proximity of social relations between the Russian state of the 14th–16th centuries and the Frankish state of the 6th–9th centuries. Kashtanov convincingly demonstrates that Russia came to the development of feudal institutions (immunity, vassalage, *prekary*, *benefices*, etc.) 500 years later, after their evolution had ceased in Europe. While Russian feudal relations took shape at the end of the Middle Ages and the beginning of the Modern Period, in Western Europe, bourgeois relations had already begun to form. The latter could not but affect the nature of documentation in the European and Russian offices of the 14th–16th centuries.

In studying the text of *Sudebnik* of 1497 (2000), he compares this manuscript of Russian law with Serbian and Polish-Lithuanian legal documents, as well as with legislative sources of the Western Middle Ages. Exploring their inner form and content, the researcher concluded that the Russian Law Books of 1497, 1550, 1589 were common law of the epoch, when a centralized state emerged, but the *udel* system was still preserved. Under these conditions, according to Kashtanov, supreme power was perceived as an accessory of the “family”, when the sons and brothers of the sovereign enjoyed “his share of sovereignty”. He showed that in the Council Code of 1649, “we can already see an entirely different type of monarchy” [Каштанов, 2000Г].

At the same time he published an article dedicated to the punishment of forgers in the Middle Ages and the Early Modern Period. The study examines documents from Roman, Byzantine, and Visigothic law and considers the legal documents of the Two Sicilies, France, England, and Germany in the 12th–13th centuries, containing articles on the punishment of forgers. Particular attention is given to the fight of the papal curia against forgers in the 12th–14th centuries. Kashtanov showed connections with the development of forgers’ activity; indeed, forgery was spreading there only at the end of the 14th century. He finds parallels between the forms of punishment of forgers in Russia at the end of the 15th century and in the Visigothic Kingdom in the 7th century (flogging). The historian examined the question of the origin of a forged document in Russia, where a forger was called *podpishhik*. The first fight against *podpishhiks* was noted in the *Sudebnik* of 1550, when forgery was characterized as an “evil deed”. The researcher drew attention to the impact of the legal regulations of the

Lithuanian Statute of 1529, which stipulated the death penalty for forgery, to the *Sudebnik* of 1550, which included the same sort of punishment. A change in the implementation of this punishment was observed in the *Sudebnik* of Tsar Fyodor Ioannovich of 1589, demonstrating the turn from the death penalty to flogging. Kashtanov showed that the articles of the Council Code of 1649 on forgery are comparable with articles of Lithuanian statutes. However, unlike in Lithuanian legislation, in Russia punishment was imposed only for forgery of sovereign credentials (falsification of private acts was not prosecuted by law) [Каштанов, 2000в].

In 2001 the researcher returned to the problems of the theory and methodology of comparative studies of source documents. Along with defining the general principles of comparative analysis, he turned to quantitative comparisons of Russian princely deeds with the Merovingian and Carolingian precepts, which equally contained land and immunity awards. For the first time in national historiography he made an attempt to determine the annual rate of issuance of Russian acts, starting with the first quarter of the 15th century (during the reign of Vasily the Blind), till the end of the 16th century (until the end of the reign of Ivan the Terrible). The calculation was based on immunity charters only. Kashtanov showed that land immunity acts – issued by the end of the reign of Vasily I, according to their quantitative indicators – are comparable to the Merovingian diplomas. The total number of immunity letters issued during the 160 years since the beginning of the reign of Vasily II and until the end of the reign of Ivan IV is comparable to the acts of the Carolingian era. The historian showed that the frequency of the issuance of deeds under Vasily II (7.3) and Ivan III (9.3) was lower than under Charles the Bald (13.5), but Vasily III even exceeded the specified rate (14.3). The average frequency of the issuance of deeds under Ivan IV (25.2) exceeds the norm of the Capets under Louis VI (16.5) and Louis VII (18.5). Along with this, Kashtanov noted a steady increase in the annual rate of issuance of immunity deeds in Russia [Каштанов, 2001в].

Problems of Historiography

Another area of Kashtanov's research is historiographical studies. In the second half of the 1950s at the initiative of A. A. Zimin, he worked on the study of the history of sources and ancillary historical disciplines which determined the main directions in the development of paleography, diplomatics, genealogy, historical chronology and source studies in Russia in the mid-19th century – early 20th centuries (up to 1917). This research demanded that the historian study and understand extensive literature, develop his taste for historiography and push the horizons of his academic interests. Considerably abridged, historiographical articles of Kashtanov (except for his work on genealogy in Russia) were published in "Essays on the History of Historical Science" (1960, 1963) [Очерки, 1960; Очерки, 1963].

He paid special attention to the study of the historiography of serfdom in Russia (1965, 1969, 1973) [Каштанов, 1965а; Каштанов, 1973б; Каштанов, 1969], as well as the history of Russian historical thought. The researcher wrote detailed comments on the 25th, 26th and 29th volumes of the “History of...” by S. M. Solovyev (1965, 1966) [Каштанов, 1965б; Каштанов, 1966б]. He wrote reviews of French historiography of Russian feudalism (1966) [Каштанов, 1966а], of contemporary Soviet literature and of the history of Russia until the 19th century (1967) [Каштанов, Клокман]. In 1976, Kashtanov turned to the study of the evolution of ideas about feudal immunity in Russia in the historiography before the Revolution and in the early Soviet historiography of the 1920s [Каштанов, 1976]. In 1982, he produced an overview of the most recent European works on diplomatics in connection with the definition of directions in the development of diplomatics and especially in connection with the development of the theory and practice of publishing documents of medieval Europe [Каштанов, 1982б].

S. M. Kashtanov’s historiographical research continued in his essay about the works of S. V. Bakhrushin, in honor of his 100th birthday anniversary (1982). For the first time the stages of Bakhrushin’s work were systematically examined, including the main directions of his work, his prominent role in the study of the socio-economic history of European Russia and Siberia, the history of the cities and urban uprisings in the 17th century, the history of trade for the peasantry and merchants and the history of trade in the 17th–18th centuries [Каштанов, 1982в].

During 1974 and 1975 Kashtanov worked together with L. A. Kotelnikova; they wrote reviews of the 6th “week” of the International Institute of Economic History in Prato [Каштанов, Котельникова, 1974; Каштанов, Котельникова, 1975а; Каштанов, Котельникова, 1975б]², initiating a systematic exposition that chronicled academic events abroad. In collaboration with N. A. Gorskaya, A. A. Svanidze and Yu. M. Yurginis, he published a review of lectures given during the 13th Prato “week” (1982, 1985) [Горская, Каштанов, Сванидзе, Юргинис, 1982; Горская, Каштанов, Сванидзе, Юргинис, 1985].

In 1986, Munich hosted the International Congress, entitled, “The falsifications in the Middle Ages”, which was organized by the *Monumenta Germaniae Historica*. A detailed review of the presentations, made at the Congress, included the key theoretical paper read by the Italian historian and writer, U. Eco. Kashtanov prepared a series of articles about the typology of fraud in the Middle Ages. His historiographical review turned into an interesting study in which the discussion with the medievalist studying medieval forgeries was accompanied by his own original observations and conclusions based on the analysis of Russian and European acts [Каштанов, 1989а; Каштанов, 1990в; Каштанов, 1992а; Каштанов, 1994г].

He wrote an obituary for L. V. Cherepnin (1978) [Каштанов, 1978г; Kacshtanov, Vodoff] and wrote the first essays about A. A. Zimin, which

² Report of Kashtanov by 6th “week” in Prato was dedicated to monastic trade: [Kacshtanov]. Russian text was published in 1977: [Каштанов, 1977а].

were written shortly after his death (1980) [Каштанов, 1980а; Каштанов, 1980б]. Recognition of the role of Zimin in national and world historiography of Russian medieval times occupied a central place in Kashtanov's work in the second half of the 1990s [Каштанов, 1999а, с. 7–10; Каштанов, Чернобаев]. At the time, he published several articles about Zimin, the most important of which is preceded by a complete bibliography of his works, compiled by V. I. Gulchinsky [Каштанов, 2000а]. After a systematic study of the scholarly heritage of Zimin, who was very close to him in the subject of their research, Kashtanov reconsidered the main issues of history and source studies in medieval Russia, which were of interest both to his predecessors and himself.

Theoretical Source Studies in the Scientific Activity of Sergey Kashtanov

In the early 1960s, Kashtanov became fascinated by the theory of source studies. In 1962, in collaboration with A. A. Kurnosov he wrote an article containing a description of a number of theoretical problems: the question of determining the origin and type in identifying historical sources and the principles of their classification according to their classes, types, etc. This article caused a heated debate, in which L. V. Cherepnin, A. A. Novoselsky, E. A. Lutsky, et al participated [Каштанов, Курносов].

In a study published in 1965, and written in collaboration with A. L. Litvin, the historian continues to reflect on the key issues of source studies, in particular, on the definition of the concepts of “authenticity” and “credibility”. He comes to the conclusion that the term, “authenticity”, should be understood as “the real origin of the source from that author... who is designated (or implied)” in the text. Kashtanov defines “credibility” as “the need for a sufficient degree of correspondence between the phenomenon and its description”. Assuming that this correspondence is never absolute, he justifies the need for the introduction of the concept of “confidence” (as opposed to the definitions of “complete authenticity” or “gross inaccuracy of the source”) and talks about the gradations of “power” [Каштанов, Литвин]. Later (1991) Kashtanov introduces the concept of “diplomatic authenticity” and “legal authenticity”, the notion of an “authentic” (i. e. genuine) copy [Каштанов, 1990б]. He justifies the distinction between “clerical forgery”, “suspicious (questionable) act”, “imaginary act”, “pseudo-original”, “pseudo-copy” and others. The researcher linked the problem of authenticity and credibility to the question of the existence of private acts in Russia in the 12th – early 13th centuries and turned to the study of the testament of Anthony, the Roman. According to the author, the acts associated with the name of Anthony were made in the 16th century but originate from some lost authentic documents of the second half of the 14th – early 15th centuries: “this deed of conveyance and last will of Anthony can hardly date back to the 12th century.

But at the same time it is difficult to assume that in the 16th century they were made without the use of documents of the late 14th – early 15th centuries, which may not even be from Anthony's monastery. Most likely, we are dealing here with a 'pseudo-copy' or 'copies' of a 'pseudo-original'" [Каштанов, 19916].

Another direction of source studies by Kashtanov is associated with the study of the concepts of "peasants" and "orphans" and the characteristics of their existence in ancient sources. He showed (1986) that the term "peasants" in the social sense did not appear in the acts until the end of the 14th century. Since the end of the 14th century, and especially in the 15th century, this term began to be used systematically in the charters to denote the agricultural population of Russia. The researcher found that for the first time it occurs in the charter deed of Metropolitan Cyprian of Varevokonstantinovsky Monastery in 1391 [Kashtanov, 1986b].

Codicology, Palaeography and Filigree Studies

At different stages of his work, S. M. Kashtanov addressed issues of codicology, palaeography and filigree studies. Back in the mid-1950s in the Collection of Manuscripts of Lenin State Library he found fragments of a number of Troitsk registers, some of which were withdrawn at the beginning of the 19th century by P. M. Stroeve and were stored as part of the Pogodinskaya collection of the State Public Library (now State Russian Library). In 1956 the first edition of Kashtanov's work, dedicated to source studies of a number of registers of the Trinity Lavra of St. Sergius in the 16th century [Каштанов, 1956], was published. In the "Essays of Russian Diplomatics" (1970) the researcher attempted to reconstruct the original composition of these books based on a rigorous evaluation of their external and internal forms, as well as on the content. As a result, for the first time in national historiography, he developed the principles of diplomatic codicology (studying acts as a part of the collections of copies) [Каштанов, 1970] while using the material from Trinity Lavra.

Still focusing on the content of acts (which remained a traditional approach in Russian pre-revolutionary and Soviet diplomatic historiography), starting with the early 1970s, Kashtanov continues to deepen the study of their external form. In 1974 he wrote an essay about F. Gasparri's book, which was published a year before in Geneva and Paris and is devoted to the palaeography and diplomatics of the French royal acts. The analysis of the external features of royal acts from the 12th to the first quarter of the 13th centuries, conducted by Gasparri, according to Kashtanov, convincingly demonstrate the impossibility of isolating proper diplomatic studies from the problems of paleography, especially when it comes to studying the history of medieval offices. The historian noted that in the new stage of development of historical research, methods in diplomatics and paleography contribute not only to the study of office

practices of the Middle Ages, but also to the creation of new perspectives in the study of social and political relations and culture [Каштанов, 19746].

Gradually after studying the origin of ancient clerical acts, Kashtanov became aware of the need for careful paleographic study of original, surviving documents. For the first time in national historiography he raises questions about the study and classification of handwritten charters from the 16th century. Studying the outward signs of the original judgment memo list from June 7, 1536, issued by the Trinity Lavra of St. Sergius on the ownership of Bezhetsky Verkh, with a copy of the same document as part of the Trinity Lavra register, book 518, Kashtanov found that the original document was made by the Trinity Lavra scribes. He came to the conclusion that only the signatures of officials are traces of the writing practice of the mandated office. Thus the researcher was able to demonstrate the non-office origin of the judgment list and to consider it a product of the scriptorium of Trinity-Sergius Monastery [Каштанов, 19776].

In the late 1970s – early 1980s Kashtanov writes a fundamental monographic series, “On the Trail of the Trinity Lavra Register Books”. Studying the filigree of “The Hand with a Rosette”, et al. in the Trinity Lavra register books of the 16th century, as well as the Pogodinskaya collection, numbers 1846 and 1905, he sought to establish the place and origin of the sheets from these books in the register books, which were determined from the analysis of the placement of the same filigree at a certain interval between laid lines. The analysis is based on a thorough study of options and sub-options of the filigree, “The Hand with a Rosette”, and on rigorous measurements of the distances of different parts of the filigree from the next laid line. The principles of filigree research were combined with fundamental paleographic and codicological research on the Trinity Lavra register books and the Pogodinskaya collections. The implementation of this technique allowed the historian to conclusively demonstrate that the pages of the Pogodinskaya collection, withdrawn by P. M. Stroyev, were originally found in the Trinity Lavra register books [Каштанов, 1977в; Каштанов, 1979; Каштанов, 1981; Каштанов, 1982а; see also: Жуковская, especially с. 65, 71, 76].

In the 1990s, Kashtanov carried out research on paper watermarks in connection with the study of the history of spreading of paper in Russia in the 14th–16th centuries [Kachtanov, 1992]. By using material acts he determined the types of imported paper and traced the path of its introduction in Russia. Along with this, he turned to the question of the origin of the term, “Alexandrian paper”. Kashtanov refuted the hypothesis of the so-called “Eastern” paper, demonstrating that all paper at the time came from the West. He concluded that there was an erroneous assumption by O. A. Knyazevskaya and L. V. Moshkova that in Russia paper was used for writing manuscripts in the gasket *v prokladku* (i. e., when the same code was written partly on vellum, partly on paper) [Князевская, Мошкова; Kachtanov, 1992] as early as the 13th century.

In 1995, S. M. Kashtanov together with L. V. Stolyarova published an article on codicology of the Siya Gospel and established the circumstances

of the emergence of this oldest parchment of Moscow. The authors showed that the heretofore accreditation of the person who ordered this gospel, monk Ananias, with the Moscow Great Prince, Ivan Kalita, had no basis in documentation. They argued that the gospel first appeared in 1339 and indicated that the existing record for the Siya Gospel joined the other two, which included Praise of Kalita and some initial record, which appeared before the Praise [Каштанов, Столярова, 1995].

In the mid-1980s, and especially in the 1990s, Kashtanov worked intensively on studying the composition and features of the Russian diplomatic grand and royal charters from the Athos Monasteries in the 16th century, especially in preparation for the publication of “Greek” ambassadorial books, numbers 1 and 2. They offered a detailed study of the codicology and filigree of book, number 1, “Greek Affairs”, in which copies of letters to the Athos Monastery date back to the more or less the same time as the originals. Around the same time, he began exploring the codicological structure and features of the paper of the register book of St. Paul Obnorsk Monastery [Каштанов, 1997в; Каштанов, Столярова, 2002].

Historical Geography and Demography Works

Over the years Kashtanov productively deals with problems of historical geography. In 1963 he published a study on the earliest known Russian map of a piece of land (16th century) [Каштанов, 1963], which he discovered in the Collection of Manuscripts of Lenin State Library. In 1973, he completed a study of the origin of Russian land ownership in the Kazan region [Каштанов, 1973а]. Later the historian published a series of articles on the history of land tenure in Uglich and Sviyazhsky counties (1978). Studying fragments of the Trinity register books in the Pogodinskaya collection, number 1846, Kashtanov discovered a previously unknown excerpt, preserved by an ancient scribe’s description of Uglich County, namely of estates of the Trinity Lavra of St Sergius and St Nicholas Uleyminsky monasteries. The researcher determined that this excerpt was part of the books of Semyon Nikitich Buturlin, dating back presumably before June 1537, and he also determined the location of the places mentioned in the source [Каштанов, 1978б]. Kashtanov connected the emergence of scribal descriptions of Uglich County with the government policy of Elena Glinskaya’s regency period that imposed anti-feudal measures. Those could be caused by attempts to neutralize possible claims of Andrei Staritsky to bequeath, through appanage, to his brothers [Каштанов, 1978а]. In the same year, he prepared the publication of two charters, from 1572 and 1575, relating to Sviyazhsky district [Каштанов, 1978в]. His interest in the historical and geographical studies of the Kazan region developed in an article devoted to the localization of the islands of Korovnich and Iryhov (2001) [Каштанов, 2001б].

In the 1990s, the researcher’s fascination with historical geography resulted in a series of studies about the history of feudal tenure in Rostov

and Rostov district formation [Каштанов, Кириченко; Каштанов, 1994б; Каштанов, 1995в; Каштанов, 1996б]. Along with the study of the history of the Rostov land, Kashtanov turned to the historical geography of Murom and Dmitrov districts [Каштанов, 1994в; Каштанов, 1994е].

In 1997 he published an article on the route of British travelers in mid-16th century Russia from the place of their disembarkation from ships to Moscow. Using sources of the 16th–18th centuries, historical and geographical descriptions, the historian sets the distance between the points of spans and identifies place names, mentioned by the British. He managed to systematize information not only about the length of the spans on the way from Vologda to Moscow, according to Jenkinson, but also on geographical maps, by specifying the minimum and maximum difference between them. The researcher determined the speed at which Jenkinson moved during his 6-day journey from Vologda to Moscow and showed that the rate of Russian Yamskaya horse chase on a sled (75.6 km) is significantly inferior to the maximum speed in England (112.65 km) and in France (86.9–90.12 km per day) in the 16th century [Каштанов, 1997б].

In the late 1990s, Kashtanov continued his study of the history of monastic land tenure in Dmitrov district in the 15th–16th centuries. He studied the historical and geographical characteristics of the Trinity estates, as well as the possession of the Boris and Gleb Monastery (1997). He was able to specify the time of inclusion of some territories of Dmitrov into estates of both the Trinity Monastery and the Boris and Gleb Monastery and to identify the location of names appearing in the land acts and descriptions in the 15th–18th centuries [Каштанов, 1997а].

The technique of historical and geographical research S. M. Kashtanov developed provides a thorough study of the sources of different types and varieties: the acts, chronicles, materials of geographical descriptions in the second half of the 19th century (including the List of localities), geographical drawings, maps and atlases (from ordnance survey maps to modern ones). Meticulous measurements of the distances between the known geographic objects and items in need of scholarly localization collated from different sources, allow us to demonstrate the accuracy of their original position.

In the 1990s, Kashtanov turned to the study of historical demography. He became interested in the problem of population size and Russian troops in the 16th century and spoke against the tendency, existing in historiography, towards exaggeration. Based on the material of lists of noble families, cadastres and military registers, the researcher found that the population size in Russia at the beginning of the 16th century did not exceed 4.5 million. This conclusion was close to the observations made earlier by P. P. Smirnov, who wrote that Russia's population was 3 million, and by the beginning of the Time of Troubles, 4.5 million. Also the number of Russian troops, according to him, did not exceed 20 to 30 thousand in the 16th century (let us recall that, according to S. M. Seredonin, it was 75 thousand at the time, and according to estimates of R. G. Skrynnikov, 60–80 thousand) [Каштанов, 1991а; Каштанов, 1993а; Каштанов, 1995].

Problems of Other Ancillary Historical Disciplines: Genealogical, Sigillographic and Numismatic Research

A significant place in Kashtanov's work is devoted to the problems of ancillary historical disciplines. In connection with the investigation of the identification of signs of ancient letters, the most important of which are seals, and in response to the two-volume study of Russian documentary seals by V. L. Yanin, he published his thoughts about old sigillographic material (1974). Unlike Yanin, who maintained that the remaining without-bulla acts from the 11th–12th centuries “for the most part are the remains of numerous private acts” [Янин], Kashtanov supposed that the ancient seals were not always meant for acts. They could be used not only in documents, and, as, for example, in Hungary or the Czech Republic, were used to subpoena people [Каштанов, 1974а]. Later (1998) the researcher turned to the study of seals on the acts in the 16th century. For the first time in historiography, he gave a detailed description of the methods of attaching hanging seals with a cord to a document [Каштанов, 1998а].

In 1989, Kashtanov turned to the genealogy of Charles Tocco, “sestrichich” (nephew) of Vasily III. In the “Greek” ambassadorial book, number 1, there is a letter from “a despot Artsky and Serpsky”, Charles, to Moscow's Great Prince Vasily III, as a response to his last answer. He established the existence of kinship between the despot of Arta, Charles Tocco, and the Moscow grand house. He showed that the definition of “sestrichich” (nephew), in Charles's signature and address, was due to the fact that he happened to be a grandnephew of Sophia Palaeologus and, accordingly, the great-nephew (“sestrichich”) to her son Vasily III [Каштанов, 1989б]. In 1994, the study of genealogical problems connected with the study of the king's commemoration book in the “Greek” ambassadorial book, number 1, was continued in an article about Oda of Stade in connection with her marriage and progeny [Каштанов, 1994а]. In 1998, Kashtanov published an article on the time and circumstances of birth of the sons of Vasily Yaroslavich, Prince of Serpukhov-Borovsk [Каштанов, 1998б].

A year later, the specialist published an article on the classification of special historical disciplines, in which he identified three types. The first type was comprised of disciplines that have a certain homogeneous object of study (numismatics, notaphily); the second included disciplines that study a separate side of sources of different kinds and types (paleography, emblem study); and the third group included disciplines that study sources as such, and are based on a source, a range of issues, united by a single subject (chronology, genealogy). Kashtanov noticed that some disciplines fall, in fact, into some intermediate position. In particular, he showed how controversial the place of diplomatics among other ancillary disciplines is. Some researchers consider its objects of study to be “acts” or deeds, while others, “documents”, yet still others, all the written sources. In this case, the interpretation of the terms “act/deed” and “document” by different historians differ significantly [Каштанов, 1990а].

In the early 1990s S. M. Kashtanov turns to the study of numismatics. He is interested in the mysterious duty of sixty (*shest'desyat*), mentioned in the charters of the Ryazan princes of the 14th–15th centuries and wittily suggests that this duty is related to the transition of the 10-kun altyn into a 6-coins one (as a result of the influence of the Lithuanian bill on “kopas” – 60 being the basis of a counting system) [Каштанов, 1994д]. He also writes about “gold money” (*zoloty'e den'gi*) as a tax in the 16th century [Каштанов, 19956].

Coda

Research activities of S. M. Kashtanov are extremely diverse. His works contain many innovative ideas. Referring to the extensive analysis of deeds, the historian researched the history of feudal land ownership, inheritance, domestic trade and customs policy, as well as Russia's financial system in the 14th–16th centuries. S. M. Kashtanov was the first to identify the stages in the development of feudal immunity and immunity policy in the 16th century. He also showed how the struggle of the grand dukes (from 1547 on, tsars) within the specific system influenced the decline in feudal immunity. He demonstrated that the policy of Oprichnina was combined with the extension of taxation and financial rights of monasteries and denial of the interests of cities. The researcher believed that it significantly distinguished it from government policy of the Izbrannaya Rada, when dwellers of the “white” regions of Russia (*belomesy'*) were equalized with trading quarters (*Posady'*) in the tax and judicial relations and lost their rights to privileged trade. Additionally, he saw the roots of Oprichnina terror in Ivan IV Vasilyevich's aim to prevent the collapse of the state.

Kashtanov gave fundamentally new definitions to the notions of “property”, “ownership” and “use” (now accepted in historiography and applied to the analysis of social relations in other countries and in other historical periods). Doing research in the field of social terminology, he traced the spread of the terms *siroty'* and *krest'yane* and concluded that the latter was not used socially until late 14th century.

The historian defined “authenticity” and “credibility” for historical sources by introducing a clear distinction between them and the understanding of the first as the real origin of the document from the author, and of the second as the extent to which the facts stated in the source are matched with objective reality. Kashtanov developed an original classification scheme of historical sources according to their types and varieties. He published papers on the history of falsification of different types of sources in medieval Russia and in the West, on medieval methods of combating fraud and punishing forgers.

The researcher first produced a textual study of forms of charters from the 15th–16th centuries. He highlighted the theoretical foundations of diplomatics, the history of its origin in the West and its development in Russia.

He developed an original method for the analysis of diplomatic acts, where the origin of each act is regarded as a fact of the particular policy in a particular region. S. M. Kashtanov first introduced the distinction of four basic types of act forms (individual, group, abstract, conditional). The historian introduced the concepts of the “inner form”, “external form”, “domestic content” and “external content” of an act, which are widely used in modern historiography. He developed a new methodology for analyzing watermarked paper, based on measurements of distances of different parts of the filigree to the next laid line – “Tracing Trinity register books of the 16th century (Pogodinsky collection of 1846 and the archive of the Trinity-Sergius Monastery)” [Печень актов]. Matching schemes of agreements between Russian princes with Byzantium in the 10th century with the schemes of Byzantine-Italian acts in the 10th–12th centuries, Kashtanov reconstructed the procedure to conclude the former and demonstrated unarguably the influence of Byzantine office work on Russian-Byzantine treaties of the 10th century. Simultaneously with Ya. Malingudi, he concluded that the texts of the Russian-Byzantine treaties, which were part of the Primary Chronicle, are a translation from Byzantine register books of non-office origin. Researching and publishing the letters sent in the 16th century to Mount Athos, to Sinai, to Serbia and to Ecumenical Patriarchs, the historian studied the evolution of the structure of the initial and final reports of these acts. He demonstrated that both the title of a Russian tsar, and the final minutes of acts in the 16th century reveal that Moscow’s political role in international politics became more and more evident and pronounced.

The scale S. M. Kashtanov’s research is amazing. It seems that what he did and achieved in scholarship, including the diversity and complexity of the issues, the chronological order and “territorial” scope of his work, his deep and accurate conclusions, could only be matched by the work of a whole research institute. Above all, what should be noted is his abundance of new ideas, whose implementation could take the lifetime of not a single human being but dozens of them. Incredibly hard work, passion for his research, virtuosity and an enormous natural talent characterize Kashtanov as a historian.

Список литературы

Горская Н. А., Каштанов С. М., Сванидзе А. А., Юргинис Ю. М. XIII исследовательская «неделя» Международного института Франческо Датини в Прато // Средние века. Вып. 48. М., 1985. С 364–370.

Горская Н. А., Каштанов С. М., Сванидзе А. А., Юргинис Ю. М. XIII неделя экономической истории в Прато // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 153–157.

Жуковская Л. П. О значении исследования понтюзо и некоторые другие вопросы филиграноведения // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 64–76. ИСССР. 1981. № 6. С. 209.

Каштанов С. М. Актовая археография. М., 1998а. 318 с.

[Каштанов С. М.] Александр Александрович Зимин // Вопросы истории. 1980а. № 4. С. 189.

Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог // ИСССР. 1980б. № 6. С. 152–157.

Каишанов С. М. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М., 2000а. С. 7–53.

Каишанов С. М. Александр Александрович Зимин. Штрихи к портрету // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999а.

Каишанов С. М. Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978а. С. 204–219.

Каишанов С. М. Была ли Ода Штаденская женой в. кн. Святослава Ярославича? // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994а. С. 16–18.

Каишанов С. М. Влияние крестьянской реформы на развитие источниковедческой мысли в России // Вопросы историографии и источниковедения. Сб. 4. Казань, 1969. С. 46–61.

Каишанов С. М. Внутренняя торговля и спрос крупных землевладельцев на предметы потребления в XIV–XV вв. // ИСССР. 1977а. № 1. С. 144–160.

Каишанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае (документы) // Из истории Татарии. Казань, 1973а. С. 3–35.

Каишанов С. М. Древнерусские печати: Размышления по поводу книги В. Л. Янина // ИСССР. 1974а. № 3. С. 176–183.

Каишанов С. М. Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999б. С. 21–45.

Каишанов С. М. Иван Грозный и Ростов // История и культура Ростовской земли. 1993. Ростов, 1994б. С. 67–79.

Каишанов С. М. Известие о Засечном приказе XVI в. // Вопросы истории. 1968а. № 7. С. 204.

Каишанов С. М. Изучение социальной и внутривластной истории России периода феодализма во Франции в 1960–1964 гг. // ИСССР. 1966а. № 3. С. 189–203.

Каишанов С. М. Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии (предварительные заметки) // История среди историков. 2001а. С. 135–158.

Каишанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. 674 с.

Каишанов С. М. Историко-географический комментарий к выписи из писцовых книг Угличского уезда 1536–1537 гг. // Историография и источниковедение северного крестьянства СССР. Вологда, 1978б. С. 24–33.

Каишанов С. М. Исторические параллели: Иван III и Карл Мартелл // Россия в X–XVIII веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1995а. С. 180–181.

Каишанов С. М. Источниковедческие основы компаративного метода в истории // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996а. С. 30–35.

Каишанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // ИСССР. 1985. № 4. С. 118–136.

Каишанов С. М. К вопросу о «золотых деньгах» как налоге в XVI в. // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Ч. 1. М., 1995б. С. 187–189.

Каишанов С. М. К вопросу о жалованных грамотах Дмитровскому Борисоглебскому монастырю и его землевладении в XV–XVI вв. // Чтения, посвящ. 840-летию Дмитрова. Дмитров, 1994в. С. 21–31.

Каишанов С. М. К вопросу о классификации вспомогательных исторических дисциплин // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990а. С. 76.

Каишанов С. М. К вопросу о понятии «достоверность» в применении к активным источникам // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина. Ч. 1. М., 1990б. С. 103–106.

Каишанов С. М. К вопросу о сыновьях боровско-серпуховского князя Василия Ярославича // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998б. С. 122–125.

Каишанов С. М. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья. Ч. 1 // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989а. С. 25–30.

Каишанов С. М. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990в. С. 50–54.

Каишанов С. М. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992а. С. 34–40.

Каштанов С. М. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья. Ч. 4 // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994г. С. 33–41.

Каштанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991а. С. 112–115.

Каштанов С. М. К изучению Казанской топографии (острова Коровнич и Ирыхов) // Великий Волжский путь. Казань, 2001б. С. 293–307.

Каштанов С. М. К истории денежного счета средневековой Руси // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994д. С. 78–81.

Каштанов С. М. К истории монастырского землевладения в Дмитровском уделе в XV–XVI вв. // Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997а. С. 227–247.

Каштанов С. М. К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: Жалованные грамоты 1572–1575 гг. // Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования. Казань, 1978в. С. 132–142.

Каштанов С. М. К истории феодального землевладения и иммунитета в Муромском крае в XV в. // Уваровские чтения – II. М., 1994е. С. 103–113.

Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России [Ч. 1] // История и историки. Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965а. С. 270–312.

Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России [Ч. 2] // История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973б. С. 126–141.

Каштанов С. М. К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника судьбы. М., 2001в. С. 158–168.

Каштанов С. М. Комментарии к двадцать девятому тому «Истории России с древнейших времен» // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966б. Кн. 15 (Т. 29). С. 278–298 (2-е изд.: М., 1995. С. 265–283).

Каштанов С. М. Комментарии к двадцать пятому и двадцать шестому томам «Истории России с древнейших времен» // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965б. Кн. 13 (Т. 25–26). С. 596–619 (2-е изд.: М., 1994. С. 568–587).

Каштанов С. М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Записки ОР ГБЛ. Вып. 18. М., 1956. С. 3–47.

Каштанов С. М. Корпоративный состав русского войска в XVI в. // Российское государство XVII – начала XX в.: Экономика, политика, культура. Екатеринбург, 1993а. С. 73–75.

Каштанов С. М. Кто был Карл, «сестричич» Василия III? // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989б. С. 22–26.

Каштанов С. М. Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978г. С. 378–380.

Каштанов С. М. Местное управление и феодальное землевладение в России XIV века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000б. С. 297–306.

Каштанов С. М. На путях к Москве // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997б. С. 107–119.

Каштанов С. М. О наказании фальсификаторов в средние века и раннее новое время на Западе и в России // Россия и мировая цивилизация: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова. М., 2000в. С. 105–123.

Каштанов С. М. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991б. С. 24–41.

Каштанов С. М. О типе Русского государства XIV–XVI вв. // Чтения памяти В. Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992б. С. 85–92.

Каштанов С. М. Общие тенденции документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999в. С. 100–110.

Каштанов С. М. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // ИСССР. 1986. № 6. С. 40–60.

Каштанов С. М. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства // Исторические записки. М., 1961. Т. 70. С. 251–275.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов С. М. Палеография жалованных грамот XVI в. // Конференция по истории средневековой письменности и книги. Ереван, 1977б. С. 37.

Каишанов С. М. Письмо французских королевских актов XII – первой трети XIII в. (О книге Франсуази Гаспарри) // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974б. С. 306–318.

Каишанов С. М. По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). [Ч. 1] // Записки ОР ГБЛ. М., 1977в. Вып. 38. С. 30–63.

Каишанов С. М. По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). [Ч. 2] // Записки ОР ГБЛ. М., 1979. Вып. 40. С. 4–58.

Каишанов С. М. По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). [Ч. 3] // Записки ОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 5–63.

Каишанов С. М. По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). [Ч. 4] // Записки ОР ГБЛ. М., 1982а. Вып. 43. С. 4–37.

Каишанов С. М. Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки. 1974. М., 1976. С. 148–188.

Каишанов С. М. Роль Судебника 1497 г. в истории российского законодательства // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000г. С. 32–51.

Каишанов С. М. Россия // История Европы. Т. 3. М., 1993б. С. 118–138.

Каишанов С. М. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 291–295.

Каишанов С. М. Ростовский уезд при Василии III // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, 1995в. С. 59–67.

Каишанов С. М. Современные проблемы европейской дипломатики // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982б. С. 26–51.

Каишанов С. М. Творческое наследие С. В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: (К 100-летию со дня рождения) // ИСССР. 1982в. № 6. С. 110–123.

Каишанов С. М. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982г. С. 77–89.

Каишанов С. М. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Исторические записки. Т. 82. М., 1968б. С. 243–272.

Каишанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982д. 173–189.

Каишанов С. М. Финансы [второй половины XVI в.] // Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV – начало XVII в. М., 1955а. Гл. 2. § 10, г. С. 343–349.

Каишанов С. М. Финансы [первой половины XVI в.] // Очерки истории СССР: Период феодализма, конец XV – начало XVII в. М., 1955б. Гл. 1. § 4, д. С. 139–147.

Каишанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 5.

Каишанов С. М. Формирование Ростовского уезда в XV–XVI вв. Ч. 1: Рождественский стан // История и культура Ростовской земли. 1995. Ростов, 1996б. С. 8–16.

Каишанов С. М. Церковная юрисдикция в конце XIV – начале XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990г. С. 151–163.

Каишанов С. М. Чертеж земельного участка XVI в. // Труды МГИАИ. Т. 17. М., 1963. С. 429–436.

Каишанов С. М. Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и христианский Восток. Вып. 1. М., 1997в. С. 105–134.

Каишанов С. М., Кириченко Л. А. К истории феодального землевладения в Ростовском уезде в XVI в.: Две указные грамоты 1537 г. о городской повинности крестьян села Гусарникова // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 128–147.

Каишанов С. М., Клокман Ю. Р. Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX в. // ИСССР. 1967. № 5. С. 156–177.

Каишанов С. М., Котельникова Л. А. Проблемы медиевистики на VI Международной конференции по экономической истории в Прато // Средние века. Вып. 39. М., 1975а. С. 262–265.

Каишанов С. М., Котельникова Л. А. VI Международная конференция по эконо-

мической истории (Спрос и потребление: их уровень и структура в XIII–XVIII вв.) // Вестник АН СССР. М., 1974. № 10. С. 84–86.

Каштанов С. М., Котельникова Л. А. VI «неделя» Международного института экономической истории в Прато // Вопросы истории. 1975б. № 2. С. 166–171.

Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173–186.

Каштанов С. М., Литвин А. Л. К проблеме достоверности исторических источников // Из истории Татари: Краеведческий сборник. Казань, 1965. С. 297–318.

Каштанов С. М., Столярова Л. В. Еще раз о дате так называемого «Сийского» евангелия // Сообщения Ростовского музея. Вып. 8. Ростов, 1995. С. 3–48.

Каштанов С. М., Столярова Л. В. Копийная книга актов Павло-Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002.

Каштанов С. М., Чернобаев А. А. Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 5. М., 1998. С. 133–148.

Князевская О. А., Мошкова Л. В. Древние славяно-русские рукописи в Центральном государственном архиве древних актов СССР // Russian linguistics. 1987. Vol. 11. № 2–3. P. 206.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 575–655, 657–668.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 565–577, 615–628.

Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря: 1505–1537. М., 2007.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970. С. 157.

Kashtanov S. M. Le papier occidental en Russie du XIVe au XVIe siècle: Les voies de la penetration et sa typologie // Produzione e commercio della carta e del libro. Secc. XIII–XVIII: Atti della “Ventitreesima Settimana di Studi”. Prato, 1992. P. 251–267.

Kashtanov S. M. Systeme de l'administration locale en Russie // Actes du XIe Colloque des historiens francais et sovietiques (18–21 septembre 1989). T. 1: L'administration locale et le pouvoir central en France et Russie (XIIIe–XVe siècle). 1989. P. 165–176.

Kashtanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Rublands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 321–346.

Kashtanov S. M. La demande des grands proprietaires fonciers en objets de consommation en Russie du XIVe au xv siècle // Domanda e consumi. Livelli e strutture (nei secoli XIII–XVIII). Atti della “Sesta settimana di studio”. Firenze, 1978. P. 81–91.

Kashtanov S., Vodoff V. Necrologie: L. V. Tcherepnin (1905–1977) // Le Moyen Age: Revue d'Historie et de Philologie. Bruxelles, 1978. Vol. 84 (4e serie Vol. 33), № 2. P. 393–396.

Kashtanov S. M. Die Gerichts- und Finanzpolitik zu Beginn der Regierung “Auserwählten Rates” (Izbrannaja Rada) // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B. [West]. 1986a. Bd. 38. S. 185–204.

Kashtanov S. M. Zum Herkunftsproblem des Begriffes Krestjane // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von G. Stokl. Stuttgart, 1986b. S. 188–219.

References

Gorskaya, N. A., Kashtanov, S. M., Svanidze, A. A. & Yurginis, Yu. M. (1985). XIII issledovatel'skaya “nedelya” Mezhdunarodnogo instituta Franchesko Datini v Prato [13th research “week” of the International institute of Francesco Datini in Prato]. In *Srednie veka*. (Iss. 48, pp. 364–370). Moscow.

Gorskaya, N. A., Kashtanov, S. M., Svanidze, A. A. & Yurginis, Yu. M. (1982). XIII nedelya e'konomicheskoy istorii v Prato [13th week of economic history in Prato]. *Voprosy' istorii*, 10, 153–157.

ISSR [History of USSR]. (1981). (Vol. 6, p. 209).

Kashtanov, S. M. (1989). Systeme de l'administration locale en Russie. In *Actes du XIe Colloque des historiens francais et sovietiques* (18–21 septembre 1989). Vol. 1: L'administration locale et le pouvoir central en France et Russie (XIIIe–XVe siècle) (pp. 165–176).

Kashtanov, S. M. (1992). Le papier occidental en Russie du XIVe au XVIe siècle: Les voies de la penetration et sa typologie. In *Produzione e commercio della carta e del libro. Secc. XIII–XVIII: Atti della “Ventitreesima Settimana di Studi”* (pp. 251–267). Prato.

Kachtanov, S. M. (1995). Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Rublands im 16. Jahrhundert. In *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. (Bd. 43. Hf. 3. S. 321–346). Wiesbaden.

Kashtanov S. M. (1978). La demande des grands propriétaires fonciers en objets de consommation en Russie du XIVe au XVe siècle // Domanda e consumi. Livelli e strutture (nei secoli XIII–XVIII). Atti della “Sesta settimana di studio” (pp. 81–91). Firenze.

Kashtanov, S. & Vodoff V. (1978). Necrologie: L. V. Tcherepnin (1905–1977). In *Le Moyen Age: Revue d'Historie et de Philologie. Bruxelles* (Vol. 84 (4e serie: Vol. 33), No. 2, pp. 393–396).

Kashtanov, S. M. (1955). Finansy' [pervoj poloviny' XVI v.] [Finance [the 1st half of the 16th century]]. In *Ocherki istorii SSSR: Period feodalizma, konec – nachalo v.* (Ch. 1, sec. 4, pp. 139–147). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1955). Finansy' [vtoroj poloviny' XVI v.] [Finance [the 2nd half of the 16th century]]. In *Ocherki istorii SSSR: Period feodalizma, konec – nachalo v.* (Ch. 2, sec. 10, pp. 343–349). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1956). Kopijny'e knigi Troice-Sergieva monasty'rya XVI v. [Register books of the Trinity Lavra of St. Sergius of the 16th century]. In *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V. I. Lenina*. (Vol. 18, pp. 3–47). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1961). Otrazhenie v zhalovanny'h i ukazny'h gramotah finansovoj sistemy' Russkogo gosudarstva [Reflection on grant and ukaz charters of the financial system of the Russian state]. In *Istoricheskie zapiski*. (Vol. 70, pp. 251–275).

Kashtanov, S. M. (1963). Chertezh zemel'nogo uchastka XVI v. [A draft of a land lot of the 16th century.]. In *Trudy' MGIAI*. (Vol. 17, pp. 429–436). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1965). K istoriografii krepostnogo prava v Rossii [Part 1] [On the historiography serfdom in Russia]. In *Istoriya i istoriki. Istoriografiya istorii SSSR* (pp. 270–312). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1965). Kommentarii k dvadcat' pyatomu i dvadcat' shestomu tomam «Istorii Rossii s drevnejshih vremen» [Comments to the twenty fifth volume of “A history of Russia since the Ancient Times”]. In *Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* (Bk. 13 (Vol. 25–26), pp. 596–619). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1966). Izuchenie social'noj i vnutripoliticheskoj istorii Rossii perioda feodalizma vo Francii v 1960–1964 gg. [Studying of the social and internal political history of Russia of the period of feudalism in France in 1960–1964.]. *ISSSR*, 3, 189–203.

Kashtanov, S. M. (1966). Kommentarii k dvadcat' devyatomu tomu «Istorii Rossii s drevnejshih vremen» [Comments to the twenty ninth volume “History of Russia since the Ancient Times”]. In *Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen*. (Bk. 15 (Vol. 29), pp. 278–298). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1968). Finansovaya problema v period provedeniya Ivanom Grozny'm politiki «udela» [Financial problem during the policy of “domain” by Ivan the Terrible]. In *Istoricheskie zapiski* (Vol. 82, pp. 243–272).

Kashtanov, S. M. (1968). Izvestie o Zasechnom prikaze XVI v. [News of the Zasechny order of the 16th century]. *Voprosy' istorii*, 7, 204.

Kashtanov, S. M. (1969). Vliyanie krest'yanskoj reformy' na razvitie istochnikovedcheskoj my'sli v Rossii [The influence of the peasant reform on the development of source study thought in Russia]. In *Voprosy' istoriografii i istochnikovedeniya*. (Vol. 4, pp. 46–61). Kazan.

Kashtanov, S. M. (1970). *Ocherki russkoj diplomatiki* [Essays on Russian diplomatics]. Moscow.

Kashtanov, S. M. (1973). K istoriografii krepostnogo prava v Rossii [Part 2] [On the historiography serfdom in Russia]. In *Istoriya i istoriki: Istoriograficheskij ezhegodnik* (pp. 126–141). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1973). Vozniknovenie russkogo zemlevladieniya v Kazanskom krae (dokumenty') [The emergence of the Russian land tenure in Kazan region (documents)]. In *Iz istorii Tatarii*. Kazan.

Kashtanov, S. M. (1974). Drevnerusskie pechati: (Razmy'shleniya po povodu knigi V. L. Yanina) [Old Russian seals: (Reflections concerning the book V. L. Yanina)]. *ISSSR*, 3, 176–183.

Kashtanov, S. M. (1974). Pis'mo francuzskih korolevskih aktov XII – pervoj treti XIII v. (O knige Fransuazy' Gasparri) [The letter of the French royal acts of 12th – the first third of the 13th century. (About Francois Gasparri's book)]. In *Problemy' paleografii i kodikologii v SSSR* (pp. 306–318). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1975). Rost gosudarstvenny'h povinnostej vo vtoroj polovine XVI v. [The growth of the state duties in the 2nd half of the 16th century]. In *Obshestvo i gosudarstvo feodal'noj Rossii* (pp. 291–295). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1976). Rannyya sovetskaya istoriografiya feodal'nogo immuniteta v Rossii [Early Soviet historiography of feudal immunity in Russia]. In *Istoriya i istoriki. 1974* (pp. 148–188). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1977). Paleografiya zhalovanny'h gramot XVI v. [Paleography of grant-charters of the 16th century]. In *Konferenciya po istorii srednevekovoj pis'mennosti i knigi* (p. 37). Erevan.

Kashtanov, S. M. (1977). Po sledam Troiczkih kopijny'h knig XVI v. (Pogodinskij sbornik 1846 i arhiv Troice-Sergieva monasty'rya). Part 1 [In the wake of Troitsk register books of the 16th century (Pogodinsky collection 1846 and the archive of the Trinity Lavra of St. Sergius)]. In *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V. I. Lenina*. (Vol. 38, pp. 30–63). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1977). Vnutrennyaya trgovlya i spros krupny'h zemlevladel'cev na predmety' potrebleniya v XIV–XV vv. [Domestic trade and demand of large landowners for consumer goods in the 14th–15th centuries.]. *ISSSR, 1*, 144–160.

Kashtanov, S. M. (1978). Bor'ba za Uglich i drevnejšie piscovy'e opisaniya Uglichskogo uezda [Fight for Uglich and the most ancient scribe descriptions of Uglich district]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* (pp. 204–219). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1978). Istoriko-geograficheskij kommentarij k vy'pisi iz piscovy'h knig Uglichskogo uezda 1536–1537 gg. [The historical and geographical comment to excerpt from the scribe books of Uglich district of 1536–1537]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie severnogo krest'yanstva SSSR* (pp. 24–33). Vologda.

Kashtanov, S. M. (1978). K istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Sviyazhskom uezde v 70-h godah XVI v.: (Zhalovanny'e gramoty' 1572–1575 gg.) [On the history of feudal land tenure in Sviyazhsk district in the 1570s: (Grant-charters of 1572–1575)]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie: Voprosy' metodiki issledovaniya* (pp. 132–142). Kazan.

Kashtanov, S. M. (1978). Lev Vladimirovich Cherepnin (1905–1977) [Lev Vladimirovich Cherepnin (1905–1977)]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1977 god*. (pp. 378–380). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1979). Po sledam Troiczkih kopijny'h knig XVI v. (Pogodinskij sbornik 1846 i arhiv Troice-Sergieva monasty'rya). Part 2 [In the wake of Troitsk register books of the 16th century (Pogodinsky collection 1846 and the archive of the Trinity Lavra of St. Sergius)]. In *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V. I. Lenina*. (Vol. 40, pp. 4–58). Moscow.

[Kashtanov, S. M.] (1980). Aleksandr Aleksandrovich Zimin [Aleksandr Aleksandrovich Zimin]. *Voprosy' istorii, 4*, 189.

Kashtanov, S. M. (1980). Aleksandr Aleksandrovich Zimin – issledovatel' i pedagog [Aleksandr Aleksandrovich Zimin – a researcher and teacher]. *ISSSR, 6*, 152–157.

Kashtanov, S. M. (1981). Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980) [Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980)]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1980 god* (pp. 357–358). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1981). Po sledam Troiczkih kopijny'h knig XVI v. (Pogodinskij sbornik 1846 i arhiv Troice-Sergieva monasty'rya). Part 3 [In the wake of Troitsk register books of the 16th century (Pogodinsky collection 1846 and the archive of the Trinity Lavra of St. Sergius)]. In *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V. I. Lenina*. (Vol. 42, pp. 5–63). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1982). Finansovaya politika perioda oprichniny' [Financial policy of the period of oprichnina]. In *Rossiya na putyah centralizacii* (pp. 77–89). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1982). Finansovoe ustrojstvo Moskovskogo knyazhestva v seredine XIV v. po danny'm duhovny'h gramot [The financial structure of the Moscow principality in the mid-14th century according to spiritual charters]. In *Issledovaniya po istorii i istoriografii feodalizma* (pp. 173–189). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1982). Po sledam Troiczkih kopijny'h knig XVI v. (Pogodinskij sbornik 1846 i arhiv Troice-Sergieva monasty'rya). Part 4 [In the wake of Troitsk register books of the 16th century (Pogodinsky collection 1846 and the archive of the Trinity Lavra of St. Sergius)]. In *Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki im. V. I. Lenina*. (Vol. 43, pp. 4–37). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1982). Sovremenny'e problemy' evropejskoj diplomatiki [Modern problems of European diplomatics]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1981 god* (pp. 26–51). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1982). Tvorcheskoe nasledie S. V. Bahrushina i ego znachenie dlya sovetskoj istoricheskoj nauki: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Creative heritage of S. V. Bakhrushin and his value for the Soviet historical science: (To the 100th-birthday anniversary)]. *ISSSR*, 6, 110–123.

Kashtanov, S. M. (1985). Itogi finansovoj politiki v Russkom gosudarstve k seredine XVI v. [Results of financial policy in the Russian state by the mid-16th century]. *ISSSR*, 4, 118–136.

Kashtanov, S. M. (1986). Die Gerichts- und Finanzpolitik zu Beginn der Regierung „Auserwählten Rates“ (Izbrannaja Rada). In *Forschungen zur osteuropaischen Geschichte*. B. [West]. (Bd. 38. S. 185–204).

Kashtanov, S. M. (1986). Otmena tarhanov v Rossii v seredine XVI v. [The abolition of tarkhans in Russia in the mid-16th century]. *Istoriya SSSR*, 6, 40–60.

Kashtanov, S. M. (1986). Zum Herkunftsproblem des Begriffes Krest'jane. In *Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen: Festschrift zum 70. Geburtstag von G. Stokl* (s. 188–219). Stuttgart.

Kashtanov, S. M. (1988). *Finansy' srednevekovoj Rusi* [Finances of medieval Russia] (p. 5). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1989). K voprosu o tipologii fal'sifikacij istochnikov e'pohi srednevekov'ya [On the typology of falsifications of sources of the Middle Ages. Part 1]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1988 god* (pp. 25–30). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1989). Kto by'l Karl, «sestrichich» Vasiliya III? [Who was Charles, “sestrichich” of Vasilii III?]. In *Genealogiya: Istochniki. Problemy'. Metody' issledovaniya* (pp. 22–26). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1990). Cerkovnaya yurisdikciya v konce XIV – nachale XVI v. [Church jurisdiction at the end of 14th – early 16th century]. In *Cerkov', obshhestvo i gosudarstvo v feodal'noj Rossii* (pp. 151–163). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1990). K voprosu o klassifikacii vspomogatel'ny'h istoricheskikh disciplin [On the classification of auxiliary historical disciplines]. In *Perestrojka v istoricheskoj nauke i problemy' istochnikovedeniya i special'ny'h istoricheskikh discipline* (p. 76). Kiev.

Kashtanov, S. M. (1990). K voprosu o ponyatii «dostovernost'» v primenenii k aktovy'm istochnikam [On the concept “reliability” of application to act sources]. In *Spornye voprosy' otechestvennoj istorii XI–XVIII vekov*. (Part 1, pp. 103–106). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1990). K voprosu o tipologii fal'sifikacij istochnikov e'pohi srednevekov'ya [On the typology of falsifications of sources of the Middle Ages. Part 2]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1989 god* (pp. 50–54). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1991). K voprosu o chislennosti russkogo vojska i narodonaseleniya v XVI v. [On the number of the Russian army and the population in the 16th century]. In *Realizm istoricheskogo my'shleniya: Problemy' otechestvennoj istorii perioda feodalizma* (pp. 112–115). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1991). O podlinnosti i dostovernosti aktovy'h istochnikov [About the authenticity and reliability of assembly sources]. In *O podlinnosti i dostovernosti istoricheskogo istochnika* (pp. 24–41). Kazan.

Kashtanov, S. M. (1992). K voprosu o tipologii fal'sifikacij istochnikov e'pohi srednevekov'ya [On the typology of falsifications of sources of the Middle Ages. Part 3]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1990 god* (pp. 34–40). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1992). O tipe Russkogo gosudarstva XIV–XVI vv. [On the type of the Russian state of the 14th–16th centuries]. In *Chteniya pamyati V. B. Kobrina: Problemy' otechestvennoj istorii i kul'tury' perioda feodalizma* (pp. 85–92). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1993). Korporativny'j sostav russkogo vojska v XVI v. [Corporate structure of the Russian army in the 16th century]. In *Rossijskoe gosudarstvo XVII – nachala XX v.: E'konomika, politika, kul'tura* (pp. 73–75). Yekaterinburg.

Kashtanov, S. M. (1993). Rossiya [Russia]. In *Istoriya Evropy'* (Vol. 3, pp. 118–138). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1994). By'la li Oda Shtadenskaya zhenoj v. kn. Svyatoslava Yaroslavicha? [Was Oda Shtadenskaya wife of Svyatoslav Yaroslavich?]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* (pp. 16–18). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1994). Ivan Grozny'j i Rostov [Ivan the Terrible and Rostov]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 1993* (pp. 67–79). Rostov.

Kashtanov, S. M. (1994). K istorii denezhnogo scheta srednevekovoj Rusi [To the history of the monetary account of medieval Russia]. In *Vspomogatel'ny'e istoricheskie dissipliny': Vysshaya shkola, issledovatel'skaya deyatel'nost', obshhestvenny'e organizacii* (pp. 78–81). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1994). K istorii feodal'nogo zemlevladieniya i immuniteta v Muromskom krae v XV v. [To the history of feudal land tenure and immunity in Murom region in the 15th century]. In *Uvarovskie chteniya – II* (pp. 103–113). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1994). K voprosu o tipologii fal'sifikacij istochnikov e'pohi srednevekov'ya [On the typology of falsifications of sources of the Middle Ages. Part 4]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1991 god* (pp. 33–41). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1994). K voprosu o zhalovanny'h gramotah Dmitrovskomu Borisoglebskomu monasty'ryu i ego zemlevladienii v XV–XVI vv. [Revisiting the grant-charters to Dmitrovsky Borisoglebsky Monastery and its land tenure in the 15th–16th centuries.]. In *Chteniya, posvyashh. 840-letiyu Dmitrova* (pp. 21–31). Dmitrov.

Kashtanov, S. M. (1995). Istoricheskie paralleli: Ivan III i Karl Martell [Parallels in history: Ivan III and Karl Martell]. In *Rossiya v X–XVIII vekah: Problemy' istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* (pp. 180–181). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1995). K voprosu o «zoloty'h den'gah» kak naloge v XVI v. [On the “gold money” as a tax in the 16th century]. In *Rossiya v X–XVIII vv.: Problemy' istorii i istochnikovedeniya*. (Part 1, pp. 187–189). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1995). Rostovskij uезд pri Vasilii III [Rostov district under Vasili III]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 1994* (pp. 59–67). Rostov.

Kashtanov, S. M. (1996). Formirovanie Rostovskogo uезда v XV–XVI vv. Ch. 1: Rozhdestvenskij stan [Formation of Rostov district in the 15th–16th centuries. Part 1: Christmas camp]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 1995* (pp. 8–16). Rostov.

Kashtanov, S. M. (1996). Istochnikovedcheskie osnovy' komparativnogo metoda v istorii [Source study bases of the comparative method in history]. In *Istochnikovedenie i komparativny'j metod v gumanitarnom znanii* (pp. 30–35). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1997). E'voluciya velikoknyazheskogo i czarskogo titula v gramotah afonskim monasty'ryam XVI v. [Evolution of the grand princely and tsars' title in charters to Athos monasteries of the 16th century]. In *Rossiya i hristianskij Vostok*. (Vol. 1, pp. 105–134). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1997). K istorii monasty'rskogo zemlevladieniya v Dmitrovskom udele v XV–XVI vv. [On the history of monastic land tenure in Dmitrovsky domain in the 15th–16th centuries]. In *Moskovskaya Rus' (1359–1584): Kul'tura i istoricheskoe samosoznanie* (pp. 227–247). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1997). Na putyah k Moskve [On the way to Moscow]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1997 god* (pp. 107–119). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1998). *Aktovaya arheografiya* [Act archaeography]. 318 p. Moscow.

Kashtanov, S. M. (1998). K voprosu o sy'nov'yah borovsko-serpuhovskogo knyazya Vasiliya Yaroslavicha [On the sons of the Bohr and Serpukhov prince Vasili Yaroslavich]. In *Istoricheskaya antropologiya: Mesto v sisteme social'ny'h nauk, istochniki i metody' interpretacii* (pp. 122–125). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1999). Aleksandr Aleksandrovich Zimin. Shtrihi k portretu [Alexander Aleksandrovich Zimin. Strokes of a portrait]. In *Rossiya v IX–XX vekah: Problemy' istorii, istoriografii i istochnikovedeniya*. Moscow.

Kashtanov, S. M. (1999). Obshhie tendencii dokumentirovaniya v kancelyariyah srednevekovoj Rusi [The general tendencies of documenting in offices of medieval Russia]. In *Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive: K 80-letiyu V. T. Pashuto* (pp. 100–110). Moscow.

Kashtanov, S. M. (1999). Zhalovanny'e akty' na Rusi XII–XIV vv. [Grand-charters in Russia the 12th–14th centuries.]. In *Srednevekovaya Rus'*. (Vol. 2, pp. 21–45). Moscow.

Kashtanov, S. M. (2000). Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980) [Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980)]. In *Aleksandr Aleksandrovich Zimin: Biobibliograficheskij ukazatel'* (pp. 7–53). Moscow.

Kashtanov, S. M. (2000). Mestnoe upravlenie i feodal'noe zemlevladienie v Rossii XIV veka [Local management and feudal land tenure in Russia the 14th century]. In *Problemy' istorii, russkoj knizhnosti, kul'tury' i obshhestvennogo soznaniya* (pp. 297–306). Novosibirsk.

Kashtanov, S. M. (2000). O nakazanii fal'sifikatorov v srednie veka i rannee novoe vremya na Zapade i v Rossii [On punishment of falsifiers in the Middle Ages and early modern times in the West and in Russia]. In *Rossiya i mirovaya civilizaciya: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN A. N. Saharova* (pp. 105–123). Moscow.

Kashtanov, S. M. (2000). Rol' Sudebnika 1497 g. v istorii rossijskogo zakonodatel'stva [The role of the *Sudebnik* (Code of laws) of 1497 in the history of the Russian legislation]. In *Sudebnik 1497 g. v kontekste istorii rossijskogo i zarubezhnogo prava XI–XIX vv.* (pp. 32–51). Moscow.

Kashtanov, S. M. (2001). Instituty' gosudarstvennoj vlasti Velikogo Novgoroda i Pskova v svete nemeckoj srednevekovoj terminologii (predvaritel'ny'e zametki) [Institutes of the government of Veliky Novgorod and Pskov in the light of the German medieval terminology (preliminary notes)]. In *Istoriik sredi istorikov* (pp. 135–158).

Kashtanov, S. M. (2001). K izucheniyu Kazanskoy topografii (ostrova Korovnich i Irykhov) [On studying the Kazan topography (islands Korovnich and Irykhov)]. In *Velikij Volzhskij put'* (pp. 293–307). Kazan.

Kashtanov, S. M. (2001). K teorii i praktike sravnitel'nogo istochnikovedeniya [On the theory and practice of a comparative source study]. In *Norna u istochnika sud'by'* (pp. 158–168). Moscow.

Kashtanov, S. M. (2014). *Issledovaniya po istorii knyazheskih kancelyarij srednevekovoj Rusi* [Research on the history of princely offices of medieval Russia]. Moscow.

Kashtanov, S. M. & Chernobaev, A. A. (1998). Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980) [Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980)]. In *Istoriiki Rossii XVIII–XX vekov*. (Vol. 5, pp. 133–148). Moscow.

Kashtanov, S. M. & Klokman, Yu. R. (1967). Sovetskaya literatura 1965–1966 gg. po istorii Rossii do XIX v. [The Soviet literature of 1965–1966 on the History of Russia until the 19th century]. *ISSSR*, 5, 156–177.

Kashtanov, S. M. & Kirichenko, L. A. (1993). K istorii feodal'nogo zemlevladieniya v Rostovskom uезде v XVI v.: Dve ukazny'e gramoty' 1537 g. o gorodovoj povinnosti krest'yan sela Gusarnikova [On the history of feudal land tenure in Rostov district in the 16th century: Two ukaz charters of 1537 about the *gorodovoj* duty of peasants of the village of Gusarnikov]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 1992* (pp. 128–147). Rostov.

Kashtanov, S. M. & Kotel'nikova, L. A. (1974). VI Mezhdunarodnaya konferenciya po e'konomicheskoy istorii (Spros i potreblenie: ih uroven' i struktura v XIII–XVIII vv.) [6th International conference on economic history (Demand and consumption: their level and structure in the 13th–18th centuries)]. *Vestnik AN SSSR*, 10, pp. 84–86. Moscow.

Kashtanov, S. M. & Kotel'nikova, L. A. (1975). Problemy' medievistiki na VI Mezhdunarodnoj konferencii po e'konomicheskoy istorii v Prato [Problems of medieval studies at the 6th International conference on economic history in Prato]. In *Srednie veka*. (Vol. 39, pp. 262–265). Moscow.

Kashtanov, S. M. & Kotel'nikova, L. A. (1975). VI «nedelya» Mezhdunarodnogo instituta e'konomicheskoy istorii v Prato [6th “week” of the International institute of economic history in Prato]. *Voprosy' istorii*, 2, pp. 166–171.

Kashtanov, S. M. & Kurnosov, A. A. (1962). Nekotory'e voprosy' teorii istochnikovedeniya [Some questions of the theory of source study]. In *Istoriicheskij arhiv*. (Vol. 4, pp. 173–186).

Kashtanov, S. M. & Litvin, A. L. (1965). K probleme dostovernosti istoricheskikh istochnikov [On the problem of reliability of historical sources]. In *Iz istorii Tatarii: Kraevedcheskij sbornik* (pp. 297–318). Kazan.

Kashtanov, S. M. & Stolyarova, L. V. (1995). Eshhe raz o date tak nazyv'aemogo «Sijskogo» evangelija [Once again about date of the so-called “Siysky” gospel]. In *Soobshheniya Rostovskogo muzeya*. (Vol. 8, pp. 3–48). Rostov.

Kashtanov, S. M. & Stolyarova, L. V. (2002). Kopijnaya kniga aktov Pavlo-Obnorskogo monasty'rya [The register book of acts of the Pavlo-Obnorsky monastery]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. 2001*. Rostov.

Knyazevskaya, O. A. & Moshkova, L. V. (1987). Drevnie slavyano-russkie rukopisi v Central'nom gosudarstvennom arhive drevnih aktov SSSR [Ancient Slavic-Russian manuscripts in the Central state archive of ancient acts of the USSR]. In *Russian linguistics*. (Vol. 11, no. 2–3, p. 206).

Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [Essays of the history of historical science in the USSR]. (1960). (Vol. 2, pp. 575–655, 657–668). Moscow.

Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. [Essays of the history of historical science in the USSR]. (1963). (Vol. 3, pp. 565–577, 615–628). Moscow.

Perechen' aktov arhiva Troice-Sergieva monasty'rya: 1505–1537 [List of acts of Trinity Lavra of St. Sergius: 1505–1537]. (2007). Moscow.

Yanin, V. L. (1970). *Aktovy'e pečhati Drevnej Rusi X–XV vv.* [Act seals of the 10th–15th centuries of Old Russia]. (Vol. 1, p. 157.) Moscow.

Zhukovskaya, L. P. (1982). O znachenii issledovaniya pontyuzo i nekotory'e drugie vo-prosy' filigranovedeniya [About the value of research of chain lines and some other questions of a filigree studies]. In *Arheograficheskij ezhegodnik za 1981 god* (pp. 64–76). Moscow.

The article was submitted on 21.01.2015

Столярова Любовь Викторовна

д. и. н., Институт всеобщей
истории РАН,
Москва, Россия
lvsto@mail.ru

Stolyarova Lyubov', Dr.,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
lvsto@mail.ru

Королева Светлана Юрьевна

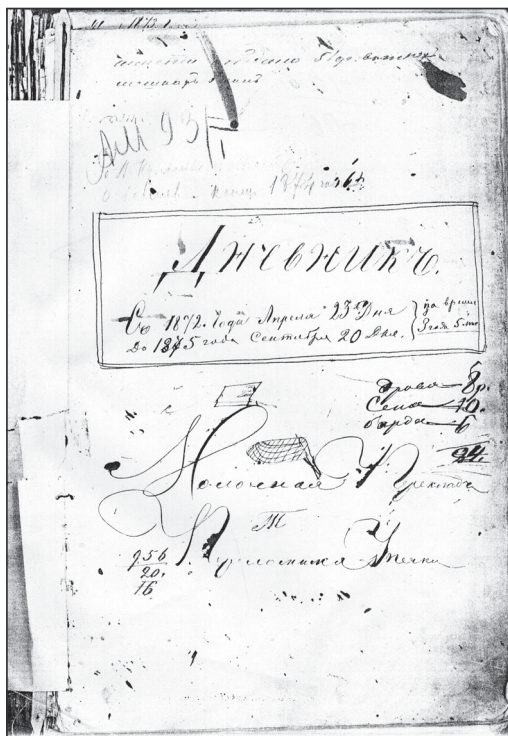
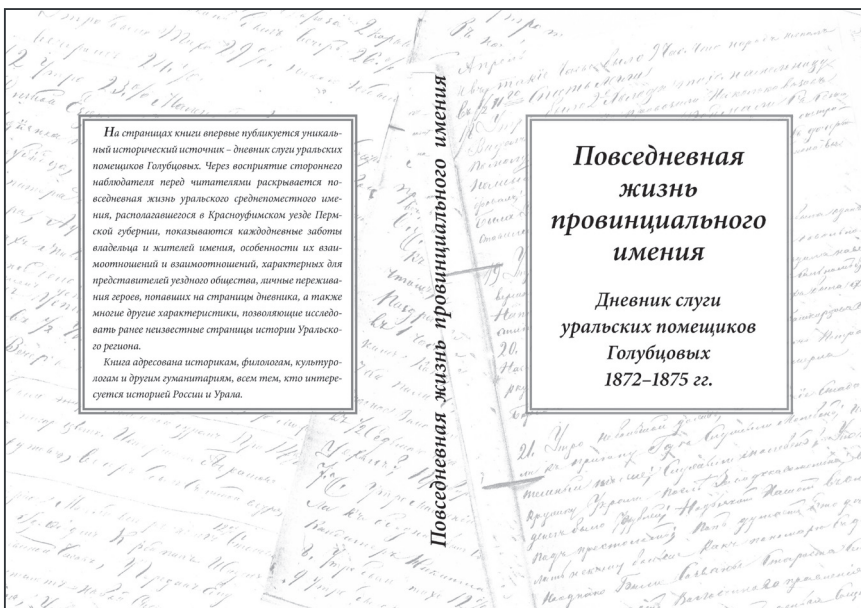
научный сотрудник, Институт
всеобщей истории РАН,
Москва, Россия
korolevoy@mail.ru

Koroleva Svetlana

Researcher,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
korolevoy@mail.ru

Dialogus

DOI: 10.15826/qr.2015.1.090

УДК 94(470.5) (0.062) + 316.343-058.14

**Людмила Дашкевич
Марина Ларионова
Евгений Неклюдов
Ирина Шалина**

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ИМЕНИЯ: ДНЕВНИК СЛУГИ УРАЛЬСКИХ
ПОМЕЩИКОВ ГОЛУБЦОВЫХ**

**Lyudmila Dashkevich
Marina Larionova
Yevgeny Neklyudov
Irina Shalina**

**EVERYDAY LIFE OF A PROVINCIAL ESTATE:
A DIARY OF A SERVANT OF THE URAL
LANDOWNERS GOLUBTSOV**

Marina Larionova, a specialist in the history of Russia, a candidate of historical sciences, presents her *Everyday Life of a Provincial Estate* (Yekaterinburg, 2013). The book was written with reference to a rare historical source, a diary of a servant of the Ural Landowners Golubtsov that is kept in the State Archive of Sverdlovsk Region (GASO, f. 67, op. 1, d. 69). The diary is anonymous, and the authorship was established as a result of an inquiry into its origin; Matvey Andreev, a descendant of a family of serfs was finally given credit as the author, and, according to the diary, he was a petty bourgeois of Kungur, an *uyezd* town, by the time the diary was started. For 3 years and 5 months (1872–1875), he wrote an account of daily life in the estate and in the manor house located in Aleksandrovskoye Settlement of Vladimir Platonovich Golubtsov, a Perm landowner. The diary describes the everyday life of a Ural petty manorial estate located in Krasnoufimsk Uyezd, Perm Governorate, the day-to-day routine of the owner and the dwellers of the manor, the relationships between them and the ones characteristic of the life of an uyezd community, the emotional experience of the people mentioned in the diary, and other details shedding light on the previously unknown events in the history of the Urals. In her talk with Lyudmila Dashkevich and Yevgeny Neklyudov, professors of history, research fellows of the Institute for History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), and with Irina Shalina, professor of philology, the author discusses the academic significance and informational potential of the source in question.

The comparison drawn of the document with some previously known similar sources gives evidence proving its uniqueness conditioned by its comprehensive character, the author's viewpoint and the quality of the publication. Thus, it does not only comply with the text and has few editorial corrections, it also contains a variety of academic historical, cultural and biographic commentaries. The diary both describes the problems a 19th-century manor could face on a daily basis and dwells on some general issues connected with the relationships between social classes, the historical psychology of servants, the perseverance of serf consciousness after the abolition of serfdom, the patriarchal character of life, and the modernization of the region's economy.

Keywords: everyday life; landowners; Ural manors; nobility; Perm Governorate; the Golubtsovs.

Специалист по истории России, кандидат исторических наук Марина Ларионова представляет книгу «Повседневная жизнь провинциального имения...» (Екатеринбург, 2013). В основе издания лежит публикация редкого для России исторического источника – дневника слуги уральских помещиков Голубцовых, который хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО, ф. 67, оп. 1, д. 69). Дневник анонимный, его автор был установлен в результате проведенных научных изысканий. Им оказался Матвей Андреев, происходивший из семьи крепостных, к моменту начала сохранившихся дневниковых записей – мещанин уездного города Кунгура. На протяжении 3 лет и 5 месяцев (1872–1875) он ежедневно вносил в дневник записи о том, что происходило в имении и усадьбе, расположенной при селе Александровском пермского помещика Владимира Платоновича Голубцова (1832–1887).

Перед читателями дневниковых записей раскрывается повседневная жизнь уральского среднепоместного дворянского имения, располагавшегося в Красноуфимском уезде Пермской губернии, показываются каждодневные заботы владельца и жителей имения, особенности их взаимоотношений и взаимоотношений, характерных для представителей уездного общества, личные переживания героев, попавших на страницы дневника, а также многие другие подробности, позволяющие исследовать ранее неизвестные детали истории Уральского региона. В беседе с Людмилой Дашкевич и Евгением Неклюдовым, докторами исторических наук, научными сотрудниками Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, и Ириной Шалиной, доктором филологических наук, обсуждается научная значимость и информационный потенциал данного исторического источника. Сопоставление этого документа с подобными источниками, введенными ранее в научный оборот, показывает его уникальность, обусловленную степенью подробности, позицией автора и качеством издания. Участниками обсуждения особенно отмечено высокое научное качество издания: помимо корректной передачи текста с минимумом редакционного вмешательства, издание отличается разнообразными научными комментариями историко-культурологического и биографического свойства. Содержание дневника выявляет не только проблемы, связанные с быто-

вой жизнью имения последней трети XIX в., но и более общие вопросы, относящиеся к взаимоотношениям различных сословий, исторической психологии дворовых людей, сохранению крепостнического сознания после отмены крепостного права, патриархальности и экономической модернизации в экономике региона.

Ключевые слова: повседневная жизнь, помещики, уральские имения, дворянство, Пермская губерния, Голубцовы.

Марина Ларионова: В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в личном фонде уральских помещиков Голубцовых хранится дневник слуги уральских помещиков Голубцовых, 1872–1875 гг. (далее – Дневник) [ГАСО, ф. 67, оп. 1, д. 69]. Впервые я обратилась к данному историческому источнику двадцать лет назад, еще будучи студенткой исторического факультета Уральского государственного университета (ныне Уральский федеральный университет). Исследование темы «Быт дворян на Урале» потребовало обращения к архивным источникам, и в сфере внимания оказался интересный родовой архив документов помещиков Голубцовых из Красноуфимского района Свердловской области [ГАСО, ф. 67].

Дворянский род Голубцовых известен всем, кто занимается изучением Уральского региона. На протяжении почти ста сорока лет представители шести поколений данного рода владели пермским имением, поддерживая культурные и социальные связи российской столицы и уральской провинции. Основано имение было в 1780 г. пермским воеводой, действительным статским советником Александром Федоровичем Голубцовым (1735–1796) на землях, принадлежащих башкирам. Они заметно отличались от немногочисленных уральских помещиков, владевших в основном горнозаводской недвижимостью. Отдельные представители этого рода играли значимую роль в управлении Пермского края и в деятельности земских органов самоуправления, а также в общественной и культурной жизни региона. Красноуфимское имение Голубцовых по укладу напоминало «классическое» имение, характерное для центральных губерний Российской империи и нетипичное для Среднего Урала. Их усадьба при селе Александровском по праву считается культурным центром провинции, благодаря немалой роли упоминаемого на страницах Дневника Владимира Платоновича Голубцова, почетного мирового судьи Красноуфимского уезда Пермской губернии, бессменного земского деятеля, председателя Красноуфимского уездного земского собрания, и его старшего сына – самого известного представителя этого рода, краеведа, исследователя генеалогии российского дворянства Владимира Владимировича Голубцова (1856–1892), о котором много информации представлено на страницах Дневника. В усадьбе размещалось самое крупное в Пермской губернии библиофильское книжное собрание [Пирогова], хранились коллекции редких рукописей, автографов знаменитых людей, картин, древних вещей [Романчук], старинных монет, был создан минералогический кабинет и пр.

Особенности хозяйства Голубцовых стали темой моей дипломной работы, а дворянским усадьбам Пермской губернии была посвящена кандидатская диссертация [Ларионова]. В обеих работах были использованы материалы Дневника, но в виде сравнительно небольших цитат из источника. В такой же форме выборки фактов и цитат Дневник использовался некоторыми историками. Так, главный хранитель ГАСО Г. И. Плещева в статье, опубликованной в журнале «Родина», попыталась реконструировать повседневную жизнь провинциального помещичьего имения, используя отдельные фрагменты Дневника [Плещева], а сотрудник Института истории и археологии УрО РАН О. Е. Артемова опубликовала небольшой отрывок из Дневника, охватывающий события с 13 августа по 18 сентября 1875 г. [Артемова]. Задача раскрыть весь информационный потенциал данного исторического источника решалась только единственной возможностью – подготовить текст рукописи Дневника к публикации в соответствии со всеми предъявляемыми к этому требованиям.

Дневник представляет собой исписанные с обеих сторон 175 листов формата 350×225 мм, переплетенные в типичный для того времени твердый переплет: картонные из мраморной бумаги крышки с кожаным корешком. Записи выполнены на нелинованной бумаге. Сохранность Дневника сегодня оставляет желать лучшего: часть корешка утрачена, сама бумага пожелтела от времени, блок распадается. Записи вносились каждый день в течение трех лет и пяти месяцев, единственный период, за который отсутствуют записи, – со 2 по 13 июля 1874 г. Причем по каким-то причинам это было сделано намеренно, пропуск выпадает на середину страницы, что исключает их изъятие.

Данный исторический источник действительно редкий и ценный не только для Уральского региона, но и для России в целом. Редкий в силу того, что подобного рода документы, когда крестьяне, по сути, пишут не о себе, а о помещиках, которые ими когда-то владели, пока не выявлены (возможно, они не сохранились и исчезли вместе с усадебными архивами) и этот источник впервые полностью вводится в научный оборот; редкий также и в силу того, что он обладает высоким информационным потенциалом: его автор на протяжении нескольких лет каждый день на бумаге фиксировал события, происходившие в усадьбе и имении уральских помещиков Голубцовых: во сколько барин и члены его семейства вставали, когда пили чай, во сколько обедали и ужинали, куда ездили, кто к ним приезжал, как долго находились в усадьбе, как проводили время, чем занимались в течение дня и т. п. Все это ценно для исследования микроисторических процессов, т. е. для детальной реконструкции того, что составляло основу ежедневного существования типичного представителя провинциальных помещиков средней руки. Иными словами, с помощью данного исторического источника мы можем исследовать повседневную жизнь провинциального среднепоместного имения и его владельцев.

8 мая 1872 г. Утром в 7 часов...
 9 мая 1872 г. Утром в 7 часов...
 10 мая 1872 г. Утром в 7 часов...
 11 мая 1872 г. Утром в 7 часов...

Записи за 8-11 мая 1872 г.

2 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 3 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 4 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 5 января 1873 г. Утром в 7 часов...

Записи за 2-9 января 1873 г.

10 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 11 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 12 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 13 января 1873 г. Утром в 7 часов...
 14 января 1873 г. Утром в 7 часов...

Записи за 10-14 января 1873 г.

18 апреля 1875 г. Утром в 7 часов...
 19 апреля 1875 г. Утром в 7 часов...
 20 апреля 1875 г. Утром в 7 часов...
 21 апреля 1875 г. Утром в 7 часов...

Записи за 18-21 апреля 1875 г.

Людмила Дашкевич: Во введении к публикации текста Дневника Матвея Андреева указывается важность этого источника в изучении повседневной жизни уральского среднепоместного имения. Это вполне справедливо. В Дневнике показаны самые разные события, связанные с жизнью имения и его хозяев, их взаимоотношения с представителями власти, крестьянами, работниками стекольного завода. Мне, после того как я познакомилась с текстом документа, показалось, что Дневник можно использовать и несколько иначе, анализируя социальную психологию его автора. В 2004 г. появилась монография пермского историка Н. В. Голохвастовой [Голохвастова], в которой дается психологический портрет служащих горнозаводской вотчины Строгановых. Автор делает вывод о том, что в основе психологии этой категории людей лежит патерналистски-филиалистский принцип. Они относились к службе как к способу достижения материальных благ, с одной стороны, и как к долгу перед владельцем, давшим образование, – с другой. Была, впрочем, среди служащих и значительная часть, у которой эти представления сочетались с мотивами служения обществу и Отечеству.

Видите ли Вы различия в обыденном сознании служащих горнозаводской и помещичьей вотчины? Насколько значительными были те функции, которые Матвей Андреев выполнял у Голубцовых?

Марина Ларионова: Думаю, что данный принцип, патерналистски-филиалистский, был характерен для большей категории служащих, к которой мы можем отнести и автора данного исторического источника. Это связано с психологией крепостного человека: у дворовых и служащих горнозаводских вотчин было много общего, связанного с зависимостью от помещика в разные периоды жизни: в детские годы они, как внушалось, благодаря помещику получали образование, подготовку к взрослым, трудовым будням, а в будущем могли претендовать на хорошее место в системе управления – будь то горнозаводская вотчина или помещичье имение. Мало того, по сложившемуся убеждению, именно помещик обеспечивал крепостному стабильную и безбедную жизнь, отсюда то раболепное почитание, которое крепостные испытывали к своему помещику.

Дневник начал писаться через 11 лет после отмены крепостного права, это очень незначительный промежуток времени для изменения ментальных установок, формировавшихся столетиями. Причем преданность «своему» барину у Матвея Андреева была доведена до предела, и семья Голубцовых стала ему ближе его собственной семье, о которой он лишь упоминает – и то вскользь. Нет в дневнике и хоть каких-либо рассуждений или изложения фактов российских событий в оценке автора Дневника. Мотивы служения обществу и Отечеству были свойственны дворянскому сословию, но для бывших крепостных в тот период это было нехарактерно, и эти установки не успели сформироваться из-за октябрьских

событий 1917 г., когда были перевернуты все ценностные ориентиры российского общества.

Сохранившиеся архивные документы позволили установить, что Матвей Андреев родился около 1840 г. и к моменту написания Дневника ему было немногим за тридцать. Его отец, дворовый Евстигней Петрович Андреев (ок. 1796 – п. 1854), служил в имении лекарем (его жалованье составляло 24 руб. в год). Евстигней Андреев женат был дважды. От первого брака у него росли две дочери – Афанасия и Анна. Вторая жена, Татьяна Яковлевна (ок. 1820–1875), кроме Матвея, родила дочерей Евдокию и Наталью и сына Ивана. По воле помещика с 1 сентября 1854 г. Евстигней Андреев с семьей перевели в разряд крестьян.

О самом Матвее Андрееве нам практически ничего не известно, и единственным источником сведений о нем является созданный им документ, из которого мы узнаем, что у него были сложные отношения с матерью, он даже судился с ней, но чем закончилось дело – неизвестно. Умерла она 4 июня 1875 г. «от горячки», о чем имеется соответствующая запись в метрической книге Покровской церкви Александровского завода. Отца Матвея к тому времени уже не было в живых. Из Дневника мы узнаем, что его сестра жила «за шестьдесят верст», а «брат Ванька» в 1874 г. хотел жениться. Отношения Матвея с братом, как и с матерью, складывались непросто. В Дневнике, в частности, есть запись о том, что Иван просил у Матвея 50 копеек, но получил отказ. При этом буквально через несколько дней Матвей совершенно спокойно отдал 10 копеек незнакомому человеку – рабочему, который нанимался на работу в имение. 22 октября 1872 г. в Дневнике была оставлена запись: «Матв[ей] женился под вечер», оказалось, что это он так написал про себя. Метрическая книга Покровской церкви Александровского завода позволила установить, что в жены Матвей взял Прасковью Петровну Тетюшеву, которая происходила из семьи бывших крепостных и была моложе супруга на 10 лет [ГАСО, л. 157 об.]. Судя по записям, даже после женитьбы Матвей продолжал жить в господском доме и с молодой женой виделся, вероятно, редко. Характерно, что в Дневнике о ней он ничего не написал, только упомянул несколько раз, перечисляя участников праздничных гуляний, ничего не писал Матвей и о своих детях, хотя о пополнении в других семействах имения он, как правило, сообщал.

Из Дневника мы узнаем о том, что Матвей имел хозяйство. Так, 1 октября 1873 г. он ходил на рынок и «купил себе лошадь с жеребенком, заплатил 28 рублей серебром», а 3 ноября 1873 г. приобрел за 16 рублей корову, от которой отказался барин. Когда Матвей занимался своим хозяйством, не совсем понятно, так как, согласно Дневнику, за три с половиной года он покидал господский дом только дважды, да и то по болезни. При этом барин Владимир Платонович даже навещил больного однажды. Не удивительно, что дом Голубцовых М. Андреев

считал «своим», что подтверждают записи в Дневнике: «Были гости у нас: новый мировой, стряпчий Сведомский и мировой Козлов», «*Наши* выехали пахать», «Нарочный был из Ачита [передал], что губернатор выехал поутру и буд[ет] в Красноуфимске и у нас». Под «нашими» он понимал прежде всего семейство Голубцовых и себя как его неотъемлемую часть.

Круг обязанностей Матвея Андреева был чрезвычайно широк: он следил за порядком в доме и отвечал за сохранность барских вещей, оставаясь один, «сторожил» дом, топил печи, вставлял зимние рамы, встречал гостей, накрывал стол и прислуживал за ним, мог варить барину кофе по утрам, вытрясал одежду, хранившуюся в сундуках, чистил барское платье и обувь... Иногда он выдавал жалованье работникам, принимал зерно на складе, отвозил и сдавал на продажу производимые в имении продукты, закупал провизию. Матвею доверяли даже осуществление денежных платежей, зная, что он очень трепетно относится ко всему господскому и экономно расходует деньги. Так, 24 марта 1875 г. Матвей в очередной раз был послан в Пермь, вот как он по возвращении описывает исполнение баринова поручения:

...Я дождал стекло до 10 часов, а в 10 часов написал телеграмму по приказанию баринову, спросить о Митюхляеве, что выехал ли он, не раздумал ли ехать? Обошел снача[ла] гостиницы, потом послал телеграмму с ответом. Прихожу с телеграфа, Митюхляев тут. Я так и ахнул, что 2 рубля мои, т. е. бариновы, пропали. Пошел, сдал стекло. Слава богу, благополучно. И я был в большом восторге, что я сдавал стекло не Павлу Николаевичу, а в лавку како[го]-то Толкушкина. Там сей Толкушкин принимал стекло, даже и не раскубировал ящиков. Я, значит, со своей стороны всевозможные похвалы стеклу придаю и вижу, что я купца переодолел, и он сознался, что стекло наше хорошее... Потом я послал телеграмму Бобров[у], чтобы он в Кунгур выезжал за глиной, а сам я решил ехать 25 числа, утром и выехал [ГАСО, л. 139 об.].

Жители имения через Матвея обращались к Голубцовым за медицинской помощью, и часто он лично относил больным лекарства, следил за их приемом. А 27 января 1875 г.:

Барин меня отправили в 10 часов к доктору, насчет совета о плече. Доктор спал. Я $\frac{3}{4}$ часа ждал его. Он проснулся. Я спросил совета. [Он] написал рецепт. Я получил лекарство. Заехал в съезд, посмотреть, переходят ли или нет, к Сведомскому, сказать о случившемся. Приезжаю домой, барин совершенно здоровы и рады были случаю, чтобы отделаться от именин Сведомского, а в тот день как быть нужно было барину ехать в город к Сведомскому на бал [ГАСО, л. 125 об.].

Также Матвею доводилось заменять садовника: поливал цветы на клумбах, занимался прополкой, 8 и 9 декабря 1874 г. «тепличку то-

пил», потому что «сад[овник] пьяный дома леж[ал]». В мае 1873 г. во время эпидемии чумы рогатого скота Матвей Андреев вместе с ветеринаром и скотниками лечил скот, причем достаточно грамотно и умело: делал примочки, пускал кровь, поил коров растворами («Меня послали в Арыково к Бергеру помочь телятам лекарство давать», – указал Матвей в Дневнике). Являясь, по сути, связующим звеном между владельцами и бывшими крепостными, Матвей, безусловно, был в курсе всех дел и событий, происходивших в имении. При всем при том круг обязанностей Матвея замыкался главным образом на господском доме. Источник подсказывает, что основным или любимым занятием Матвея являлась организация барского стола. По крайней мере ничему в Дневнике не уделено столько внимания, как подаче пищи, перемене блюд и их ассортименту. Так, 15 июля 1875 г. из города Красноуфимска приехали 16 человек поздравить барина Владимира Платоновича Голубцова с именинами: «Закусывали на балконе, – отмечал Матвей, – обедали в 4 час[а] в зале: суп патаньер из спаржи, пирожки 3 сорта, розбив, маинес из рыбы, цыплята жареные, салат, огурцы малосольные и свежие, нарезанные ломтиками, пирожное, мороженое 2 сорта, сливочное и земляничное. Кушанье все было приготовлено во вкусе. После обеда кофе и чай и опять чай» [ГАСО, л. 157 об.].

В торжественных случаях Матвея даже приглашали служить за столом в других домах. Так, он подавал закуски великому князю Алексею Александровичу, остановившемуся 9 июля 1873 г. на почтовой станции Ачит. Вот как он описывает эту встречу:

...И в 10 часов приехал князь Алексей Александр[ович], вымылся. Самовар был поставлен на стол. Кофе заварил его человек, а чай заварил я. И князь сам наливал кофе и чай, и губернатор с ним же пил, и адъютант. Потом князь скушал несколько печений кондитерских. После этого скушал бутерброд. После этого скушал земляники ягод 10, хвалил, с мелким сахаром. Потом еще несколько генералов приехало, и все пили кофе и чай, закусывали бутербродами, ягоды кушали. Князь рас[с]матривал посуду. Спрашивал губернатора: «Это чья такая посуда должна быть?» Губерн[атор] сказал, что наша посуда. Одним словом, он остался доволен всем приемом и пробыл час. Потом уехал. Без него два экипажа отправились. Козьме Лаврентьевичу за хлеб-соль – 15 руб., смотрителю – 15 рублей, нам четверым по 5 рублей. И так мы отлично отправили его. После всех мне Себякин передает благодарение князя барину за обстановку стола и всего съестного кушанья. И дядька сказал, что очень жалко, что не получил наш доктор телеграмму, которую г. Голубцов посылал насчет болезни его супруги и теперичи адъютант только что узнал, что на здешней станции их поместье, погнав догонять доктора, чтобы вернуть к нам сюда, а то думали, что мы живем за Пермью. Оттого доктор так далеко и не поехал. А когда князь выходил со станции, у подъезда стояли с прошениями Степан Сычов, Василий

Полюхов, гайнинский татарин и еще какой-то крестьянин. Было четыре прошения. А ран[ь]ше князя поехал Михайлов, чтобы в Ключах завтрак приказать приготовить, на Быковской станции лошадь загнал ачитского ямщика. После уезда всех обступили стол княжеский красноуфимские: протопоп, протопопица с дочерью, Елена Петровна с детьми, Чирвинчиха с четырьмя детьми, этапного начальника жена с сыном, Юмашев, жена Людмила Андр[еевна] с троими детьми, мальчиками, и четвертой дочерью, учительница, Сорокина мальчик. Все разглядывали. Я подошел и всех поподчевал кондитерским печеньем, а остальное убрал со стола. Бисквитный пирог, торт – это было непочато. Становиха спросила ягоды, я отдал. И начали складываться в ящики посуду. Уложили, пообедали, лошадей за нами еще все нет. Мы легли спать было, мне не спится. Ушел. У зрителя просил лошадей под посуду, два экипажа. А когда Великий князь кофе кушал, я замечал, что будет кушать: печенья взял 2 штучки, скушал. В 3 часа лошади наши пришли, уложились и поехали... [ГАСО, л. 22–23].

Мы не знаем точно названия его должности, а круг выявленных нами обязанностей не позволяет с уверенностью сказать, какая роль ему отводилась во внутренней субординации барского дома, именно поэтому в названии опубликованного нами Дневника он был именован «слугою», человеком, который прислуживал помещику.

О том, что Матвей Андреев вел дневниковые записи, Голубцовы, бесспорно, знали. Мало того, именно они инициировали его появление. Мы даже можем утверждать, что Матвей Андреев, ведя записи, выполнял одно из распоряжений барина Владимира Платоновича Голубцова, возможно, они воспринимали Дневник как некую семейную хронику. Матвей выполнял это поручение помещика так же ответственно, как и любое другое. Ведение Дневника стало частью жизни М. Андреева, занимало его мысли и время. Дневник велся не для личных целей, это объясняет, почему текст писался от третьего лица и почему, когда в самом начале автор сбивался на «я», он зачеркивал местоимение и дописывал свое имя «Матвей».

Евгений Неклюдов: Хотелось бы поднять вопрос о «главном герое» Дневника и связанной с этим правомерностью причисления записей к так называемым «эго-документам», к которым относят источники, наиболее полно отражающие личность автора. Если это слуга Матвей Андреев, то почему публикация названа «Повседневная жизнь провинциального имения»? Если это «провинциальное имение», то почему источник характеризуется как эго-документ?

Марина Ларионова: Согласна с тем, что одной из дискуссионных проблем исследования данного документа является вопрос о том, кто же все-таки главный герой Дневника – барин, о жизни которого фактически и повествует данный источник, или все-таки автор,

человек, который создал данную рукопись, поскольку принято считать, что источники личного происхождения – это документы, повествующие прежде всего об их творцах. Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным. С одной стороны, автор повествует о барине, о том, что происходило в усадьбе и имении, причем его записи отличаются сухостью изложения – перед нами хроника того, что происходило у Голубцовых. С этой точки зрения данный источник является основным для изучения повседневной жизни провинциального имения, именно с этих позиций я всегда рассматривала данный документ и именно поэтому под таким названием подготовила Дневник к публикации.

Но вместе с тем необходимо учитывать, что жизнь имения предстает такой, какой ее видел человек, который находился сам в центре событий, играя при этом второстепенную, неглавную роль, человек, не принадлежавший к высшему сословию и лишь частично впитавший отдельные элементы дворянской культуры. Его восприятие событий не совпадало с восприятием событий хозяина дома и членов его семейства. Но его незримое «Я» присутствует на страницах документа: именно Матвей самостоятельно отбирал, что и как изложить на бумаге, тем самым проявлялось субъективное восприятие реальной действительности. И здесь уже выражается талант человека, создавшего этот документ. Рассказывая о жизни уральского имения Голубцовых, Матвей Андреев, рассказывал в том числе и о себе. Особенно психология автора проявляется во второй части документа, когда Матвей переходит к пересказу событий, преимущественно на уровне слухов, которые происходили где-то и о которых говорила вся губерния, что выдает в нем типичного представителя традиционной культуры. Так, 25 января 1875 г. Матвей заносит в Дневник запись о том, что он «слышал в городе, что Мостовской волости татарина с[ъ]ели волки и костей не нашли. И в волостном правлении со двора увела свинью волкиша. И будто бы куда-то приехали из Екатеринбурга, ищут, 12 человек людей пропало, оборочены в волко[в]» [ГАСО, л. 124].

А потому Дневник слуги помещиков Голубцовых мы с полным правом можем отнести к источникам личного происхождения, или эго-документам, позволяющим воссоздать историю Урала от первого лица.

Евгений Неклюдов: С точки зрения возможностей использования важным представляется вопрос о репрезентативности источника, а также о том, какую новую информацию он предоставляет исследователям. Особенно хотелось бы узнать у автора публикации как специалиста по провинциальной дворянской культуре, что нового или удивившего ее отразилось в Дневнике и не встречается в иных исторических источниках. Не известно ли Вам также, сохранилось ли имение Голубцовых, описанное в источнике?

Марина Ларионова: Подобного рода документы редки для Уральского региона, поэтому опубликованный нами источник имеет ценность не только в силу важности и редкости подобного рода документов, но и еще и потому, что он позволяет исследователям изучать неизвестные ранее страницы из истории не только жизни имения Голубцовых (а это новое актуальное направление в исследовании истории Пермского края), но и уездного города Красноуфимска, губернского города Перми и в целом Пермской губернии, а также иные актуальные и проблемные темы, исследование которых на уральском материале было затруднено в силу отсутствия источниковедческой базы. Например: состав и особенности деятельности уездного светского общества или социальный состав и социокультурный портрет чиновников Пермской губернии и уральского дворянства.

Тема повседневной жизни российского провинциального среднепоместного дворянства, несмотря на свою актуальность, остается малоизученной и в российских масштабах, в том числе и в силу скудости источниковедческой базы, данный же Дневник отчасти заполняет образовавшуюся лауну и ценен, поскольку упоминаемые на его страницах Голубцовы являлись типичным провинциальным дворянским семейством. В связи с этим страницы Дневника открывают широкое исследовательское поле: мы можем использовать Дневник как исторический источник для исследования провинциальной дворянской усадебной культуры, взаимоотношений внутри дворянского семейства, между помещиком и членами его семьи, помещиком и крестьянами, помещиком и священнослужителями, помещиком и представителями уездного общества, помещиком и прислугой, наконец, для изучения жизни помещиков в имении: что они делали каждый день в разное время года, во сколько вставали, завтракали, обедали, ужинали, ложились спать, как часто пили чай и что у них было за столом в праздники и будни, кто приезжал в усадьбу, как и как часто принимали гостей и пр. Дневник содержит отсутствующие в других источниках малозначимые детали, при сопоставлении которых на протяжении длительного периода вырисовывается реальная картина повседневного существования помещика средней руки, которым и был упоминаемый на каждой странице Дневника барин Владимир Платонович Голубцов.

Следует признать, что наши представления о бытовом укладе дореволюционной России мы черпаем преимущественно из художественной литературы (начиная от пушкинского описания жизни в деревне помещиков Лариных до имения Раневской в пьесе А. П. Чехова), в которой авторы, как представители высшего сословия, описывают среду, в которой они сами живут, чутко улавливая те изменения, которые происходят в российском обществе, заостряя внимание читателя на наиболее проблемных сюжетах. Характерные особенности повседневного существования провинциальных помещиков, такие как гостеприимство, традиция чаепития, русская охота, четко про-

слеживаются в литературных произведениях и интересно представлены в Дневнике.

Вместе с тем данный Дневник корректирует литературное представление о барском образе жизни в пореформенный период: перед нами образ помещика-хозяина, предпринимателя, чье ежедневное существование составляли бесконечные хлопоты по хозяйству, решение многочисленных проблем управления имением, введение различных инноваций для увеличения его доходности, разрешение спорных ситуаций, создаваемых бывшими крепостными, жителями имения.

Если говорить о репрезентативности источника, то представляется, что относительно указанных событий Дневник обладает высоким уровнем достоверности: во-первых, ежедневное ведение дневниковых записей уже само по себе повышает достоверность описываемого, во-вторых, для Дневника характерно большое количество дописанных слов и предложений, что может являться свидетельством того, что записи вносились не каждый день и по прошествии какого-то времени их автор вспоминал, что забыл перечислить, и дописывал, тогда как сам характер записей, даже если автор неправильно привязал их к дате, не свидетельствует о допущенных неточностях – это, как правило, мелкие штрихи к происходившему, ценность здесь имеет сама регулярность происходящего. И, наконец, в-третьих, описываемые в Дневнике события подтверждаются и дополняются сведениями из других источников, в частности метрическими книгами и опубликованными материалами земских органов самоуправления, а это уже само по себе повышает ценность этого исторического документа.

А вот полноту документа мы можем поставить под сомнение, особенно в сюжетах, связанных с действиями автора Дневника, его отношением к происходящему и лично к семье помещика: личностные оценки отсутствуют в документе. Вероятно, Матвей Андреев понимал, что записи будут прочитываться баринном, отсюда и скупость изложения информации о себе, о своей семье и неполнота указанных сведений.

Людмила Дашкевич: Давайте обратим внимание на то, что текст обретает в Дневнике определенную форму и содержательное единство. От чего всегда отталкивается автор? Обязательное описание погоды, осадков, температуры, продолжительности дня. Неплохое образное упоминание природы, особенно запись о распустившихся деревьях («В саду и на горе березки зазеленелись, – писал Матвей, – начинает природа себя копировать»), получении урожая. То есть человек погружается в природу, ее состояние для него гораздо важнее своего собственного. Это, конечно, не формуляр делового документа, но и не вольный текст, подверженный авторской фантазии. Причем наблюдения за погодой составляют очень существенную часть интересов человека. Он еще сам себе метеоролог, ищет свои приметы ее изменения и использует пласт народных знаний. Так, например, во вторник 25 апреля 1872 г. практически все записи были посвящены погоде:

Ночь на вторник была дождливая и холодная. И по утру до обеда дождь, потом день был [до] остатка теплый. К вечеру гром и дождь небольшой и 9 град[усов] т[епла]. Наши выехали пахать. К барину приходили мужики шиловские, подтитешные и обуховские насчет выгонов и лугов сенокосных. Господа после завтрака ходили на пруд и в лес и принесли двух дроздов. А в 10 часов была гроза сильная и два ливня. И ран[ь]ше было 3 грозы до 25 числа. 7 гр[адусов] тепла [ГАСО, л. 1].

Марина Ларионова: Да, действительно, дневниковые записи Матвея Андреева имеют особенные черты: начинаются и заканчиваются описанием погоды, отличаются точным указанием времени происходивших событий, производят впечатление сухой хроники того, что было в усадьбе Голубцовых, не содержат авторскую оценку происходившего, а только перечисление или описание. Думается, что представление о жестких канонах того, что должны представлять из себя дневниковые записи, было получено Матвеем от Голубцовых.

Евгений Неклюдов: Ведение дневников-хроник получило довольно широкое распространение в XIX в. Оно практиковалось даже среди членов императорского дома. Ввел это правило наставник великого князя Александра Николаевича В. А. Жуковский как элемент воспитания некоторых качеств, важных для царствующей особы. Такие дневники отличаются от интимных дневников, в которых фиксируются не столько события дня, сколько впечатления и размышления автора. Полагаю, что происхождение Матвея Андреева из народной среды, уровень его образования и духовных потребностей не давали повода для саморефлексии в виде дневниковых записей. А для инициатора Дневника – «барина» Владимира Платоновича – важнее было знать не чувства своего слуги, а то, что происходило в его имении, особенно во время частых отлучек хозяина. Хозяин же, судя по Дневнику, Голубцов был неплохой: во время своего пребывания в имении он обязательно посещал действовавшие там стекольный завод или мельницу, чтобы проконтролировать их работу. В этом ракурсе Дневник предоставляет некоторую информацию и об экономике дворянского имения пореформенного времени, и о роли помещика. Дневник, на мой взгляд, можно даже рассматривать как своеобразный элемент управления имением, почему он и сохранился среди вотчинной документации, а не в личных бумагах автора.

Судя по всему, до нас дошли лишь фрагменты Дневника, но и это можно считать большой удачей для историков, поскольку сохранность дневниковых записей вообще невысокая. За последнее время появилось несколько любопытных публикаций дневников учителя, священника, купца [Дневник священника; Новоселов; Мироносицкий; Соболева]. Дневник же слуги просто уникален.

Ирина Шалина: Дневник слуги уральских помещиков Голубцовых Матвея Андреева представляет несомненный интерес для лингвиста, занимающегося изучением живой разговорной речи и повседневными устными и письменными коммуникативными практиками. Отечественная русистика обратила внимание на подобные «берестяные грамоты XX века» – бытовые документы, письма и дневники обычных людей – в связи с усилением личностного, диалогического начала в речевой коммуникации. В частности, опубликованные в 1996 г. записки Е. Г. Киселевой, полуграмотной женщины с непростой судьбой, дали импульс к изучению социокультурных и собственно лингвистических проблем «наивного письма», документа «внеписьменной культуры, написанного тем не менее представителем самой этой культуры, а не сторонним наблюдателем» [Козлова, Сандомирская, с. 13]. Примерно в это же время выходят и другие подобные аутентичные тексты: дневниковые записи домработницы Ираиды Николаевны Целиковой (1903–1986), а также подготовленные к изданию и прокомментированные лингвистом Б. И. Осиповым автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова и воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь». В хрестоматию «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы» [Живая речь] также включены письма простых людей во властные структуры и дневниковые записи крестьянина Андрея Ивановича Барнякова [см.: Автобиографические записки; Воспоминания работницы; Черняк; Шалина]. Все эти тексты, в том числе и Дневник слуги помещиков Голубцовых, являются примерами реальной бесхитростной речи, ценными свидетельствами среза жизни, быта, культуры людей, входящих в определенные социокультурные общности.

Что вызывает лингвистический интерес в записях Матвея Андреева? Во-первых, язык. Этого человека можно отнести к носителям просторечной культуры. Его речевая манера – иллюстрация особенностей языковой ситуации XIX в., которую В. В. Виноградов охарактеризовал так: «Просторечие трудно отделить от “простонародного” языка, объединившего речевые навыки крестьян, в том числе и дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще всех демократических слоев населения, не тронутого литературным образованием» [Виноградов, с. 429]. Действительно, судя по тексту, язык Матвея Андреева – это «пестрая смесь» слов и выражений из разных «социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» [Там же, с. 424]. Например, Матвей Андреев использует выражения, которые явно употреблялись в то время в деловых практиках (*охлопотать дело*) или стилизует деловую манеру письма (*делать на разные лица нападения*). Слуга тиражирует «ходовые» номинации семейного дворянского общения (*нянинька*), цитирует Псалтирь (*напился до «зело рыках»* – Пс. 57:9) (возможно, в целях создания шутливой тональности речи) или использует коммуникативы типа *слава Богу*, что свидетельствует о нем как о носителе православного сознания, человеке, знакомом с текста-

ми Священного Писания и наверняка посещающем церковные службы. Приведенные примеры лишь вкрапливаются, инкрустируются в письменные текстовые фрагменты, в то время как жаргонными, диалектными и просторечными языковыми элементами речь этого человека буквально пересыпана, например: *напыжить, сделаться без языка, Ольга стряпка, Андрияниха, мировиха, становиха, оттудова, откудова, катушка* ('ледяная горка'), *поднести чекушу* ('ударить в голову'), *лапа* ('нога'), *ночь, дровни* и т. п. Таким образом, перед нами предстает типичная языковая личность носителя просторечия, усваивающая и тиражирующая не только привычные для его среды обитания языковые элементы, но и по-своему перерабатывающая престижные элементы среды притяжения. Многие языковые элементы позволяют проследить разноуровневые отклонения от языковых норм, в том числе орфографических и пунктуационных, например: *стоял, на столе облокотившись локтями, его не струсили* и т. п., а также осмыслить типичные ошибки и причины их появления и проследить степень закреплённости их в речи современных носителей уральского просторечия. В целом можно сказать, что более глубокий лингвистический анализ этих записей позволит поставить и решить проблему речевого портретирования мещанина/слуги.

Во-вторых, мы имеем дело с меморатным нарративным жанром: человек старательно фиксировал и описывал все, что происходило в его жизни и жизни дворянской семьи. Текст интересен в плане психического отражения прошлого взаимодействия человека с действительностью, работы его ассоциативной памяти, способности хранить информацию, избирательно ее актуализировать и воспроизводить в определенном порядке.

Людмила Дашкевич: Проблема состоит в том, что этот документ – своего рода медиум, связующее звено двух миров: мира слуг и мира помещиков. Но он же демонстрирует и ту мало изученную нами связь, которая существовала между мирами и связывала их в единое целое. Могли ли они существовать друг без друга? По крайней мере на идеологическом уровне (вспомним Екатерину II и ее «Размышления...») они должны были, дополняя друг друга, утопически формировать идеальную модель патриархальной России. Голубцовы были довольно прогрессивными, образованными и весьма деятельными помещиками. Их слуги, как они описываются в сочинении, были действительно преданны своему барину, и жизнь барина была для них как большая часть собственной жизни. И данный текст как будто бы это подтверждает. Это была давняя традиция, когда за молодого барина отвечал старый слуга, и не только в армии или на войне, но и в других жизненных ситуациях. Идеальны отношения Савельича и Петруши. Интересно, что современное английское кино вдруг создает целый сериал с блистательными актерами «Дживс и Вустер», где гениальный слуга постоянно спасает придурковатого, хотя и доброго хозяина. Правда, события

отнесены к 20–30 гг. XX в. Разница только в том, что у англичан слуги, наблюдая за хозяевами, имеют свои клубы, свои интересы, свою иронию. Но что замечено англичанами, аристократия не склонна ощущать свою интеллектуальную тупость, хотя похваливает мудрость слуг.

Но вот насколько возможны были человеческие, внесловные отношения в русской среде? Желание сохранить сословную идентичность скрепляло государственную систему и мешало реальному развитию общества. Потому что в дневнике нет ни одного свидетельства интереса помещиков к событиям из жизни своих слуг (уже вроде бы не крепостных) и какого-то участия в их судьбах. Эта скрытая бесчеловечность не была ли причиной того, что так жестко люди противостояли друг другу, перенося сословные ограничения в личную ненависть?

Марина Ларионова: Мы должны учитывать российскую действительность и то влияние, которое оказало крепостное право на формирование мировоззрения русского человека.

Нет в российской истории сюжетов, когда бы умный слуга был при тупом барине. Если бы это было в действительности, обязательно бы сохранились свидетельства об этом. Взаимоотношения Матвея Андреева и Владимира Голубцова напоминают отношения Савельича и Петруши. Хорошие отношения и полное взаимопонимание господствующего сословия и зависимого возможны из-за особого отношения крепостных к помещикам, которых, как выясняется, почитали, любили и боготворили. Причем такое отношение было к помещику и у отца, и у деда Матвея Андреева. Эту особую ментальность крепостного человека невозможно за десятилетие после отмены крепостного права изменить. Традиции, которые сформировались в крепостной период (праздники, свадьбы с обязательным посещением господского двора), продолжали существовать и в 1870-е гг.

Да, действительно, нет в тексте свидетельств о заинтересованности помещика жизнью своих бывших крепостных, но текст Дневника показывает, что бывшие крепостные, в случае возникновения у них каких-либо проблем, шли за их разрешением к помещику. Происходило ли это по привычке, срабатывала ли психология бывшего крепостного человека или свойство конкретной личности – в Дневнике не оговаривается. Владимир Платонович старался не отказывать в помощи, помогал, если это было возможно.

Ну и, наконец, последнее. Я всегда смотрела на данный Дневник как на источник для изучения повседневной жизни провинциального помещичьего имения, эта тема лежит на поверхности, но для глубокого и серьезного изучения всех информационных возможностей данного документа необходимо использовать междисциплинарный подход и привлекать специалистов из смежных областей. Думаю, что исследователи найдут в этом источнике сведения для изучения самых разных тем, все будет зависеть от тех задач, которые они поставят, работая с этим документом.

Список литературы

- Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1995.
- Артемова О. Е. Дневник слуги помещиков Голубцовых (Красноуфимский уезд Пермской губернии, вторая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 396–405.
- Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. : Наука, 2000.
- Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь» / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1997.
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф. 67. Оп. 1. Д. 69.
- Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX в. (на примере Пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004. 248 с.
- Дневник священника / подгот. публ. : В. И. Байдин, С. В. Голикова, Л. А. Дашкевич, М. Ю. Нечаева // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 114–143.
- «Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы» : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011.
- Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. «Я так хочу назвать кино» : «Наивное письмо» : опыт лингво-социологического чтения. М. : Гнозис : Русское феноменологическое общество, 1996.
- Ларионова М. Б. Дворянская усадьба на Среднем Урале (вторая половина XVIII – начало XX века) : дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2006. 391 с.
- Мироносицкий П. П. Дневник учителя церковно-приходской школы. СПб., 1901. 231 с.
- Новоселов А. Е. Памятная А. Е. Новоселова : Дневник дмитровского купца. М., 2013. 157 с.
- Пирогова Е. П. История родовой библиотеки Уральских помещиков Голубцовых // Книжные собрания российской провинции. Екатеринбург, 1994. С. 211–242.
- Плецева Г. И. О гнезде соловья, перчатках перлового цвета, вишневом варенье... Из дневника слуги // Родина. 1997. № 5. С. 60–66.
- Романчук А. И. Находки из раскопок городов Северного Причерноморья в коллекции Голубцовых // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 321–328.
- Соболева Л. С. Лирический дневник Наркиса Матвеевича Мамина // Творчество Д. Н. Мамина в контексте русской литературы : мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4–5 ноября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 94–112.
- Черняк В. Д. Наброски к лексическому портрету маргинальной языковой личности // Русский текст. 1994. № 2. С. 115–130.
- Шалина И. В. Диалогические и монологические тексты: электронная база данных (на материале уральского городского просторечия) [Электронный ресурс]. Екатеринбург, 2012. 360 с. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>

References

- Artemova, O. E. (2001). Dnevnik slugi pomesnikov Golubcovy'h (Krasnoufimskij uezd Permskoj gubernii, vtoraya polovina XIX v.) [Diary of the serf of the landlords Golubtsov (Krasnoufimsky uyezd, Perm province, 2nd half of the 19th century)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 7, 396–405.
- Bajdin, V. I., Golikova, S. V., Dashkevich, L. A. & Nechaeva, M. Yu. (Eds.). (1995). Dnevnik svyazshennika [Diary of a priest]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2, 114–143.
- Chernyak, V. D. (1994). Nabroski k leksicheskomu portretu marginal'noj yazy'kovoj lichnosti [Outlines of a lexical portrait of a marginal linguistic identity]. *Russkij tekst*, 2, 115–130.
- Golohvasova, N. V. (2004). *Krepostny'e sluzhashhie v sisteme upravleniya Ural'skogo gornozavodskogo imeniya v konce XVIII – pervoj polovine XIX v. (na primere Permskih votchin Strojanovy'h)* [Serf employees in the management of a Ural mining and metallurgical estate at the end of the 18th – 1st half of the 19th century (with Reference to Perm estates of the Stroganovs)]. Perm.

Kozlova, N. N. & Sandomirskaya, I. I. (1996). «*Ya tak hochu nazvat' kino*»: «*Naivnoe pis'mo*»: *opyt lingvo-sociologicheskogo chteniya* [“This is how I want to name the film”: “Naive writing”: an experience of linguistic and sociological reading]. Moscow.

Larionova, M. B. (2006). *Dvoryanskaya usad'ba na Srednem Urale (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka)* [Noblemen's estates in the Middle Urals (2nd half of the 18th – early 20th century)]. (Dissertation). Yekaterinburg.

Mironosiczkiy, P. P. (1901). *Dnevnik uchitelya cerkovno-prihodskoj shkoly'* [Diary of parish school teacher]. Saint Petersburg.

Novoselov, A. E. (2013). *Pamyatnaya A. E. Novoselova: Dnevnik dmitrovskogo kupca* [Pamyatnaya A. E. Novoselova: A dairy of a merchant from Dmitrov]. Moscow.

Osipov, B. I. (Ed., foreword, comment.). (1995). *Avtobiograficheskie zapiski sibirskogo krest'yanina V. A. Plotnikova* [Autobiographical notes of the Siberian peasant V. A. Plotnikov]. Omsk.

Osipov, B. I. (Ed., foreword, comment.). (1997). *Vospominaniya rabotniczy' M. N. Koltakovoy «Kak ya prozhila zhizn'»* [Worker M. N. Koltakova's memories “How I lived my life”]. Omsk.

Pirogova, E. P. (1994). *Istoriya rodovoy biblioteki ural'skih pomeshhikov Golubczovy'h* [History of a family library of the Ural landlords Golubtsov]. In *Knizhny'e sobraniya rossijskoj provincii* (pp. 211–242). Yekaterinburg.

Pleshheva, G. I. (1997). *O gnezde solov'ya, perchatkah perlovogo czveta, vishnevom varen'e... Iz dnevnika slugi* [On a nightingale's nest, perl-colored gloves, and cherry jam... From the diary of a servant]. *Rodina*, 5, 60–66.

Romanchuk, A. I. (2010). *Nahodki iz raskopok gorodov Severnogo Prichernomor'ya v kollekcii Golubczovy'h* [The Golubtsov's collection of finds from an archeological site in the Northern Black Sea cities]. In *Document. Archive. History. Modernity: proceedings*. (Iss. 11, pp. 321–328). Yekaterinburg.

Shalina, I. V. (2012). *Dialogicheskie i monologicheskie teksty': e'lektronnaya baza dannyh (na materiale ural'skogo gorodskogo prostorechiya)* [Dialogic and monologic texts: an electronic database (based on the Ural urban vernacular)]. Retrieved from: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/4452>.

Shalina, I. V. (Comp.). (2011). «*Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustny'e dialogi i e'pistol'yarny'e obraczzy'*»: *hrestomatiya* [Speech of Ural cities: oral dialogs and epistolary sources: reading book]. Yekaterinburg.

Soboleva, L. S. (2002). *Liricheskij dnevnik Narkisa Matveevicha Mamina* [Lyrical dairy of Narkis Matveevich Mamin]. In *Tvorchestvo D. N. Mamina v kontekste russkoj literatury': materialy' nauchno-prakticheskoy konferencii* (pp. 94–112). Yekaterinburg.

Vinogradov, V. V. (2000). *Yazy'k Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazy'ka* [The language of Pushkin. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow: Nauka.

The article was submitted on 03.03.2015

Людмила Александровна Дашкевич,
д. и. н.,
главный научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
ldash54@mail.ru

Lyudmila Dashkevich, Dr.,
Senior Researcher,
Institute of History and
Archeology of the Ural
branch of Russian Academy
of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ldash54@mail.ru

Марина Бариевна Ларионова,
к. и. н.,
Российский государственный
профессионально-педагогический
университет,
Екатеринбург, Россия
marin.lar@mail.ru

Marina Larionova, Dr.,
Russian State Professional and
Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia
marin.lar@mail.ru

Евгений Георгиевич Неклюдов,
д. и. н., главный научный
сотрудник Института истории и
археологии Уральского
отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
ntplant9@mail.ru

Yevgeniy Neklyudov, Dr.,
Senior Researcher, Institute of
History and Archeology of
the Ural branch of Russian
Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
ntplant9@mail.ru

Ирина Владимировна Шалина,
д. филол. н.,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
irina_shalina@mail.ru

Irina Shalina, Dr.,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
irina_shalina@mail.ru

Critica

DOI: 10.15826/qr.2015.1.091

УДК 94(470):327(075.8)

Сергей Красильников

Иван Кузнецов

О НОВОЙ ВЕРСИИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рец. на: Кагарлицкий Б. Ю. История России :

Миросистемный анализ : учебное пособие /

Б. Ю. Кагарлицкий, В. Н. Сергеев. – М. : Libroком, 2014. – 432 с.

Sergey Krasilnikov

Ivan Kuznetsov

ON A NEW VERSION OF RUSSIAN HISTORY

Review of Kagarliczkij, B. Yu. & Sergeev, V. N. (2014). *Istoriya Rossii: Mirosistemny'j analiz: uchebnoye posobie* [Russian History: World-System Analysis: a Manual]. 432 p. Moscow: Librokom.

The author analyzes *A History of Russia: A World-Systems Analysis*, a textbook by B. Yu. Kagarliczkij and V. N. Sergeev. It is noted that in their interpretation of Russian history, the authors of the book rely on academician Mikhail Pokrovsky's concept that prevailed in Soviet historiography until the 1930s. The textbook recognizes all the principles of the concept including the constitutive role of commercial capital in the historical processes of the country. Referring to the pattern put forward by M. N. Pokrovsky, the authors consider the main processes of Russian history, such as the introduction of serfdom, Peter I's reforms, and the modernization of the country in the second half of the 19th – early 20th centuries. However, the world-systems analysis used by the authors is quite often merely declarative and is not substantiated by factual material. Nor does the book take into account the geopolitical context of the establishment and development of the Saint Petersburg empire; additionally, it ignores the problem connected with the preservation and consolidation of the state's independence, and the military-defense factor. The description of the Soviet period is even more schematic as it quite often overlooks the influence of intersystem factors.

Key words: external economic relations; world-systems analysis; intersystem factors; national modernization; M. N. Pokrovsky; commercial capital.

Анализируется учебное пособие Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева «История России: Миросистемный анализ». Отмечается, что в своей интерпретации отечественной истории авторы руководствуются концепцией академика Михаила Покровского, которая господствовала в советской историографии до середины 1930-х гг. В книге признаются все основные постулаты этой концепции, включая определяющую роль торгового капитала в отечественном историческом процессе. В соответствии со схемой М. Н. Покровского в учебном пособии рассматриваются такие важнейшие процессы российской истории, как утверждение крепостного права, реформы Петра Великого, модернизация страны во второй половине XIX – начале XX в. Однако применяемая авторами методология «миросистемного анализа» нередко носит декларативный характер, не подкрепляется соответствующим фактическим материалом. В книге недостаточно учитывается геополитический контекст в процессе становления и развития Петербургской империи, игнорируются проблема сохранения и укрепления государственной независимости, военно-оборонительный фактор. Еще более схематический характер, зачастую без учета действия внутрисистемных факторов, носит изложение событий советского периода.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, миросистемный анализ, внутрисистемные факторы, отечественная модернизация, М. Н. Покровский, торговый капитал.

Предметом анализа в данной статье является книга Б. Ю. Кагарлицкого и В. Н. Сергеева «История России: Миросистемный анализ», позиционированная в качестве учебного пособия [Кагарлицкий, Сергеев]¹. Особое внимание к данному изданию обусловлено прежде всего теми фундаментальными задачами, которые поставили перед собой его авторы. Они претендуют на создание новой версии отечественной истории, категорически противопоставляя ее существующим подходам. В аннотации книги утверждается: «Большая часть учебной литературы по истории вместо того, чтобы внести логическую ясность, только запутывает читателя отсылками на особенности “цивилизации” или природно-климатические факторы». В противовес этому, авторы, как они утверждают, основываясь на методологии «миросистемного анализа», «не просто объясняют факты, а раскрывают причинно-следственные связи и помещают отечественные события в контекст мировой истории».

¹ Ниже отсылки к страницам этого издания приводятся в круглых скобках.

К внимательному разбору данного труда побуждает и тот резонанс, который его появление вызвало в определенных читательских кругах. Ни одна книга по истории из числа вышедших за последние годы, пожалуй, не спровоцировала такого количества откликов в Интернете. Среди них фигурируют такие оценки: «новое слово», «выдающееся достижение», «пока нанятые властью историки разрабатывают концепцию единого учебника истории», названное учебное пособие «позволяет внести ясность в отечественное прошлое и настоящее» и т. п.

Что касается концептуальных ориентиров, то в рассматриваемой книге всем существующим в настоящее время версиям российской истории в качестве наиболее приемлемой противопоставляется концепция академика Михаила Покровского. Напомним, что она господствовала в советской историографии до середины 1930-х гг., а затем по команде Сталина была отвергнута и ошельмована. Авторы принимают все известные постулаты этой концепции, включая определяющую роль торгового капитала в отечественном историческом процессе. В том числе они одобряют и знаменитую формулу М. Н. Покровского «самодержавие – торговый капитал в шапке Мономаха».

Схема М. Н. Покровского красной нитью проходит через всю книгу, является своего рода «путеводной звездой» при анализе рождения и эволюции российской государственности. Не будем утомлять читателя перечислением соответствующих положений книги, относящихся к ранним векам отечественной истории. Для понимания общей логики российского исторического процесса особое значение имеют воззрения авторов учебного пособия на его Московский и Петербургский периоды. Здесь концепция М. Н. Покровского проводится наиболее последовательно, особенно при анализе происхождения крепостнической системы.

Соответствующие положения сконцентрированы в главе VI, имеющей название «Периферийная империя» (с. 145–176). Вслед за М. Н. Покровским авторы объясняют утверждение крепостного права в нашей стране развитием экспортного зернового хозяйства: «Рост производства товарного зерна идет рука об руку со становлением крепостничества» (с. 149). Согласно их версии, динамика данного процесса выглядела следующим образом: «...был ли объем экспорта зерна в XVI в. настолько велик, чтобы влиять на внутренние экономические и социальные отношения? Даже вывоз крупных партий зерна в голодном 1571 г. был скорее предвестием явления, которое наберет силу в будущем, и не мог оказать влияние на социально-экономические отношения. Однако уже в XVII в... зерновой экспорт систематически увеличивается».

Следуя М. Н. Покровскому, авторы рассматривают крепостническую экономику как выражение капиталистического развития, руководствуясь тем его суждением, что «плантация есть явление капиталистического хозяйства, а не феодального». По их утверждению, крепостничество, как и рабство в Америке, «стимулирует развитие ры-

ночных отношений и предпринимательства» (с. 150). В рассматриваемой книге декларируется: «В отличие от средневекового феодального поместья, североамериканские плантации и русское крепостническое хозяйство XVII–XIX веков было тесно связано с рынком. Производство здесь носило изначально коммерческий характер» (с. 161).

Во времена М. Н. Покровского, когда изучение «позднефеодальной» России только начиналось, такого рода суждения казались убедительными, в свете же последующей историографии они представляются по меньшей мере односторонними и спорными. В ряде фундаментальных трудов, в частности у И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова [Ковальченко, Милов; Милов, Булгаков, Гарскова], показан преимущественно натуральный характер российской экономики в период складывания крепостной системы. Рядом авторитетных исследователей ее утверждение в нашей стране связывается прежде всего с социально-политическими императивами (развитие служилого землевладения, в свою очередь обусловленное военно-государственными факторами).

Вполне в духе М. Н. Покровского в рассматриваемой работе интерпретируются и реформы Петра Великого, становление Петербургской империи. Главу VII «Петровские преобразования» (с. 176–197) авторы начинают с утверждения: «Официальная литература (как царского периода, так и при Сталине) видела Петра Великого преобразователем и борцом с отсталостью» (с. 176).

Сложный вопрос о предпосылках и значении Петровских реформ авторы в очередной раз решают цитатой М. Н. Покровского: «Ключ к петровской реформе приходится искать, в конечном счете, в условиях европейской торговли XVII века» (с. 177). В учебном пособии безапелляционно утверждается: «Именно потребности складывавшейся мировой экономики, а не амбиции Петра или некий абстрактный “государственный интерес” толкали Россию и Швецию к смертельной схватке на Балтике» (с. 185).

Разумеется, общее положение о существенной роли внешнеэкономических императивов в политике Петра Великого не вызывает возражений. Однако в рассматриваемом тексте оно носит декларативный характер, не подкрепляется соответствующим фактическим материалом. Кроме того, говоря о процессе становления и развития Петербургской империи, вряд ли стоит упускать из виду более широкий геополитический контекст. Между тем авторы, вслед за М. Н. Покровским, абсолютизируя внешнеэкономические детерминанты, совершенно игнорируют проблему сохранения и укрепления государственной независимости, военно-оборонительный фактор.

Так, очень напоминает суждения М. Н. Покровского их высказывание о противостоянии России с Наполеоном I: «Война 1812 г. стала ключевым национальным мифом и во многих отношениях поворотным пунктом русской истории. С самого начала эта война воспринималась как Отечественная – иными словами, речь шла о спасении

родины от иноземного завоевания. Однако вторжение французов во все не преследовало цели завоевания России» (с. 232). Как и М. Н. Покровский, мимоходом касаясь событий 1812 г., авторы преподносят их лишь в качестве эпизода англо-французского соперничества.

Обращаясь далее к такому судьбоносному событию отечественной истории, как отмена крепостного права, авторы опять-таки руководствуются следующей мыслью М. Н. Покровского: «Крестьянская “свобода” была прямым ответом на высокие хлебные цены, установившиеся в Западной Европе с сороковых годов» (с. 270). Такого рода версия в свете современных исследований представляется односторонней, не учитывающей весь сложный комплекс социально-экономических и геополитических факторов, обусловивших крестьянскую реформу 1861 г.

Таковыми же излишне категоричными и недостаточно подкрепленными фактами выглядят утверждения авторов о ходе и итогах развития страны в 1861–1917 гг. В рассматриваемой книге по этому поводу говорится: «...многие историки подчеркивают высокие темпы роста в России 90-х гг. и накануне Первой мировой войны, пытаясь доказать, что капиталистическое развитие шло вполне успешно, а “догнать” Запад помешала лишь война и последовавшая за ней революция», – особо отмечается, что на самом деле усиливалась «зависимость от экспорта, от иностранной технологии, займов, капиталовложений» (с. 290–291). Сравнивая модернизацию России и Японии, авторы утверждают: «Самоизоляция оказалась для Японской империи настолько же эффективной стратегией, насколько неудовлетворительными для самого русского общества оказались итоги модернизации, предпринятой Петербургской империей» (с. 196).

Без всяких комментариев авторы приводят и такой тезис, сформулированный М. Н. Покровским в 1913 г. в его наиболее обобщающей работе «Русская история с древнейших времен»: «Торговый капитализм шел к нам с Запада; мы уже тогда были для Западной Европы той колонией, характер которой во многом мы сохранили доселе» (с. 194).

Приведенные оценки нуждаются в более серьезном обосновании, в том числе принимая во внимание наличие в современной историографии альтернативных мнений. Напомним, что в работах одного из наиболее авторитетных современных исследователей имперской России Б. Н. Миронова доказывается, что в XIX – начале XX в. Россия переживала успешную буржуазную модернизацию, поэтому не существовало объективных условий для революции. Последняя явилась прежде всего результатом политико-культурных факторов, в небольшой степени была обусловлена действиями «беспочвенной» интеллигенции [Миронов, 2003; Миронов, 2012]. Противоположную позицию о «системном кризисе» в России начала XX в. отстаивает, в частности, А. В. Островский [Островский].

Конечно, авторы рассматриваемого учебного пособия вправе принять любую из обозначенных точек зрения на столь фундаменталь-

ную и сложную проблему, однако при этом следовало бы обозначить наличие альтернативных подходов и более основательно аргументировать свою позицию.

Весьма характерно, что в книге также воспроизводится версия М. Н. Покровского о преимущественной вине царской России в развязывании Первой мировой войны. Авторы утверждают: «...для России, отстававшей в экономическом развитии от своих более динамичных соперников, но все еще сохранявшей серьезную военную силу, выгодно было именно приблизить конфликт. Агрессивное поведение русского правительства на Дальнем Востоке в 1904 г., приведшее к столкновению с Японией, а затем на Балканах в 1912 и 1914 годах, обострение отношений с Австро-Венгрией, ставшее, в конечном счете, толчком к мировой войне, – это были отнюдь не случайные ошибки царской дипломатии» (с. 332). Несомненно, декларируемая версия является излишне категоричной и односторонней.

Если до событий Первой мировой войны и революций 1917 г. рассматриваемый текст концептуально выдержан в парадигме М. Н. Покровского, то дальше начинается «зона ответственности» самих авторов пособия. И здесь нетрудно заметить, что его относительная цельность и логичность снижаются на целую ступень. Период отечественной истории с 1917 г. и как минимум до конца сталинской эпохи излагается под очевидным влиянием характерных для того времени взглядов Л. Д. Троцкого и, шире, «левой оппозиции» на ход отечественной истории. Об этом, в частности, свидетельствует подстрочник данного раздела, где цитируются соответствующие источники и излагаются взгляды А. В. Шубина (историка и публициста, одного из идеологов левого движения в современной России). Хотели того авторы или нет, но применительно к раннесоветскому и сталинскому периодам произошел отказ от марксистской версии в духе М. Н. Покровского в пользу однозначных леворадикальных интерпретаций.

При этом звучащие в соответствующих разделах рецензируемого пособия утверждения об обусловленности происходивших событий мирохозяйственными процессами нередко носят декларативный характер. Так, читаем: «...и сама революция, и приход к власти большевиков и их союзников, были следствием кризиса миросистемы и краха российских элит, вписанных в эту систему» (с. 333). Далее говорится, что большевики «в отличие от своих буржуазных предшественников отлично осознавали ограниченность и неэффективность всех предыдущих попыток модернизации. Не провались эти попытки, большевики никогда не пришли бы к власти» (с. 340). Оба этих положения заслуживали конкретного обоснования, чего как раз и не обнаруживается.

Еще один важный момент. Учебное пособие, даже если оно позиционировано как излагающее целостную «миросистемную концепцию», нацеленную на анализ динамики взаимодействий и взаимовлияний мировых процессов на Россию и обратную связь страны

с миропорядком, не должно иметь очевидных диспропорций в изложении отдельных аспектов указанных взаимодействий. В частности, такие очевидно ключевые и для российской/советской, и для мировой истории события, как эпоха войн и революций (1914–1922) и Вторая мировая война, частью которой являлась Великая Отечественная, не заслуживают той предельной «минимизации» изложения, которой их удостоили авторы. Ведь Россия даже в самые драматические периоды своей истории не «выпадала» из «миропорядка», оставаясь одним из важнейших акторов мировых событий. Кроме того, в 1918–1922 гг. отнюдь не все территории и не всегда были охвачены политикой «военного коммунизма», к изложению которой авторы фактически свели события Гражданской войны, – значительные территории находились под властью антибольшевистских режимов либо вообще оказывались неподконтрольными никаким институциональным структурам. Что же касается территорий от Забайкалья до Приморья, то в 1920–1922 гг. там вообще существовала «другая жизнь» – от форм политического устройства до экономических систем.

На наш взгляд, авторы в стремлении выразить свои мысли емко и броско, нередко даже излишне публицистично, идут путем упрощения, не очень утруждая себя логикой и доказательностью порой даже общепринятых положений. Приведем только некоторые из многочисленных промежуточных и итоговых оценок. Говоря о социальной базе большевизма, авторы вначале отсылают читателей к тезису о том, в России «марксисты находили поддержку у наиболее современной части низов – промышленных рабочих в крупных городских центрах, городской интеллигенции». Затем, переходя к событиям после 1917 г., утверждают, что «большевики были партией города, их власть была не столько “диктатурой пролетариата”, направленной против поверженной буржуазии, сколько диктатурой города над деревней» (с. 334).

Здесь многое имеет спорный характер. Вряд ли историки вслед за авторами пособия отнесут интеллигенцию (городскую ли, сельскую ли) к «низам», да и сам пролетариат с точки зрения социальной стратификации являлся более сложным образованием, чтобы его всецело можно было причислить к выше названным «низам». Современные (и даже советские) исследования определенную часть квалифицированных рабочих и тем более значительную часть интеллигенции революционного и постреволюционного времени относят все же к социальной базе других социалистов (социал-демократов и социалистов-революционеров), а отнюдь не большевиков.

Тот же до предела упрощенный тезис (город против деревни) приводится и при подведении итогов Гражданской войны: «По сути, Гражданская война в 1918–1921 годах велась не только и не столько между красными и белыми, сколько между городом и деревней... Большевиков спасло то, что белогвардейские лидеры, не имея четкого представления о происходящих в деревне процессах и пытаясь восстановить при-

вилегии старых правящих слоев, также оттолкнули от себя крестьян. Из двух зол деревня выбрала меньшее и к концу 1919 года в основном перешла на сторону изрядно поумневших большевиков» (с. 336). Сказанное находится в очевидном диссонансе не только с новейшими исследованиями завершающего периода Гражданской войны, который продлевается вплоть до 1922 г. и представлен масштабными антибольшевистскими мятежами и восстаниями в различных регионах страны и жесточайшими репрессиями «изрядно поумневших большевиков» против крестьянства, но и с оценками самих большевистских лидеров, подчеркивавших вынужденность уступок крестьянству (они говорили в данном контексте о «крестьянском Бресте»).

В дальнейшем изложении динамики и векторов изменения ситуации в стране в межвоенный период (1920–1930-е гг.) прослеживается все та же тенденция к упрощенному объяснению происходивших событий прежде всего через призму торгово-экономических факторов (влияние мировой экономики на советскую и маневры политического руководства страны с целью не только сохранить, но и укрепить экономическую независимость СССР). То, что такого рода анализ важен и полезен, возражать не приходится. Несогласие с авторами возникает тогда, когда в их работе обнаруживается недооценка ряда других, внеэкономических, внутрисистемных для страны детерминант. Речь, в частности, идет о факторах: доктринально-политическом (в какой мере и каким образом идеология и политика влияли на разработку и корректировку экономического курса); социоструктурном (тенденции, протекавшие в социальной сфере, механизмы и векторы социальной мобильности, масштабы и характер миграционных процессов, последствия маргинализации значительной части населения страны); охранительно-репрессивном (стремление не только к удерживанию власти, но и к ее экспансии на весь советский социум); ментально-поведенческом и др. Объяснять сталинскую антикрестьянскую политику экономическими детерминантами правомерно, но подобное объяснение будет очевидно «одномерным». Безусловно, феномен репрессивного раскрестьянивания начала 1930-х гг., в том числе в форме так называемого раскулачивания, был подготовлен всем комплексом факторов, перечисленных выше. Огосударствление аграрного сектора экономики – создание колхозно-совхозной системы – также вряд ли правомерно объяснять лишь внешнеэкономическими факторами, а именно к ним авторы зачастую и сводят свой «миросистемный анализ».

Следует отметить, что при изложении событий советской истории рецензируемое учебное пособие нередко грешит неточностями, порой грубыми анахронизмами. Так, рассматривая предпосылки сталинского «великого перелома» на рубеже 1920–1930-х гг., авторы в очередной раз связывают его с мирохозяйственной ситуацией: «Новая экономическая политика потерпела крушение, не выдержав испытания Великой депрессией... Если в 1928 г. чрезвычайные меры

все же применялись ограниченно и выборочно, то в 1929 г., на фоне уже наступившей мировой депрессии, советское руководство вынуждено было прибегнуть к массовому изъятию зерна и “раскулачиванию” хозяев, работавших на частный рынок... Еще летом 1928 г. Сталин писал, что “нельзя бороться с кулачеством путем раскулачивания”, а разговоры об отмене новой экономической политики “являются контрреволюционной болтовней”. Однако уже осенью ситуация изменилась кардинально. Нужно было что-то срочно придумать. И решение было найдено: “сплошная коллективизация” (с. 347).

В связи с этим напомним, что глобальный экономический кризис, ставший прологом «великой депрессии», разразился осенью 1929 г., сама же «великая депрессия» относится уже к 1930-м гг. Что касается политики «сплошной коллективизации и раскулачивания», то о ней впервые было сказано в статье Сталина «Год великого перелома» (7 ноября 1929 г.), а соответствующие партийно-государственные директивы появились в начале 1930 г. Так что прямо связывать переход к этой политике с «великой депрессией» вряд ли правомерно, хотя взаимосвязь между сталинской политикой раскрестьянивания и мировой экономической ситуацией, безусловно, прослеживается – это убедительно установлено в работе: [Кондрашин].

Справедливости ради нельзя не признать, что в рассматриваемой книге приводятся некоторые интересные данные о месте России/СССР в системе мирохозяйственных связей межвоенного времени. Впрочем, здесь же наблюдаются и крайности. Нельзя не заметить, с какой тщательностью описываются без малого на десяти страницах условия и результаты осуществления экспортно-импортных операций в годы мирового экономического кризиса, в том числе с привлечением первоисточников (документы Российского государственного архива экономики – РГАЭ). Между тем при обращении к такого рода данным было бы целесообразно использовать табличные формы (в пособии они вообще отсутствуют!). В частности, публикация таблицы о динамике внешнеторгового баланса СССР за 1920–1930-е гг. с комментариями к ней была бы в методическом плане весьма полезной.

Авторы только в конце главы XIII «Становление советской государственности» задалась наконец вопросом о том, «насколько социалистической является сложившаяся в СССР система». Ответ на него впечатляет: «Совершенно очевидно, что элементы социализма, порожденные революцией, продолжали существовать и развиваться в советском обществе вплоть до его крушения в 1991 году. Но отсюда еще не следует, будто в СССР была построена “социалистическая система”, как утверждала партийная пропаганда» (с. 345, 347). Сами авторы, впрочем, в ходе изложения реальных событий оговариваются, что советская экономическая модель одним только фактом своего огосударствления автоматически не становилась социалистической, имела характер нерыночной, «закрытой экономики» (с. 364–365). Однако, если вслед за авторами пособия применять марксистскую терми-

нологию к анализу советской экономики 1930-х – середины 1950-х гг., т. е. к сталинской эпохе, то без труда обнаружим в ней пресловутую многоукладность – ярко выраженную подсистему принудительного труда, пронизывающую все секторы экономики; в огосударственном аграрном секторе найдем мелкотоварное производство в виде личного подсобного хозяйства сельских жителей; обнаружим «теневую экономику» в государственном индустриальном и торговом секторах и т. д. Вопросы о природе, структуре и тенденциях советской экономики крайне сложны и дискуссионны, и здесь было бы разумным и правильным вводить студентов, на которых рассчитано пособие, в суть различных подходов и концепций, существующих на этот счет, а не останавливаться на «полуответах» о сохранении в экономике «элементов социализма».

В целом рецензируемое учебное пособие полезно в плане исторической критики как своего рода интеллектуальный вызов фактографическим учебным изданиям, которые страдают однобокостью «государственноцентричности». Вместе с тем попытка дать объективную картину событий в формате «внешнеэкономического детерминизма» предсказуемо приводит к той же одномерности, обладающей, впрочем, определенной ценностью как очередная версия исторической реконструкции места и значения нашей страны в окружающем ее мире.

Список литературы

- Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. История России: Миросистемный анализ: учебное пособие. М.: Libroком, 2014. 432 с.
- Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1974. 414 с.
- Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг.: Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
- Милов Л. В., Булгаков М. В., Гарскова И. М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII в.: историография, компьютер, методы исследования. М.: МГУ, 1986. 303 с.
- Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 583 с.
- Островский А. В. Существовал ли системный кризис в России в начале XX в. (Критика концепции Б. Миронова) // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 124–135.

References

- Kagarliczkij, B. Yu. & Sergeev, V. N. (2014). *Istoriya Rossii: Mirossystemny'j analiz: uchebnoe posobie* [Russian history: World-system analysis: a manual]. Moscow: Librokom.
- Kondrashin, V. V. (2008). *Golod 1932–1933 gg.: Tragediya rossijskoj derevni* [The famine of 1932–1933: the Tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPE'N.
- Koval'chenko, I. D. & Milov, L. B. (1974). *Vserossijskij agrarnyj ry'nok XVIII – nachala XX v.* [All-Russian agricultural market of the 18th – early 20th century]. Moscow: Nauka.
- Milov, L. V., Bulgakov M. V. & Garskova I. M. (1986). *Tendencii agrarnogo razvitiya Rossii pervoj poloviny' XVII v.: istoriografiya, komp'yuter, metody' issledovaniya* [Trends

in agricultural development in Russia in the 1st half of the 17th century: historiography, computer, research methods]. Moscow.

Mironov, B. N. (2003). *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russian Empire period (18th – early 20th century)]. (Vols. 1–2). 3rd ed. (Vol. 2). Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyuciya v imperской Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [Welfare and revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th century]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir.

Ostrovskij, A. V. (2014). Sushhestvoval li sistemny'j krizis v Rossii v nachale XX v. (Kritika koncepcii B. Mironova) [Was there a systemic crisis in Russia early 20th century. (Critics of B. Mironov)]. *Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'*, 2, 124–135.

The article was submitted on 27.01.2015

Сергей Александрович

Красильников

д. и. н., профессор,
Новосибирский государственный
университет,
ведущий научный сотрудник Ин-
ститута истории
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия
krass49@gmail.com

Sergey Krasilnikov

Dr., Professor,
Novosibirsk State University,
Leading Researcher,
Institute of History of the
Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
krass49@gmail.com

Иван Семенович Кузнецов

д. и. н., профессор,
Новосибирский государственный
университет,
Новосибирск, Россия
ivan-kuz@list.ru

Ivan Kuznetsov

Dr., Professor,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
ivan-kuz@list.ru

Сокращения

Abbreviations

ГАСО – Государственный архив Свердловской области, г. Екатеринбург
GASO – Gosudarstvennyj' arhiv Sverdlovskoj oblasti, g. Ekaterinburg

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyj' istoricheskij muzej

ИСССР – История СССР
ISSR – Istoriya SSSR

ОЛДП – Общество любителей древней письменности
OLDP – Obshhestvo lyubitelej drevnej pis'mennosti

ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина
OR GBL – Otdel rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki imeni V. I. Lenina

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisej Rossijskoj natsional'noj biblioteki

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj' arhiv drevnih aktov

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj' voenno-istoricheskij arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj' istoricheskij arhiv

Сб. РИО – Сборник императорского русского исторического общества
Sb. RIO – Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
PSZ-1 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe

СА – Сенатский архив
SA – Senatskij arhiv

AN – Archives nationales, Paris

AE – Affaires étrangères

BA BL – Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde

GS PK – Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz

SIRIO – Sbornik imperatorskago russkago istoricheskago obshhestva

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;
- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>).

• При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).
- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 350 до 500 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).
- Страницы рукописи **нумеруются**.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.
- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
 - Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
 - **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
 - **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
 - **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
 - **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
 - **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
 - **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
 - **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
 - При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
 - Не допускаются пробелы между абзацами.
 - Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблаговучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
 - Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
 - Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: [URL:http://www.prognosis.ru](http://www.prognosis.ru) (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы :

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Босић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract	
Ключевые слова / Keywords	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

№ 1, 2015

Редакторы	Н. Шевченко А. Лабаури
Редакторы перевода	Т. Кузнецова
Верстка	А. Матвеев

Подписано в печать 02.04.2015. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 177.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статье Т. Илюшечкиной «Описание Сибири»...

Портрет Юхана Габриэля
Спарвенфельда кисти Лукаса фон Бреды
(XVIII в.) / Portrait of Johan Gabriel
Sparwenfeld by Lukas von Breda

Портрет князя Дмитрия Михайловича
Голицына. Неизвестный художник
конца XVIII в. / Portrait of prince Dmitri
Mikhailovich Golitsyn by an unknown
artist, late 18th century

Портрет Андрея Артамоновича Матвеева.
Мастерская Риго, 1706 г. / Portrait of Andrey
Artamonovich Matveev. Rigaud's studio, 1706

Иллюстрация к статье А. Келлера Литерный поезд «Северный экспресс»...

C^{IE} INT^{LE} DES WAGONS-LITS ET DES GRANDS EXPRESS EUROPÉENS
NORD-EXPRESS

Paris-S^tPetersbourg

LONDRES.	Samedis	10 ^h » n.
Ostende. . .	-	4 ^h 30 s.
Bruxelles (Int)	-	6 ^h 13 s.
LONDRES.	Samedis	11 ^h » n.
Calais	-	2 ^h 39 s.
Bruxelles (Int)	-	5 ^h 55 s.
Bruxelles (Int)	Samedis	6 ^h 18 s.
Liège.	-	8 ^h » s.
PARIS.	Samedis	2 ^h 15 s.
Liège.	-	7 ^h 37 s.
Cologne. . . .	-	11 ^h 34 s.
Berlin	Dimanches	8 ^h 40 m.
Wirballen	Dimanches	8 ^h 55 s.
Wirballen	Dimanches	10 ^h 55 s.
S ^t Petersburg	Lundis	3 ^h 50 s.

S^tPetersbourg-Paris

S ^t Petersburg	Mardis	4 ^h 55 s.
Wirballen	Mercredis	9 ^h 40 m.
Wirballen	Mercredis	9 ^h 39 m.
Berlin	-	10 ^h 42 c.
Cologne.	Jendis	7 ^h 47 m.
Liège.	-	9 ^h 31 m.
PARIS.	-	3 ^h 25 s.
Liège.	Jendis	9 ^h 40 m.
Bruxelles (Int)	-	11 ^h 24 m.
Bruxelles (Int)	Jendis	11 ^h 40 m.
Calais	-	3 ^h 34 s.
LONDRES.	-	7 ^h 30 s.
Bruxelles (Int)	Jendis	11 ^h 30 m.
Ostende.	-	1 ^h 12 s.
LONDRES.	-	7 ^h 30 s.

Pour retenir ses places à l'avance s'adresser aux agences de :

PARIS	12, Place de l'Opéra Grand Hôtel Hôtel Continental Hôtel Terminus	TICKET OFFICE
LONDRES	14, Cockspur Street Hôtel Cecil Ticket Office	
OSTENDE	3, 4, 5, Graschoorch street et Charing Cross st. au Kursaal et Grand Hôtel de la Plage.	
CALAIS	Gare maritime et 50, rue des Marebaux.	
BRUXELLES	Gare du Nord Hôtel de Bellevue 65 & 67, Rue de l'Enzyper et Montagne de la Coor, 80 n.	
LIEGE.	M. Crabay, rue de l'Université	
COLOGNE.	Gare Centralo	
BERLIN.	69, Unter den Linden	
WIRBALLEN.	au Contrôleur à la gare	
S ^t -PETERSBOURG.	2, Petite Markskala	
MOSSOU.	Boul' Strastnoy, Kilm' barmak	
VARSOVIE.	2, Rue Kotzebue	

Плакат «Северного экспресса» / Poster of the North-Express

Рис. 1. Изображение ветхозаветных заповедей и запрещений Моисея в византийском Октагевхе афонского монастыря Ватопеди (источник: Huber) / Old Testament Commandments of Moses in the Byzantine Octateuch, Holy and Great Monastery of Vatopedi, Mount Athos (source: Huber)

Рис. 2. Изображение феникса в Аквилее (источник: авторский архив) / Picture of phoenix in Aquileia (source: author's archive)

Рис. 3. Изображение феникса в Афинах (источник: авторский архив) / Picture of phoenix in Athens (source: author's archive)

Рис. 4. Царство небесное в византийском Октатевхе афонского монастыря Ватопеди (источник: Huber) / Kingdom of heaven in the Byzantine Octateuch, Holy and Great Monastery of Vatopedi, Mount Athos (source: Huber)

Рис. 5. Моисей и змей, изображенные в византийском Октатевхе афонского монастыря Ватопеди (источник: Huber) / Moses and serpent in the Byzantine Octateuch, Holy and Great Monastery of Vatopedi, Mount Athos (source: Huber)

Рис. 6. Изображение животных в Палаццо-Реале Роджера II, Палермо (авторский архив) / Pictures of animals in the Royal Palace of Palermo of Roger II, Palermo (source: author's archive)